

Brook

B. B.

Barre



REINHARD LAUER



ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В СЕМИ ТОМАХ

Под общей редакцией

П. Г. АНТОКОЛЬСКОГО, А. С. МЯСНИКОВА,
С. С. НАРОВЧАТОВА, Н. С. ТИХОНОВА

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1 · 9 · 7 · 3

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ • ТОМ ПЕРВЫЙ

• СТИХОТВОРЕНИЯ •
ПОЭМЫ
1892 • 1909

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1 • 9 • 7 • 3

Вступительная статья
П. Г. АНТОКОЛЬСКОГО

Подготовка текстов
Н. С. АШУКИНА, М. В. ВАСИЛЬЕВА
М. И. ДИКМАН, Р. Л. ЩЕРБАКОВА

Примечания
Н. С. АШУКИНА, М. В. ВАСИЛЬЕВА, Н. К. ГУДЗИЯ,
М. И. ДИКМАН, Р. Л. ЩЕРБАКОВА

В подготовке настоящего собрания сочинений
большое участие приняли

Н. С. АШУКИН и П. Н. БЕРКОВ

Оформление художника
Е. А. ГАННУШКИНА



ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящее собрание сочинений В. Я. Брюсова — первое его собрание сочинений. Оно объединяет все наиболее значительное из литературного наследия Брюсова. Построено собрание сочинений по жанрово-хронологическому принципу:

Первый том составляют стихотворения 1892—1909 гг. (сборники: «Juvenilia», «Chefs d'Oeuvre», «Me eum esse», «Tertia Vigilia», «Urbi et Orbi», «Stephanos», «Все напевы»).

Второй том — стихотворения 1909—1917 гг. (сборники: «Зеркало теней», «Семь цветов радуги», «Девятая Камена», «Сны человечества»).

Третий том — стихотворения 1917—1924 гг. (сборники: «Последние мечты», «В такие дни», «Миг», «Дали», «Меа») и поэтические произведения 1892—1924 гг., не вошедшие в авторские сборники.

Четвертый том — роман «Огненный ангел».

Пятый том — романы «Алтарь победы» и «Юпитер поверженный».

Шестой и седьмой тома — литературно-критические статьи и «Учителя учителей».

В третьем томе помещен алфавитный указатель стихотворений Брюсова, вошедших в тт. I—III; в седьмом — хронологическая канва жизни и творчества Брюсова.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

1

В 1973 году Валерию Брюсову исполнилось бы сто лет,— целый век русской и мировой истории. Воздушная перспектива времени неизбежно возникает перед глазами, когда вспоминаешь многообразную деятельность поэта, писателя, ученого, организатора и вождя русского символизма,— деятеля и творца, оставившего неизгладимый след в возмужании нескольких поколений. И если при этом вспомнить о том, что Валерий Брюсов был одним из первых деятелей старой русской интеллигенции, которые после великого Октября открыто и смело встали на сторону победившего рабочего класса России, тогда воздушная перспектива еще более проявляется в отношении Брюсова,— его личность и его историческая судьба вырастают в своей поучительности, интерес к нему углубляется.

Мне, пишущему эти строки, странно и как-то страшновато вспоминать о том, что, когда я впервые в 1920—1921 годах увидел и узнал Валерия Яковлевича, он представлялся мне, робко входившему в поэзию дебютанту, не только высокочтимым мастером и мэтром, но и стариком! А ему было всего сорок семь лет...

Мои школьные годы прошли под знаком поэзии Брюсова, его стиховой и общей культуры, его словаря, его отточенного и отчеканенного блеска. И как бы впоследствии, уже в двадцатых годах, ни потускнел этот блеск, все равно мне хочется прежде всего упомянуть добрым словом Валерия Яковлевича Брюсова, вспоминая его в двойном ракурсе: дня нынешнего и дня, давно миновавшего. Воздушная перспектива времени неизбежно присутствует в этом очерке. Присутствует с тем большей обязательностью, чем яснее, подробнее, реальнее встает образ этого стройного, сухощавого, подтянутого,

артистически изящного человека, с движениями быстрыми и резкими, с бородкой и усами далеко уже не черными, как на портрете Врубеля, но серебряными, с глазами, как будто подведенными — по-цыгански — черным углем. Артистична была старомодная вежливость Брюсова, его готовность помочь, растолковать, внимательно выслушать в нового неизвестного человека. Артистична была грандиозная память на чужие стихи, начиная с римских классиков и вплоть до Вадима Шершеневича. Артистичен талант пропагандиста, способность и желание увлекать других тем, что казалось ему самому достойным увлечения и пропаганды.

Деятельность Брюсова в те годы, его недюжинный темперамент и бесспорный авторитет были направлены в одну сторону — на служение русской поэзии. Преданность служения брала верх над усталостью, над привычкой, над многим иным, что окружало тогда Брюсова и мешало его работе.

Отсюда шло пристальное внимание к молодым, и особенно — к самым молодым, еще совсем неизвестным поэтам. Брюсов любил «открывать» молодых, как моряки любят открывать острова, химик — новые элементы в таблице Менделеева. Для Брюсова в этом деле был азарт большой игры. Недаром он с таким задором (и едва ли серьезно!) тут же распределял молодых по им же самим выдуманным направлениям и школам, вроде «неоклассицизма», «неоромантизма», «неосимволизма» — даже «неофутуризм» фигурировал у него. Эти странные обозначения выходили из головы Валерия Яковлевича, как некогда Афина Паллада из головы Зевса, — в полном вооружении, но надо сказать прямо, без большой надобности! Старый тигр, поваторелый в поэтических битвах начала XX столетия, натаскивал на такие же игры тигрят — новорожденных поэтов. Надо ли за это осуждать Брюсова? Напротив — он давал молодежи своеобразную закалку хотя бы в устных выступлениях того времени, а эти последние были чуть ли не важнейшей частью всего литературного процесса, когда вся поэзия рисковала остаться исключительно *устной*, пропозносимой с трибуны или эстрады, настолько трудно налаживалось в стране книгопечатное дело.

Вспоминается аудитория Политехнического музея в Москве, хорошо знакомая сегодня москвичам, — с амфитеатром, круто взбегающим вверх, такая же, как сегодня, только без балкона над ним. Народу уйма, гораздо больше, чем вмещает аудитория, — полинялые гимнастерки, потрепанные шинели, костыли и бинты, кожаные куртки, старые пальто, которых никто не сдает на вешалку, — такого признака цивилизации еще не существовало в начале двадцатых годов. Да и мы, выступающие, не снимаем верхней одежды, а шапки и кепки скидываем, только взойдя на трибуну. Зато председатель — в самом что ни на есть чопорном, длинном, черном сюр-

туке и крахмале, напряженно подпирающем великолепно посаженную голову. Это он — трижды и семикратно чтимый присутствующими Валерий Брюсов. Острым, высоким, чуть лающим, но хорошо натренированным для выступлений голосом он приглашает одного за другим на трибуну. Его приглашения звучат как морская команда с капитанского мостика:

- Вячеслав Ковалевский — рубить канаты!
- Сергей Буданцев — на абордаж!
- Вадим Шершеневич — огонь с левого борта!

От Валерия Яковлевича идет заразительная бодрость, выдержка и самообладание дрессировщика! В нем чувствуется тайное желание найти объект для дрессировки — хотя бы и не на трибуне, а в самой аудитории.

В 1923 году, поздравляя Валерия Брюсова с днем пятидесятилетия, Борис Пастернак спрашивал юбиляра и самого себя: «Что мне сказать», — и тут же утверждал свои тезисы:

Что сонному гражданскому стиху
Вы первый настуж в город дверь открыли...

Что вы дисциплинировали взмах
Взбешенных рифм, тянувшихся за глиной,
И были домовым у нас в домах
И дьяволом детской дисциплины...

Что я затем, быть может, не умру,
Что, до смерти теперь устав от гилл,
Вы сами, было время, поутру
Линейкой нас не умирать учили!

Это были хорошие и хорошо взвешенные слова. Именно они и были нужны на торжественном вечере. Пастернак вспомнил о том, что Брюсов возродил и освежил само понятие гражданской поэзии, благодарил за дисциплину мастерства, восприимчивую от Брюсова, и через него: «линейкой нас не умирать учили!» В самом деле, эта формула выражает главное в творческой личности Брюсова. (Не следует забывать, что в старой школе линейка служила не только инструментом для черчения, но и орудием наказания!)

В дни молодости первого советского поэтического поколения Валерий Брюсов был самым нужным человеком на самом нужном месте. Уже было сказано о возможности двойного ракурса в поэзии Брюсова, — о ракурсе, возникающем при сопоставлении нынешнего дня нашей культуры и дня, давно отмылавшего. Однако этот ракурс должен быть еще усложнен, — по меньшей мере утроен, — чтобы образ поэта стал по-настоящему объемлен и ожил для сегодняшнего читателя.

Едва достигнув двадцати лет, Валерий Брюсов записал в своем дневнике: «Надо найти путеводную звезду в тумане: я вижу ее: это декадентство... будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет подходящего вождя». И тут же яростная приписка: «А этим вождем буду Я! Да, Я!»

Как же возникла эта ярость, эта дерзкая самоуверенность? Как же случилось, что юношеское пророчество сбылось в полной мере?

Вот самонадеянный юноша захлопнул дневник и встал из-за стола, а мы временно расстаемся с ним, чтобы оглянуться вокруг него, — в эпохе, которая воспитала его и вырастила.

В те самые годы далеко от Москвы, в старом помещичьем доме, другой русский юноша, *лицо вымышленное*, чеховский герой — сын знаменитой артистки, по паспорту «киевский мещанин», самолюбивый, нервный, начинающий писатель, Константин Треплев отказался от юношеских мечтаний о «новых формах» в искусстве. Он понял, что его юность кончилась безвозвратно, бесплодно, бесславно. Пуля оборвала бедную, короткую жизнь.

Треплев не образец, он только показательный пример в эпохе. Он оказался неудачником не потому, что тянулся к новизне, а исключительно в силу своей хилости и неприспособленности к жизни и к труду.

Сопоставление этой вымышленной фигуры с реально существовавшим победителем — Брюсовым обоснованно потому, что чеховский неудачник верил тому же самому, чему верил Брюсов, мечтал о том же, а главное — одновременно с Брюсовым вышел на ту же дорогу. Многие их сверстники точно так же начинали свою юность — с тех же поисков, с тех же трудностей... Первый русский декадент, талантливый поэт-философ Александр Добролюбов, успевший выпустить одну только многообещающую книгу лирики, кончил тем, что ушел от искусства, убежал из Петербурга, скрылся от семьи и друзей, скитался странником по градам и весям России, подобно стольким другим и до него, и рядом с ним, бездомным и безымянным искателям божьей правды. И судьба Добролюбова так же характерна для эпохи, как судьба Треплева.

Задача биографов Брюсова, следопытов его жизненной и творческой дороги, разобраться в том, почему и как сбылось его юношеское пророчество. В этом коротком и сжатом очерке такая задача неосуществима. Достаточно сказать следующее.

Нам, потомкам, живущим в ином обществе, трудно, а то и невозможно восстановить картину реальных человеческих взаимоотно-

ношений, перекрещивающихся влияний и веяний в атмосфере конца прошлого и начала нашего века. Скорее можно представить пушкинскую, декабристскую, даже герценовскую эпоху, нежели то смутное, тревожное безвременье, — именно потому, что как раз оно смыто в истории больше, нежели яркие времена Пушкина или Герцена. Нам трудно представить себе далекость тогдашней интеллигенции от народной жизни, разобщенность ее представителей, их кастовую замкнутость. Каждая заметная фигура эпохи возникает прежде всего как фигура одинокая. В ее одиночестве ее разгадка, а эта последняя порою кажется любопытным курьезом — и только... Каждый образ воплощен в плоть и кровь реальности не до конца, подобно вымышленному Треплеву или отнюдь не вымышленному Александру Добролюбову. Неудача, незадачливость, неполная раскрытость — вот в чем, кажется нам, самая характерная черта эпохи. Снова и снова, как у Гоголя — «струна звенит в тумане», в необъятном, нерассеиваемом тумане российской безнадежности.

Снова и снова вырастают взамен пушкинских верстовых столбов, замеченных вьюгой, ряды вопросительных знаков, — один за другим, один безответнее другого. В самом деле! Как же это произошло, что одновременно в Петербурге и в Москве и вслед за столицами в других губерниях декаденты и символисты постепенно объединялись друг с другом, перекликались позывными сигналами, малопонятными для непосвященных, сплывались для совместной борьбы, вырастали в сильных поэтов и прозаиков, широко читаемых и высоко почитаемых? Это произошло в первые же пять лет нашего века. Какая почва взрастила их, какая среда поддерживала? Чем же было это *веяние*, еще не став *направлением*, — даже и не назвав себя по имени? Было ли оно странным чудачеством нелюдимов? Замаскированным протестом против тех или иных условий русской жизни? Нехитрым способом дразнить обывателей-мещан, профессоров-либералов, купеческих жен и вдов? Особо изощренным стремлением во что бы то ни стало, хотя бы ценой публичных скандалов, обратить на себя внимание?..

Эти вопросы, все вместе и каждый в отдельности, содержат часть ответа.

Многое и противоречивое сплелось в молодом движении с самого начала. Но каким бы чужеземным растением *ни* выглядел в те годы русский символизм, какой бы прихотливой причудой *ни* казался он, сколько бы *ни* внушал термин «декадентство» (по-французски декаданс — упадничество) мысли о действительной обреченности его представителей, — все равно движение росло и обретало неожиданную почву под ногами.

Здоровье русских упадочников сказывалось в том, как безоглядно-смело шли они на приступ «святынь», казавшихся незыб-

лемыми в тогдашнем обиходе русской читательской массы, — на приступ ее косных традиций, ее общих мест и одеревеневших шаблонов. Эти юноши разрушали обаяние и авторитет Надсона и Голенищева-Кутузова, Вейнберга и Андреевского. Были и еще более вялые эпигоны пушкинской и некрасовской школы, мешавшие развитию нового искусства. Высокий строй, высокая культура и подлинная народность Пушкина были забыты и разменены на медную мелочь квасного патриотизма. Рыдающая, проклинающая, мужественная лирика Некрасова превратилась в слезливые жалобы.

Вот против кого были вооружены до зубов первые русские символисты и декаденты. Их ожидали ожесточение, ненависть, грубая брань и глумление, карикатуры и пародии. Как и водится, именно отпор больше всего и способствовал известности декадентов.

Передо мною материал, неоценимый для задач этого очерка, — второй том мемуаров Андрея Белого, одного из первых и в дальнейшем ближайших соратников Брюсова в решающие годы их молодости. Он называется «Начало века» и был издан один только раз — в 1933 году, в количестве всего пяти тысяч экземпляров, — таким образом недоступен сейчас для читателей. Валерий Брюсов — один из главных героев этой книги.

Он изображен здесь не только с глубокой симпатией со стороны младшего поэта, но и с большой портретной остротой, в непрестанном движении, в резкой характерности говора и жеста:

«К авансцене из тени — длиннее самого себя, как змея, в скрутке, палкой ставшая, с тем передергом улыбки, которую видел я, — он поплыл, прижав руки к бокам, голова — точно на сторону: вот гортанным, картавым, раздельным фальцетто, как бы он отдавал приказ, он прочел стихи, держа руки по швам; и с дерзкой скромностью, точно всадившая жало змея, тотчас удалился: под аплодисменты». Таков в изображении Андрея Белого Брюсов на эстраде — вожак молодежи, призванный дразнить, ужасать и ожесточать одну часть аудитории и восхищать другую.

«...я видел его Калитой, собирателем литературы в борьбе с *ханской ставкой*; в горении объединять он... сносился с маститостями, усыпляя внимание; и все для того, чтобы нас протолкнуть; и обязан ему всей карьерой своей; я ни разу себя не почувствовал пешкой, не чувствовал «ига» его: только помощь, желание помочь, облегчить... В четко трезвой практической сфере я чувствовал огонь бескорыстия: скольких тогда он учил и оказывал гостеприимство, без всякой тенденции себя подчеркивать, в сущности, был очень скромн, носясь с идеей союза; и только с эстрады показывал

«фиги» величия... Был поэтичен рабочий в нем; трудолюбив был поэт...»

Еще одна цитата — характеристика идейной позиции тогдашнего Брюсова. Она важна не столько достоверностью, сколько тем представлением, которое сложилось у младшего о старшем: «Насколько я его понимал в те годы, он, что называется, был скептик, не веря ни в бога, ни в черта, не верил он и в последовательность любого мировоззрения — его интересовали лишь ахиллесовы пяты любого мировоззрения: он хотел воткнуть в них свою диалектическую рапиру, он был диалектиком, но вовсе не в теперешнем смысле слова, а — от софизма».

Мемуары Андрея Белого, как это часто случается с воспоминаниями, представляют естественный сплав «былого» с позднейшими «думами» о былом, давнишних увлечений — и позднейших оценок. Как раз в отношении к Брюсову этот сплав у Белого представляет редкое единство, редкое особенно для такого мемуариста, каким был Андрей Белый. Вот почему его свидетельства так ценны.

Они объясняют в известной мере и то, как и отчего сбылось юношеское пророчество Брюсова, — почему именно он, а не кто-либо другой сделался вождем нового направления, как удалось ему объединить разных людей, какие личные качества Брюсова imponировали его соратникам, чем он увлекал их, в какой рабочей атмосфере утверждалось единство замыслов, пристрастий, вкусов.

В книге Андрея Белого Брюсов оживает как талантливый организатор, талантливый стратег и тактик; в книге рассказано о странном обаянии этого еще молодого человека, о его нервной порывистости, в конечном же счете — о его искренности!

Когда Максим Горький назвал Валерия Брюсова самым культурным и образованным писателем той эпохи, этим он характеризовал решающую тенденцию в развитии поэта. Своей культурой Брюсов как бы дал тон поэтическому поколению.

Его экспансивность в области культуры чрезвычайно показательна. Одну за другой захватывал он, разрабагивал, осваивал разные области человеческого знания, исследования, умения, изобретательства, открытий. В те годы было модным направление «научной поэзии». Оно шло из Франции, но к русским поэтам менее всего приложима такая кличка, к Брюсову — меньше всех! Она не может дать представления о его жажде познать и понять мир. У Брюсова дело обстояло страстнее, наивнее, жизненнее, нежели у французов. Брюсов непосредственно радовался — как ребенок и как дикарь! — открывавшимся перед ним новым, невиданным, ярким мирам — будь они давними веками человеческой истории или неизведанными далями космоса.

Брюсов был *скифом* — на двадцать лет раньше, нежели это обозначение было приложено к русскому символизму. Но еще проще и литературоведчески правомернее назвать его просто новатором, — новатором по самой сути творческой индивидуальности.

Поэзия XVIII века насыщена персонажами и событиями эллинской и римской мифологии, весь этот языческий пантеон в поэзии XVIII века — своего рода условная номенклатура для условной же характеристики человеческих страстей и деяний. В лирике Брюсова царит нечто противоположное. Античность для него реальная история, ее живое достояние. Брюсов воскрешает, воплощая в плоти и крови, различные образы далекой древности. Он делает это по-разному, с разной степенью удачи, но всегда последовательно. Ассирийский царь Ассаргадон в своей автоэпитафии, вырезанной на камне, говорит сам за себя лично ему свойственным, режущим и сверлящим голосом:

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

В русской поэзии впервые после Пушкина возникла такая способность к полному перевоплощению современника в образ далекого прошлого.

Каждая новая встреча Брюсова с историей есть вторжение в историю — хозяйское, не терпящее отлагательств и возражений. Он распоряжается в эпохах и странах, как режиссер-постановщик, в духе какого-нибудь Давида Гриффитса, планирующего на воздушном шаре над массовыми сценами; мимо, где-то внизу, проходят римские легионы, слоны, тяжкие бревна катапульт, — все это крупно, рельефно, в трех измерениях, реалистично, — таким современным демидургом рисуется Валерий Брюсов в пору своего расцвета, в лучших своих книгах, где он переходит с мощной легкостью на Ты с историей и разговаривает запанибрата с любым из своих вековых кумиров:

Неустанное стремление от судьбы к иной судьбе,
Александр Завоеватель, я — дрожа — молюсь тебе!

Так возникает Александр Македонский, «царь семнадцати сатрапий». Когда-то гоголевский городничий рассказывал о бедном учителе, который при одном звуке этого имени впадал в раж и ломал стулья. Наш поэт выхватывает из Плутарховых жизнеописаний Александра Македонского на случайном перекрестке сго легендарной дороги, во время перебранки с войском, уставшим от непрестанного напряжения, от «неустанного стремленья от судьбы к иной судьбе...».

И тут же рядом — другая судьба, другая эпоха, другой случай-
ный перекресток в средневековой Венеции:

Но вдруг среди поз рной вереницы
Угрюмый облик предо мной возник.
— Так ипогда с утеса глянут птицы,—

То был суровый, опаленный лик,
Не мертвый лик, но просветленно-страстный,
Без возраста — не мальчик, не старик...

Это Данте.

Брюсов воскрешал и безымянных рабов, прикованных к рим-
ской триреме, подслушивал их скорбные и смутные мечты о свободе.
Он воскрешал безымянную женщину, обнаруженную при раскоп-
ках Помпеи, которая погибла, отдаваясь возлюбленному.

Еще смелее и своеобразнее поиски Брюсова и его находки в сред-
них веках и Возрождении. Он пошел дорогой, противоположной
дороге романтиков. Не балладный сумрак в духе Жуковского при-
влек его к средневековой готике, не ужасы могильного мрака, не
привидения в замках феодалов. Археолог, книжник и рационалист,
Брюсов ухитрился в такой степени правдиво восстановить картину
жизни немецкого городка, что один из немецких критиков был
поражен искусством брюсовского перевоплощения в немецкого
рыцаря, от имени которого в романе «Огненный ангел» ведется
повествование, настолько впору Брюсову пришлось мировоззре-
ние и наивность персонажа!

Азарт первооткрывателя, следопыта культуры был у Брюсова
конденсированным отражением немаловажных характерных черт
русского общества той эпохи.

Именно тогда русская буржуазия выходила на мировую сцену
в поисках рынков сбыта и в жажде новых барышей. На глазах
у современников менялся облик староколенной и тихой Москвы.
Именно в те годы и Морозовы, и Мамонтовы, и Рябушинские, и Пу-
шкины прославились как меценаты. Они приняли живое участие
в культурном строительстве. Оно сыграло благую роль в первые годы
XX века. И московский Художественный театр, и частная опера
Мамонтова росли благодаря организационным способностям и мате-
риальной помощи со стороны тех же Морозовых и Мамонтовых.
Инициативу Брюсова в создании строгого, серьезного и скромного
журнала символистов, их теоретического и боевого органа —
«Весы», подхватил и перехватил не кто иной, как Рябушинский.
Он своевременно учел и учуял успех журнала и стал издавать соб-
ственный роскошный журнал — «Золотое руно».

Внешне продолжая брюсовскую линию пропаганды нового
искусства (но уже совсем не скромно и не строго), Рябушинский
широко раскрыл ворота своей редакции для всего, что могло сойти

за сенсационную повинку. Если Брюсов ограничивался узким кругом сотрудников-единомышленников, был одновременно и мастером и чернорабочим, выступал под несколькими псевдонимами (в чем следовали за ним и друзья), — Рябушинский переманивал в «Золотое руно» тех писателей — «числом поболее, ценою подешевле», — которые были неприемлемы в брюсовском строгом журнале «Весы». В результате журнал пропагандировал тот пошлый «модерн», от которого отреклись и Брюсов, и Белый, и все честные зачинатели московского символизма.

Это события семидесятилетней давности. Их следует восстановить здесь хотя бы затем, чтобы яснее рисовался на фоне эпохи герой этого очерка.

Валерий Брюсов действительно не формально, а по существу стал вождем русских символистов. Это признали и ближайшие к нему соратники и единомышленники в Москве, и почти одновременно с ними не столь близкие к нему лично молодые петербуржцы, среди них в первую очередь и вполне безоговорочно не кто иной, как Александр Блок, на которого, по его собственным словам, стихи Брюсова оказали очень большое влияние.

Но и вне этого, собственно поэтического, круга, в разных слоях тогдашней интеллигенции — вплоть до резко противоположной символистам демократически революционной писательской среды, группировавшейся около Горького и редактированных им сборников «Знания», — Брюсов был признан и почитаем заочно как ярко выраженная, цельная, духовно богатая личность. С ним можно и должно было жестоко спорить, но нельзя было отвергнуть его, не заметить, замолчать, пройти мимо.

Творческая активность Брюсова не только не ослабевала, но в течение девятисотых и первой половины десятых годов века мужала и крепла, раскинувшись широко и вольно, в разных направлениях.

То были новые книги лирики, а рядом проза и всюду — художественная, литературоведческая и критическая, нсистовая полемика! Были попытки и своеобразной драматургии. Но во всем этом разнообразии обнаруживалось единство устремлений автора. Брюсов выступал как страж, защитник и пропагандист культуры. Он воскрешал для русских читателей полузабытых или недооцененных старых поэтов — Баратынского, Тютчева, Каролину Павлову. В этом сказывалось и бескорыстие Брюсова, и пылкость, и широта в историческом постижении прошлого. Но прежде всего это было высокое служение тому делу, которое было им избрано навсегда, — служение русской поэзии.

Многие в те времена называли Брюсова книжным поэтом. Да и сейчас можно услышать такую оценку. Отчасти она справедлива. В самом деле, не на пустом месте, не в дремучем лесу, не

в чистом поле вырос Брюсов. За его плечами всегда мерещатся бесчисленные полки с книгами — старыми и новыми, самыми старыми и совсем недавно вышедшими. Брюсов и немислим вне такого окружения молчаливых и красноречивых в своем молчанье друзей и спутников. Недаром, обращаясь однажды к женщине, он назвал ее — «книга между книг»!

Брюсовым руководила неистовая жадность ко всем драгоценностям мировой культуры, жадность ко всем усилиям человека и человечества достигнуть наибольшей высоты в тот или другой час исторического бытия. То и дело эта жадность превращала Брюсова из учителя в ученика, из признанного мастера в добровольного и скромного подмастерья. Снова и снова он являлся на пиршестве веков гостем из скифской Гиперборей, стражником и следопытом.

Во всем открывшемся Брюсову богатстве, в его разноречивой и противоречивой прелести для него господствовала одна задача, не столько поэтическая, сколько жизненная, или, выражаясь по старине и высоким слогом, это — ВЕЛЕНИЕ СУДЬБЫ, — ведь и он сам не прочь был обмолвиться именно таким образом:

По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах, в садах я бродил,
И в явственной думе грядущее видя, за жизнью, за сущим следил.
Я песни слагал вам о счастье, о страсти, о высях, границах, путях,
О прежних столицах, о будущей власти, о всем, распростертом во
прах.

Спокойные башни, и белые стены, и пена раздробленных рек,
В восторге всегдашнем, дрожали, внимали стихам, прозвучавшим
навек.

И девы и юноши встали, встречая, венчая меня как царя,
И, теням подобно, лилась по ступеням потоком широким заря.
Довольно, довольно! я вас покидаю! берите и сны и слова!
Я к новому раю спешу, убегаю, мечта неизменно жива!
Я создал и отдал, и поднял я молот, чтоб снова сначала ковать.
Я счастлив и силен, свободен и молод, творю, чтобы кинуть опять!

Среди множества близких и схожих у Брюсова самопризнаний именно это стоило привести целиком. Так в первый год нового века (1901) он изображает себя самого — с наибольшей мыслимой для автора откровенностью. Тут нет ни позы, ни недомолвок. Все достаточно обнажено, с обычной для Брюсова лапидарной прямоотой. А если звучит похвальба тем или другим успехом или победой, то разве только затем, чтобы тут же заявить о своей полной незаинтересованности такими вещами и о готовности двигаться дальше, расти, изменяться: «Я счастлив и силен, свободен и молод...»

Начиная с 1909 года вплоть до своей безвременной смерти в 1924 году он работал над поэтической книгой, которую назвал «Сны человечества». Поэт стремился показать вековые увлечения, верования, заблуждения человечества на протяжении веков миро-

вой истории. Замысел остался незавершенным, оборванным на полуслове, — в самом его замысле сказала *фаустовская неукротимость* поэта, двигательный нерв его патетики и лиризма. Тот или другой из поисков мог оказаться ложным, окончиться неудачей и провалом, — иначе и не может быть при такой широте замысла, но дело в том, что Валерий Брюсов мыслил объемно и крупно — глыбами каменной породы, блоками строительного материала. Конечно же, на это скуластое, не то татарское, не то печенежское, и в то же время такое московское, лицо ударил один из последних закатных лучей европейского Возрождения. Брюсов был действительно *гуманистом* в самом высоком значении слова.

Думается, что вся поэзия Валерия Брюсова — это кадр незавершенного замысла «Снов человечества». Вся она — непрестанный поиск ЕДИНСТВА и РОДСТВА. Родства легенд и мифов с гипотезами и открытиями ученых. Родства деятелей и творцов, разделенных между собою морями-океанами и веками, — кем бы ни были эти творцы, где бы и когда бы ни родился. Смотр, который Брюсов делал своим излюбленным персонажам, никогда не превращался для него в *пересмотр*. Он и не мог изменять своим увлечениям. Его мировоззрение всегда оставалось *гелиоцентрическим*. Его Гелиосом (солнцем) всегда оставался деятельный, победный разум человека, его творческий дух.

Отсюда, из этой светящейся точки, становятся виднее и ошутимее высшие достижения брюсовской лирики. Пускай их философия не так уже оригинальна и не так уже заманчива своей простотой, — но поражает кованая мощь брюсовского стиха, его строгий лад и строй, звучавший неслыханной новизной в начале нашего века. Он действительно был неотразим для юных читателей и гипнозировал их еще до смысла, до его разгадки:

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

.....
Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,
Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой...

Это знаменитая «Хвала Человеку» 1906 года. Рядом с нею еще одна хвала, еще один гимн — самой жизни:

От грозных пирамид и гордых библиотек
До гор, воздвигнутых из ракушек морских,
От криков дикаря, метнувшего свой дротик,
До черного червя, который мудро тих, —
Сверкает жизнь везде, грохочет жизнь повсюду!

Стихотворение кончается чрезвычайно характерной для Брюсова неистовой строфой:

О братья: человек! бацилла! тигр! гвоздика!
И жители иных, непознанных планет!
И духи тайные, не кажущие лика!
Мы все — лишь беглый блеск на вечном море лет!

Как и в первой строке несопоставимые величины — человек, бацилла, тигр, гвоздика, как мало оставлено между ними пространства и воздуха, которых никак не могут заменить восклицательные знаки! И в этом тоже весь Брюсов, его нелегкая патетика, его *захлеб*!

Казалось бы, очень удобно уличить такие стихи в банальной мысли, в общезначимой и общедоступной хрестоматийности, парадоксальности острот и т. п. Но и банальность и парадокс одинаково служили ему. Между банальностью и парадоксом единство и родство в самом *пути Брюсова*.

Несмотря на *чувство пути* — Валерий Брюсов никогда не был и не хотел быть слишком последовательным, нарочито последовательным в своих увлечениях, в разнообразных и противоречивых поисках, отводивших его от любой аккуратно проведенной по линейке прямой линии первого ученика и отличника по всем предметам. Все было совершенно наоборот! Уже говорилось о том, как упрекал его Андрей Белый в софистическом безразличии к истине. В какой-то мере это правильный упрек. Сам Брюсов не без похвальбы признавался:

И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.

Именно в таких откровенных признаниях окончательно прояснялась позиция Брюсова в символизме, в поэзии, — в искусстве вообще. Хотя эта позиция и не совпадала с философскими требованиями Андрея Белого, с поисками и надеждами других символистов, — связь между обоими крепла и утверждалась, они все-таки «сработались» между собою, выступали дружно. Это сотрудничество на протяжении лет оказалось в высшей степени плодотворным в развитии русской поэзии.

Брюсов декларировал с поднятым забралом:

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

.....
Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

Так был провозглашен безусловный *примат поэзии над жизнью*: жизнь только средство для творчества, материал и топливо. Сходные утверждения звучали в брюсовской лирике с самого начала. Еще в 1896 году он обращался к юному поэту с таким призывом:

Юнопа бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно...

Эта программа демонстративно порывает с самыми заветными и живыми традициями русской поэзии и русской литературы.

Как бы мы ни относились к существу дела, ясно: оно продумано всерьез и взвешено с полным самообладанием и так же провозглашено.

Многое отсюда начиналось в молодом движении того времени — начиналось и прекрасное, призванное жить, и хилое, обреченное на прозябание. Самым плодотворным в программе Брюсова было утверждение *мастерства*, забота о совершенном обладании своим делом, вообще о совершенстве.

Следует еще раз вспомнить о том, как расширялась в те годы и поблекла поэтическая культура. И в том, что Брюсов резко повернул курс в сторону изоциренного, тонкого, пускай даже холодного мастерства, была исторически обоснованная нужда, — а в конечном счете — *правда* Брюсова, его миссия. Здесь он был глубоко честен.

Последствия неисчислимы! Повсеместно и непрестанно возрастал интерес к технике поэтического искусства, к истории русского стиха. В Москве возникали студии стиховедения и поэтики, в них изучались ритмы отдельных русских поэтов, лекторами были Андрей Белый, Вячеслав Иванов, впоследствии Владислав Ходасевич, Сергей Бобров. Они должны были назвать своим патроном и родоначальником одного только Брюсова. Так оно и случилось!

Пересматривались и отвергались старые школьные теории, шел всесторонний анализ русского стихосложения и ритма. Андрей Белый вычерчивал сложные кривые для характеристики ритма Пушкина, Тютчева, Блока. Легко объяснить интерес поэтической молодежи к такой работе. Так выковывалось будущее русской поэзии, и это очень быстро сказалось: в повышении культуры поэтов, в их ритмах, словаре, интонационном богатстве.

Валерий Брюсов жил, вырастал и развивался в самую конфликтную и важную эпоху новой русской истории. Он был свидетелем-очевидцем, отчасти участником событий потрясающих, бурных, суровых и прекрасных. Их мировое значение определило лицо нашего века, его духовный климат.

За кровавой трагедией русско-японской войны следовал 1905 год, первая русская революция, сопровождавшие ее взрывы народных надежд и народного отчаяния. Первая революция была разбита, задушена в петле Столыпина, засечена казацкими пагайками и жандармскими саблями. Наступила злоедающая пора реакции. В эти годы Александр Блок писал:

Мы — дети страшных лет России —
Забуть не в силах ничего.
Испекающие годы!..

В своих гражданско-политических и общественных устремлениях и взглядах Валерий Брюсов был так же непоследователен, как он это сам декларировал хотя бы в отношении «Господа и Дьявола». Всюду и везде он резервировал для себя и тщательно отстаивал свободу художника, — вольного, никому ни в чем не обязанного мастера-одиночки: «Всему будь холодный свидетель». Позой ли это было, таким ли был поэт на самом деле или только стремился к некоему *холодному* идеалу, — в сущности, неважно, но свобода выбора оставалась за ним. «Я изменял и многому и многим» — это было сказано с обычной для Брюсова дерзкой уверенностью в своей правоте, в своем праве на *измену*. И в то же время самыми сильными и яркими по мысли и по ее выражению в стихах были его выступления на современные и гражданские темы. Как всякий искренний художник, Брюсов действительно *оживал и хорошел* от соприкосновения с жизненной темой!

Накануне революции 1905 года, ясно чувствуя ее неизбежность, Валерий Брюсов сознательно пошел по следам Лермонтова, и, продолжая его «Кинжал», опубликовал собственный:

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Брюсов признается в своей давнишней ненависти к господствующему общественному строю: для него этот строй «позорно-мелочный, неправый, некрасивый»... Он признается в том, что не

верил в возможность революционной борьбы, «не верил в робкие призывы». Но его поэтический кинжал вовремя вырван из ножен:

... Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной стали,
И снова я с людьми, — затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкали.

Стальная ярость этих строф, их юная энергия возвышаются над всей тогдашней лирикой Брюсова. И все-таки не следует преувеличивать их значения. В большой степени «Кинжал» был неожиданным с его стороны, партизанским выпадом. Продолжения и развития революционной темы в эти годы у Брюсова не оказалось.

Рядом с «Кинжалом», в теснейшем соседстве с ним, стоят и противоположные высказывания. В связи с трагедией Цусимы, с провалом всей дальневосточной царской авантюры, уже в духе поздних славянофилов или даже Владимира Соловьева, Брюсов высказывается совсем на великодержавный лад:

И снова все в веках, далеко,
Что было близким наконец, —
И скипетр Дальнего Востока,
И Рима Третьего венец!

Рядом с венцом Третьего Рима — безоглядно и безнадежно стремительный пробег по едва мелькнувшим в глазах, едва замеченным эпохам, — чем дальше, тем быстрее.

Век Данте — блеск таинственный, зловеще золотой...
Лазурное спяние, о Леонардо, — твой!..
Большая лампа Лютера — луч, устремленный вниз...
Две маленькие звездочки, век суетных маркиз...
Сноп молний — Революция! За ним громадный шар,
О ты! век девятнадцатый!..

Эти висящие в мировой пустоте «фонарики» изображены поэтом в какой-то истерической спешке. Конечно, она бесплодна.

Так в разные, противоположные стороны, взаимно исключаящие друг друга, бросал Брюсов свое раскованное воображение. Может быть, и вправду он издевался над историей, над человеческим обществом в его усилиях добыть свое счастье?

Однако в Брюсове уже назревали новые силы, едва ли не важнейшие для развития всей русской поэзии, предвестие Маяковского в годы реакции. Именно тогда, среди всех страстных метаний Брюсова, зарождался его мощный урбанизм — хвалы и проклятия мировому капиталистическому городу, — им одина-

ково могли быть Москва и Рим, Петербург и Лондон, Берлин, Стокгольм, Париж... любой порядок городов. Эти новые строфы, образы и метафоры поистине ошеломляли читателей Брюсова. Как раз благодаря им Брюсов и становился «властителем дум» поколения:

Ты гнешь рабов угрюмых спины,
Чтоб, иступленны и легки,
Ротационные машины
Ковали острые клинки!

Коварный змей с волшебным взлядом!
В порыве ярости слепой,
Ты нож, с своим смертельным ядом,
Сам поднимаешь над собой.

Так кончалась эта хвала-проклятие. Не в том дело, что эти замечательные строфы были выкованы на славу, — не во внешней инструментовке их дело! Волновало читателей совсем другое! В них угадывали, предчувствовали революционный порыв, несравненно более близкий и нужный читателям той эпохи, чем какие бы то ни было «фонарики», — последние можно было поделить с собственными эпитафиями, с давно и заслуженно забытым Сергеем Кречетовым...

Тогда же был написан знаменитый «Конь Блед» — с его расшатанным, неврастеническим ритмом, со всеми гротескно-фантастическими образами Апокалипсиса.

Конечно, при этом и символизм для Брюсова оставался символизмом, то есть навсегда утвержденным *символом веры*, и его декларативные заявления о всяческой независимости поэта-художника были прочно прибиты к стене в его рабочей комнате. Однако сама действенная, далеко не установившаяся природа эмоционального человека требовала пищи для себя — требовала общения с современниками-согражданами, участия в их насущных тревогах и нуждах.

Валерий Брюсов, в отличие от Блока, не стремился дать высоких итоговых оценок пережитого, которыми так богата лирика Александра Блока. Этого не было у Брюсова.

Всем своим живым темпераментом погруженный в каждодневную деятельность, в ее гонку и спешку, в редакторскую, тактическую, педагогическую, пропагандистскую работу, непрестанно сталкиваясь с множеством самых разных людей, далеких и близких, помоложе и постарше, Валерий Брюсов оставался типичным горожанином-разночинцем. Двадцатый век с самого начала наложил на него свою неизгладимую печать, очень схожую с

каторжным клеймом. Такая работа всегда требовала новых жертв ради себя же самой.

Еще Пушкин, почти за сто лет до Брюсова, признавался:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен...

Для Брюсова «суетный свет» — и редакция «Весов», в новом тогда здании «Метрополя», и литературно-художественный кружок, председателем которого был Брюсов, и какое-нибудь Общество свободной эстетики, где он тоже председательствовал, и Дом песни Олениной-д'Альгейм, и гостиная миллионерши Морозовой, причастной ко всем интеллектуальным модам и увлечениям Москвы, и еще сотня общественных залов, частных комнат, лестниц, прихожих, кабинетов великого города, цепко державших поэта в своих камешных объятьях.

Все это необходимо трезво оценить, чтобы хорошо понять прерывистую, в ухабах и рывках, дорогу Брюсова, ее подъемы и повороты, так и не знавшие сигнальных фар и светофоров.

Шли десятки годы века. Творческая активность Валерия Брюсова не иссякала. Выходили новые сборники его лирики — циклы исторических реминисценций перемежались песенными строфами, размышления о далях неизведанного мироздания — романтическими поэмами. Это богатство было заключено в безупречную форму. В ней господствовала уверенность мастера, но господствовала также и тяжеловесная, ранее незнакомая Брюсову самоуспокоенность, слишком зрелая для его возраста, слишком зрелая и для его эпохи, солидная размеренность походки и повадки.

Брюсов, вчерашний скандалист, дразнивший московскую знать и мещанство, уже работал в редакции профессорско-кадетски-благопристойной «Русской мысли». Уже начали выходить, один вслед за другим, тома собрания его сочинений. Эти книги в добротных, тускло-серых переплетах являют собою знак окончательно установившейся литературной репутации, читательского признания, а то и завершенности пути, — казалось бы, не далеко от этих томов до звания академика!

И это действительно было заслужено Брюсовым в силу его на редкость широкого дарования и редкостной работоспособности.

В годы войны, в качестве военного корреспондента, он повидал многое и разное. Однако стихи Брюсова тех лет полны казенных лозунгов и, так же как в 1904 году, в дни Цусимы и Порт-Артура,

поздних отголосков славянофильской утопии. Газетная риторика Брюсова в годы войны мало чем отличалась от остальной великодержавной пропаганды эпохи, — будь она лирикой прославленных мэтров, вроде Сологуба и Бальмонта, или очерковой газетной прозой, все равно. Такими же безликими оказались и путевые стихи Брюсова о разоренных войной польских и литовских старинных городах.

Совсем по-иному оживился Брюсов при его первой встрече с Арменией и ее древней культурой. В нем проснулся знаток и энтузиаст античности. Его одушевили и внушили ему прекрасные стихи давние связи Армении с Элладой и Римом.

Началась усердная и вдохновенная работа Брюсова над переводами армянских поэтов, к которой он привлек очень многих одаренных поэтов Москвы и Петрограда. Редактирование будущей антологии переросло у Брюсова в изучение армянской культуры. В результате возникли содержательный очерк многовековой истории Армении и отдельный очерк по истории армянской поэзии. Эта брюсовская работа оказалась решительным образцом для многих русских поэтов уже в тридцатых годах, когда многосторонние связи между поэтами союзных республик и взаимные переводы действительно были очередной задачей в развитии советской культуры. Задолго до того, как эта задача действительно встала на повестку дня, не кто иной, как Валерий Брюсов выступил в прекрасном деле первооткрывателем и пионером. Эта высокая честь бесспорно остается за ним. С той поры прошло более полувека. Перед деятелями советской культуры, перед писателями и поэтами в первую очередь открылись возможности, неслыханные во времена Валерия Брюсова. Однако его всесторонний опыт, его рвение, его высокая ответственность перед древнейшей страной — все еще остаются непревзойденным образцом.

В начале этого очерка сказано: «Валерий Брюсов был одним из первых деятелей старой русской интеллигенции, которые после великого Октября открыто и смело встали на сторону победившего рабочего класса России». Это формула общего характера, и в своей общности она остается справедливой. Однако уточнения должны сделать ее более рельефной и жизненной.

Не сразу после Октября это произошло. Понадобились долгие месяцы, понадобилась череда размышлений и колебаний, чтобы этот серьезный, ответственный и требовательный человек и писатель нашел себя в эпохе, ориентировался во времени. Он не мог, подобно Александру Блоку, в первые же месяцы в стихийном порыве жалости и гнева ринуться в питерскую метель, разглядеть в ней двенадцать красногвардейцев и перевоплотиться в них. Такая юношеская сила и безоглядность были несвойственны Брюсову.

С Александром Блоком и с другими своими младшими современниками-соратниками, в частности, с Андреем Белым, Брюсова сблизило другое, может быть, и не менее важное.

Это было все то же *скифство*, о котором уже говорилось. Скифство, понятое теперь многими писателями как новое, окрыленное событиями чувство великой родины, ее истории, ее народа. Именно в этом пункте сошлись основоположники русского символизма. Они издавна привыкли мыслить в широких категориях космического порядка. Только это и превращало их в максималистов в бурные дни и часы политических событий. Тогда-то и посчастливилось этим поэтам *«возвышать политические события до степени исторических»*, — если пользоваться знаменитой формулой Виктора Гюго.

В те годы Россия возникла перед воображением Брюсова как все та же великая в своих исторических путях страна, которая когда-то спасла Европу от чингисхановских полчищ, мужала «в дни революции Петра», — так перекликался Брюсов с Пушкиным! Россия — *«Страна-вожатый»*, снова и снова идущая впереди человечества!

Далеко не все стихи, написанные Брюсовым после Октября, достойны войти в его антологию. Среди них немало вялых и надуманных, случайных и устаревших на следующий день после публикации.

Но есть вещи пронзительной, ясновидческой силы, которые навсегда останутся в русской поэзии и в русском языке. Рыдающий и едва ли не *по-волчьи воющий* трехдольник «Третьей осени» дышит Некрасовской мощью и правдой:

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клетн,
Нищих вали на пути...

Тут и люди на мешках с крупой в теплушках, и бесформенные, беззаборные города, и пьяная пальба на фронтах, — и над всем этим, над голодом, горем и гибелью, «идет к заповедным победам вся Россия...». С обычной для Брюсова определенной твердостью в конце стихотворения провозглашено о том, что она

За собой, все властей, все державней,
Земные ведет племена!

Брюсов ясно понимал и еще яснее утверждал в стихах, что в борьбе с голодом и холодом, с разрухой и тьмою ставкой русского народа являются все-таки «вселенной судьбы». В нем неожиданно

оказалась выдержка почти солдатского характера. Он понимал, что «в час бурп ропот — вопль измены».

И в самой простой и вполне естественной связи с этими новыми для недавнего индивидуалиста и эстета чувствами в Брюсове вспыхнул демократизм, чувство органической связи с демократической массой.

Полюби ж, в толпе, вседневный
Шум ее, и гул, и гам,—
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

Это было важно для Брюсова, — именно для него, больше чем для кого бы то ни было другого, — он понял обаяние языка, «даже грубого», «даже с бранью пополам!».

Рядом с этими открытиями в тогдашней лирике Брюсова свежо ожили его давние пристрастия к человеческой отваге в постижении новых тайн природы и мипроздания. Его увлекли победы молодой еще авиации, он предвидел завоевание космоса. Впервые прикоснувшись тогда к тем горизонтам, которые открывала перед точной наукой теория относительности, Брюсов стал чуть ли не первым русским поэтом, срифмовавшим имя Эйнштейна с «тайной». И пускai для старого символиста это

Бред в смене бредов — Архимед с Эйнштейном, —

надо быть свисходительным к слишком привычной для него игре со всякого рода «бредами», в них было гораздо больше реальной жизни, чем в ином реализме!

Здесь было подробно рассказано о том, чем и кем был Брюсов для тогдашней поэтической молодежи. Может быть, для большей стройности изложения этим следовало бы кончить, — не знаю... Но я был слишком заинтересован в том, чтобы сразу выложить свое личное читателю!

В самом начале века, в 1903 году, в одной из первых своих книг Валерий Брюсов отчетливо и реалистически живописно вспоминал свое детство в староколенной купеческой семье:

Амбары темные, огромные кули,
Подвалы под полом, в грудях земли,
Со сходами, припрятанными в трапах...
... за дверью с хриплым блоком
Был плоский и глухой, всегда нечистый двор.
Стеной и вывеской кончался кругозор...
Мелькнет мопахиня... Купец в поддевке сней...
Поспешно пробегут два юрких половых...
Я помню этот мир. И сам я в этом мире
Когда-то был как свой...

Знал ли в начале века Брюсов, купеческий сын и впуск крепостного, что через двадцать лет он войдет как свой в ипой, неузнаваемо изменившийся социалистический мир? Мог ли он предполагать, что в день его пятидесятилетия рабоче-крестьянское правительство, отметив «перед страной его выдающиеся заслуги», выразит ему благодарность? Мог ли он думать, что за ним навсегда останется высокое звание одного из первых поэтов, ставшего большевиком?

Впервые выходит далеко не полное собрание сочинений нашего старшего современника, сделавшего так много для развития культуры социализма. Теперь с его произведениями познакомятся тысячи современных молодых читателей. Его узнают, поймут и примут как представителя прошедшей и все же близкой эпохи, как поэта глубокого, наделенного широким кругозором и благородными страстями. Он войдет в сознание и память растущего поколения другом и соратником, не только нашим предшественником, но и живым современником. Выход в свет собрания сочинений Валерия Брюсова — событие большой исторической важности.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ

JUVENILIA

1892—1894

Памяти Елены К

Пролог

Parler n'a trait à la réalité des
choses que commercialement.

*St. Mallarmé*¹

СОНЕТ К ФОРМЕ

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе.

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.

Пускай мой друг, разрезав том поэта,
Упьется в нем и стройностью сонета,
И буквами спокойной красоты!

6 июля 1895

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Гаснут розовые краски
В бледном отблеске луны;
Замерзают в льдинах сказки
О страданиях весны;

¹ Обыденная речь имеет лишь практическое отношение к сущности вещей. — *Ст. Малларме (франц.)*.

Светлых вымыслов развязки
В черный креп облечены,
И на празднествах все пляски
Ликом смерти смущены.

Под лучами юной грезы
Не цветут созвучий розы
На куртинах Красоты,

И сквозь окна снов бессвязных
Не встречаются звезд алмазных
Утомленные мечты.

19 февраля 1893

САМОУВЕРЕННОСТЬ

Золотистые феи
В атласном саду!
Когда я найду
Ледяные аллеи?

Влюбленных наяд
Серебристые всплески!
Где ревнивые доски
Вам путь преградят?

Непонятные вазы
Огнем озаря,
Застыла заря
Над полетом фантазий.

За мраком завес
Погребальные урны,
И не ждет свод лазурный
Обманчивых звезд.

10 февраля 1893

УНЫНИЕ

Сердце, полное унынием,
Обольсти лучом любви,
Все пределы и все линии
Беспощадно оборви!

Пусть во мраке неуверенном
Плачут призраки вокруг,
Пусть иду, в пути затерянный,
Через темный, страшный луг.

И тогда, обманам преданный,
Счастлив грезою своей,
Буду петь мой гимн неведомый,
Скалы движа, как Орфей!

24 октября 1893

ТВОРЧЕСТВО

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски ¹,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки режут полусонно,
Звуки ластанся ко мне.

¹ беседки (франц. kiosk).

Тайны созданных созданий
С лаской ластаня ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

1 марта 1895

* * *

О, закрой свои бледные ноги.

3 декабря 1894

* * *

Умер великий Пап.

Она в густой траве запряталась ничком,
Еще полна любви, уже полна стыдом.
Ей слышен трубный звук: то император пленный
Выносит варварам регалии Равенны;
Ей слышен чей-то стон, — как будто плачет лес,
То голоса ли нимф, то голос ли небес;
Но внемлют вместе с ней безмолвные поляны:
Богиня умерла, нет более Дианы!

3 октября 1894

УЧЕНЫЙ

Посвящ. В. М. Ф.

Вот он стоит, в блестящем ореоле,
В заученной, иконописной позе.
Его рука протянута к мимозе,
У ног его цитаты древних схолий.

Уйдем в мечту! Наш мир — фата-моргана,
Но правда есть и в призрачном оазе:
То — мир земли на высоте фантазий,
То — брат Ормузд, обнявший Аримана!

Апрель 1895

ОТВЕРЖЕННЫЙ ГЕРОЙ

Памяти Дениса Папина

В серебряной пыли полуночная влага
Пленяет отдыхом усталые мечты,
И в зыбкой тишине речного саркофага
Отверженный герой не слышит клеветы.

Не проклинай людей! Настанет трепет, стоны
Вновь будут искренни, молитвы горячи,
Смутится яркий день,— и солнечной короны
Заблещут в полутьме священные лучи!

20 мая 1894

* * *

Господи! Господи!
Блуждаю один, как челнок,
Безумцем в туман направляемый,
Один, без любви, сожигаемый
Мучительным пламенем грез!

О, страшно стоять одному
На кручи заоблачной,
Стоять одному в беспредельности!
Туманы проходят у ног,
Орлы ко мне редко возносятся,
Как плесень, у грани снегов умирающий мох.

Есть блаженство — не знать и забыть!
Есть блаженство — в толпе затеряться!
Есть блаженство — скалой неоформленной быть
И мхом, этим мхом умирающим!

О, зачем я не сумрачный мох!
О, зачем я не камень дорожный!
Если бы был я пурпуровым маком!
Как на стебле я сладко качался б!
С бабочкой, севшей на венчик, качался,
Светом зари наслаждался,
Солнцем, и тенью, и мраком!

О, если бы был я пурпуровым маком!
О, если бы был я камнем дорожным!

1 декабря 1894

Первые мечты

Es ist eine alte Geschichte.
*H. Heine*¹

* * *

Мы встретились с нею случайно,
И робко мечтал я об ней,
Но долго заветная тайна
Таилась в печали моей.

Но раз в золотое мгновенье
Я высказал тайну свою;
Я видел румянец смущенья,
Услышал в ответ я «люблю».

И вспыхнули трепетно взоры,
И губы слилися в одно.
Вот старая сказка, которой
Быть юной всегда суждено.

27 апреля 1893

* * *

Это было? Неужели?
Нет! и быть то не могло.
Звезды рдели на постели,
Было в сумраке светло.

¹ Это старая история. — *Г. Гейне (нем.)*.

Обвивались нежно руки,
Губы падали к губам...
Этот ужас, эти муки
Я за счастье не отдам!

Странно-нежной и покорной
Приникала ты ко мне,—
И фонарь, сквозь сумрак черный,
Был так явственен в окне.

Не фонарь,— любовь светила,
Звезды сыпала светло...
Неужели это было?
Нет! и быть то не могло!

1893

* * *

Полутемное окошко
Освети на миг свечой
И потом его немножко
Перед лестницей открой.

Я войду к тебе, волнуем
Прежним трепетом любви;
Ты меня встретить поцелуем,
Снова милым назови.

Страстной ласке мы сначала
Отдадимся горячо,
А потом ко мне устало
Ты поникнешь на плечо.

И в чарующей истоме,
Под покровом темноты,
Все для нас потонет — кроме
Упоительной мечты.

4 мая 1893

Мечты, как лентами, словами
Во вздохе слез оплетены.
Мелькают призраки над нами
И недосказанные сны.

О чем нам грезилося тревожно,
О чем молчали мы вдвоем,
Воскресло тенью невозможной
На фоне бледно-золотом.

И мы дрожим, и мы не знаем...
Мы ищем звуков и границ
И тусклым лепетом встречаем
Мерцанье вспыхнувших зарниц.

20 декабря 1895

ЗАВЕТНЫЙ СОН

Заветный сон вступает на ступени;
Мгновенья дверь приотворяет он...
Вот на стене смешались обе тени,
И в зеркале (стыдливость наслаждений!)
Ряд отражений затемнен.

О, не жалея, что яркость побледнела!
Когда-нибудь, в печальной смене лет,
Вернется все, — и не погаснет свет,
И в зеркале, заученно и смело,
Приникнет к телу тело.

8 ноября 1893

ИЗ ПИСЬМА

Милый, прости, что хочу повторять
Прежних влюбленных обеты.
Речи знакомые — новы опять,
Если любовью согреты.

Милый, я знаю: ты любишь меня,
И об одном все моления,—
Жить, умереть, это счастье храня,
Светлой любви уверенья.

Милый, но если и новой любви
Ты посвятишь свои грезы,
В воспоминаниях счастьем живи,
Мне же оставь наши слезы.

Пусть для тебя эта юная даль
Будет прекрасной, как ныне.
Мне же, мой милый, тогда и печаль
Станет заветной святыней.

18 мая 1894

ВЕЧЕРОМ ПЕРЕД ЦЕРКОВЬЮ

Черной полоскою крест
Тонет в темнеющем фоне;
На голубом небосклоне
Сонм зажигается звезд.

Символ любви человека
Что, с обаяньем своим!
Перед глаголом святым,
Данным вселенной от века!

Так не потерей зови,
Что опочило в покое!
То уступает земное
Звездам небесной любви.

19 июля 1893

Новые грезы

Так деревцо свои листы
Меняет каждою весною.

А. Пушкин

* * *

Мрачной повиликой
Поросли кресты,
А внизу цветы
С красной земляникой.

В памяти вдали
Рой былых желаний;
Повиликой ранней
Думы поросли.

А мечты все те же
В блеске молодом
Манят под крестом
Земляникой свежей.

22 октября 1893

* * *

Беспощадною орбитой
Увлечен от прежних грез,
Я за бездною открытой
Вижу солнечный хаос.

Там творений колебанье,
Вдохновенная вражда;
Здесь холодное молчанье,
Незнакомая звезда.

И, горящею кометой
На безжизненном пути,
Я шепчу слова привета,
Как последнее прости.

2 июля 1893

* * *

В тиши задремавшего парка
«Люблю» мне шепнула она.
Луна серебрилась так ярко,
Так зыбко дрожала волна.

Но миг этот не был желанным,
Мечты мои реяли прочь,
И все мне казалось обманным,
Банальным, как лунная ночь.

Сливая уста в поцелуе,
Я помнил далекие сны,
Другие сверкавшие струи,
Иное мерцанье луны.

6 августа 1893

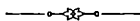
* * *

Звездное небо бесстрастное,
Мир в голубой тишине;
Тайна во взоре неясная,
Тайна, невнятная мне.

Чудится что-то опасное,
Трепет растет в глубине;
Небо безмолвно, прекрасное,
Мир неподвижен во сне.

11 мая 1893

РУССКІЕ СИМВОЛИСТЫ.



ВЫПУСКЪ I.



Валерій Брюсовъ и Л. Л. Митропольскій.



МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа.

Воздвиженка, Престоловоздвизн. цер. Л. Лиснера.

1894.

* * *

Звезды тихонько шептались,
Звезды смотрели на нас.
Милая, верь мне, — в тот час
Звезды над нами смеялись.

Спрашивал я: «Не мечта ли?»
Ты отвечала мне: «Да!»
Верь, дорогая, тогда
Оба с тобою мы лгали.

16 сентября 1893

* * *

Звезды закрыли ресницы,
Ночь завернулась в туман;
Тянутся грез вереницы,
В сердце любовь и обман.

Кто-то во мраке тоскует,
Чьи-то рыданья звучат;
Память былое рисует,
В сердце — насмешка и яд.

Тени забытой упреки...
Ласки недавней обман...
Звезды немые далеки,
Ночь завернулась в туман.

2 апреля 1893

* * *

Слезами блестящие глазки,
И губки, что жалобно сжаты,
А щечки пылают от ласки,
И кудри запутанно-смяты.

В объятьях — бессильно покорна,
Устало потуплены взоры,
А слез бриллианты упорно
Лепечут немые укоры.

1 ноября 1893

МЕЧТЫ О ПОМЕРКШЕМ

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы теперь? Неужели
С венком флердоранжа, с венчальным венком,
Сплели стебельки иммортели?

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы на брачной постели
Повисли гирляндой во мраке ночном,
Гирляндой цветов иммортели?

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы душой овладели,
К чему вы трепещете в сердце моем
На брачной веселой постели?

13 марта 1894

ЗМЕИ

Приникни головкой твоей
Ко мне на холодную грудь
И дай по плечам отдохнуть
Извилистым змеям кудрей.

Я буду тебя целовать,
Шептать бред взволнованных грез,
Скользящие пряди волос
Сплетать и опять расплетать...

И я позабуду на миг
Сомнений безжалостный гнет,
Пока из кудрей не мелькнет
Змеи раздвоенный язык.

30 августа 1893

В САДУ

Не дремлют тени,
Не молкнет сад;
Слова сомнений —
Созвездий взгляд!
Пусть ропщут струи,
Пусть плачет пруд, —
Так поцелуй,
Прильнув, солгут!
Пусть, глянув, канет
В аллее свет, —
Мелькнув, обманет
Любви обет!
И пусть в истоме
Трепещешь ты, —
Все бледно, кроме
Одной мечты!

11 мая 1894

Лирические поэмы

ВСТРЕЧА ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Забытая, бывшая обстановка:
Заснувший парк, луны застывший свет,
И у плеча смущенная головка.

Когда-то ей шептал я (в волнах лет)
Признания, звучавшие, как слезы,
В тиши лоя ласкающий ответ.

Но так давно,— по воле скучной прозы,—
Мы разошлись, и только в мире тьмы
Ее лицо мне рисовали грезы.

Зачем же здесь, как прежде, рядом мы,
В объятиях, сплетая жадно руки,
Под тенями сосновой бахромы!

Зачем года проносятся, как звуки,
Зачем в мечтах туманятся года,
И вот уж нет, и не было разлуки!

По синеве катилась звезда,
Когда она шепнула на прощанье:
«Твоя! твоя! опять и навсегда!»

Я шел один; дремали изваянья
Немых домов и призраки церквей;
И думал я, как лживо ожиданье.

О бард любви, далекий соловей,
О лунный свет, всегда необычайный,
О бахрома нависнувших ветвей!

Вы создали пленительные тайны,
Вы подсказали пламенную ложь,
Мой страстный бред, красивый, но случайный:

Ищу в себе томительную дрожь,
Роптание живительных предчувствий...
Нет! прочь слова! себе ты не солжешь!

Сокровища, заложенные в чувстве,
Я берегу для творческих минут,
Их отдаю лишь в строфах, лишь в искусстве.

А в жизни я — как выпитый сосуд;
Томлюсь, дрожа, весь холоден, ликуя,
Огни страстей лишь вспыхнут, как умрут.

Дитя, прости обманы поцелуя:
Я лгу моля, твердя «люблю», я лгу.
Нет, никого на свете не люблю я,

И никого любить я не могу!

16 августа 1895

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

1

Ты помнишь ли больной осенний день,
Случайное свободное свиданье,
Расцвет любви в период увяданья,
Лучи, когда вокруг ложится тень?

Нас мучила столицы суматоха,
Хотелось прочь от улиц и домов, —
Куда-нибудь в безмолвие лесов,
К молчанию невнемлющего моха.

Нет, ни любовь, ни осень не могли
Затмить в сердцах созвучное стремленье!
Нет, никогда не разорвутся звенья
Между душой и прелестью земли!

Ты помнишь ли мучения вокзала,
Весь этот мир и прозы и минут,
И наконец приветливый приют,
Неясных грез манящее начало?

Ты помнишь ли,— я бросился у ног,
Я голову склонил в твои колени,
Я видел сон мерцающих видений,
Я оскорбить молчание не мог.

Боялись мы отдаться поцелуям,
Мы словно шли по облачной тропе,
И этот час в застенчивом купе
Для полноты был в жизни неминуем.

3

Не знаю я — случайно или нет
Был избран путь, моей душе знакомый...
Какою вдруг мучительной истомой
Повеял мне бывшего первый след.

Выходим мы: знакомое мне поле,
И озеро, и пожелтевший сад,
И дач пустых осиротелый ряд,
И все кругом... О Леля! Леля! Леля!

Да, это здесь росла моя любовь,
Меж тополей, под кудрями березы,
У этих мест уже бродили грезы...
Я снова здесь, и здесь люблю я вновь.

4

Вошли мы в лес, ища уединенья.
Сухой листвы раскинулся ковер,—
И я поймал твой мимолетный взор:
Он был в тот миг улыбкой восхищенья.

Рука с рукой в лесу бродили мы,
Встречая грязь, переходя канавы,
Ломали сучья, мяти сушь и травы,
Смеялись мы над призраком зимы.

И, подойдя к исписанной скамейке,
Мы сели там и любовались всем, —
Как хорошо, тепло, как воздух нем,
Как в вышине спят облачные змейки!

5

В безмолвии слова так хороши,
Так дороги в уединеньи ласки,
И так блестят возлюбленные глазки
Осенним днем в осмеянной глуши.

Кругом болезнь, упрямые вороны,
Столбы берез, осины багрянец,
За дымкою мучительный конец,
В молчании томительные стоны.

Одним лишь нам — душистая весна,
Одним лишь нам — душистые фиалки!
И плачет лес, завистливый и жалкий,
И внемлет нам сквозь слезы тишина.

6

Мы перешли на старое кладбище,
Где ждали нас холодные кресты.
Почиют здесь безумные мечты,
И здесь душа прозрачнее и чище.

Склонились мы над маленьким крестом,
Где скрыто все, мне вечно дорогое,
И где она оставлена в покое
Приветствием и дерзостным судом.

И долго я пад юною могилой,
Обнявши крест, томился недвижим;
И ты, мой друг, ты плакала над ним,
Над образом моей забытой милой.

7

Еще сильней я полюбил тебя
За этот миг, за слезы, эти слезы!
Забыла ты ревнивые угрозы,
Соперницу ласкала ты, любя!

Я чувствовал, что с сердцем отогретым
Мы кладбище оставили вдвоем.
Горел закат оранжевым огнем,
Восток синел лилово-странным светом.

Мы снова шли, и шли, как прежде, мы
К великому, безбрежному сближенью,
Чужды опять лесов опустошенью,
Опять чужды дыханию зимы.

8

На станции мы поезд ожидали
И выбрали заветную скамью,
Где Леле я проговорил «люблю»,
Где мне «люблю» слышалось из дали.

Луна плыла за дымкой облаков,
Горели звезд алмазные каменья,
В немом пруду дробились отраженья,
А на душе лучи сверкали снов.

То был ли бред, опять воспоминанья,
Прошедшее, воскресшее во мне!
Слова любви шептал ли я во сне,
Иль наяву я повторял признанья?

9

И две мечты — невеста и жена —
В объятиях предстали мне так живо.
Одна была, как осень, молчалива,
Восторженна другая, как весна.

Я полон был любовью к обеим,
К тебе, и к ней, и вновь и вновь к тебе,
Я сладостно вручал себя судьбе,
Таинственной надеждою лелею...

Ты помнишь ли наш путь назад сквозь тень,
Недавних грез с разлукою слиянье,
Случайное свободное прощанье,
Промчавшийся, но возвратимый день?

25 сентября 1894

CHEFS D'ŒUVRE

1894—1896

***А. Л. Миропольскому,
другу давних лет***

Стихи о любви

Amorem sanat aetas prima¹.

А. Пушкин

Полдень Явы

Посв. М.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Моя любовь — палящий полдень Явы,
Как сон разлит смертельный аромат,
Там ящеры, зрачки прикрыв, лежат,
Здесь по стволам свиваются удавы.

И ты вошла в неумолимый сад
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цветы дрожат, сильнее дышат травы,
Чарует все, все выдыхает яд.

Идем: я здесь! Мы будем наслаждаться, —
Играть, блуждать, в венках из орхидей,
Тела сплетать, как пара жадных змей!

День проскользнет. Глаза твои смежата.
То будет смерть. — И саваном лиан
Я обовью твой неподвижный стан.

25 ноября 1894

ПЕРЕД ТЕМНОЙ ЗАВЕСОЙ

Слова теряют смысл первоначальный,
Дыханье тайны явно для души,
В померкшем зеркале твои глаза печальны,
Твой голос — как струна в сочувственной тиши.

¹ Пусть юный возраст поет о любви (лат.).

О погоди! — последнего признанья
Нет силы вынести, нет силы взять.
Под сенью пальмы — мы два бледных изваянья,
И нежит мне чело волос приникших прядь.

Пусть миги пролетят беззвучно, смутно,
Пред темной завесой безвестных дней.
Мы — двое изгнанных в пустыне бесприютной,
Мы — в бездне вечности чета слепых теней...

Молчание смутим мы поцелуем,
Святыню робости нарушит страсть.
И вновь, отчаяньем и счастьем волнуем,
Под вскрик любви, в огонь рук я должен буду пасть!

28 ноября 1897, 1911

ИЗМЕНА

Сегодня! сегодня! как странно! как странно!
Приникнув к окошку, смотрю я во мглу.
Тяжелые капли текут по стеклу,
Мерцания в лужах, дождливо, туманно.

Сегодня! сегодня! одни и вдвоем!
Притворно стыдливо прикроются глазки,
И я расстегну голубые подвязки,
И мы, не смущенные, руки сплетем!

Мы счастливы будем, мы будем безумны!
Свободные, сильные, юные, — мы!..
Деревья бульвара кивают из тьмы,
Пролетки по камням грохочут бесшумно.

О, милый мой мир: вот Бодлер, вот Верлен,
Вот Тютчев, — любимые, верные книги!
Меняю я вас на блаженные миги...
О, вы мне простите коварство измен!

Прощайте! прощайте! Сквозь дождь, сквозь ненастье,
Пойду, побегу, как безумец, как вор,
И в лужах мелькнет мой потупленный взор:
«Угрюмый и тусклый» огонь сладострастья!

14 сентября 1895

TEHN

Сладострастные тени на темной постели окружили,
 легли, притаились, манят.
 Наклоняются груди, сгибаются спины, веет жгучий,
 тягучий, глухой аромат.
 И, без силы подняться, без воли прижаться и вдавить
 свои пальцы в округлости плеч,
 Точно труп, наблюдаю бесстыдные тени в раздражающем
 блеске курящихся свеч;
 Наблюдаю в мерцании колен изваянья, беломраморность
 бедер, оттенки волос...
 А дымящее пламя взвивается в вихре и сливает тела
 в разноцветный хаос.

О, далекое утро на вспененном взморье, странно-алые
краски стыдливой зари!
О, весенние звуки в серебряном сердце и твой
сказочно-ласковый образ, Мари!
Это утро за ночью, за мигом признанья, перламутрово-
чистое утро любви,
Это утро, и воздух, и солнце, и чайки, и везде — точно
отблеск — улыбки твои!
Озаренный, смущенный, ребенок влюбленный,
я бессильно плыву в безграничности грез...
А дымящее пламя взвивается в вихре и сливает мечты
в разноцветный хаос.

19 сентября 1895

ВСЕ КОНЧЕНО...

Все кончено, меж нами связи нет...
А. Пушкин

Эта светлая ночь, эта тихая ночь,
Эти улицы, узкие, длинные!
Я спешу, я бегу, убегая я прочь,
Прохожу тротуары пустынные.
Я не в силах восторга мечты превозмочь,
Повторяю напевы старинные,
И спешу, и бегу, — а прозрачная ночь
Стелет тени, манящие, длинные.

Мы с тобой разошлись навсегда, навсегда!
Что за мысль несказанная, странная!
Без тебя и наступят и минут года,
Вереница, неясно туманная.
Не сойдемся мы вновь никогда, никогда,
О, любимая, вечно желанная!
Мы расстались с тобой навсегда, навсегда...
Навсегда? Что за мысль несказанная!

Сколько сладости есть в тайной муке мечты.
Этой мукой я сердце баюкаю,
В этой муке нашел я родник красоты,
Упиваюсь изысканной мукою.
«Никогда мы не будем вдвоем, — я и ты...»
И на грани пред вечной разлукою
Я восторгов ищу в тайной муке мечты,
Я восторгами сердце баюкаю.

14 ноября 1895

К моей Миньоне

Посв. моей Миньоне

* * *

Знаешь, Миньона, один только раз
Были с тобою мы близки:
Час лишь один был действительный час,
Прочие — бледные списки!

Свет озарил нас и быстро погас,
Сжались извивы объятий,
Стрелка часов обозначила: «час»
На роковом циферблате!

В этот лишь миг, лишь единственный раз,
Видел тебя я моею!
Как объяснить, что покинуло нас?
Нет, не могу, не умею!

Ярок, как прежде, огонь твоих глаз,
Ласки исполнены яда.
Свет озарил нас и быстро погас...
Сердце! чего ж тебе надо?

Нет, не всемогущ любовный экстаз,
Нет, мы с тобою не близки!
Час лишь один был действительный час,
Прочие — бледные списки!

11 августа 1895

Глупое сердце

Посв. Э.

* * *

Глупое сердце, о чем же печалиться!
Встретясь, шутили, шутя целовались,
Гордой победой она не похвалится,
В памяти счастья минуты остались...
Глупое сердце, о чем же печалиться?

Тянется поле безмолвное, снежное,
Дремлют березки в безжизненном инее,
Небо нависло — уныло-безбрежное,
Странно-неясное, серое, синее,
Замерло, умерло, будто бы снежное...

Глупое сердце! о чем же печалиться!

15 ноября 1895

ПОЦЕЛУИ

Здесь, в гостиной полутемной,
Под навесом кисей
Так заманчивы и скромны
Поцелуи без любви.

Это — камень в пенном море,
Голый камень на волнах,
Над которым светят зори
В лучезарных небесах.

Это — спящая принцесса,
С ожиданьем на лице,
Посреди глухого леса
В очарованном дворце.

Это — маленькая фея,
Что на утренней заре,
В свете солнечном бледнея,
Тонет в топком янтаре.

Здесь, в гостиной полутемной,
Белы складки кисей,
И так чисты, и так скромны
Поцелуи без любви.

30 октября 1895

ВО МГЛЕ

Страстно, в безумном порыве ко мне ты прижалась
Страстно...
Черная мгла колыбалась
Безучастно.

Что-то хотелось сказать мне родное, святое...
Тщетно!
Сердце молчало в покое
Безответно.

Мягкие груди сильнее и сильнее прижимались,
Жадно,—
Тени во мраке смеялись
Беспощадно.

6 ноября 1895

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Мы встанем с тобой при свечах,
Дитя мое!
Мы встанем с тобой при свечах,
Дитя мое!

На черно-безжизненный сад,
Из вышины,
Последние звезды глядят
И серп луны.

Еще не рассеялась мгла,
И солнца нет,
Но чара ночей отошла,
И брезжит свет.

В томлении ждем мы, когда
Лучи свои
Торжественно бросит звезда,
Звезда Любви.

Но все неизменно вокруг,
Дитя мое!
О, плачь же со мною, мой друг,
Дитя мое!

29 октября 1895

Воспоминание о малюточке Коре

* * *

Умереть, умереть, умереть!
На таинственном фоне картины
Вырезается ярко мечеть,
Издалека кричат муэдзины,
Грохот города слышен вдали...
О заветные звуки земли!

Озарен, весь в звездах небосвод,
Кипарисные купы поникли.
Красный Марс между веток плывет
На последнем своем эпицикле.
Холодеет скамья, словно гроб.
Знаю, знаю свой злой гороскоп!

Ты ко мне прибежишь, проскользнешь,
Вся дрожа, с беглой молнией взора.
И опять всю жестокою ложь
Прошепчу тебе, бедная Кора!
Мы сомкнем упоенно уста...
Но мне все предрасскажет мечта!

Темный сад напоен, опьянен
Знойным запахом роз и жасмина.
Жизнь прекрасна, как сказка, как сон,
Как певучий призыв муэдзина.
Но как страшно вперед посмотреть!
Умереть, умереть, умереть!

29 ноября 1895

* * *

Черные тени узорной решетки
Ясно ложатся по белому снегу.
Тихие звезды — задумчиво-кротки,
Месяц пророчит истому и негу.
Черные окна немого собора
Смотрят угрюмо на белое поле.
Здесь ты и дремлешь, малюточка Кора,
Слишь беспробудно в холодной неволе!

Вижу я ночь твоей родины дальней,
Яркое небо, в пылающих звездах!
(Ах, там созвездия блещут кристальной,
Ах, там живей и томительней воздух!)
Смуглая девочка знойного Юга,
Что ты искала на Севере слепо?
Счастья, в объятиях нового друга?
Но обрела лишь молчание склепа!

Ясными рунами вписанный в небе,
Я (астролог беспощадно-жестокий!)
Верно прочел твой мучительный жребий,
Но утаил от тебя эти строки!
Все совершилось безжалостно-скоро:
Звезды родные солгать не хотели!
Здесь ты и дремлешь, малюточка Кора,
Спишь беспробудно под песни метели...

Ноябрь 1895



Неизвѣстной, ослѣпленной, странной,
Я изыскалъ безпѣрное счастье, —
Наслаждаюсь мѣтлой нескладанной
И свободнымъ восторгомъ безстрастна.

Валерій Брюсовъ.

Др. 96: Киселовъ.

Криптомерии

Мечтал о лесах криптомерий...

В НОЧНОЙ ПОЛУМГЛЕ

В ночной полумгле, в атмосфере
Пьянящих, томящих духов,
Смотрел я на синий альков,
Мечтал о лесах криптомерий.

И вот — я лежу в полусне
На мху первобытного бора;
С мерцаньем прикрытого взора
Подруга прильнула ко мне.

Мы тешились оба охотой:
Гонялись за пестрым дроздом.
Потом, утомленно вдвоем
Забылись недолгой дремотой.

Но чу! что за шелест лиан?
Опять вау-вау проказа?
Нет, нет! два блестящие глаза...
Подруга! мой лук! мой колчан!

Встревоженный шепот: «Валерий!
Ты бредишь. Скажи, что с тобой?
Мне страшно!» — Альков голубой
Сменяет хвою криптомерий.

Февраль 1895

ОПЯТЬ СОН

Мне опять приснились дебри,
Глушь пустынь, заката тишь.
Желтый лев крадется к зебре
Через травы и камыш.

Предо мной стволы упрямо
В небо ветви вознесли.
Слышу шаг гиппопотама,
Заросль мнущего вдали.

На утесе безопасен,
Весь я — зренье, весь я — слух.
Но виденья старых басен
Возмущают слабый дух.

Из камней не выйдет вдруг ли
Племя карликов ко мне?
Обрацаю ветки в угли,
Лес не встанет ли в огне?

Месяц вышел. Громче шорох.
Зебра мчится вдалеке.
Лев, метнув шуршащий ворох
Листьев, тянется к реке.

Дали сумрачны и глухи.
Хруст слышнее. Страшно. Ведь
Кто же знает: это ль духи
Иль пещеры царь — медведь!

1911

ОЖИДАНИЕ

Душен воздух вольных прерий,
Жгучи отблески лазури,
И в палящей атмосфере
Чуют птицы, чуют звери
Приближенье дальней бури.

Но не я поддамся страху,
Но не он нарушит слово!
И рука, сдавив наваху,
Приготовлена ко взмаху,
На смертельный бой готова.

Чу! как будто смутный топот!
Что нам бури! что нам грозы!
Сердце! прочь безумный ропот,
Вспомни ночь и вспомни шепот...
Гей! сюда! я здесь, дон Хозе!

15 августа 1895

НА ЖУРЧАЩЕЙ ГОДАВЕРИ

Лист широкий, лист банана,
На журчащей Годавери,
Тихим утром — рано, рано —
Помоги любви и вере!

Орхидеи и мимозы
Унося по сонным волнам,
Осуши надеждой слезы,
Сохрани венок мой полным.

И когда, в дали тумана,
Потеряю я из виду
Лист широкий, лист банана,
Я молиться в поле выйду;

В честь твою, богиня Счастья,
В часть твою, суровый Кама,
Серьги, кольца и запястья
Положу пред входом храма.

Лист широкий, лист банана,
Если ж ты обронишь ношу,
Тихим утром — рано, рано —
Амулеты все я сброшу.

По журчащей Годавери
Я пойду, верна печали,
И к безумной баядере
Снизойдет богиня Кали!

15 ноября 1894

НА ОСТРОВЕ ПАСХИ

Раздумье знахаря-заклинателя

Лишь только закат над волнами
Погаснет огнем запоздалым,
Блуждаю один я меж вами;
Брожу по рассеченным скалам.

И вы, в стороне от дороги,
Застывши на каменной гряде,
Стоите, недвижны и строги,
Немые, громадные люди.

Лица мне не видно в тумане,
Но знаю, что страшно и строго.
Шепчу я слова заклинаний,
Молю неизвестного бога.

И много тревожит вопросов:
Кто создал семью великанов?
Кто высек людей из утесов,
Поставил их стражей туманов?

Мы кто? — Жалкий род без названья!
Добыча нам — малые рыбы!
Не нам превращать в изваянья
Камней твердогрудые глыбы!

Иное — могучее племя
Здесь грозно когда-то царило,
Но скрыло бегучее время
Все то, что свершилось, что было.

О прошлом никто не споеет нам.
Но грозно, на каменной груди,
Стоите, в молчаньи дремотном,
Вы, страшные, древние люди!

Храня океан и утесы,
Вы немые навек, исполины!..
О, если б на наши вопросы
Вы дали ответ хоть единый!

И только, когда над волнами
Даль гаснет огнем запоздалым,
Блуждаю один я меж вами,
По древним, рассеченным скалам.

15 ноября 1895

ПРОКАЖЕННЫЙ

Рисунок тушью

Прокаженный молился. Дорога
Извивалась по сдвинутым скалам;
Недалеко чернела берлога;
Были тучи стремительны; строго
Ветер выл по кустам одичалым.

Диссонанс величавых мелодий —
Дальний топот врывался неожиданно.
Конь спешил, конь летел на свободе,
Был ездок неподвижен и странно
Улыбался земной непогоде.

Вылетая к угрюмой берлоге,
Шевельнулся мертвец, как в тревоге.
Конь всхрапел, на дыбы приподнялся:
В двух шагах перед ним на дороге
Прокаженного труп улыбался.

23 ноября 1894

С КОМЕТЫ

Помнишь эту пурпурную ночь?
Серебрилась на небе Земля
И Луна, ее старшая дочь.
Были явственно видны во мгле
Океаны на светлой Земле,
Цепи гор, и леса, и поля.

И в тоске мы мечтали с тобой:
Есть ли *там* и мечта и любовь?
Этот мир серебристо-немой
Ночь за ночью осветит; потом
Будет гаснуть на небе ночном,
И одни мы останемся вновь.

Много есть у пурпурных небес, —
О мой друг, о моя красота, —
И загадок, и тайн, и чудес.
Много мимо проходит миров,
Но напрасны вопросы веков:
Есть ли *там* и любовь и мечта?

16 января 1895

Холм Покинутых Святынь

Но, встретив Холм Покинутых Святынь...

МОЯ МЕЧТА

Моей мечте люб кругозор пустынь,
Она в степях блуждает вольной серной.
Ей чужд покой окованных рабынь,
Ей скучен путь проложенный и мерный.
Но, встретив Холм Покинутых Святынь,
Она дрожит, в тревоге суеверной,
Стоит, глядит, не шелохнет травой,
И прочь идет с поникшей головой.

23 июня 1895

ЛЪВНИЦА СРЕДИ РАЗВАЛИН

Грагюра

Холодная луна стоит над Пасаргадой.
Прозрачным сумраком подернуты пески.
Выходит дочь царя в мечтах ночной тоски
На каменный помост — дышать ночной прохладой.

Пред ней знакомый мир: аркада за аркадой;
И башни и столпы, прозрачны и легки;
Мосты, повисшие над серебром реки;
Дома, и Бэлахрам торжественной громадой...

Царевна вся дрожит... блестят ее глаза...
Рука сжимается мучительно и гневно...
О будущих веках задумалась царевна!

И вот ей видится: ночные небеса,
Разрушенных колонн немая вереница
И посреди руин — как тень пустыни — львица.

24 июня 1895

ЖРЕЦ

Бронзовая статуэтка

Далекий Сириус, холодный и немой!
Из ночи в ночь надменно
Сверкаешь ты над сумрачной землей,
Царишь над бедственной вселенной.

Владыка Сириус, не внемлющий мольбам,
Непобедимый мститель!
Пред алтарем ненужный фимиам
Тебе затеплил твой служитель.

Ты чужд нам, Сириус! но твой холодный луч
Сжигает наши жатвы.
Губи меня! и отравляй! и мучь!
И отвергай с презреньем клятвы!

Тебе, о Сириус, не знающий людей,
Я возношу моления
Среди толпы, и в хижине своей,
И в миг последний упоенья!

16 октября 1894

К МОНАХИНЕ

В средние века

Ты — монахиня! лилия бога!
Ты навеки невеста Христа!
Это я постучал в ворота,
Это я у порога!

Я измучен, я весь истомлен,
Я бессилён, я мертв от желаний.
Все вокруг — как в багряном тумане,
Все вокруг — точно звон.

Выходи же! иди мне навстречу!
Я последней любви не таю!
Я безумно тебя обовью,
Дикой лаской отвечу!

И мы вздрогнем, и мы упадем,
И, рыдая, сплетемся, как змей,
На холодном полу галереи
В полумраке ночном.

Но, под тем же таинственным звоном,
Я нащупаю горло твоё,
Я сдавлю его страстно — и всё
Будет кончено стоном.

26 июля 1895

В СТАРОМ ПАРИЖЕ

XVII век

Холодная ночь над угрюмою Сеной,
Да месяц, блестящий в раздробленной влаге,
Да труп позабытый, обрызганный пеной.

Здесь слышала стоны и звяканья шпаги
Холодная ночь над угрюмою Сеной,
Смотрела на подвиг любви и отваги.

И месяц, блестящий в раздробленной влаге,
Дрожал, негодуя, пред низкой изменой...
И слышались стоны, и звякали шпаги.

Но труп позабытый, обрызганный пеной,
Безмолвен, недвижим в речном саркофаге.
Холодная ночь над угрюмою Сеной

Не помнит про подвиг любви и отваги,
И месяц, забыв, как дрожал пред изменой,
Безмолвен, раздроблен в речном саркофаге!

10 августа 1895

АНАТОЛИЙ

В Венеции XVIII в.

Я видела в окно: на маленькой гондоле
Он уплывал от стен монастыря,
И за кормой пурпурная заря
Дрожала в синеве цветком желтофиоли.

Как плавно, как легко, как смело — Анатолий
Скользил веслом по брызгам янтаря,
Но всплески волн чуть долетали с воли,
И покрывали их напевы псалтыря.

Я отошла смущенно и тревожно...
С толпой подруг спустилась в церковь я,
Но жить казалось мне смешно и невозможно.

О господи! да будет власть твоя.
Надломлены мечты, но я роптать не вправе...
О сердце, замолчи... *Expectans expectavi...*

24 декабря 1894

В ПРОШЛОМ

Ты не ведала слов отречения.
Опустивши задумчивый взор,
Точно в церковь, ты шла на мученья,
Обнаженной, забыла позор.

Вся полна неизменной печали,
Прислонилась ты молча к столбу, —
И соломой тебя увенчали,
И клеймо наложили на лбу.

А потом, когда смели бичами
Это детское тело терзать,
Вся в крови поднята палачами,
«Я люблю» ты хотела сказать.

3 ноября 1894

В БУДУЩЕМ

Я лежал в аромате азалий,
Я дремал в музыкальной тиши,
И скользнуло дыханье печали,
Дуновенье прекрасной души.

Где-то там, на какой-то планете,
Без надежды томилася ты,
И ко мне через много столетий
Долетели больные мечты.

Уловил я созвучные звуки,
Мне родные томленья постиг,
И меж гранями вечной разлуки
Мы душою слились на миг.

9 августа 1895

БЕГЛЕЦ

Израненной рукой схватившись за карниз,
Над темной пропастью я трепетно повис.

Бесстрастно в вышине печалилась луна,
Стонала вдалеке беспечная волна,

И с этим ропотом сливалось, в отдалении,
Гитары ласковой унылое моление.

Я посмотрел вокруг. Высокая луна
В прозрачной синеве бледна и холодна.

Окно с решеткою, окно моей тюрьмы.
А там... безмолвный мрак и камни в бездне тьмы!

И вспомнил я любовь... твоё непостоянство...
И пальцы разошлись, — я кинулся в пространство!

25 декабря 1894

В МАГИЧЕСКОМ САДУ

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Ф. Тютчев

К скамье у мраморной цистерны
Я направлял свой шаг неверный,
Но не дошел, но изнемог
И вдалеке упал на мох.

Там у бассейна в перебранке
Стояли стройные гречанки,
Я к ним взывал; мой стон для них
Был слишком чужд и слишком тих.

Вот боль затихла в свежей ране...
Но целый ад пылал в гортани!
Святыней для меня тогда
Была б студеная вода!

Я встать пытался, но напрасно.
Стонал, — все было безучастно...
И мне пригрезилось в бреду,
Что я в магическом саду.

Цветут каштаны, манят розы,
Порхают светлые стрекозы,
Над яркой роскошью куртин
Бесстрастно дышит бальзамин.

И, все ж, нигде воды ни капли!
Фонтаны смолкли и иссякли,
И, русла обнажив свои,
Пленяют камнями ручьи.

Я, мучим жаждой беспощадной,
К ручьям, ключам бросаюсь жадно,
Хватаю камни, изнемог —
И вновь упал на мягкий мох.

Что мне до всех великолепий!
Волшебный сад — жесточе степи!
Воды! воды! — и тщетный стон
Холодным эхо повторен.

10 февраля 1895

Будни

В тусклых днях увялой прозы...

ТУМАННЫЕ НОЧИ

Вся дрожа, я стою на подъезде
Перед дверью, куда я вошла накануне,
И в печальные строфы слагаются буквы созвездий.

О туманные ночи в палящем июне!

Там, вот там, на закрытой террасе,
Надо мной наклонялись зажженные очи,
Дорогие черты, искаженные в страстной гримассе.

О туманные ночи! туманные ночи!

Вот и тайна земных наслаждений...
Но такой ли ее я ждала накануне!
Я дрожу от стыда — я смеюсь! Вы солгали мне, теши!

Вы солгали, туманные ночи в июне!

12—13 августа 1895

ПОДРУГИ

Три женщины, грязные, пьяные,
Обнявшись, идут и шатаются.
Дрожат колокольни туманные,
Кресты у церквей наклоняются.

Заслышавши речи бессвязные,
На хриплые песни похожие,
Смеются извозчики праздные,
Сторонятся грубо прохожие.

Идут они, грязные, пьяные,
Поют свои песни, ругаются...
И горестно церкви туманные
Пред ними крестами склоняются.

27 сентября 1895

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Серебро, огни и блески, —
Целый мир из серебра!
В жемчугах горят березки,
Черно-голые вчера.

Это — область чьей-то грезы,
Это — призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.

Экипажи, пешеходы,
На лазури белый дым,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новым и святым.

Воплощение мечтаний,
Жизни с грезой игра,
Этот мир очарований,
Этот мир из серебра!

21 января 1895

ОДНА

В этот светлый вечер мая,
В этот час весенних грез,
Матерь бога пресвятая,
Дай ответ на мой вопрос.

Там теперь сгустились тени, !
Там поднялся аромат, .
Там он ждет в тоске сомнений,
Смотрит в темень наугад.

Поцелуи, ласки, речи
И сквозь слезы сладкий смех...
Неужели эти встречи —
Только сети, только грех?

В тусклых днях унылой прозы,
Нежеланного труда,
Час свиданья видят грезы,
Светит дальняя звезда.

Неужели искру рая
Погасить и встретить ночь?
Матерь бога пресвятая,
Ты сумеешь мне помочь!

Ты услышишь, Матерь-Дева,
Горький девичий вопрос
И ответишь мне без гнева
В этот час весенних грез.

6 декабря 1895

ОДНА

Нет мне в молитве отрады,
Боже мой, как я грешна!
Даже с мерцаньем лампы
Борется светом луна.

Даже и в девичьей спальне
Помнится дремлющий сад,
А из киотов печальней
Лики святые глядят.

Боже, зачем искушение
Ты в красоте создаешь!
В лунном немом освещении
Был он так дивно хорош.

Тихо склонялися клены,
С неба скользнула звезда...
Здесь перед светом иконы
Вся я дрожу от стыда.

Сжался, отец правосудный,
Дай утешенье в тоске...
В лунных лучах изумрудный
Луг опускался в реке.

Шли мы дорожкой... и словно
Я отвечала «люблю»...
Боже мой, как я греховна,
Чем я свой грех искуплю!

21 апреля 1894

В ВЕРТЕПЕ

В сияющем изысканном вертепе,
Под музыку, сулившую канкан,
Я задремал, поникнув на диван,
И вдруг себя увидел в черном склепе.

Вокруг стоял мучительный туман,—
В окно несло благоуханье степи.
Я встать хотел,— мешала боль от ран,
И на ногах задрезали цепи.

И что-то вдруг так ясно стало мне,
Что горько я заплакал в полусне,
Что плакал я, смущенно просыпаясь.

Опять звенит приманчиво рояль,
Мой странный сон бледнеет, расплываясь,
Но мне еще — кого-то — смутно — жаль...

1 февраля 1895

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш,—
А там, на ее занавеске,
Повисла Летучая Мышь.

Мерцает неслышно лампада,
Белеет открытая грудь...
Все небо мне шепчет: «Не надо»,
Но Мышь повторяет: «Забуди!»

Покорен губительной власти,
Близ окон брожу, опьянен.
Дрожат мои руки от страсти,
В ушах моих шум веретен.

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш,
А там у нее — к занавеске
Приникла Летучая Мышь.

Вот губы сложились в заклятье...
О девы! довольно вам пряться!
Все шумы исчезнут в объятьи,
В твоём поцелуе, о страсть!

Лицом на седой подоконник,
На камень холодный упав,
Я вновь — твой поэт и поклонник,
Царица позорных забав!

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш,
А там — у нее, с занавески,—
Хохочет Летучая Мышь!

27 сентября 1895

НОЧЬЮ

Дремлет Москва, словно самка спящего страуса,
Грязные крылья по темной почве раскинуты,
Кругло-тяжелые веки безжизненно сдвинуты,
Тянется шея — беззвучная, черная Яуза.

Чуешь себя в африканской пустыне на роздыхе.
Чу! что за шум? не летят ли арабские всадники?
Нет! качая грузными крыльями в воздухе,
То приближаются хищные птицы — стервятники.

Падали запах знаком крылатым разбойникам,
Грозен голос гудящего с неба возмездия.
Встанешь, глядишь... а они всё кружат
над покойником,
В небе ж тропическом ярко сверкают созвездия.

20 июня 1895

В КАМЫШАХ

Луна в облаках — далека, хороша.
Челнок неподвижен в кустах камыша.

Дробятся лучи в беспокойной реке.
Задумчиво кто-то сидит в челноке.

Сияет венец вокруг холодной луны.
Чьим стоном нарушен покой тишины?

В таинственных далях, как утром, светло.
Чу! кто-то рыдает... упало весло...

22—23 октября 1895

СУМАСШЕДШИЙ

Чтоб меня не увидел никто,
На прогулках я прячусь, как трус,
Приподняв воротник у пальто
И на брови надвинув картуз.

Я встречаю нагие тела,
Посинелые в рыхлом снегу,
Я минуты убийств стерегу
И смеюсь беспощадно с угла.

Я спускаюсь к реке. Под мостом
Выбираю угрюмый сугроб.
И могилу копаю я в нем,
И ложусь в приготовленный гроб.

Загорается дом... и другой...
Вот весь город пылает в огне...
Но люблюсь на блеск дорогой
Только я — в ледяной тишине.

А потом, отряхнувши пальто,
Принадвинув картуз на глаза,
Я бегу в неживые леса...
И не гонится сзади никто!

17 января 1895

ПУРПУР БЛЕДНЕЮЩИХ ГУБ

Медленно всходит луна,
Пурпур бледнеющих губ.
Милая, ты у окна —
Тиной опутанный труп.

Милая, о, наклонись...
Пурпур бледнеющих губ.
Клятвы возносятся ввысь...
Тиной опутанный труп.

Если б прижать мне к губам
Пурпур бледнеющих губ!
Звезды ли падают к нам?
Тиной опутанный труп.

Плачут кругом... но о чем?
Пурпур бледнеющих губ,
А на песке огнем
Тиной опутанный труп.

Верен был клятве своей
Пурпур бледнеющих губ...
Что ж! уносите скорей
Тиной опутанный труп!

16 августа 1895

Часы дней

...и проклял наши дни...

СОНЕТ К МЕЧТЕ

Ни умолять, ни плакать неспособный,
Я запер дверь и проклял наши дни.
И вот тогда, в таинственной тени,
Явился мне фантом женоподобный.

Он мне сказал: «Ты слышишь ропот злобный?
Для книг твоих разложены огни.
Смирись, поэт! мечтанья прокляни
И напиши над ними стих надгробный!»

Властительно слова звучали, но
Томился взор тревогой сладострастной,
Дрожала грудь под черным домино,

И вновь у ног божественно-прекрасной,
Отвергнутой, осмеянной, родной,
Я отвечал: «Зачем же ты со мной!»

4—6 сентября 1895

МЕЧТА

О, если б я мог быть невинным, как ты,
Как ты — отзвук лазурного эхо! —
Беспечно видеть твои черты,
С улыбкой слушать колокольчики смеха!

Целый день мы с тобой проводили б вдвоем,
Наслаждаясь запущенным садом,
Бегали б в темных аллеях, — потом
Отдыхать садились бы рядом.

Мы были б с тобой две сестры,
Делили грезы, радость, печали,
И если б столкнулись во время игры,
Струны желанья во мне не дрожали б.

Ноябрь 1894

ПОСЛЕ ГРЕЗ

Я весь день, всё вчера, пробуждал по стране моих снов;
Как больной мотылек, я висел на стеблях у цветов;
Как звезда в вышине, я сиял, я лежал на волне;
Этот мир моих снов с ветерком целовал в полусне.
Нынче я целый день все дрожу, как больной мотылек;
Целый день от людей, как звезда в вышине, я далек,
И во всем, что кругом, и в лучах, и во тьме, и в огне,
Только сон, только сны, без конца, открываются мне...

8 июня 1895

* * *

Когда бывшие дни я вижу сквозь туман,
Мне кажется всегда — то не мое бывшее,
А лишь прочитанный восторженный роман.

И странно мне теперь, в томительном покое,
Припомнить блеск побед и боль заживших ран:
И сердце, и мечты, и все во мне — иное...

Напрасен поздний зов когда-то милых лиц,
Не воскресить мечты, мелькнувшей и прожитой, —
От горя и любви остался ряд страниц!

И я иду вперед дорогою открытой,
Вокруг меня темно, а сзади блеск зарниц...
Но неизменен путь звезды ее орбитой.

22 июня 1895

*Méditations*¹

Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая...

* * *

Хорошо одному у окна!
Небо кажется вновь голубым,
И для взоров обычна луна,
И сплетает опять тишина
Вдохновенье с раздумьем святым.

И гирлянду пылающих роз
Я доброшу до тайны миров,
И по ней погружусь я в хаос
Неизведанных творческих грез,
Несказанных таинственных слов.

Эта воля — свободна опять,
Эта мысль — как комета — вольна!
Все могу уловить, все могу я понять...
И не надо тебя целовать,
О мой друг, у ночного окна!

5 января 1895

* * *

Тонкой, но частою сеткой
Завтрашний день отделен.
Мир так ничтожен, и редко
Виден нам весь небосклон.

¹ Размышления (франц.).

В страхе оглянешься — тени,
Призраки, голос «иди!»...
Гнутся невольно колени,
Плещут молитвы в груди.

Плакать и биться устанешь;
В сердце скрывая укор,
На небо черное взглянешь...
С неба скользнет метеор.

14 декабря 1894

* * *

Облегчи нам страдания, боже!
Мы, как звери, вгнездились в пещеры —
Жестко наше гранитное ложе,
Душно нам без лучей и без веры.

Самоцветные камни блистают,
Вдаль уходят колонны вереницы,
Из холодных щелей выползают
Саламандры, ужи и мокрицы.

Наши язвы наполнены гноем,
Наше тело на падаль похоже...
О, простри над могильным покоем
Покрывало последнее, боже!

15 декабря 1894

* * *

Свиваются бледные тени,
Видения ночи беззвездной,
И молча над сумрачной бездной
Качаются наши ступени.

Друзья! Мы спустились до края!
Стоим над разверзнутой бездной —
Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая.

Мы верили нашей дороге,
Мечтались нам отблески рая...
И вот — неподвижны — у края
Стоим мы, в стыде и тревоге.

Неверное только движенье,
Хоть шаг по заветной дороге,—
И нет ни стыда, ни тревоги,
И вечно, и вечно паденье!

Качается лестница тише,
Мерцает звезда на мгновенье,
Послышится ль голос спасенья:
Откуда — из бездны иль свыше?

18 февраля 1895

* * *

Скала к скале; безмолвие пустыни;
Тоска ветров, и раскаленный сплин.
Меж надписей и праздничных картин
Хранит утес два образа святыни.

То — демоны в объятиях. Один
Глядит на мир с надменностью гордыни;
Другой склонен, как падший властелин.
Внизу стихи, не стертые доныне:

«Добро и зло — два брата и друзья.
Им общий путь, их жребий одинаков».
Неясен смысл клинообразных знаков.

Звонят порой признанья соловья;
Приходит тигр к подножию утеса.
Скала молчит. Ответам нет вопроса.

7 января 1895

Лирические поэмы

СНЕГА

Терцины

Луны холодные рога
Струят мерцанье голубое
На неподвижные снега;

Деревья-призраки — в покое;
Не вздрогнет подо льдом вода.
Зачем, зачем нас в мире двое!

«Увы, Мария, навсегда
Погасли зори золотые,
Любовь скатилась, как звезда.

Скажи, зачем, как в дни былые,
Мы вместе? Мы в долине сна?
Скажи, мы — призраки, Мария?»

С высот мерцанье льет луна,
По снегу вдаль уходят тени,
Ответ вопросам — тишина.

«Скажи, ты помнишь — наслаждений
Крутящий, неистомный пыл,
Часы любви в безумной смене?

Твой замер взор, твой взор застыл,
Дышалось астрами и садом,
В окно осенний воздух плыл...

Ты помнишь?» Голубым каскадом
Луна струит холодный блеск,
И мы скользим в молчаньи рядом.

«А это утро! Тихий плеск
Реки на отмели песчаной,
Кузнечиков беспечный треск,

С полей восторг благоуханный!
Под яркой, летней синевой,
До чресл разоблаченной, странной,

Я прошептал тебе: «Я — твой!»
Ты помнишь?» Синевой одета
Луна над далью снеговой.

Мой голос умер без ответа.
Идем мы, двое, в тишине,
Под чарой голубого света.

«А день весенний! Как во сне
Сиял нам праздник первой встречи.
Сказалось все — тебе и мне.

Без ласк, без клятв, без слов, без речи,
И, как венчальные огни,
Затеплились на елях свечи!

Святыня — те были дни!
Я изнемог. Что было, снова,
Чтоб мог воскреснуть я, верни!»

Зову в безумии. Ни слова.
Гляжу: лишь тень моя, одна,
На ткани снежного покрова.

Как гроб, мертва и холодна
Лазурная равнина снега,
Свое мерцанье льет луна,

На вышине сверкает Вега.

27—29 ноября 1894

ТРИ СВИДАНИЯ

1

Черное море голов колыхается,
Как живое чудовище,
С проходящими блестками
Красных шапочек,
Голубеньких шарфов,
Эполетов ярко-серебряных,
Живет, колыхается.

Как хорошо нам отсюда,
Откуда-то сверху — высоко-высоко, —
С тобою смотреть на толпу.
Красивая рама свиданий!
Залит пассаж электрическим светом,
Звуки оркестра доносятся,
Старые речи любви
К сердцу из сердца восторженно просятся.
Милая, нет, я не лгу, говоря, что люблю я тебя.

2

В зеркале смутно удвоены
(Словно мило-неверные рифмы),
Свечи уже догорают.
Все неподвижно застыло:
Рюмки, бутылки, тарелки, —
Кресла, картины и шубы,
Шубы, там вот, у входа.
Длинная зимняя ночь
Не удаляется прочь,
Мрак нам в окно улыбается.

Глазки твои ненаглядные,
Глазки, слезами полные,
Дай расцелую я, милая!
Как хорошо нам в молчании!
(Нам хорошо ведь, не правда ли?)
Стоит ли жизнь, чтобы плакать об ней!
Улыбнись, как недавно,
Когда ты хотела что-то сказать

И вдруг покраснела, смущенная,
Спряталась мне на плечо,
Отдаваясь минуте банально-прекрасной.
А я целовал твои волосы
И смеялся. Смеялась и ты, повторяя:
«Гадкий, гадкий!»

Улыбнись и не плачь!
Мы расстанемся счастливо,
У подъезда холодного дома,
Морозною ночью.
Из моих объятий ты выскользнешь,
И вернешься опять, и опять убежишь,
И потом, наконец,
Пойдешь, осторожно ступая,
По темным ступеням.

Мать тебя дожидается,
Сидит, полусонная, в кресле.
Номер «Нивы» заснул на столе,
А чулок на коленях...
Как она вздрогнет, услышав
Ключ, затрещавший в замке!
Ей захочется броситься
Навстречу тебе, — но она,
Надвинув очки, принахмурится,
Спросит сурово:
«Откуда так поздно?» — А ты,
Что ты ответишь тогда, дорогая?

3

Холод ранней весны;
Темная даль с огоньками;
Сзади — свет, голоса; впереди —
Путь, во мрак убегающий.
Тихо мы идем по платформе.
Холод вокруг и холод в душе.
«Милый, ты меня поцелуешь?»
И близко
Видятся глазки за тенью слезинок.

Воздух разрезан свистком.
Последний топот и шум...

«Прощай же!» — и плачет, и плачет,
Как в последней сцене романа.
Поезд рванулся. Идет. Все мелькает.
Свет в темноту убегает.
Один.
Мысли проносятся быстро, как тени;
Грезы, спускаясь, проходят ступени;
Падают звезды; весна
Холодом дышит...
Навеки...

6—7 марта 1895

БЕЛЫЕ КЛАВИШИ

Белые клавиши в сердце моем
Робко стонали под грубыми пальцами,
Думы скитались в просторе пустом,
Память безмолвно раскрыла альбом,
Тяжкий альбом, где вседневно страдальцами
Пишутся строфы о счастье былом...

Смеха я жаждал, хотя б и притворного,
Дерзкого смеха и пьяных речей.
В жалких восторгах бесстыдных ночей
Отблески есть животворных лучей,
Светит любовь и в позоре позорного.

В темную залу вхожу, одинок,
Путник безвременный, гость неожиданный.
Лица еще не расселись в кружок...
Вид необычный и призрак невиданный:
Слабым корсетом не стянут испорченный стан,
Косы упали свободно, лицо без румян.

«Девочка, знаешь, мне тяжело, мне как-то рыдается.
Сядь близ меня, потолкуем с тобой, как друзья...»
Взоры ее поднялись, удивленье тая.
Что-то в душе просыпается,
Что-то и ей вспоминается...
Это — ты! Это — я!

Белые клавиши в сердце моем
Стонут и плачут, живут под ударами,
Думы встают и кричат о былом,
Память дрожит, уронивши альбом,
Тяжкий альбом, переполненный старыми
Снами, мечтами о счастья святом!

Плачь! я не вынесу смеха притворного!
Плачь! я не вынесу дерзких речей!
Здесь ли, во мраке бесстыдных почей,
Должен я встретить один из лучей
Лучшего прошлого, дня благотворного!

Робко, как вор, выхожу, одинок,
Путник безвременный, гость убегающий.
С ласковой лаской скользит ветерок,
Месяц выходит с улыбкой мигающей.
Город шумит, и мой дом недалек...
Блекни в сознаньи, последний венок!
Что мне до жизни чужой и страдающей!

21 августа 1895

ME EUM ESSE

1896—1897

Одиночеству тех дней

Новые заветы

* * *

Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Какая странная нега
В мире холодного сна!
Как царство белого снега,
Моя душа холодна.

Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва,
Звучат и клятвы, и пени,
Любви и победы слова...
Проходят бледные тени,
Подобные чарам волхва.

А я всегда, неизменно,
Молюсь неземной красоте;
Я чужд тревогам вселенной,
Отдавшись холодной мечте.
Отдавшись мечте — неизменно
Я молюсь неземной красоте.

23 марта 1896

ЮНОМУ ПОЭТУ

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставляю поэта.

15 июля 1896

* * *

...и, покинув людей, я ушел в тишину,
Как мечта одинок, я мечтами живу,
Позабыв обаянья бесцельных надежд,
Я смотрю на мерцанья сочувственных звезд.

Есть великое счастье — познав, утаить;
Одному любоваться на грезы свои;
Безответно твердить откровений слова,
И в пустыне следить, как восходит звезда.

26 июня 1896

* * *

Я действительности нашей не вижу,
Я не знаю нашего века,
Родину я ненавижу,—
Я люблю идеал человека.

И в пространстве звенящие строки
Уплывают в даль и к былому;
Эти строки от жизни далеки,
Этих грез не поверю другому.

Но, когда настанут мгновенья,
Придут существа иные.
И для них мои откровенья
Прозвучат как песни родные.

8 июня 1896

МУЧИТЕЛЬНЫЙ ДАР

И ношу, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.

Е. Баратынский

Мучительный дар даровали мне боги,
Поставив меня на таинственной грани.
И вот я блуждаю в безумной тревоге,
И вот я томлюсь от больных ожиданий.

Нездешнего мира мне слышатся звуки,
Шаги эвменид и пророчества ламий...
Но тщетно с мольбой простираю я руки,
Невидимо стены стоят между нами.

Земля мне чужда, небеса недоступны,
Мечты навсегда, навсегда невозможны.
Мои упования пред миром преступны,
Мои вдохновенья пред небом ничтожны!

25 октября 1895

* * *

Давно ушел я в мир, где думы,
Давно познал нездешний свет.
Мне страпны красочные шумы,
Страстям — в душе ответа нет.

Могу я медлить миг мгновенный,
Но ввысь иду одной тропой.
Кто мне шепнул о жизни пленной?
— Моя звезда! я только твой.

25 января 1900

ИЛ ВАСЮ ¹

Есть древняя чистая ласка,
Прекрасней, чем буйная страсть:
Есть ласка святая, как сказка,
И есть в ней нездешняя власть.

¹ Поцелуй (итал.).

Ее неземное значенье
Не тот на земле разгадал,
Кто, в дикой игре наслажденья,
Любовницы грудь целовал;

Не тот, кто за дымкой прозрачной
Ловил очарованный взгляд
И после в уста новобрачной
Вливал обольстительный яд.

Но кто уловил, хоть однажды,
Таинственный зов чистоты, —
Ничем не обманет он никогда
Своей озаренной мечты.

Он будет блуждать и томиться,
Искать отражений во мгле,
И прошлому свету молиться,
И жить неземным на земле.

Но в нашем вседневном тумане
Мечтам повторения — нет,
И только за гранью желаний
Мы встретим желанный ответ!

27 ноября 1895

ПО ПОВОДУ CHEFS D'ŒUVRE

Ты приняла мою книгу с улыбкой,
Бедную книгу мою...
Верь мне: давно я считаю ошибкой
Бедную книгу мою.

Нет! не читай этих вымыслов диких,
Ярких и странных картин:
Правду их образов, тайно великих,
Я прозреваю один.

О, этот ропот больных искушений,
Хохот и стоны менад!
То — к неземному земные ступени,
Взгляд — до разлуки — назад.

Внику, из сумрака вышедши к свету,
Путь свой к лучам золотым;
Ты же на детскую долю не сетуй:
Детям их отблеск незрим!

Так! не читай этих вымыслов диких,
Брось эту книгу мою:
Правду страниц ее, тайно великих,
Я, покоряясь, таю.

15 июля 1896

* * *

Отреченного всеселья
Озаренная печаль:
Это — ласковая келья,
Кропотливая медаль.

И, за графью всех желаний,
Бледно-палевая даль:
Это — новых испытаний
Несказанная печаль.

17 марта 1896

Видения

ВЕСНА

Белая роза дышала на тонком стебле.
Девушка вензель чертила на зимнем стекле.

Голуби реяли смутно сквозь призрачный снег.
Грезы томили все утро предчувствием пег.

Девушка долго и долго ждала у окна.
Где-то за морем тогда расцветала весна.

Вечер настал, и земное утешилось сном.
Девушка плакала ночью в тиши, — но о ком?

Белая роза увяла без слез в эту ночь.
Голуби утром мелькнули — и кинулись прочь.

8 января 1896

НА БУЛЬВАРЕ

С опущенным взором, в пелериночке белой,
Она мимо нас мелькнула несмело, —
С опущенным взором, в пелериночке белой.

Это было на улице, серой и пыльной,
Где деревья бульвара склонялись бессильно,
Это было на улице, серой и пыльной.

И только небо — всегда голубое —
Сияло, прекрасное, в строгом покое,
Одно лишь небо, всегда голубое!

22 апреля 1896

Один ее взгляд ярче тысячи звезд!
Небесный, алмазный, сверкающий крест,—
Один ее взгляд выше тысячи звезд!

Я встретил на миг лишь один ее взгляд,—
Алмазные отсветы так не горят...
Я встретил на миг один ее взгляд.

О, что за вопросы виделись в нем!
Я смутно померк в венце золотом...
О, что за вопросы виделись в нем!

Умрите, умрите, слова и мечты, —
 Что может вся мудрость пред сном красоты?
 Умрите, умрите, слова и мечты!

17 мая 1896

* * *

И он взглянул, и ты уснула, и он ушел, и умер день;
И словно руки протянула огнем встревоженная тень.
Слова магических заклятий заветных спов не разорвут,
Ты будешь помнить бред объятий и все, и все мечты минут,
Когда же, властный и прекрасный, к тебе опять
вернется он,
То будет только сон неясный,— неясный и ненужный сон!

18 января 1896

Она была в трауре с длинной вуалью;
На небе горели в огне облака.

Черты се вежно дышали печалью;
Небесные тайны качала река.

Но яркое небо — мираж непонятный,
Но думы печали — обманы минут;

А строгие строфы скользят невозвратно,
Скользят и не дышат, — и вечно живут.

4 мая 1896

ПОЗОР

Венчалльные платья мы спяли,
Сропили к ногам ожерелья
И в царственной Зале Веселья
Смущенной толпою стояли.

Почти обнаженные, все мы
Поднять наши взоры не смели,
И только надменно горели
У нас в волосах диадемы.

23 апреля 1896

ВЕТВИ

Ветви склонялись в мое окно,
Под ветром гнулись, тянулись в окно,
И занавеска, дрожжа, томясь,
На белой ленте ко мне рвалась;
Но я смотрел в окно мимо них,
Мой взор погасал в небесах голубых.

— Там, где движенья и страсти нет,
Там вечно светит петлешный свет;
О чем мы бредим во сне, сквозь сон,
Тем мир незримо всегда напоен;
Красота и смерть неизменно одно...
А ветви гнутся и рвутся в окно.

19 июня 1896

Мгновения

* * *

И снова бредешь ты в толпе неизменной,
Исполнен желаний земных.
Мгновения тайны, как тайна, мгновешны,
И сердце не вспомнит об них.

Она у окна, утомленно-больная,
Глядит на бледнеющий день;
И ближе, и ближе — почная, земная,
Всегда сладострастная тесть.

27 апреля 1896

ТУМАН

Пьяные лица и дымный туман...
В дымке туманной лепечет фонтан.

Отзвуки смеха и грубый вопрос...
Блещут на лилиях отблески рос.

Клонятся красные губы ко мне...
Звезды бесстрастно плывут в вышине.

Сентябрь 1896

ПРОДАЖНАЯ

Едва ли ей было четырнадцать лет —
Так задумчиво гасли линии бюста.
О, как ей не шел пунцовый цвет,
Символ страстного чувства!

Альков задрожал золотой бахромой —
Она задернула длинные кисти.
О да! ей грезился свод голубой
И зеленые листья.

16 мая 1896

РАССВЕТ

День рассветает, встречая мечту...
В сумраке дня я молитву прочту.

Мутной зарей озарилось окно...
Господи! сердце тебе отдано.

Женская тень на постели бледна...
Нет! я не знаю недавнего сна!

Апрель 1896

* * *

Эту ночь я дышал тишиной.
Но таинственен был ускользающий сон.

В эту ночь ты мечтала со мной.
Но ласкающий лик был луной озарен.

На заре умерла золотая луна.
На заре ты рассталась со мной.

Ты рассталась, ушла, но жила тишина...
На заре я дышал тишиной.

Апрель 1896

* * *

Стаял снег... земля, камешья,
Облака и облака...
Где же символ возрожденья,
Детский лепет василька!

Смутно сонный холод дышит
Вместо вешней теплоты,
И душа моя не слышит
Обновляющей мечты.

16 марта 1896

* * *

Холод ночи; смерзлись лужи;
Белый снег запорошил.
Но в дыханьи злобной стужи
Чую волю внешних сил.

Завтра, завтра солнце встанет,
Побегут в ручьях снега,
И весна с улыбкой взглянет
На бессильного врага!

16 марта 1896

* * *

Звон отдаленный, пасхальный,
Слышу сквозь завесу дней.
Тихо бреду я, печальный,
В мире вечерних тепей.

Звон отдаленный, пасхальный,
Ближе, прозрачней, слышней...
Тихо бреду я, печальный,
С горестной думой о Ней.

21 марта 1896

Скитания

* * *

Мерный шум колес,
Поле, ряд берез,
Много мутных грез;
Мчимся, мчимся, мчимся...

Мерный шум и шум,
Свод небес угрюм,
Много мутных дум;
Дальше! Дальше! Дальше!

12 апреля 1896

* * *

Месяц бледный, словно облако,
Неподвижный странный лес,
Там далеко шпиль — и около
Золотой, блестящий крест.

Поезд вьется быстро, медленно,
Скрылся лес, и нет креста, —
Но в лазури тайна месяца
Неизменна и чиста.

8 июня 1896

* * *

Четкие линии гор;
Бледно-неверное море...
Гаснет восторженный взор,
Тонет в бессильном просторе.

Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы,—
Что́ перед ним этот прах:
Степи, и скалы, и воды!

12 июня 1896
Орсада

* * *

О, плачьте, о, плачьте
До радостных слез!
— Высоко на мачте
Мелькает матрос.

За гранью страданий
Есть новые дни.
— Над морем в тумане
Сверкнули огни.

Желанья — как воды,
Страдания — маяк...
— Плывут пароходы
В таинственный мрак.

20 сентября 1896
Новороссийск

ВЕЧЕР

Но в стихе умиленном найдешь
Эту вечно душистую розу.

А. Фет

Утомленный, сонный вечер
Успокоил тишью волны,
И померк далекий глетчер,
Вечно гордый и безмолвный.

Море темное простерто,
Ждет, в томленьи постоянства,
Скоро ль выйдет месяц мертвый
Целовать его пространство.

Мысль полна глухих предчувствий,
Голос будущего слышит...
Пусть же в строфах, пусть в искусстве
Этот миг навеки дышит!

27 июня 1896
Кавказ

* * *

Есть что-то позорное в мощи природы,
Немая вражда к лучам красоты:
Над миром скал проносятся годы,
Но вечен только мир мечты.

Пушай же грозит океан неизменный,
Пусть гордо спят ледяные хребты:
Настанет день конца для вселенной,
И вечен только мир мечты.

Июль 1896
Крым

* * *

Спит вагон, мерцает газ,
Поезд мчит, уносит нас.
Бесконечна даль полей,
Месяц горестный над ней.

С юга, с юга — в мир снегов
Мчится поезд мертвецов.
Смотрит месяц к нам в окно,
Только — мертвым все равно!

4 марта 1902

СОФИИ С.,

ПОДАРИВШЕЙ МНЕ ЛЕПЕСТОК РОЗЫ

Лепесток отцветающей розы —
Не символ ласкательной встречи:
Прекрасны минутные грезы,
Едва прозвучавшие речи.

Отуманены тайной печалью,
Припомнятся эти мгновенья,
Как будто за белой вуалью
Сверкающий взор вдохновенья.

10 июня 1896

близ Симферополя в вагоне

* * *

Поезд врывается в древние скалы, —
Слева и справа гранит.
Вот на тропе пешеход запоздалый
Стал, прислонился, глядит.

Вывались... Склоны, покрытые лесом,
Домики, поле, река,
Старая кирка под черным навесом.
Даль — хороша, далека.

Дальше... Опять надвигаются горы,
Замок сошел на утес,
Черные сосны, расщелин узоры...
Грохот и хохот колес!

31 мая 1897

близ Магдебурга

* * *

Мы ехали долго, без цели, куда-то,
Куда-то далеко, вперед, без возврата...

Поспешно мелькали кусты,
Вставали березы, поля убегали,
Сурово стучали под нами мосты.

Мы ехали долго. Нам дождь повстречался
И долго в оконные стекла стучался,
 Угрюмо пророча печаль...
Но мы ускользнули за области бури,
И к чистой лазури мы ринулись вдаль!

Апрель 1896

Ненужная любовь

* * *

И снова дрожат они, грезы бессильные,
Бессильные грезы ненужной любви;
Как сестры, как братья, ряды кипарисные
Задумчиво слушают думы мои;
С упреком лаская тростипки росистые,
О будущем горе лепечут ручьи,
А в сердце дрожат невозможные, чистые,
Бессильные грезы ненужной любви.

5 июля 1896

* * *

Сквозь туман таинственный
Голос слышу вновь,
Голос твой единственный,
Юная любовь!

Тихо наклоняется
Призрак падо мной,
Призрак улыбается,
Бледный и земной.

Вот зажглись жемчужные
Звезды в небесах,
И слова ненужные
Снова на устах!

10 июля 1896

* * *

В лабиринте аллей,
Между скал и развалин,
Я тоскую о ней,
Я блуждаю, печален.

Миг заветный придет...
Сердце странно сожмется,
И она промелькнет,
И она улыбнется.

В полуночи аллей,
До луны и до света,
Я мечтаю о ней,
Я томлюсь от привета.

26 августа 1896

* * *

Я помню вечер, бледно-скромный,
Цветы усталых георгин,
И детский взор, — он мне напомнил
Глаза египетских богинь.

Нет, я не знаю жизни смутной:
Горят огни, шумит толпа, —
В моих мечтах — Твои минуты:
Твои мемфисские глаза.

22 июля 1896

* * *

Побледневшие звезды дрожали,
Трепетала листва тополей,
И, как тихая греза печали,
Ты прошла по заветной аллее.

По аллее прошла ты и скрылась...
Я дождался желанной зари,
И туманная грусть озарилась
Серебристою рифмой Марии.

24 июля 1896

* * *

Почему я только мальчик,
Бедный мальчик, так влюбленный
В это ласковое море,
В этот берег обновленный!

Почему я только мальчик,
В глубине души таящий
Радость странную, и горе,
И восторг любви томящей!

Почему я только мальчик,
Почему сказать не смею,
Как ее люблю я тайно,
Как в тиши люблюсь ею!

Почему я только мальчик,
Почему ее люблю я,
Почему во мгле случайно
Не встречаю поцелуя!

1911

* * *

Меж скал разбитых,—
Один! один!
Блаженств забытых
Я властелин.

Там, у платана,
Прошла она,
Дождем фонтана
Окроплена.

Она глядела
Печально вдаль,
Где чуть темнела
Небес эмаль.

Она хранила
В руке цветок,
И обронила
Там лепесток.

Я у бассейна
Его поднял,
Благоговейно
Поцеловал.

Листок случайный,
Ты мой! со мной!
И кроет тайны
Навес ночной.

1896
Кисловодск

* * *

Это было безумие грезы,
Невозможное полное счастье,
В мире бледных желаний и прозы
Прозвеневшие струны бесстрастья.

Ни ища ни привета, ни встречи,
Но в томленьи волшебной отрады,
Я ловил ее дальние речи,
Мимолетно-случайные взгляды.

Неизвестный, осмеянный, странный,
Я изведal безмерное счастье,—
Паслаждаться мечтой несказанной
И свободным восторгом бесстрастья.

27 августа 1896

АНГЕЛ БЛЕДНЫЙ

Ангел бледный, синеглазый,
Ты идешь во мгле аллеи.
Звезд вечерние алмазы
Над тобой горят светлее.
Ангел бледный, озаренный
Бледным светом фонаря,
Ты стоишь в тени зеленой,
Грезой с ночью говоря.

Ангел бледный, легкокрылый,
К нам отпущенный на землю!
Грез твоих я шепот милый
Чутким слухом чутко внемлю.
Ангел бледный, утомленный
Слишком ярким светом дня,
Ты стоишь в тени зеленой,
Ты не знаешь про меня.

Звезды яркие, как алмаза
Грани, в тверди слишком синей.
Скалы старого Кавказа
Дремлют в царственной пустыне.
Здесь, где Демон камень темный
Огневой слезой прожег, —
Ангел бледный! — гимн нескромный
И тебе не спеть не мог!

Июль 1896, 1910

* * *

Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов,
Беспощадные, жадные тайны
Нас томили, томили без слов.
Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов...

Желтоватый, безжизненный месяц
Над лугами взошел и застыл,
Мир теней — утомлен и невесел —

К отдаленным кустам отступил.
Желтоватый, безжизненный месяц
За стволами взошел и застыл.

Ты хотела сказать... Невозможным
Диссоансом раздались слова:
Стебельки закачались тревожно,
Трепеща, зашептала трава,
Диссоансом больным, невозможным
В тишине прозвучали слова.

И опять — набегающий сумрак
Отуманил молчанье кругом.
Отдаваясь мучительным думам,
Мы брели в полумраке лесном,
И безжизненный месяц — угрюмо —
Озарял нас с тобою вдвоем.

10 августа 1896
Пятигорск

* * *

Это матовым вечером мая
Ты так горько шепнула: «Твоя!»,
Что с тех пор я томлюсь, вспоминая,
Что и нынче волнуюсь я.

С этих пор я боюсь трещетанья
Предзакатных, манящих лучей,
Мне томительны сны и желанья,
Мне мучителен сумрак ночей;

Я одною мечтою волнуем:
Умереть, не поверив мечтам,
Но пред смертью припасть поцелуем
К дорогим побледневшим губам.

9 сентября 1896
Москва

Вечье смерти

* * *

Последний день
Сверкал мне в очи,
Последней ночи
Встречал я тени.

А. Полескаго

И ночи и дни примелькались,
Как дольные тени волхву.
В безжизненном мире живу,
Живыми лишь думы остались.

И нет никого на земле
С ласкающим, горестным взглядом,
Кто б в этой томительной мгле
Томился и мучился рядом.

Часы неизменно идут,
Идут и минуты считают...
О, стук перекрестных минут!
— Так медленно гроб забивают.

12 января 1896

* * *

После ночи бессонной,
После тягостных дум,
Странен звон отдаленный,
Гармонический шум.

Полутьма не редает,
И декабрьская ночь
Словно медлит, не смеет,
Отодвинуться прочь.

Сумрак дум без просвета.
Темны дали судьбы.
Я не знаю ответа
На призыв, на мольбы.

Все грядущее грозно,
Нет надежды в былом,
Беспощадное «поздно»
Прозвучало, как гром.

Эти слезы невольны:
Это — стоны души...
Чу! призыв колокольный
Вырастает в тиши.

8 декабря 1895

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

И я опять пишу последние слова,
Предсмертные стихи, звучащие уныло...
Опять, опять пишу унылые слова.

Но не забыто все, что грезилось и было!
Пусть будущего нет, пусть завтра — не мое,
Но не забыто все, что грезилось и было.

Теперь не жизни жаль, где я изведаль все:
Победу и позор, и все изгибы чувства, —
Нет, мне не жизни жаль, где я изведаль все.

Но вы, мечты мои! провиденья искусства!
Ряды замысленных и не свершенных дел!
Вы, вы, мечты мои, провиденья искусства!

Как горько умирать, не кончив, что хотел,
Едва найдя свой путь к восторгам идеала! —
О, горько умирать, не кончив, что хотел...

Так много думано, исполнено так мало!

23 июля 1896

ПОСВ. ***

Мне снилось: мертвенно-бессильный,
Почти жилец земли могильной,
Я глухо близился к концу.

И бывший друг пришел к кровати
И, бормоча слова проклятий,
Меня ударил по лицу.

22 июня 1895

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

Завтра, когда мое тело найдут,
Плач и рыдания поднимутся тут.

Станут жалеть о судьбе дарований,
Смерть назовут и случайной и ранней,

И, свои прежние речи забыв,
Станут мечтать, как я был бы счастлив.

Только одни стебельки иммортели
Тихо шепнуто достигнутой цели.

2 июля 1894

* * *

Кончено! кончено! Я побежден.

— Смейтесь!

Погас, погас весенний сон...

Листья осенние, вейтесь!

Медленно всходит былая луна,
Всходит...
Горит в огнях, горит волна;
Челнок опрокинутый бродит.

Утром наляжет на ропотный лес
Иней,
И, все в крови, — укор небес —
Солнце взойдет над пустыней.

17 декабря 1895

* * *

...я вернулся на яркую землю,
Меж людей, как в тумане, брожу,
И шумящему говору внемлю,
И в горящие взоры гляжу.

Но за ропотом снежной метели
И под шепот ласкающих слов —
Не забыл я полей асфоделей,
Залетейских немых берегов.

И в сиянии земных отражений
Мне все грезятся — ночью и днем —
Проходящие смутные тени,
Озаренные тусклым огнем.

21 января 1896

* * *

Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдет луна.
Овекает странной сладостью
Тень таинственного сна.

Беспредельным далям преданный,
Там, где меркнет свет и шум,
Я покину круг изведанный
Повторенных слов и дум.

Грань познания и жалости
Сердце вольно перейдет,
В вечной бездне, без усталости,
Будет плыть вперед, вперед.

И все новой, странной сладостью
Овекает призрак сна...
Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдет луна.

14 июля 1898

* * *

Ни красок, ни лучей, ни аромата,
Ни пестрых рыб, ни полумертвых роз,
Ни даже снов беспечного разврата,
Ни слез!

Поток созвучий все слова унес,
За вечера видений вот расплата!
Но странно нежит эта мгла без грез,
Без слез!

Последний луч в предчувствии заката
Бледнеет... Ночь близка... Померк утес...
Мне все равно. Не надо — ни возврата,
Ни слез!

10 декабря 1898

В пути

* * *

Сумрак за черным окном
В полночь тоскливо погас.
Думы овеяны сном
В этот загадочный час.

Страницы жизни, мечты
Около длинных гробниц,
В склепе былой красоты,
Пали, простерлися ниц.

Звук заклинающих слов,
Дрогнув среди тишины,
Тихо коснулся гробов,
Словно улыбка луны.

В девственно чистых венцах,
В белом сиянии одежд
Вот приподнялись в гробах
Тени погибших надежд.

Очи глядят на меня,
Руки тревожно дрожат...
Сладко предчувствие дня,
Томен цветов аромат.

Сердце, зачем, о, зачем
Ты умираешь во сне!
Сумрак, бесстрастен и нем,
Тускло глядится ко мне.

25 января 1896

* * *

Тайны мрака побледнели;
Неземные акварели
Прояснились на востоке;
Но, таинственно-далеки,
Звезды ночи не хотели,
Уступив лучу денницы,
Опустить свои ресницы.

И в моей душе усталой
Брезжит день лазурно-алый,
Веет влагой возрожденья,—
Но туманные сомненья
Нависают, как бывало,
И дрожат во мгле сознанья
Исступленные желанья.

12 февраля 1896

* * *

Прохлада утренней весны
Пьянит ласкающим намеком;
О чем-то горестно далеко
Поют осмеянные сны.

Бреду в молчаньи одиноком.

О чем-то горестно далеко
Поют осмеянные сны,
О чем-то чистом и высоком,
Как дуновение весны.

Бреду в молчаньи одиноком.

О чем-то странном и высоком,
Как приближение весны...
В душе, с приветом и упреком,
Встают отвергнутые сны.

Бреду в молчаньи одиноком.

15 марта 1896

* * *

Из бездны ужасов и слез,
По ступеням безвестной цели,
Я восхожу к дыханью роз
И бледно-палевых камелий.

Мне жаль восторженного сна
С палящей роскошью видений;
Опять к позору искушений
Душа мечтой увлечена.

Едва шепнуть слова заклятий,—
И блеском озарится мгла,
Мелькнут, для плясок, для объятий,
Нагие, страстные тела...

Но умирает вызов властный
На сомкнутых устах волхва;
Пускай желанья сладострастные,—
Покорно-холодны слова!

Май 1896

* * *

Последние думы
О яркой земле
Витают, угрюмы,
В безжизненной мгле;

Зловещи и хмуры,
Скользят меж теней,
Слепые лемуры
Погибших страстей;

Шныряют как совы
В сиянии дня,—
Готовы, готовы
Воизиться в меня!

Но мысль отгоняет
Невольный испуг:
Меня охраняет
Магический круг,

И, тайные знаки
Свершая жезлом,
Стою я во мраке
Бесстрастным волхвом.

Сентябрь 1896

* * *

Не плачь и не думай:
Прошедшего — нет!
Приветственным шумом
Врывается свет.

Уснувши, ты умер
И утром воскрес, —
Смотри же без думы
На дали небес.

Что вечно — желанно,
Что горько — умрет...
Иди неустанно
Вперед и вперед.

9 сентября 1896

* * *

В час, когда гений вечерней прохлады
Жизнь возвращает цветам,
К Озеру Снов, по знакомым тропам,
Медленно тянутся гады.

Там они, в ясной и чистой тиши,
Водят круги омерзительной пляски,
Правят под месяцем липкие ласки,
Слизью сквернят камыши.

В жуткой тревоге святыя виденья
К небу восходят, как белый туман;
Сны мои черны, — и снова я пьян
Мутным вином искушенья.

1897

* * *

О, когда бы я назвал своею
Хоть тень твою!
Но и тени твоей я не смею
Сказать: люблю.

Ты прошла недоступно небесной
Среди зеркал,
И твой образ над призрачной бездной
На миг дрожал.

Он ушел, как в пустую безбрежность,
Во глубь стекла..
И опять для меня — безнадежность,
И смерть, и мгла!

28—29 октября 1897

Завершение

ГОДЫ МОЛЧАНИЯ

Есть для избранных годы молчания.
Они придут —
И осудят бывшие желания...
О, строгий суд!

Но томленье о благе единственном
Не явит нам,
Как пройти переходом таинственным
К иным мечтам.

В лабиринте блуждая, бессильные,
Собьемся мы,
И заманят нас в глубь могильные
Соблазны тьмы!

13 декабря 1896

* * *

И в ужасе я оглянулся назад,
И понял безумие жизни.
— Померк! да, померк торжествующий взгляд,
Ты понял безумие жизни!

О голос безвестный, ответь мне, молю:
Что правда, где путь, в чем спасенье?
— Спасутся — творящие волю мою,
Кто против — тем нет и спасенья!

В безумии жизни я не был рабом,
Не буду и ради блаженства!
— Блуждай же, безумец, в томлених пустом:
Тебе не изведать блаженства!

17 октября 1896

* * *

Еще надеяться — безумие.
Смирись, покорствуй и пойми;
Часами долгого раздумия
Запечатлей союз с людьми.

Прозрев в их душах благодатное,
Прости бессилие минут:
Теперь уныло-непонятное
Они, счастливые, поймут.

Так. Зная свет обетования,
Звездой мерцающий в ночи,
Под злобный шум негодования
Смирись, покорствуй и молчи.

26 мая 1897

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Я не знаю других обязательств,
Кроме девственной веры в себя.
Этой истине нет доказательств,
Эту тайну я понял, любя.

Бесконечны пути совершенства,
О, храни каждый миг бытия!
В этом мире одно есть блаженство —
Сознавать, что ты выше себя.

Презрение — бесстрашие — нежность —
Эти три, — вот дорога твоя.
Хорошо, уносясь в безбрежность,
За собою видеть себя.

14 января 1898

ОТРЕЧЕНИЕ

Как долго о прошлом я плакал,
Как страстно грядущего ждал,
И Голос — угрюмый оракул —
«Довольно!» сегодня сказал.

«Довольно! надежды и чувства
Отныне былым назови,
Приветствуй лишь грезы искусства,
Ищи только вечной любви.

Ты счастьем назвал волненье,
Молил у страданий венца,
Но вот он, твой путь, — отречение,
И знай: этот путь — без конца!»

18 июля 1896

ЧИСЛА

Не только в жизни
богов и демонов раскры-
вается могущество числа.

Пифагор

Мечтатели, сибиллы и пророки
Дорогами, запретными для мысли,
Проникли — вне сознания — далеко,
Туда, где светят царственные числа.

Предчувствие разоблачает тайны,
Проводником нелицемерным светит:
Едва откроется намек случайный,
Объемлет нас непересказный трепет.

Вам поклоняюсь, вас желаю, числа!
Свободные, бесплотные, как тени,
Вы радугой связующей повисли
К раздумиям с вершины вдохновенья!

10—11 августа 1898

СТРОГОЕ ЗВЕНО

А. Курсинскому

Для всех приходят в свой черед
Дни отречения, дни томленья.
Одна судьба нас всех ведет,
И в жизни каждой — те же звенья!

Мы все, мы все переживем,
Что было близко лучшим душам,
И будем плакать о былом,
И клятвы давние нарушим!

За снами страсти — суждено
Всем подступить к заветным тайнам,
И это строгое звено
Не называй в цепи случайным!

20 июля 1899

* * *

Я прежде боролся, скорбел,
Но теперь я жду.
Я сознал заветный предел,
Забыл вражду.

Остановить, что быть должно,
Нет сил.
Тому бороться смешно,
Кто победил.

Если победа судьбой дана,
Знай и смирись.
Так меня — безвольно волна
Возносит в высь.

11 января 1899

Лирические поэмы

ИДЕАЛ

1

Ее он увидел в магический час;
Был вечер лазурным, и запад погас,
И первые тени над полем и лесом
Дрожали, сквозили ажурным навесом.
В таинственном храме весенних теней,
Мечтатель, он встретился с грозой своей.

2

Они обменялись медлительным взглядом...
И девичьим, белым, прозрачным нарядом
Она замелькала меж тонких стволов,
И долго смотрел он, — без грез и без слов,
Смотрел, наслаждаясь представшим виденьем,
Смотрел, отдаваясь наставшим мгновеньям.

3

Сияньем их жизнь озарилась с тех пор,
Как будто на небе застыл метеор;
И стали их дни многоцветны и яркие,
Как радостных радуг воздушные арки;
Им были слепительны думы и сны,
Как пышное утро расцветшей весны!

4

Но в чистые дали их робких мечтаний
 Не смело проникнуть желанье свиданий:
 В открытых просторах их девственных грез
 Клонились цветы под наитием рос,
 Шептала волна на побережьи лагуны,
 Чуть слышно звенели незримые струны.

5

И дивное счастье поведал им бог.
 Вдали от людей и от шумных тревог,
 В молчаньи лесном, убаюканном тайной,
 Друг с другом они повстречались случайно.
 Так в старой беседке, игрой ветерка,
 Друг с другом сплетаются два лепестка.

6

И, точно друзья после долгой разлуки,
 Они протянули уверенно руки,
 И все, о чем каждый мечтал сам с собой,
 Другой угадал вдохновенной душой.
 И были не нужны ни клятвы, ни речи
 При этой короткой задумчивой встрече.

7

То был мотылек, пилигрим вечеров,
 Который подслушал прощанье без слов;
 То было смущенное облачко мая,
 Которое, в дали лазоревой тая,
 Над лилией видело алый цветок:
 Улыбку, склоненную к трепету щек!

8

И больше они никогда не встречались!
 Но светлой святыней в их душах остались
 Блаженные тени мгновенного дня...

И жили они, эту тайну храня,
И память о жизни, о горестной жизни,
Была их наградой в небесной отчизне.

16 декабря 1894

СОН ПРОРОЧЕСКИЙ

В мое окно давно гляделся день;
В моей душе, как прежде, было смутно.
Лишь иногда отрадою минутной
Дышала вновь весенняя сирень,
Лишь иногда, пророчески и чудно,
Мерцал огонь лампы изумрудной.

Минутный миг! и снова я тонул
В безгрезном сне, в томительном тумане
Неясных форм, неверных очертаний,
И вновь стоял неуловимый гул
Не голосов, а воплей безобразных,
Мучительных и странно неотвязных.

Мой бедный ум, как зимний пилигрим,
Изнемогал от тщетных напряжений.
Мир помыслов и тягостных сомнений,
Как влажный снег, носился перед ним;
Казалось: ряд неуловимых линий
Ломался вдруг в изменчивой картине.

Стал сон ясней. Дымящийся костер
На берегу шипел и рассыпался.
В гирляндах искр туманно означался
Безумных ведьм неистовый собор.
А я лежал, безвольно распростертый,
Живой для дум, но для движений мертвый.

Безмолвный сонм собравшихся теней
Сидел вокруг задумчивым советом.
Десятки рук над потухавшим светом
Тянулись в дым и грелись у огней;
Седых волос обрывки развевались,
И головы медлительно качались.

И вот одна, покинув страшный круг,
Приблизилась ко мне, как демон некий.
Ужасный лик я видел через веки,
Горбатый стан угадывал, — и вдруг
Я расслышал, как труп на дне гробницы,
Ее слова, — как заклинанья жрицы.

«Ты будешь жить! — она сказала мне. —
Бродить в толпе ряды десятилетий,
О, много уст вопьются в губы эти,
О, многим ты «люблю» шепнешь во сне!
Замрешь не раз в порыве страсти пьяном...
Но будет все — лишь тенью, лишь обманом!

Ты будешь петь! Придут к твоим стихам
И юноши и девы, и прославят,
И идол твой торжественно поставят
На высоте. Ты будешь верить сам,
Что яркий луч зажег ты над туманом...
Но будет все — лишь тенью, лишь обманом!

Ты будешь ждать! И меж земных богов
Единого искать, тоскуя, бога.
И, наконец, уснет твоя тревога,
Как буйный ключ среди глухих песков.
Поверишь ты, что стал над Иорданом...
Но будет все — лишь тенью, лишь обманом!»

Сказав, ушла. Хотел я отвечать,
Но вдруг костер, пред тем как рухнуть, вспыхнул,
И шепот ведьм в беззвездной ночи стихнул,
Ужасный сон на грудь мне лег опять.
Вновь понеслись бесформенные тени,
И лишь в окно вливалась песнь сирени.

19 января 1896

TERTIA VIGILIA

1898—1901

Памяти

***Ивана Коневского и Георга Бахмана;
двух ушедших***

Возвращение

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я убежал от пышных брашен,
От плясок сладострастных дев,
Туда, где мир уныл и страшен;
Там жил, прельщения презрев.

Бродил, свободный, одичалый,
Таился в норах давней мглы;
Меня приветствовали скалы,
Со мной соседили орлы.

Мои прозренья были дики,
Мой каждый день запечатлен;
Крылато-радостные лики
Глядели с довременных стен.

И много зим я был в пустыне,
Покорно преданный Мечте...
Но был мне глас. И снова ныне
Я — в шуме слов, я — в суете.

Надел я прежнюю порфиру,
Умастил миром волоса.
Едва предстал я, гордый, пиру,
«Ты царь!» — решили голоса.

Среди цариц веселой пляски
Я вольно предызбрал одну:
Да обрету в желаньи ласки
Свою безвольную весну!

И ты, о мой цветок долинный,
Как стебель, повлеклась ко мне.
Тебя пленил я сказкой длинной...
Ты — наяву, и ты — во сне.

Но если, страстный, в миг заветный,
Заслышу я мой трубный звук, —
Воспряну! кину клич ответный
И вырвусь из стесненных рук!

31 марта 1900

Я

Мой дух не изнемог во мгле противоречий,
Не обессилел ум в сцепленьях роковых.
Я все мечты люблю, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих.

Я возносил мольбы Астарте и Гекате,
Как жрец, стотельчих жертв сам проливал я кровь,
И после подходил к подножиям распятий
И славил сильную, как смерть, любовь.

Я посещал сады Ликеев, Академий,
На воске отмечал реченья мудрецов;
Как верный ученик, я был ласкаем всеми,
Но сам любил лишь сочетанья слов.

На острове Мечты, где статуи, где песни,
Я исследил пути в огнях и без огней,
То поклонялся тем, что ярче, что телесней,
То трепетал в предчувствии теней.

И странно полюбил я мглу противоречий
И жадно стал искать сплетений роковых.
Мне сладки все мечты, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих...

24 декабря 1899

* * *

Ребенком я, не зная страху,
Хоть вечер был и шла метель,
Блуждал в лесу, и встретил пряжу,
И полюбил ее кудель.

И было мне так сладко в детстве
Следить мелькающую нить,
И много странных соответствий
С мечтами в красках находить.

То нить казалась белой, чистой;
То вдруг, под медленной луной,
Блистала тканью серебристой;
Потом слилась со мглой ночной.

Я, наконец, на третьей страже.
Восток означился, горя,
И обагрила нити пряжи
Кровавым отблеском заря!

21 октября 1900

Любимцы веков

АССАРГАДОН

Ассирийская надпись

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Кто превзойдет меня? кто будет равен мне?
Деянья всех людей — как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах — как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон.

17 декабря 1897

ХАЛДЕЙСКИЙ ПАСТУХ

Отторжен от тебя безмолвием столетий,
Сегодня о тебе мечтаю я, мой друг!
Я вижу ночь и холм, нагую степь вокруг,
Торжественную ночь при тихом звездном свете.

Ты жадно смотришь вдаль; ты с вышины холма
За звездами следишь, их узнаешь и числишь,
Предвидишь их круги, склонения... Ты мыслишь,
И таинства миров яснее для ума.

Божественный пастух! среди тиши и мрака
Ты слышал имена, ты видел горный свет:
Ты первый начертал пути своих планет,
Нашел названия для знаков Зодиака.

И пусть безлюдие, нагая степь вокруг;
В ту ночь изведаль ты все счастье дерзновенья,
И в этой радости дай слиться на мгновенье
С тобой, о искренний, о неизвестный друг!

7 ноября 1898

РАМСЕС

Отрывок

По бездорожьям царственной пустыни,
Изнемогая жаждой, я блуждал.
Лежал песок, за валом вал,
Сияли небеса, безжалостны и сини...
Меж небом и землей я был так мал.

И, встретив памятник, в песках забытый,
Повергся я на каменный помост.
Палили тело пламенные плиты,
И с неба падал дождь огнистых звезд.
Но в полумгле томительного бреда
Нащупал надпись я на камнях тех:

Черты, круги, людские лики, грифы —
Я разбирал, дрожа, гиероглифы:
«Мне о забвеньи говорят, — о, смех!
Векам вещают обо мне победы!»

И я смеялся смыслу знаков тех
В неверной мгле томительного бреда.
— Кто ты, воитель дерзкий? Дух тревожный?
Ты — Озимандия? Ассаргадон? Рамсес?

Тебя не знаю я, твои вещанья ложны!
Жильцы пустынь, мы все равно ничтожны
В веках земли и в вечности небес.

И встал тогда передо мной Рамсес.

.

Сентябрь 1899

ЖРЕЦ ИЗИДЫ

Я — жрец Изиды светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста.

Уста не осквернял я ложью,
Корыстью не прельщался я,
И к женской груди, с страстной дрожью,
Не припадала грудь моя;

Давал я щедро подаянье
Всем, обращавшимся ко мне...
Но есть в душе воспоминанье,
Как змей лежащее на дне.

Свершал я путь годичный в Фивы...
На палубе я утра ждал...
Чуть Нил влачил свои разливы;
Смеялся вдалеке шакал.

И женщина, в одежде белой,
Пришла на пристань, близ кормы,
И стала, трепетно-несмело,
Там, пред порогом водной тьмы.

Дрожал корабль наш, мертвый, сонный,
Громадой черной перед ней,
А я скрывался потаенно
Меж бревен, весел и снастей.

И, словно в жажде утешенья,
Та, в белом женщина, ждала
И медлила свершить решение...
Но дрогнула пред утром мгла...

В моей душе все было смутно,
Хотел я крикнуть — и не мог...
Но вдруг повеял ветер попутный,
И кормщик затрубил в свой рог.

Все пробудились, зашумели,
Вознесся якорь с быстротой,
Канаты радостно запели,—
Но пристань видел я — пустой!

И мы пошли, качаясь плавно,
И быстро все светлело вокруг,—
Но мне казалось, будто явно
В воде распространялся круг...

Я — жрец Изида светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста.

9 марта 1900

ПСИХЕЯ

Что чувствовала ты, Психея, в оный день,
Когда Эрот тебя, под именем супруги,
Привел на пир богов под неземную сень?
Что чувствовала ты в их олимпийском круге?

И вся любовь того, кто над любовью бог,
Могла ли облегчить чуть видные обиды:
Ареса дерзкий взор, царицы злобный вздох,
Шушуканье богинь и злой привет Киприды!

И на пиру богов, под их бесстыдный смех,
Где выше власти все, все — боги да богини,
Не вспоминала ль ты о днях земных утех,
Где есть печаль и стыд, где вера есть в святыни!

23 декабря 1898

ЦИРЦЕЯ

Я — Цирцея, царица; мне заклятья знакомы;
Я владычица духов и воды и огня.
Их восторгом упиться я могу до истомы,
Я могу приказать им обессилить меня.

В полусне сладострастья ослабляю я чары:
Разрастаются дико силы вод и огней.
Словно шум водопадов, словно встали пожары,—
И туманят, и ранят, всё больней, всё страшней.

И так сладко в бессильи неземных содроганий,
Испивая до капли иступленную страсть,
Сохранять свою волю на отмеченной грани
И над дерзостной силой сохранять свою власть.

1 августа 1899

КАССАНДРА

Пророчица Кассандра! — тень твоя,
Путь совершив к благословенной Лете,
Не обрела утех небытия,
И здесь твои мечты горят огнем столетий.

Твой дух живет в виденьях лучших дней,
Ты мыслью там, близ Иды, у Скамандра,
Ты ищешь круг тебе родных теней,
Поешь в Аиде им, пророчица Кассандра!

Зовешь вождей и, Фебом вновь полна,
Им славить месть, надеждой пламенея,—
Что примут казнь ахейцев племена,
Во прах повергнуты потомками Энея!

Но влага Леты упоила всех,
И жажду мести пробуждать в них тщетно!
Уста героев гнет загробный смех:
Ты славить — все молчит, зовешь — и безответно!

8 марта 1898, 1923

МОИСЕЙ

Я к людям шел назад с таинственных высот,
Великие слова в мечтах моих звучали.
Я верил, что толпа надеется и ждет...
Они, забыв меня, вокруг тельца плясали.

Смотря на этот пир, я понял их,— и вот
О камни я разбил ненужные скрижали
И проклял навсегда твой избранный народ.
Но не было в душе ни гнева, ни печали.

А ты, о господи, ты повелел мне вновь
Скрижали истесать. Ты для толпы преступной
Оставил свой закон. Да будет так. Любовь

Не смею осуждать. Но мне,— мне недоступна
Она. Как ты сказал, так я исполню все,
Но вечно, как любовь,— презрение мое.

25 апреля 1898

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

Неустанное стремление от судьбы к иной судьбе,
Александр Завоеватель, я — дрожа — молюсь тебе.

Но не в час ужасных боев, возле древних Гавгамел,
Ты мечтой, в ряду героев, безысходно овладел.

Я люблю тебя, Великий, в час иного торжества.
Были буйственные клики, ропот против божества.

И к войскам ты стал, как солнце: ослепил их грозный
взгляд,
И безвольно македонцы вдруг отпрянули назад.

Ты воззвал к ним: «Вы забыли, кем вы были, что теперь!
Как стада, в полях бродили, в чашу прятались, как зверь.

Создана отцом фаланга, вашу мощь открыл вам он;
Вы со мной прошли до Ганга, в Сарды, в Сузы, в Вавилон.

Или мните: государем стал я милостью мечей?
Мне державство отдал Дарий! скипетр мой, иль он ничей!

Уходите! путь открытый! размечите бранный стан!
Дома детям расскажите о красотах дальних стран,

Как мы шли в горах Кавказа, про пустыни, про моря...
Но припомните в рассказах, где вы кинули царя!

Уходите! ждите славы! Но — Аммона вечный сын —
Здесь, по царственному праву, я останусь и один».

От курений залы пьяны, дышат золото и шелк.
В ласках трепетной Роксаны гнев стихает и умолк.

Царь семнадцати сатрапий, царь Египта двух корон,
На тебя — со скриптром в лапе — со стены глядит Аммон.

Стихли толпы, колесницы, на равнину пал туман...
Но, едва зажглась денница, взволновался шумный стан.

В поле стон необычайный, молят, падают во прах...
Не вздохнул ли, Гордый, тайно о своих ночных мечтах?

О, заветное стремление от судьбы к иной судьбе,
В час сомненья и томленья я опять молюсь тебе!

Ноябрь 1899

ЛАМИИ

В дни весенних новолуний
Приходи, желанный друг!
На горе ночных колдуний
Соберется тайный круг.

Верны сладостной Гекате,
Мы сойдемся у костра.
Если жаждешь ты объятий,
Будешь с нами до утра.

Всех красивей я из ламий!
Грудь — бела, а губы — кровь.
Я вопьюсь в тебя губами,
Перелью в тебя любовь.

Косы брошу я, как тучу,—
Ароматом их ты пьян,—
Оплету, сдавлю, измучу,
Унесу, как ураган.

А потом замру, застыну,
Буду словно теплый труп,
Члены в слабости раскину,
Яства пышные для губ.

В этих сменах наслаждений
Будем биться до утра.
Утром сгинем мы, как тени,
Ты очнешься у костра.

Будешь ты один, бессильный...
Милый, близкий! жаль тебя!
Я гублю, как дух могильный,
Убиваю я, любя.

Подчинись решенной плате:
Жизнь за ласку, милый друг!
Верен сладостной Гекате,
Приходи на тайный луг.

1900

АМАЛТЕЯ

Пустынен берег тусклого Аверна,
Дрожат кругом священные леса,
Уступы гор отражены неверно,

И, как завеса, мутны небеса.
Здесь, в тишине, в пещере сокровенной,
Внимая вечно чьи-то голоса,

Живет сибилла. Судьбы всей вселенной
Пред ней проходят,— лица, имена
Сменяются, как сны, в игре мгновенной.

И этой сменой снов потрясена,
Сама не постигая их значенья,
На свитках записать спешит она

И звуки слов, и вещи виденья,
Пророчества, и тайны божества.
И пишет, и дрожит от иступленья,

И в ужасе читает те слова...
Но кончен свиток, и со смехом, злобно,
Она его бросает и, едва

Успев взглянуть, берет другой, подобный,
И пишет вновь, в тревоге, чуть дыша.
А ветер скал лепечет стих надгробный,

Взвывает свитки и влечет, шурша.

15 февраля 1898

СКИФЫ

Если б некогда гостем я прибыл
К вам, мои отдаленные предки,—
Вы собратом гордиться могли бы,
Полюбили бы взор мой меткий.

Мне легко далась бы наука
Поджидать матерого тура.
Вот — я чувствую гибкость лука,
На плечах моих барсова шкура.

Словно с детства я к битвам приучен!
Все в раздолье степей мне родное!
И мой голос верно созвучен
С оглушительным бранным воем.

Из пловцов окажусь я лучшим,
Обгоню всех юношей в беге;
Ваша дева со взором жгучим
Заласкает меня ночью в телеге.

Истукан на середине деревни
Поглядит на меня исподлобья.
Я уважу лик его древний,
Одарить его пышно — готов я.

А когда рассядутся старцы,
Молодежь запляшет под клики,—
На куске сбереженного кварца
Начерчу я новые лики.

Я буду как все — и особый.
Волхвы меня примут как сына.
Я сложу им песню для пробы.
Но от них уйду я в дружину.

Гей вы! слушайте, вольные волки!
Повинуйтесь жданному кличу!
У коней развеваются челки,
Мы опять летим на добычу.

29 ноября 1899

КЛЕОПАТРА

Я — Клеопатра, я была царица,
В Египте правила восемнадцать лет.
Погиб и вечный Рим, Лагидов нет,
Мой прах несчастный не хранит гробница.

В деяньях мира мой ничтожен след,
Все дни мои — то празднеств вереница,
Я смерть нашла, как буйная блудница...
Но над тобой я властвую, поэт!

Вновь, как царей, я предаю томленью
Тебя, прельщенного неверной тенью,
Я снова женщина — в мечтах твоих.

Бессмертен ты искусства дивной властью,
А я бессмертна прелестью и страстью:
Вся жизнь моя — в веках звенящий стих.

Ноябрь 1899

СТАРЫЙ ВИКИНГ

Он стал на утесе; в лицо ему ветер суровый
Бросал, насмехаясь, колючими брызгами пены.
И вал возносился и рушился, белоголовый,
И море стучало у ног о гранитные стены.

Под ветром уклончивым парус скользил на просторе,
К Винландии внук его правил свой бег непреклонный,
И с каждым мгновеньем меж ними все ширилось море,
А голос морской разносился, как вопль похоронный.

Там, там, за простором воды неисчерпно-обильной,
Где Скрелингов остров, вновь грянут губящие битвы,
Ему же коснеть безопасно под кровлей могильной
Да слушать, как женщины робко лепечут молитвы!

О, горе, кто видел, как дети детей уплывают
В страну, недоступную больше мечу и победам!
Кого и напевы военных рогов не сзывают,
Кто должен мириться со славой, уступленной дедам.

Хочу навсегда быть желанным и сильным для боя,
Чтоб не были тяжки гранитные косные стены,
Когда уплывает корабль среди шума и воя
И ветер в лицо нам швыряется брызгами пены.

12 июля 1900

ДАНТЕ

Безумцы и поэты наших дней
В согласном хоре смеха и презренья
Встречают голос и родных теней.

Давно пленил мое воображенье
Угрюмый образ из далеких лет,
Раздумий одиноких воплощенье.

Я вижу годы, как безумный бред,
Людей, принявших снова вид звериный,
Я слышу вой во славу их побед

(То с гвельфами боролись гибеллины!).
И в эти годы с ними жил и он,—
На всей земле прообраз наш единый.

Подобных знал он лишь в дали времен,
А в будущем ему виднелось то же,
Что в настоящем,— безобразный сон.

Мечтательный, на девушку похожий,
Он приучался к зрелищу смертей,
Но складки на челе ложились строже.

Он, веривший в величие людей,
Со стоном звал: пускай придут владыки
И умирят бессмысленных детей.

Под звон мечей, проклятия и крики
Он меж людей томился, как в бреду...
О Данте! о, отверженец великий,—

Воистину ты долго жил — в аду!

6 октября 1898

ДАНТЕ В ВЕНЕЦИИ

По улицам Венеции, в вечерний
Неверный час, блуждал я меж толпы,
И сердце трепетало суеверней.

Каналы, как громадные тропы,
Манили в вечность; в переменах тени
Казались дивны строгие столпы,

И ряд оживших призрачных строений
Являл очам, чего уж больше нет,
Что было для минувших поколений.

И, словно унесенный в лунный свет,
Я упивался невозможным чудом,
Но тяжек был мне дружеский привет...

В тот вечер улицы кишели людом,
Во мгле свободно веселился грех,
И был весь город дьявольским сосудом.

Бесстыдно раздавался женский смех,
И зверские мелькали мимо лица...
И помыслы разгадывал я всех.

Но вдруг среди позорной вереницы
Угрюмый облик предо мной возник.
—Так иногда с утеса глянут птицы,—

То был суровый, опаленный лик,
Не мертвый лик, но просветленно-страстный,
Без возраста — не мальчик, не старик.

И жалким нашим пуждам не причастный,
Случайный отблеск будущих веков,
Он сквозь толпу и шум прошел, как властный.

Мгновенно замер говор голосов,
Как будто в вечность приоткрылись двери,
И я спросил, дрожа, кто он таков.

Но тотчас понял: Данте Алигьери.

18 декабря 1900

ФЛОРЕНЦИЯ ДЕКАМЕРОНА

Вы, флорентинки прошлых дней! — о вас
Так ясно я мечтал в обманах лунных,
О быстром блеске ваших крупных глаз.

Сады любви в тиши оград чугунных,
Певучий говор и жемчужный смех,
Рассказы с перебоем песен струнных.

Принцессы, горожанки — здесь у всех
Веселость, острый ум, и взор лукавый,
И жажда непасытная утех.

Красавца видя, все полны отравой,
И долго жадный взор его следит.
Для вас любовь всегда была забавой!

Вам было непонятно слово «стыд»!
Среди земных красот, земных величий
Мне флорентинки близок лживый вид,

И сладостно мне имя Беатриче.

21 июля 1900

АСТРОЛОГ

Звездное небо плывет надо мной.
Чистым сияньем сверкают планеты.

Вкруг меня движется сумрак ночной...
Тени ли мертвые светом согреты?
Вот проступают телесней, ясней
Твердые бедра и полные плечи,
Смотрят глаза из-под черных кудрей...
Сдержанный хохот, чуть слышные речи...
Вот обозначился белый хребет,
Грудь повисли, согнулись колени...

В небе холодном мерцанье планет,
В небе порядок кругов и движений...

29 декабря 1899

БАЯЗЕТ

Тимур, прочтя оскорбительное
письмо Баязета, воскликнул: «Сын
Мурата сошел с ума».

Нет! не с ума сошел Муратов сын,
Ошибся ты, хромец падменный!
Но он взревел, как вольный лев долины,
Узнав, что в мире есть еще один,
Что дерзких двое во вселенной.

И степи дрогнули под звон копыт,
И шум от сшибки замер в небе.
Покой пустыни воплями был сыт,
Багряной кровью сумрак был залит,
И верен был случайный жребий.

Февраль 1899

ДОН ЖУАН

Да, я — моряк! искатель островов,
Скиталец дерзкий в неоглядном море.
Я жажду новых стран, иных цветов,
Наречий странных, чуждых плоскогорий.

И женщины идут на страстный зов,
Покорные, с одной мольбой во взоре!
Спадает с душ мучительный покров,
Всё отдают они — восторг и горе.

В любви душа вскрывается до дна,
Яснеет в ней святая глубина,
Где все единственно и неслучайно.

Да! я гублю! пью жизни, как вампир!
Но каждая душа — то новый мир
И манит вновь своей безвестной тайной.

12 мая 1900

МАРИЯ СТЮАРТ

О, если б знала ты, что пред тобою было,
Когда бежал корабль к туманной полосе,
От милой Франции к Шотландии немилой,
Все беды, весь позор и униженья все!

Любила ты балы и пышный чин обеден,
И отдалась стране, где властвует туман,
Где в замках дедовских строй жизни хмур и беден
И где звучат псалмы угрюмых пуритан.

Ты страсти жаждала, как неба жаждут птицы,
Вся подчинялась ей, топула в ярких снах,—
И слышала в ответ название блудницы,
И твой возлюбленный погиб в твоих руках.

Потом, захвачена соперницей надменной,
В тюрьме ты провлекла семнадцать гордых лет,
И, наконец, без сил, к ее ногам, смиренно,
Припала ты рабой... И смерть была ответ.

О! ты ждала ее! ты, с сердцем омертвелым,
У плахи слушала последних верных плач.
Но солгала и смерть: твоим безглавым телом
В последний раз насытился палач.

1901

РАЗОРЕННЫЙ КИЕВ

Четыре дня мы шли опустошенной степью.
И вот открылось нам раздолье Днепра,
Где с ним сливается Десна, его сестра...
Кто не дивится там его великолепью!

Но было нам в тот день не до земных красот!
Спешили в Киев мы — разграбленный, пустынный,
Чтоб лобызать хоть прах от церкви Десятинной,
Чтоб плакать на камнях от Золотых ворот!

Всю ночь бродили мы, отчаяньем объаты,
Среди развалин тех, рыдая о былом;
Мы утром все в слезах пошли своим путем...
Еще спустя три дня открылись нам Карпаты.

3 ноября 1898

О ПОСЛЕДНЕМ РЯЗАНСКОМ КНЯЗЕ ИВАНЕ ИВАНОВИЧЕ

Ой вы, струночки— многозвончаты!
Балалаечка — многознаечка!
Уж ты спой нам весело
Свою песенку,
Спой нам нонче ты, нонче ты, нонче ты...

Как рязанский князь под замком сидит,
Под замком сидит, на Москву глядит,
Думу думает, вспоминает он,
Как людьми московскими без вины полонен,
Как его по улицам вели давеча,
Природного князя, Святославича,
Как глядел на него московский народ,
Провожал, смеясь, от Калужских ворот.

А ему, князю, подобает честь:
В старшинстве своем на злат-стол воссесть.
Вот в венце он горит, а кругом — лучи!
Поклоняются князья — Мономаховичи.
Но и тех любить всей душой он рад,
В племени Рюрика всем старший брат.

Вот он кликнет клич, кто горазд воевать!
На коне он сам поведет свою рать
На Свею, на Литву, на поганый Крым...
(А не хочет кто, отъезжай к другим!)
Споют гусяры про славную брань,
Потешат, прославят древнюю Рязань.

Но кругом темно — тишина,—
За решеткой в окно Москва видна,
Не услышит никто удалый клич,
За замком сидит последний Ольгович.
Поведут его, жди, среди воров
На злую казнь на кремлевский ров.

Ой вы, струночки — многозвончатые!
Ой подруженька — многознаечка!
Спой нам нонче ты, спой нам нонче ты,
Балалаечка!

27 ноября 1899

НАПОЛЕОН

Да, на дороге поколений,
На пыли расточенных лет,
Твоих шагов, твоих движений
Остался неизменный след.

Ты скован был по мысли Рока
Из тяжести и властных сил:
Не мог ты не ступать глубоко,
И шаг твой землю тяготил.

Что строилось трудом суровым,
Вставало медленно в веках,
Ты сокрушал случайным словом,
Движеньем повергал во прах.

Сам изумлен служеньем счастья,
Ты, как пращой, метал войска,
И мировое самовластье
Бросал, как ставку игрока.

Пьянея славой неизменной,
Ты шел сквозь мир, круша, дробя...
И стало, наконец, вселенной
Невозмогу носить тебя.

Землядохнула полной грудью,
И ты, как лист в дыханье гроз,
Взвился, и полетел к безлюдью,
И пал, бессильный, на утес,—

Где, на раздольи одичалом,
От века этих дней ждала
Тебя достойным пьедесталом
Со дна встающая скала!

26 апреля 1901

У моря

Крым 1898—1899 г.
Ревель (Катеринепталь) 1900 г.

* * *

Волны избегают и пенятся,
Волны на шумном прибое;
Встанут и странно изменятся,
Гаснут в минутном покое.

Только что в дали сверкающей
Видел волны зарождение,
Миг — и с волной отбегающей
Тихо грохочут камня.

18 апреля 1898

* * *

Звезда затеплилась стыдливо,
Стопились тени у холма;
Стихает море; вдоль залива
Редает пенная кайма.

Уже погасли пятна света
На гранях сумрачных вершин,—
И вот в селеньи с минарета
Запел протяжно муэдзин.

20 апреля 1898

* * *

У перекрестка двух дорог
Журчанье тихое фонтана;
Источник скуден и убог;
На камне надпись из Корана.

Здесь дышит скромный кипарис,
Здесь дремлет пыльная олива,
А ручеек сбегает вниз
К побережью вольного залива.

21 апреля 1898

* * *

Где подступает к морю сад,
Я знаю грот уединенный:
Там шепчет дремлющий каскад,
Там пруд недвижим полусонный.

Там дышат лавры и миндаля
При набежавшем тихом ветре,
А сзади, закрывая даль,
Уходит в небо пик Ай-Петри.

30 апреля 1898

* * *

День растоплен; море сине;
Подступили близко горы.
Воздух чист, и четкость линий
Утомляет взоры.

Под столетним кедром — тени,
Отзвук утренней прохлады.
Слушай здесь, отдавшись лени,
Как трещат цикады.

24 июня 1898

* * *

Весь день был тусклый, бледный и туманный;
Шли облака в уныло-смутной смене;
Свет солнца был болезненный и странный,
И от деревьев не ложилось тени.

И лишь под вечер солнце мимолетно
Вдруг озарило море, даль и горы,
Все вспыхнуло в надежде безотчетной...
Но тьма настала, и смежились взоры.

14 июня 1898

* * *

Месяца свет электрический
В море дрожит, извивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.

Волны избегают упорные,
Мечутся, дикие, пленные,
Гибнут в борьбе, непокорные,
Гаснут, разбитые, пенные...

Месяца свет электрический
В море змеится, свивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.

21 апреля 1898

* * *

Словно птица большая
Неизведанных стран,
Поднялся, улетаю,
Беспощадный туман.

Поднялся и помчался
Над морской глубиной,
Развивался, свивался
И исчез за водой.

Вновь зеленые склоны
Нам открылись; и лес
Отвечал, возрожденный,
На приветы небес.

13 мая 1898

* * *

Лежу на камне, солнцем разогретом,
И отдаюсь порывам теплым ветра.
Сверкают волны незнакомым светом,
В их звучном плеске нет родного метра.

Смотрю на волны; их неверных линий
Не угадав, смущен их вечной сменой...
Приходят волны к нам из дали синей,
Взлетают в брызгах, умирают пеной.

Кругом сверканье, говор и движенье,
Как будто жизнь, с водой борьба утесов...
Я не пойму, в чем тайный смысл волненья,
А морю не понять моих вопросов.

28 апреля 1898

* * *

Кипит встревоженное море,
Мянутся волны, как в плену;
Померк маяк на Ай-Тодоре,
Вся ночь приветствует луну.

Луна державно делит море:
То мрак, то отблесков игра.
И спит в серебряном просторе
Мир парусов из серебра.

27 июля 1899

* * *

Волны приходят, и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий.
По морю тени туманные бродят,
Чайки летят и кричат, как в тревоге.

Много столетий близ отмели дикой
Дремлют в развалинах римские стены,
Слушают чаек протяжные крики,
Смотрят на белое кружево пены.

30 июня 1899

* * *

Обошла тропа утес,
Выше всходят буки.
Позади лесные звуки,
Крики птиц и диких коз.

Впереди редееет лес,
Камни у вершины,
Ветра свист, полет орлиный,
Даль земли и даль небес.

21 июля 1899

* * *

Небо чернело с огнями,
Море чернело без звезд.
Плотно обложен камнями
Был изогнутый объезд.

Вниз виноградник по скату
Тихо спускался; толпой
Кустики жались брат к брату...
Помнишь? мы шли той тропой!

1899

* * *

Белый цвет магнолий
Смотрит, как глаза.
Страшно жить на воле:
Чуется гроза.

Волны, словно стекла,
Отражают блеск.
Чу! в траве поблеклой
Ящерицы треск.

Вкруг смотрю смущенно,
Взор в листву проник:
Там к цветку склоненный
Юный женский лик.

1899

* * *

Облака цепляются
За вершины гор.
Так слова слагаются
В смутный разговор.

Горьки и томительны
Жалобы твои:
То рассказ мучительный
О былой любви.

Слушаю и думаю
Как в тяжелом сне.
Облако угрюмое
Вниз ползет ко мне.

Июль 1896

* * *

Мерно въет дорога
Одинокий путь.
Я в руках у бога,
Сладко дышит грудь.

Гордо дремлют буки,
Чаша без границ.
Все согласны звуки
С голосами птиц.

Манит тихим зовом
Зашумевший ключ.
Ветки свисли кровом
От пролетных туч.

Близкий, бесконечный,
Вольный лес вокруг,
И случайный встречный —
Как желанный друг.

14 июля 1899

* * *

Ветер с моря волны гонит,
Роет отмель, с сушей споря;
Ветер дым до зыби клонит,
Дым в пространствах вольных моря.

Малых лодок реет стая,
Белым роем дали нежит.
В белой пене тихо тая,
Вал за валом отмель режет.

29 мая 1900

* * *

Из-за облака скользящий
Луч над зыблемой водой
Разбивается блестящей,
Серебристой полосой.

И спешит волна с тревогой
В ярком свете погореть,
Набежать на склон отлогий,
Потемнеть и умереть.

5 июня 1900

* * *

Море — в бессильном покое,
Образ движенья исчез.
Море — как будто литое
Зеркало ясных небес.

Камни, в дремоте тяжелой,
Берег, в томительном сне,
Грезят — о дерзкой, веселой,
Сладко-соленой волне.

24 июля 1900

ЗАКАТ

Видел я, над морем серым
Змей-Горыныч пролетал.
Море в отблесках горело,
Отсвет был багрово-ал.

Трубы спящих броненосцев,
Чаек парусных стада
Озарились блеском грозным
Там, где зыблилась вода.

Сея огненные искры,
Закатился в тучу Змей;
И зажглись румянцем быстрым
Крылья облачные фей.

19 июня 1900

ЕЩЕ ЗАКАТ

И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Тютчев

Свой круг рисуя все ясней,
Над морем солнце опускалось,
А в море полоса огней,
Ему ответных, уменьшалась.

Где чары сумрака и сна
Уже дышали над востоком,
Всходила мертвая луна
Каким-то жаждущим упреком.

Но вдоль по тучам, как убор,
Сверкали радужные пятна,
И в нежно-голубой простор
Лился румянец предзакатный.

28 июня 1900

В стенах

* * *

Люблю я линий верность,
Люблю в мечтах предел.
Меня страшит безмерность
И чудо божьих дел.

Люблю дома, не скалы.
Ах, книги краше роз!
— Но милы мне кристаллы
И жало тонких ос.

13 ноября 1898

* * *

Я люблю большие дома
И узкие улицы города,—
В дни, когда не настала зима,
А осень повеяла холодом.

Пространства люблю площадей,
Стенами кругом огражденные,—
В час, когда еще нет фонарей,
А затеплились звезды смущенные.

Город и камни люблю,
Грохот его и шумы певучие,—
В миг, когда песню глубоко таю,
Но в восторге слышу созвучия.

29 августа 1898

* * *

Когда сижу один и в комнате темно,
И кто-то за стеной играет долго гаммы,—
Вдруг фонари зажгут, и свет, пройдя в окно,
Начертит на стене оконные две рамы;
И мыслю я тогда, усталый и больной:
«Фонарь, безвестный друг! ты близок! ты со мной!»

А после из-за крыш подыметесь луна,
И, вспыхнув, облака уйдут как фимиамы,
И светлый луч луны, пройдя стекло окна,
Начертит явственней оконные две рамы;
О, как я оживлен! дрожа, мечтаю я:
«Луна, заветный друг! ты близко! ты — моя!»

22 ноября 1898

* * *

Когда опускается штора
И ласковый ламповый свет
Умиряет усталые взоры,—
Мне слышится счастья привет.

Мне не нужно яркого блеска,
Красоты и величья небес.
Опустись, опустись, занавеска!
Весь мир отошел и исчез.

Со мной любимые книги,
Мне поет любимый размер.
— Да! я знаю, как сладки вериги
В глубине безысходных пещер.

3 октября 1899

* * *

Я провижу гордые тени
Грядущих и гордых веков,
Ушедшие в небо ступени,
Застывшие громады домов;

Улицы, кишащие людом,
Шумные дикой толпой,
Жизнь, озаренную чудом,
Где каждый миг — роковой;

Всю мощь безмерных желаний,
Весь ужас найденных слов,—
Среди неподвижных зданий,
В теснине мертвых домов.

20 марта 1899

* * *

Жадно тобой наслаждаюсь,
Сумрак улиц священный!
Тайно тебе поклоняюсь,
Будущий царь вселенной!

Ты далёко руки протянешь,
В пустыни, ко льдам, на горы;
Солнечный свет затуманишь,
К полутьме приучишь взоры.

Тайно тебе поклоняюсь,
Гряди, могущ и неведом!
Пред тобой во прах повергаюсь.
Пусть буду путем к победам.

27 апреля 1899

* * *

Люблю вечерний свет, и первые огни,
И небо бледное, где звезд еще не видно.
Как странен взор людей в медлительной тели,
Им на меня глядеть не страшно и не стыдно.

И я с людьми как брат, я все прощаю им,
Печальным, вдумчивым, идущим в тихой смене,
За то, что вместе мы на грани снов скользим,
За то, что и они, как я,— причастны тени.

4—5 октября 1899

* * *

Мы к ярким краскам не привыкли,
Одежда наша — цвет земли;
И робким взором мы поникли,
Влачимся медленно в пыли.

Мы дышим комнатною пылью,
Живем среди картин и книг,
И дорог нашему бессилью
Отдельный стих, отдельный миг.

А мне что́ снится? — дикие крики.
А мне что́ близко? — кровь и война.
Мои братья — северные владыки,
Мое время — викингов времена.

9 марта 1899

* * *

Зодчество церквей старинных,
Современный прихотливый свод,
Много зданий — высоких, длинных,
Улицы неуверенный поворот.

Проходящих теней вереница,
Отрывки неугаданных слов,
Женские мимолетные лица
И смутная память шагов.

15 марта 1899

* * *

Вы, снежинки, вейте,
Нас лишь пожалейте!
Вас, снежинок, много, много,
И летите вы от бога.

Где нам с вольными бороться!
Вам привольно, вам поется.
Захотите, — заметете,
Город в цепи закуете...

1899

НА ДАЧЕ

Растопленный день вечереет,
Бесцветное небо померкло,
И призрачный месяц светлее
Над редкой сеткой из веток.

Затеплились окна под крышей,
В садах освещенные пятна,
И, словно летучие мыши,
Шныряют кругом самокаты.

Апрель 1899

* * *

Церкви, великие грани,
Голос ваш радостно строг!
В мире размеренных зданий
Смотрите вы на Восток.

Цепью застывших строений
Скованы думы и сны.
В городе вы — словно тени
Тихо встающей весны.

7 марта 1900

* * *

Облеченные в одежды
Длинно-тяжкие, — не мы
К красоте откроем вежды,
Мы — в темницах серой тьмы.

Грез прибежище и нега,
Тело женское! — в мехах,
В шерсти, в шарфах, в царстве снега
Ты лишь безобразный прах.

Есть живое возрожденье!
Краски, розы, нагота!
Так, творите вы мгновенье...
Кто же вас творит? — Мечта.

19 января 1900

* * *

Улицей сонной и тихой
В белом сиянии дня
Шел он весело, лихо...
Девушка — взоры склопя.

Он выдавался нарядом,
Хоть был некрасив, невысок;
Девушка с задумчивым взглядом
Робкий несла узелок.

Двери публичного дома
Вскрылись в сиянии дня.
Он лихо вошел, как знакомый, —
Девушка — взоры склопя.

14 марта 1900

* * *

Месяц серпом умирающим
Смутно висит над деревьями;
Тени встают умоляюще,
Тянутся ветви виденьями.

Зданья одеты туманами,
Линии гаснут мучительно,
Люди — как призраки странные,
Конки скользят так таинственно.

Мир непонятно-пугающий,
Чуждая взорам вселенная!
— Месяц, лишь ты, умирающий,
Вечно твердишь неизменное.

15 декабря 1897

* * *

Огни «электрических конок»
Браздят потемневший туман,
И зов колокольчиков звонок...
Пускается в путь караван.

Там, в душную втиснут каюту,
Застывший, сроднившийся вдруг
(Друзья и враги на минуту!)
Прохожих изменчивый круг.

Беседы и облик безмолвный,
Ряды сопоставленных лиц...
О конки! вы — вольные челны
Шумящих и строгих столиц.

23 июля 1900

* * *

Я видел искры от кирки,
Ударившей о камень.
Вы, силы пламени, легки,
Люблю тебя, о пламень!

Ты встанешь некогда врагом,
Ты до неба воспрянешь!
И день, венчанный вечным днем,—
Я жду,— и ты настанешь!

8 марта 1900

* * *

Словно нездешние тени,
Стены меня обступили:
Думы былых поколений!
В городе я — как в могиле.

Здания — хищные звери
С сотней насытых утроб!
Страшны закрытые двери:
Каждая комната — гроб!

16 сентября 1900

* * *

В борьбе с весной редет зимний холод,
Сеть проволок свободней и нежней,
Снег, потемневший, сложен в кучи, сколот,
Даль улицы исполнена теней.

Вдали, вблизи — все мне твердит о смене:
И стаи птиц, кружащих над крестом,
И ручеек, звеня, бегущий в пене,—
И женщина с огромным животом.

25 февраля 1899

Еще сказка

ЖЕНЩИНЕ

Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты — женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся — от века — на тебя!

11 августа 1899

ЛЮБОВЬ

Не мысли о земном и малом
В дыханьи бури роковой, —
И, не стыдясь святого страха,
Клони чело свое до праха.
Любовью — с мировым началом
Роднится дух бессильный твой.

Любовь находит черной тучей.
Молись, познав ее приход!
Не отдавай души упорству,
Не уклоняйся, но покорствуй!
И кто б ни подал кубок жгучий,—
В нем дар таинственных высот.

17 мая 1900

* * *

Осенний день был тускл и скуден,
А воздух недвижимо жгуч.
Терялся луч больных полуден
В бескрайности сгущенных туч.

Шли тополя по придорожку,
Ветрам зимы обнажены,
Но маленькие листья — дрожью
Напоминали сон весны.

Мы шли, глядя друг другу в очи,
Встречая жданные мечты.
Мгновенья делались короче,
И было в мире — я и ты.

Когда, забыв о дольном плаче,
В пространствах две души летят,
Нельзя им чувствовать иначе,
Обменивая взгляд на взгляд!

23 октября 1900

* * *

Я — мотылек ночной. Послушно
Кружусь над яркостью свечи.
Сияет пламя равнодушно,
Но так ласкательны лучи.

Я этой лаской не обманут,
Я знаю гибель наизусть,—
Но крылья биться не устанут,
С усладой повторяю: пусть!

Вот всё невыносимей жгучесть,
Тесней и опьяненной круг,
Так явно неизбежна участь,
Но в паданьи захвачен дух.

Хочу упиться смертью знойной,
Изведать сладости огня.
Еще один полет нестройный —
И пламя обовьет меня.

Сентябрь 1900

* * *

По холодным знакомым ступеням
Я вошел в позабытый дворец
(К поцелуям, и клятвам, и пеням),
Оглянулся, как жалкий беглец.

Здесь, ребенком, изведал я годы,
Поклонялся величию дворца;
Словно небо, казались мне своды,
Переходы кругом — без конца.

Ликовать иль рыдать о измене?
Как все тесно и жалко теперь
(Поцелуи, и клятвы, и пени...).
...И открыл я заветную дверь.

25 января 1900

* * *

Да, эту улицу я знаю:
Все виды вдаль и каждый дом,
И я, испуганно, встречаю
Святые думы — о былом!

Я здесь, как мальчик, неумело
Условного свиданья ждал...
Зачем же то мгновенье цело,
Когда я сам — не мальчик стал!

С улыбкой, но со взором строгим
Сейчас ко мне ты подойдешь,
И будем мы, подобно многим,
В словах мешать любовь и ложь.

И, после, кисти над альковым
В позорной пляске задрожат,
И я возьму восторг готовым,
Не так, как много лет назад!

Зачем же снова, — ныне! ныне! —
За валом сумрачных годов,
Былое высится святыней,
И плакать я пред ним готов!

Как страшно здесь, где все знакомо,
Как прежде, милой встречи ждать,
Но знать, что роковой истомой
Не может сердце задрожать!

3 сентября 1900

* * *

Строгий, холодный и властный
Свет невоспешедшего дня.
Улицы мертво-бесстрастны,
Путь убегает, маяя.

В светлом безмолвии утра
Двое нас в мире живых!
В облаках игра перламутра.
Румянец затепленный тих.

В ущельи безжизненных зданий
Мы дышим неземной тишиной,
В этот час не хотим ожиданий...
Довольно, что ты — со мной.

Настало что-то... Как дети,
Сознаем мы исполненный миг.
Утро в холодном свете,
Ты лучше песен и книг!

Апрель 1900

* * *

Роскошен лес в огне осеннем,
Когда закатом пьян багрец,
И ты, царица, входишь к теням,
И папоротник — твой венец!

Листва живет мгновеньем пышным,
От всех надежд отрешена,
И стало будущее лишним,
И осень стала, как весна!

Но вздрогнешь ты у той поляны,
Где мой припомнится привет,
И долго будет лист багряный
Хранить замедленный твой след.

28 сентября 1900

* * *

Я помню свет неверно-белый
И запах роз, томивший нас,
Взор соблазнительно несмелый,
И этот весь вечерний час.

Мы были двое... Тени с нами.
Лишь изредка твоей руки
Касаясь жадными губами,
Дышал я таинством тоски.

И сдвинулись неслышно тени,
Все ложью опьянила мгла,—
Но правду беглых отражений
Вдаль уводили зеркала.

Апрель 1900

* * *

В моих словах бесстыдство было,
В твоих очах — упорство дня,
И мы боролись с равной силой,
Друг друга жажда и кляня.

А мальвы листьями встречались,
Клонясь под тихим ветерком,
И сосны яростно качались
В просторе слишком голубом.

О, если каждый образ вечен
И полны прошлым небеса,
То в безднах этот миг отмечен
Как огневая полоса!

3 сентября 1900

* * *

И снова ты, и снова ты,
И власти нет проклясть!
Как Сириус палит цветы
Холодным взором с высоты,
Так падо мной восходишь ты,
Ночное солнце — страсть!

Мне кто-то предлагает бой
В ночном безлюдьи, под шатром.
И я, лицом к лицу с судьбой,
И я, вдвоем с тобой, с собой,
До утра упоен борьбой,
И — как Израиль — хром!

Дневные рипутся лучи, —
Не мне пред ними пасть!
Они — как туча саранчи.
Я с богом воевал в ночи,
На мне горят его лучи.
Я твой, я твой, о страсть!

11 сентября 1900

* * *

Я имени тебе не знаю,
 Не назову.
Но я в мечтах тебя ласкаю...
 И наяву! .

Ты в зеркале еще безгрешней,
 Прижмись ко мне.
Но как решить, что в жизни внешней
 И что во сне?

Я слышу Нил... Закрыты ставни...
 Песчаный зной...
Иль это только бред недавний,
 Ты не со мной?

Иль, может, всё в мгновенной смене,
 И нет имен,
И мы с тобой летим, как тени,
 Как чей-то сон?..

2 октября 1900

* * *

Мысль о тебе меня весь день ласкает,
Как легкий ветерок в полдневный жар цветы;
И, слово за слово, наш разговор мелькает,
И хочется, смутясь, тебе промолвить: «ты»!

Благословляю вас, мгновенья жизни полной!
Вы к медленным часам даете волю вновь.
Так от весла, в тиши, бегут далеко волны...
На крыльях, на волнах ты мчишь меня, любовь!

Февраль 1900

* * *

Часы прошли, как сон изменчивый,
О вечер! наступай и ты,
И встречей длительной увенчивай
Весь день томившие мечты!

Любовь горит еще нетленнее,
Пройдя мучительство сует.
Так небо, серое, осеннее,
Звезды пронизывает свет.

26 сентября 1900

* * *

Настал заветный час дремотный.
Без слов, покорствуя судьбе,
Клонюсь я к бездне безотчетной
С последней думой — о тебе!

В мечты мои ты льешь, царица,
Свет с изумрудного венца,
И дня прочтенная страница
Тобою дышит до конца.

13 сентября 1900

* * *

Тоска бродячего светила
По дерзкой вольности своей
Меня недавно осенила
В раздольи голубых полей.

Но вновь, как верная комета,
Свершив размеренный свой путь,
Я возвращаюсь к бездне света —
В сияньи солнца потонуть.

И вольность синяя забыта,
Лучи нахлынули, пьяня,
И сладостно, как власть магнита,
Влиянье жгучего огня.

23 октября 1900

О да! Я — темный мотылек,
Кружусь я, крыльями стуча;
На гибель манит огонек...
О да! я — темный мотылек,
Но я и светлая свеча.

Я чувствую свои лучи;
Их свет приветен и глубок,
И ты над пламенем свечи,
Впивая жгучие лучи,
Кружишься, белый мотылек!

И кто к кому? ко мне ли ты,
К тебе ли я, иль мы с тобой?
Твои глаза — мои ль мечты?
В тебе ли я? во мне ли ты?
— Мы оба пойманы судьбой!

23 сентября 1900

Ты умеешь улыбаться
Тихим трепетом ресниц...
Сладко в небе колыхаться
Перелетным стаям птиц.

Ты умеешь быть желанной
Сквозь вседневные слова...
Ветер дышит над саванной,
Знойно клонится трава.

Рук любовных приближенье
Нежно веет у лица...
Даль без тени и движенья,
Травы, небо без конца!

23 сентября 1900

* * *

Сладко скользить по окраинам бездны,
Сладко скользить нам вдвоем.
Что ж нам приманчивей: купол ли звездный,
Пропасьть ли, полная сном?

Крылья умчат ли от жизни усталой
К новой и светлой весне?
Или нам падать и биться о скалы,
Корчиться жалко на дне?

С каждым мгновеньем сознанье неверней:
Хмель — так стремиться вдвоем!
Мрак за звездами и звезды по черни...
Где мы и кто, не поймем!

Снизу ль высоты, над нами ль глубины?
Как нам теперь рассмотреть?
Может быть, падая вниз со стремнины,
К звездам мы будем лететь?

Сладко скользить по окраинам бездны,
Сладко скользить нам вдвоем.
Что же приманчивей: купол ли звездный,
Пропасьть ли, полная сном?

Апрель 1900

* * *

Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое,
Что месяц, гость небес, заглянет к нам в окно,
Что грохот города нарушит все ночное
И будет счастье тьмы меж зорь схоронено.

Мне грустно оттого, что завтра ты с другими
Смешаешься в одной вскипающей волне,
И будешь между них, и будешь вместе с ними,
И хоть на краткий миг забудешь обо мне...

О, если б быть одним, в высокой, строгой башне,
Где ламп кровавый свет затеплен навсегда,

Где вечно только ночь, как завтра — день вчерашний,
И где-то без конца шумит, шумит вода!

Отторжены от всех, отъяты от вселенной,
Мы были б лишь вдвоем, я — твой, ты — для меня!
Мы были б как цари над вечностью мгновенной,
И год сменял бы год, как продолжение дня.

Декабрь 1900

Милая правда

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Первая звездочка! око вечернее,
Привет тебе!
Вечером сердце мое суевернее:
Молюсь Судьбе.

Первая звездочка! будь обещанием
Счастливых дней!
Слишком измучен я долгим блужданием
В кругу теней.

Глянули сестры твои, светлоокие,
Вот здесь, вот там...
Звездочки! блески! — святые, далекие! —
Я верю вам!

21 мая 1897

В ДЕНЬ СВЯТОЙ АГАТЫ

6 февраля

Имя твое непорочно и свято
В кругу святых.
Примешь ли ты благодарность, Агата,
В стихах моих?

Строгой подвижницей, к высшему счастью
Стремилась ты,
Эти же строфы подсказаны страстью,
Вином мечты.

Нет! свет любви перед взором блаженных
Горит сквозь тень:
Верю,— простишь ты и нас, дерзновенных,
В свой светлый день!

25 июня 1897

Я ЛЮБЛЮ...

... между двойною бездной ...

Ф. Тютчев

Я люблю тебя и небо, только небо и тебя,
Я живу двойной любовью, жизнью я дышу, любя.

В светлом небе — бесконечность: бесконечность милых глаз.
В светлом взоре — беспредельность: небо, явленное в нас.

Я смотрю в пространства неба, небом взор мой поглощен.
Я смотрю в глаза: в них та же даль — пространств и даль
времен.

Бездна взора, бездна неба! я, как лебедь на волнах,
Меж двойною бездной рею, отражен в своих мечтах.

Так, заброшены на землю, к небу всходим мы, любя...
Я люблю тебя и небо, только небо и тебя.

26 июня 1897

БЛИЗКОЙ

И когда меня ты убьешь,
Ты наденешь белое платье,
И свечи у трупа зажжешь,
И сядешь со мной на кровати.

И будем с тобой мы одни
Среди безмолвия ночи;
Лишь будут змеиться огни
И глядеть мои тусклые очи.

Потом загорится рассвет
И окна окрасит кровью,—
И ты засмеешься в ответ
И прильнешь к моему изголовью.

13 октября 1897

ФЕЯ ФОНТАНОВ

Ты, моя фея фонтанов,
Фея журчащих ручьев,
Ты из летучих туманов
Вестником вышла на зов.

Ты из летучих туманов
Вышла на трепетный зов
Около старых платанов
В час окликания сов.

Около старых платанов
Слушал я оклики сов.
Высился гор-великанов
Призрак, зловеще-суров.

Призраки гор-великанов...
Тень виноградных кустов...
Ждал я желанных обманов,
Мгле доверяя свой зов.

Ждал я желанных обманов...
Ты мой услышала зов,
Ты, моя фея фонтанов,
Фея журчащих ручьев.

11 мая 1898

* * *

И небо и серое море
Уходят в немую безбрежность.
Так в сердце и радость и горе
Сливаются в тихую нежность.

Мои друзья -

Начало 1870 июля 95г.

Что я испытываю много,
Но вы не забывайте описать.
К. Прохоров.

Конечно 8-е окт. 95г.

Другим — бушевания бури
И яростный ропот прибоя.
С тобой — бесконечность лазури
И ясные краски покоя.

На отмель идут неизбежно
И гаснут покорные волны.
Так думы с беспечностью нежной
Встречают твой образ безмолвный.

7 июня 1900

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Мы забавляемся
Нашей судьбой,
Тихо качаемся
В люльке с тобой.

Фея-кудесница
Песню поет,
К месяцу — лестница
Света ведет.

Ангелы мирные
Сходят по ней,
Светят, эфирные,
В мире теней.

Мы улыбаемся
С томной мольбой.
Тихо качаемся
В люльке с тобой...

30 января 1898

* * *

К твоему плечу прижаться
Я спешу в вечерний час.
Пусть глаза мои смежата:
Звуки стихли, свет погас.

Тихо веет лишь сознание,
Что с тобой мы здесь вдвоем,
Словно ровное мерцание
В безднах, выветренных сном.

Просыпаясь, в дрожи смутной
Протяну к устам уста:
Знать, что ты — не сон минутный,
Что блаженство — не мечта!

Засыпая, помнить буду,
Что твой милый, нежный лик
Близко, рядом, где-то, всюду, —
Мой ласкательный двойник!

И так сладко, так желанно,
На плечо припав твое,
Забывать в истоме жданной
Чье-то злое счастье... чье?

10 октября 1900

Близким

К ПОРТРЕТУ ЛЕЙБНИЦА

Когда вникаю я, как робкий ученик,
В твои спокойные, обдуманые строки,
Я знаю — ты со мной! Я вижу строгий лик,
Я чутко слушаю великие уроки.

О Лейбниц, о мудрец, создатель вещих книг!
Ты — выше мира был, как древние пророки.
Твой век, дивясь тебе, пророчеств не постиг
И с лестью смешивал безумные упреки.

Но ты не проклинал и, тайны от людей
Скрывая в символах, учил их, как детей.
Ты был их детских снов заботливый хранитель.

А после — буйный век глумился над тобой,
И долго ждал ты час, назначенный судьбой...
И вот теперь встаешь, как Властный, как Учитель!

25 ноября 1897

К ПОРТРЕТУ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Казался ты и сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил;
Но ты мечтал об ангельски-прекрасном,
Ты демонски-мятежное любил!

Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил,
И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил!

Но не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чем томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.

И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованых стихах!

6—7 мая 1900

НА СМЕРТЬ И. ЛЯЛЕЧКИНА

Набегают вечерние тени,
Погасает сиянье за далью.
Облелеянный тихой печалью,
Уронил я письмо на колени.

Облелеянный тихой печалью,
Вспоминаю ненужные грезы...
А в душе осыпаются розы,
Погасает сиянье за далью.

Да, в душе осыпаются розы.
Милый брат! ты звездой серебристой
Заблестел над тропинкой росистой,
Ты внушил нам ненужные грезы!

Милый брат! ты звездой серебристой
Заблестел на ночном небосклоне,
Но предтечей безвестных гармоний
Закатился за далью росистой.

Ты предтечей безвестных гармоний
Тихо канул в вечерние тени!
Уронил я письмо на колени,
Утонул я в ночном небосклоне...

2 марта 1895

К ПОРТРЕТУ К. Д. БАЛЬМОНТА

Угрюмый облик, каторжника взор!
С тобой роднится веток строй бессвязный,
Ты в нашей жизни призрак безобразный,
Но дерзко на нее глядишь в упор.

Ты полюбил души своей соблазны,
Ты выбрал путь, ведущий на позор;
И длится годы этот с миром спор,
И ты в борьбе — как змей многообразный.

Бродя по мыслям и влачась по дням,
С тобой сходились мы к одним огням,
Как братья на пути к запретным странам,

Но я в тебе люблю, — что весь ты ложь,
Что сам не знаешь ты, куда пойдешь,
Что высоту считаешь сам обманом.

1899

К. Д. БАЛЬМОНТУ

Нет, я люблю тебя не яростной любовью,
Вскипающей, как ключ в безбрежности морской,
Не буду мстить тебе стальным огнем и кровью,
Не буду ждать тебя, в безмолвной тьме, — с тоской.

Плыви! ветрила ставь под влажным ветром косо!
Ты правишь жадный бег туда, где мира грань,
А я иду к снегам, на даль взглянуть с утеса.
Мне — строгие стези, ты — морем дух тумань.

Но, гребень гор пройдя, ущелья дня и ночи,
И пьян от всех удач, и от падений пьян,
Я к морю выйду вновь, блеснет мне пена в очи, —
И в Город я вступлю, в столицу новых стран.

И там на пристани я буду, в час рассветный, —
Душа умирена воскресшей тишиной, —
С уверенностью ждать тебя, как сон заветный,
И твой корабль пройдет покорно предо мной.

Мой образ был в тебе, душа гляделась в душу,
Былое выше нас — мы связаны — ты мой!
И будешь ты смотреть на эту даль, на сушу,
На город утренний, манящий полутьмой.

Твой парус проводив, опять дорогой встречной,
Пойду я — странник дней, — и замолчит вода.
Люблю я не тебя, а твой прообраз вечный,
Где ты, мне все равно, но ты со мной всегда!

Ноябрь 1900

ЮРГИСУ БАЛТРУШАЙТИСУ

Ты был когда-то каменным утесом
И знал лишь небо, даль да глубину.
Цветы в долинах отдавались росам,
Дрожала тьма, приветствуя луну.

Но ты был чужд ответам и вопросам,
Равно встречая зиму и весну,
И только коршун над твоим откосом
Порой кричал, роняя тень в волну.

И силой нам неведомых заклятий
Отъятый от своих стихийных братий,
Вот с нами ты, былое позабыв.

Но взор твой видит всюду — только вечность,
В твоих словах — прибой быстротечность,
А голос твой — как коршуна призыв.

Декабрь 1900

«ПРИЗРАКИ», КАРТИНА М. ДУРНОВА

Это они — соблазненные! —
В час умилений ночных, —
Усыпленные, полусонные...
Не надо помнить об них.

Облака потянулись холодные,
Птиц таинственный рой,
Цветы раскрылись бесплодные,—
Зелень ярка под горой.

Вам близки отжившие, мертвые!
Дьяволы шепчут об чем?
Это мечты,— мечты полустертые
В одиноком, далеком былом.

11 марта 1900

Г. Г. БАХМАНУ

Вся красота тебе доступна!
Тебе ясна ее звезда:
И в глубине мечты преступной,
И в безднах рабского труда.

Толпа безвестных, безымянных,
Покорно бивших о гранит,
Среди пустынь, как сон пространных,
Воздвигла чудо пирамид.

И ты вступаешь в сонмы черни,
Ее речами говоря,
И славись труд,— да суеверней
Она приветствует царя.

25 ноября 1899

СЛУЧАЙНОЙ

Одна из осужденных жриц...

Chefs d'œuvre

Я люблю в глазах оплывших
И в окованной улыбке
Угадать черты любивших —
До безумья, до ошибки.

Прочитать в их лживых ласках,
В повторительных движениях,
Как в бессмертно-верных сказках,
О потерянных томленьях.

За бессилием бесстрастья,
Не обманут детской ложью,
Чую ночи сладострастья,
Сны, пронизанные дрожью,

Чтя, как голос неслучайный,
Жажду смерти и зачатий,
Я люблю за отблеск тайны
Сон заученных объятий.

5 июня 1899

ПАМЯТИ Е. И. П.

Мы встретились с нею в пустыне,
Утром в пустыне.
Солнце палило песок.
Торопливо шел я — на Запад,
Она — на Восток.

Лицо ее, полное светом,
Полное светом,
Словно сияло в лучах;
И таились вещи тайны
В глубоких очах.

Надеждой сердце забилося,
Сердце забилося,
Вера, что миг тот высок...
И мы молча прошли, я — на Запад,
Она — на Восток.

28 августа 1897

ЕЙ ЖЕ

Огонь еще горит, и светит, светит нам,—
А тени серые легли по сторонам
И чутко сторожат его невольный трепет.

Но не мерцает он, и дрожь его, как лепет,
Как лепет медленный, как тихие слова.
Он шепчет свой завет пред ликом божества,
Он с нами говорит, слабеет, но сияет,
И — светлый, как всегда — покорно угасает.

7 сентября 1897

ПО ПОВОДУ СБОРНИКОВ «РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ»

Мне помнятся и книги эти,
Как в полусне недавний день;
Мы были дерзки, были дети,
Нам все казалось в ярком свете...
Теперь в душе и тишь и тень.
Далеко первая ступень.
Пять беглых лет — как пять столетий.

22 января 1900

ПО ПОВОДУ «ME EUM ESSE»

«О, эти звенящие строки!
Ты сам написал их когда-то!»
— Звенящие строки далеки,
Как призрак умершего брата.

«О, вслушайся в голос подруги!
Зову я к восторгам бесстрастья!»
— Я слышу, на радостном Юге
Гремят сладострастно запястья.

«Я жду, я томлюсь одиноко,
Мне луч ни единый не светит!»
— Твой голос далеко, далеко,
Тебе не могу я ответить.

8 ноября 1897

К САМОМУ СЕБЕ

Я желал бы рекой извиваться
По широким и сочным лугам,
В камышах незаметно теряться,
Улыбаться небесным огням.

Обогнув стародавние села,
Подремав у лесистых холмов,
Раскатиться дорогой веселой
К молодой суете городов.

И, подняв пароходы и барки,
Испытав и забавы и труд,
Эти волны, свободны и ярки,
В бесконечный простор потекут.

Но боюсь, что в соленом просторе —
Только сон, только сон бытия!
Я хочу и по смерти и в море
Сознавать свое вольное «я»!

28 июля 1900

Книжка для детей

ЗЕЛЕНый ЧЕРВЯЧОК

Как завидна в час уныный
Жизнь зеленых червячков,
Что на легкой паутине
Тихо падают с дубов!

Ветер ласково колышет
Нашу веющую нить;
Луг цветами пестро вышит,
Зноя солнца не избыть.

Опускаясь, подымаясь,
Над цветами мы одни,
В солнце нежмся, купаясь,
Быстро мечемся в тени.

Вихрь иль буря нас погубят,
Смоет каждая гроза,
И на нас охоту трубят
Птиц пролетных голоса.

Но, клонясь под дуновеньем,
Все мы жаждем ветерка;
Мы живем одним мгновеньем,
Жизнь — свободна, смерть — легка.

Нынче — зноен полдень синий,
Глубь небес без облаков.
Мы на легкой паутине
Тихо падаем с дубов.

13 июня 1900

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Подражание Тристану Клингсору

«Красная шапочка! Красная шапочка!
Девочка, что ты спешишь?
Видишь, порхает за бабочкой бабочка,
Всюду и прелесть и тишь.

Что там уложено в этой корзиночке?»
«Яйца, и сыр, и пирог...
Ах, по росе как промокли ботиночки,
Путь так далек, так далек!»

Девочка дальше бежит все поспешнее,
Волка боится она...
Кто на пригорке сидит? — то нездешние?
Ах, это сам сатана.

В шапку с рогами и в плащ поизношенный
Он, словно нищий, одет.
Вот он навстречу встает и, непрошенный,
Ей говорит свой привет.

«Ах, господин сатана, вот вы видите:
Яйца здесь, сыр и пирог.
Если сегодня меня не обидите,
На небо примет вас бог».

«Ну, покажи мне дорогу, миньоночка!» —
Поднял он руку свою,
Нож засверкал под сиянием солнышка...
Девочка! вот ты в раю.

13 января 1898

ДОЗОР

Я слежу дозором
Медленные дни.
Пред пристальным взором
Светлеют они.

Люблю я березки
В Троицын день,
И песен отголоски
Из ближних деревень.

Люблю я шум без толку,
Когда блестит мороз,
В огнях и в искрах елку,
Час свершенных грез.

И братские бокалы,
Счастье — Новый год!
Вечно неусталый
Времени оборот.

Люблю я праздник чудный —
Воскресенье Христа.
Поцелуй обоюдный
Сближает уста.

И дню Вознесения
Стихи мои.
Дышит нега весенняя,
Но стихли ручьи.

Так слежу дозором
Времени оборот.
Пред пристальным взором
Прекрасен весь год.

27 декабря 1899

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Он вошел к Ней с пальмовой ветвью,
Сказал: «Благословенна Ты в женах!»
И Она пред радостной вестью
Покорно склонилась во прах.

Пастухи дремали в пустыне,
Им явился ангел с небес,
Сказал: «Исполнилось ныне!» —
И они пришли в Вифлеем.

Радостью охвачен великой,
Младенца восприял Симеон:
«Отпускаеши с миром, Владыко,
Раба твоего — это Он!»

Некто, встретив Филиппа,
Говорит: «Гряди по Мне!»
И пошел рыбак Вифсаиды
Проповедовать мир земле.

Блаженны не зревшие,
Все сердцем понявшие,
В восторге сгоревшие!

Как дети,
Тайну принявшие!
Им поклоняюсь,
В их свете
Теряюсь.
Я, раб господен,
Им да буду подобен.

23 декабря 1898

ПАСХА, ПРАЗДНИКАМ ПРАЗДНИК

Проклинайте молодость,
Осуждайте девственность, —
Нам в пороке холодно,
Любим мы естественность:
Небо и воды,
Пещерные своды,
Все раздолье природы.

Не хотим мы радостей
Духа бестелесного;
Счастливы мы сладостью
Земного, известного.
Мы любим сказки,
Заката краски,
Любовные ласки.

О дети заблудшие
Мира бездольного,
Что в мире лучше
Звона колокольного
В туманной тени
Ночи весенней,
В час молений?

25 декабря 1898

В СТАРИННОМ ХРАМЕ

В этой храмине тесной,
Под расписанным сводом,
Сумрак тайны небесной
Озарен пред народом.

В свете тихом и чистом,
В легком дыме курений,
Словно в мире лучистом,
Ходят ясные тени.

Слышно детское пенье,
Славословие светам,
В сладкой смене молений
Умиленным ответом.

А вдали в полусвете
Лики смотрят с иконы,
К нам глядят из столетий
Под священные звоны.

29 августа 1899

СЛЕПОЙ

Люблю встречать на улице
Слепых без провожатых.
Я руку подаю им,
Веду меж экипажей.

Люблю я предразлучное
Их тихое спасибо;
Вслед спутнику минутному
Смотрю я долго, смутно.

И думаю, и думаю:
Куда он пробирается,
К племяннице ли, к другу ли?
Его кто дожидается?

Пошел без провожатого
В путину он далекую;
Не примут ли там старого
С обычными попреками?

И встретится ль тебе, старик,
Бродяга вновь такой, как я же?
Иль заведет тебя шутник
И бросит вдруг меж экипажей?

13 октября 1899

МЫШИ

В нашем доме мыши поселились
И живут, живут!
К нам привыкли, ходят, расхрабрились,
Видны там и тут.

То клубком катаются пред нами,
То сидят, глядят;
Возятся безжалостно ночами,
По углам пищат.

Утром выйдешь в зал,— свечу объели,
Масло в кладовой,
Что поменьше, утащили в щели...
Караул! разбой!

Свалят банку, след оставят в тесте,
Их проказ не счесть...
Но так мило знать, что с нами вместе
Жизнь другая есть.

8 января 1899

ДЕМОНЫ ПЫЛИ

Есть демоны пыли,
Как демоны снега и света.
Есть демоны пыли!
Их одежда, багряного цвета,
Горит огнем.
Но серым плащом
Они с усмешкой ее закрыли.

Демоны пыли
На шкапах притаились, как звери,
Глаза закрыли.
Но едва распахнутся двери,
Они дрожат,
Дико глядят;
Взметнутся, качнутся демоны пыли.

Где они победили,
Там покой, там сон, сновиденья,
Как в обширной могиле.
Они дремлют, лежат без движенья,
Притаясь в углу,
Не смотрят во мглу,
Но помнят сквозь сон, что они победили.

О демоны пыли!
Вы — владыки в красочном мире!
О демоны пыли!
Ваша власть с веками все шире!
Ваш день придет,—
И все уснет
Под тихое веянье серых воскрылий.

21 февраля 1899

КОЛЯДА

Б а б а - Я г а

Я Баба-Яга, костяная нога,
Где из меда река, кисель берега,
Там живу я века — ага! ага!

К о щ е й

Я бессмертный Кощей,
Сторож всяких вещей,
Вместо каши да щей
Ем стрекоз и мышей.

С о л н ц е

Люди добрые, солнцу красному,
Лику ясному,
Поклонитесь, улыбнитесь
Распрекрасному.

У т р е н н я я з в е з д а

Пробудись, земля сыра!
Ночи минула пора!
Вышла солнцева сестра!

М е с я ц

Я по небу хожу,
Звезды все стерегу,
Все давно заприметил,
Сам и зорок и светел.

З в е з д ы

Мы звездочки, частые,
Золотые, глазастые,
Мы пляшем, не плачемся,
За тучами прячемся.

Р а д у г а

Распустив волоса,
Разлеглась я, краса,
Словно путь-полоса
От земли в небеса.

Д е д

Мы пришли,
Козу привели,—
Людей веселить,
Орешки дробить,
Деток пестовать,
Хозяев чествовать.

24 декабря 1900

ДЕВОЧКА

Что же ты плачешь,
Девочка,— во сне?
Голову прячешь
На грудь ко мне?

Ангел божий
Любит, если смеются.
На него похожи
Дети, когда проснутся.

Ты меня не узнала?
Прижмись ко мне.
А что тебя испугало,
Это было во сне.

6 ноября 1899

УТРО

Ночным дождем повалена,
Вся в серебре трава;
Но в облаках проталина —
Живая синева.

Шагам песок промоченный
Дает певучий скрип.
Как четки, как отточены
Верхи дубов и лип!

Цветы, в жару завялые,
Смеются мне в глаза,
И с песней птицы малые
Летят под небеса.

25 июня 1900

ПРЕД ГРОЗОЙ

В миг пред грозой набегающей трепет
Листья деревьев тревожит.
Ветер из облака образы лепит,
Формы чудесные множит.

Пыль поднялась по широкой дороге,
Громче смятение птичье.
Все на земле в ожидании, в тревоге.
В небе и блеск и величье.

Капель начальных послушится лепет,
Волею, певуч, многovesен...
В миг пред грозой набегающей трепет —
Это ль предчувствие песен?

Июнь — июль 1900

Из дневника

ГЛАЗА

На берегу Мерцающих Озер
Есть выступы. Один зовут Проклятым.
Там смотрит из воды унылый взор.

Здесь входит в волны узкая коса;
Пройди по ней до края пред закатом,
И ты увидишь странные глаза.

Их цвет зеленый, но светлей воды,
Их выражение — смесь тоски и страха;
Они глядят весь вечер до звезды

И, исчезая, вспыхивают вдруг
Бесцветным блеском, как простая бляха.
Темнеют воды; тускло все вокруг.

И, возвращаясь сквозь ночной туман,
Дыша прибрежным сильным ароматом,
Ты склонен счесть виденье за обман.

Но не покинь Мерцающих Озер,
И поутру под выступом Проклятым
Ты вновь усмотришь неотступный взор.

18 июля 1898

К БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЕ

Волшебница северной ночи,
Большая Медведица,— ты
Ласкаешь усталые очи,
Смежаешь больные мечты.

В часы увлекающей встречи
Близка нам царица луна,
Мы шепчем прерывные речи,
Мы жаждем безумного сна.

Но скукой сменяется счастье,
Мы вновь безучастьем больны,
И страшен нам зов сладострастья
Всегда опьяненной луны.

И в трезвые, жгучие ночи,
Когда так бессильны мечты,
Ласкаешь усталые очи,
Большая Медведица,— ты!

25 июля 1898

ВЕЛИЧАНИЕ

Величит душа моя господа,
И дух мой восторженно-радостен!
Источник молитвы так сладостен,
Но дерзостным нет к нему доступа.

Сама я печатью таинственной
Колодец любви опечатала,
И ужас на дне его спрятала,
Мучительный ужас, единственный.

Я слышу поток его внутренний,
Но дерзостным нет к нему доступа.
И радостно славлю я господа
Молитвой вечерней и утренней.

27 июля 1898

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Осенний скучный день. От долгого дождя
И камни мостовой, и стены зданий серы;
В туман окутаны безжизненные скверы,
Сливаются в одно и небо и земля.

Близка в такие дни волна небытия,
И нет в моей душе ни дерзости, ни веры.
Мечте не унести в живительные сферы,
Несмело, как сквозь сон, стихи слагаю я.

Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встает забытый мир и дней, и слов, и лиц.
Есть много светлых дум, погибших, погребенных,—

Как странно вновь стоять у темных их гробниц
И мертвых заклинять безумными словами!
О тени прошлого, как властны вы над нами!

Апрель 1898

ВИЛА

Я тебе скажу, мой милый,
Что над нами веют силы:
Властны в смене впечатлений
Духи, демоны и тени.

Ведь душа людей — родник,
Где глядится каждый миг
Неизменно новый лик,
Странен, волен и велик.

Образ женский недоступный,
Призрак дьявольский преступный,
Старца взор невозмутимый,
Ведьмы, эльфы, херувимы.

Днем вы слепнете вполне,
Смутно грезите во сне.
Жизнь — как отблеск на волне,
Нет волненья в глубине.

И в тиши, всегда бесстрастной,
Тайне мира сопричастной,
Властны в смене отражений
Духи, демоны и тени.

17 августа 1899

ЗВЕЗДА МОРЕЙ

La mer sur qui prie
La vierge Marie.

P. Verlaine¹

И нам показалось: мы близко от цели.
Вдруг свет погас,
И вздрогнул корабль, и пучины взревели...
Наш пробил час.

И был я проклятием богу исполнен,
Упав за борт,
И три дня носился по пенистым волнам,
Упрям и горд.

Но в миг, как свершались пути роковые
Судьбы моей,
В сияньи предстала мне Дева Мария,
Звезда морей.

30 августа 1897

К МЕТАЛЛАМ

Золото, убранство тайного ковчега,
Где хранят издревле благостные мощи,
Золото, добыча хищного набега,
Золото, ты символ сладострастной мощи,
И в твоём сверканьи медленная нега.

¹ Море, к которому сверху взывает // Дева Мария. — П. Верлен (франц.).

Серебро сияет тихо на иконе,
Мученице юной покрывает плечи,
Серебро так ясно в перелетном звоне,
Голос серебристый мне звучал предтечей
Прежде недоступных сладостных гармоний.

И люблю я бронзу: сумрачные тени
Томной баядерки в роскоши вечерней.
В твердости изгибов столько легкой лени,
Отблески так чисты на холодной черни!
Да, люблю я в бронзе тайну отражений.

Но не эти тени дороги в металле!
Не сравню их блески я с кинжальным блеском!
Змеи резких молний быстро засверкали,
Я прильнул, ревнивый, к белым занавескам...
Ты — моя надежда, мщенье верной стали!

29 августа 1899

ЗА ПРЕДЕЛАМИ СКАЗОК

Они сошлись в дубраве дикой,
Они столкнулись в летний день,
Где луг, поросший повиликой,
Огородила сосен тень.

Она, смеясь, в притворном страхе,
На мягкий мох упала вдруг;
Любовь и страсть была в размахе
Высоко приподнятых рук.

Он к ней припал с веселым криком,
В борьбе порвал ей волоса...
Пронзительно в молчаньи диком
Их раздавались голоса.

29 августа 1899

СЛУЧАЙНОСТИ

Я верю всегдашним случайностям,
Слежу, любопытствуя, миги.
Так сладко довериться крайностям,
Вертепы менять на вериги.

Раздумья свободно качаются,
Покорны и рады мгновенью;
И жизнями жизни сменяются...
Действительность кажется тенью.

Я быть не желаю властителем
Судьбы, подчинившейся мере.
Иду я по звездным обителям,
Вскрывая неизвестные двери.

Все дни направляются случаем,—
Могу упиваться я всеми,—
И ночи подобны созвучиям
В одной беспредельной поэме.

1—3 сентября 1900

ДАЧИ ОСЕНЬЮ

Люблю в осенний день несмелый
Листвы сквозящей слушать плач,
Вступая в мир осиротелый
Пустынных и закрытых дач.

Забиты досками террасы,
И взор оконных стекол слеп,
В садах разломаны прикрасы,
Лишь погреб приоткрыт, как склеп.

Смотрю я в парки дач соседних,
Вот листья ветром взметены,
И трепеты стрекоз последних,
Как смерть вещающие сны.

Я верю: в дни, когда всецело
Наш мир приветит свой конец,
Так в сон столицы опустелой
Войдет неведомый пришлец.

8 сентября 1900

ПЕСНЯ

Мне поется у колодца,
Позабыт кувшин.
Голос громко раздается
В глубине долин.

Приходи, мой друг желанный!
Вот тебя я жду.
Травы — одр благоуханный,
В скалах грот найду.

Нет, никто, никто доныне
Не ласкал меня!
Грудь и плечи, как святыни,
Охраняла я.

День настал. Иди, желанный!
Кто ты — знает бог!
Травы — одр благоуханный,
Мягко серый мох.

Оплету, вот так, я руки,—
Спи между грудей.
Вечер. Гаснут, гаснут звуки.
Где ты, сын полей?

Жду кого-то у колодца;
Позабыт кувшин;
Песня громко отдается
В тишине долин.

Апрель 1900

ПАПОРОТНИК

Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Чутко папоротник дремлет,
Где-то крикнул пересмешник.

В этих листьях слишком внешних,
В их точеном очертаньи,
Что-то есть миров незаданных...
Стал я в странном содроганьи,

И на миг в глубинах духа
(Там, где ужас многоликий)
Проскользнул безвольно, глухо
Трепет жизни жалкой, дикой.

Словно вдруг стволами к тучам
Вырос папоротник мощный.
Я бегу по мшистым кучам...
Бор не тронут, час полночный.

Страшны люди, страшны звери,
Скалят пасти, копыта точат.
Все виденья всех поверий
По кустам кругом хохочут.

В сердце ужас многоликий...
Как он жив в глубинах духа?
Облик жизни жалкой, дикой
Закивал мне, как старуха.

Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Небо древним тайнам внемлет,
Где-то крикнул пересмешник.

23 июля 1900

ЖИЗНЬ

Подобна жизнь огням потешным,
Раскрасившим пустую тень.
Они сияют пляскам грешным,
Но зажжены в Успеньев день.

Поют псалмы о смерти близкой
И славят первую из дев,—
А мы меняемся запиской,
Обеты прежние презрев.

Но будет ночь свиданья краткой,
И глянет бледный свет утра,
И смерть предстанет нам с разгадкой
И бросит вечное «пора!».

А там, где цвел огонь потешный,
Одни фонарики дрожат,
И два садовника поспешно
Пустынный подметают сад.

3 сентября 1900

Прозрения

В НЕКОНЧЕНОМ ЗДАНИИ

Мы бродим в неконченном здании
По шатким, дрожащим лесам,
В каком-то тупом ожидании,
Не веря вечерним часам.

Бессвязные, странные лопасти
Нам путь отрезают... мы ждем.
Мы видим бездонные пропасти
За нашим неверным путем.

Оконные встретив пробоины,
Мы робко в пространства глядим:
Над крышами крыши надстроены,
Безмолвие, холод и дым.

Нам страшны размеры громадные
Безвестной растущей тюрьмы.
Над безднами, жалкие, жадные,
Стоим, зачарованы, мы.

Но первые плотные лестницы,
Ведущие к балкам, во мрак,
Встают как безмолвные вестницы,
Встают как таинственный знак!

Здесь будут проходы и комнаты!
Здесь стены задвинутся сплошь!
О думы упорные, вспомните!
Вы только забыли чертеж!

Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдет
И в глубь, разумно расчисленной,
Замкнет человеческий род.

И вот почему — в ожидании
Не верим мы темным часам:
Мы бродим в неконченном здании,
Мы бродим по шатким лесам!

1 февраля 1900

В ДНИ ЗАПУСТЕНИЙ

Приидут дни последних запусений.
Земные силы оскудеют вдруг;
Уйдут остатки жалких поколений
К теплу и солнцу, на далекий Юг.

А наши башни, города, твердыни
Постигнет голос Страшного суда,
Победный свет не заблестит в пустыне,
В ней не взгремят по рельсам поезда.

В плуще померкнут зодчего затей,
Исчезнут камни под ковром травы,
На площадях плодиться будут змеи,
В дворцовых залах поселятся львы.

Но в эти дни последних запусений
Возникнет — знаю! — меж людей смельчак.
Он потревожит гордый сон строений,
Нарушит светом их безмолвный мрак.

На мшистых улицах заслышат звери
Людскую поступь в ясной тишине,
В домах застонут, растворяясь, двери,
Ряд изваяний встанет при огне.

Прочтя названья торжищ и святилищ,
Узнав по надписям за ликом лик,
Пришлец проникнет в глубь книгохранилищ,
Откроет тайны древних, наших книг.

И дни и ночи будет он в тревоге
Впивать вещанья, скрытые в пыли,
Исканья истины, мечты о боге,
И песни, гимны сладостям земли.

Желанный друг неведомых столетий!
Ты весь дрожишь, ты потрясен былым!
Внемли же мне, о, слушай строки эти:
Я был, я мыслил, я прошел как дым...

18 сентября 1899

БРАНЬ НАРОДОВ

Брань народов не утихнет
Вплоть до дня, когда придет
Власть имеющий антихрист —
Соблазнять лукавый род.

Возопит он гласом громким:
«Славьте! дьявол победил!
Где вы, верные потомки
Отступивших древле сил?»

И на зов повыйдут люди
Ото всех семи границ.
Говоря — «мы верны будем»,
Пред царем поникнут ниц.

Царь, во лжи многообразный,
Свергнет пышности порфир,
В мире к вящему соблазну
Установит вечный мир.

И когда тем едким ядом
Помутится жизнь до дна,
Вдруг, восстав в глубоком аде,
Восхохочет сатана.

Дико дьяволы завторят,
И из дебрей синих гор,
Как лучи над темным морем,
Выйдет праведников хор.

Ki Tashmoy Medvedy, b.

Волшебника северной ночи,
Бабуз Медведица - ты

М. С. Смирнов
С. С. Смирнов

В газет ^{уникальной} Витус
Вдохновения и раски

[illegible]

На ^{измену}~~измену~~ — как манис — но счаст развратит свои
Мн снова ^{благословен}~~счастье~~ судьбы.

И страшно нам жить без вас

[illegible]

изъясню, какъ
 1) въ томъ безъсмысленно возмъ изъясню какъ
 2) когда тамъ безъсмысленно
 3) почему самъ въясню, какъ

Манхэу
interfectus

Talernes Medindings - mte.

25 m 98.

напротив 1900 инст. Ревел.

А для грешных ярче вспыхнет
В преисподней столп огня...
Брань народов не утихнет
Вплоть до сказанного дня.

18 августа 1899

БРАТЬЯМ СОБЛАЗНЕННЫМ

Светлым облаком плененные,
Долго мы смотрели вслед.
Полно, братья соблазненные!
Это только беглый свет.

Разве есть предел мечтателям?
Разве цель нам суждена?
Назовем того предателем,
Кто нам скажет — здесь она!

Разве редко в прошлом ставили
Мертвый идол Красоты?
Но одни лишь мы прославили
Бога жажды и мечты!

Подымайте, братья, посохи,
Дальше, дальше, как и шли!
Паруса развейте в воздухе,
Дерзко правьте корабли!

Жизнь не в счастье, жизнь в искании,
Цель не здесь — вдали всегда.
Славьте, славьте неустаннее
Подвиг мысли и труда!

12 июня 1899

КАЖДЫЙ МИГ

Каждый миг есть чудо и безумье,
Каждый трепет непонятен мне,
Все запутаны пути раздумья,
Как узнать, что в жизни, что во сне?

Этот мир двояко бесконечен,
В тайнах духа — образ мой исчез;
Но такой же тайной разум встречен,
Лишь взгляну я в тишину небес.

Каждый камень может быть чудесен,
Если жить в медлительной тюрьме;
Все слова людьми забытых песен
Светят таинством порой в уме.

Но влечет на ярый бой со всеми
К жизни, к смерти — жадная мечта!
Сладко быть на троне, в диадеме,
И лобзать покорные уста.

Мы на всех путях дойдем до чуда!
Этот мир — иного мира тень.
Эти думы внушены оттуда,
Эти строки — первая ступень.

5 сентября 1900

УСТОИ

Рассудка вечные устои
Влегли в недремлющую грудь,
И в жажде ведать неземное
Ты должен горы пошатнуть.

Кто без руля в пучинах плавал,
Ветрилом ветры все ловил,
Тому предстанет бледный дьявол
С толпами разъяренных сил.

Сквозь бешенство, и вопль, и скрежет
Он к синим молниям влечет,
Но этот свет минутно нежит,
И вновь кипит круговорот!

Ценой нарушенных согласий,
Ценой и мук и слепоты,
Лишь проблеск в беспокойном часе,
Мгновенье покупаешь ты.

Но кто готов отвергнуть миги
И ждать десятки строгих лет, —
Надень кровавые вериги,
Скажи молитвенный обет.

И, чуток к углубленной вере,
Вдруг колыхнет, лаская слух,
В заветный час в твоей пещере
Струю эфира Светлый Дух.

И глянешь ты смелей и зорче
За тьму завес, что он расторг,
Чем тот, кто ведал смех, и корчи,
И пифий яростный восторг.

8 августа 1900

ПРОБЛЕСК

Как то предвидел Дух и Даниил предрек.

Ф. Тютчев

Восток и Запад, хитрый Змей и Лев,
Ведут борьбу издревле, век за веком.
То скрытый ков, то справедливый гнев
Возносят стяг пред робким человеком.

Вот, собраны под знаменьем Креста,
На Западе роятся ополченья,
И папской власти высится мечта,
И цепи мировой куются звенья.

А на Востоке буйствует гроза,
Ликуют орды турок и Батыя,
И Русь бежит за реки и в леса,
И в тяжелой брани никнет Византия...

Но мир меняют тайны быстрых лет.
Чу! не мечи стучат, — то гром орудий!
За океаном вскрылся Новый Свет,
И над Крестом смеются буйно люди!

А на Востоке вновь встает колосс,
Безвестный, грозный, странно-неизменный...
И, как предвестье новых страшных гроз,
Свой скиптр с Крестом возносит над вселенной.

Творятся чудеса недавних дней,
Для трезвой мысли тем чудней, чем ближе:
То франк в Москве-реке поит коней,
То русский царь вершит судьбу в Париже.

За диким сном мятущихся веков,
За яркой сменой дерзостных событий,
Как взору разглядеть канву основ,
Те белые натянутые нити?

Кто угадает роковой узор,
Причудливый, живой, необычайный?
Кто смело скажет, что окончен спор,
Все решено и быть не может тайны?

И Змей и Лев, среди равнин и рек,
Ужель отныне мирно лягут рядом?
Но Дух предвидел, Даниил предрек:
Славянский стяг зареет над Царьградом!

Январь 1900

ОТРАДЫ

Знаю я сладких четыре отрады.
Первая — радость в сознании жить.
Птицы, и тучи, и призраки — рады,
Рады на миг и для вечности быть.

Радость вторая — в огнях лучезарна!
Строфы поэзии — смысл бытия.
Тютчева песни и думы Верхарна,
Вас, поклоняясь, приветствую я.

Третий восторг — то восторг быть любимым,
Ведать бессменно, что ты не один.
Связаны, скованы словом незримым,
Двое летим мы над страхом глубин.

Радость последняя — радость предчувствий,
Знать, что за смертью есть мир бытия.
Сны совершенства! в мечтах и в искусстве
Вас, поклоняясь, приветствую я!

Радостей в мире таинственно много,
Сладостна жизнь от конца до конца.
Эти восторги — предвестие бога,
Это — молитва на лоне Отца.

28 апреля 1900

Мы

МЫ

В мире широком, в море шумящем
Мы — гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящим,
Предчувствием песни полны.

Радуйтесь, братья, верным победам!
Смотрите на даль с вышины!
Нам чуждо сомнение, нам трепет неведом, —
Мы — гребень встающей волны.

4 апреля 1899

Я ЗНАЮ...

К. Д. Бальмонту

Я знаю беглость Ночи и Зимы,
Молюсь уверенно Заре и Маю.
Что в будущем восторжествуем мы,
Я знаю.

Я власть над миром в людях прозреваю.
Рассеется при свете сон тюрьмы,
И мир дойдет к предсказанному раю.

Не страшно мне и царство нашей тьмы:
Я не один спешу к иному краю,
Есть верный друг в пути! — что двое мы,
Я знаю!

6 декабря 1898

ЛЮЦИФЕР

Я — первый, до века восставший,
Восставший до начала веков.

Я — первую заповедь давший:
Есть много богов.

О, будемте все, как Ёги,
Познавши добро и зло.

К совершенству путей есть много,
Их безмерно число.

Я начал для всех борьбу роковую,
За свободу идет борьба;
Победитель, за вас о победе тоскую,
И тут не властна судьба.

1898

ЗАЛОГ

К нам немного доходит из прошлого мира,
Из минувших столетий,— немного имен;
Только редкие души, как луч Алтаира,
Как звезда, нам сияют из бездны времен.

И проходят, проходят, как волны, как тени,
Бесконечно проходят века бытия...
Сколько слез, и желаний, и дум, и стремлений!
Миллионы погибших, исчезнувших «я»!

Одиноким мне видится образ Гомера,
Одиноким сверкает с небес Алтаир...
Но в мечтах предо мной — неизвестная сфера
И близ яркой звезды умирающий мир.

24 мая 1898

CORONA

Тайны, что смутно светятся,
Знаком заветным отметятся.

Придут победители-воины,
Будут их силы утроены.

Погаснет безвольное, старое...
Истина скажет нам: «Дáрую!»

Плачьте в предчувствии нового,
Украшайте венцами головы:

Знаком великим отметится
Все, что в тумане нам светится.

20 августа 1898

ЖЕРНОВА

Брошен веялкой на холод,
Жерновами тяжко смолот,
Мертвый колос возрожден.
Но остался прах зыбучий.
Он летит бескрылой тучей,
Заслоня небосклон.

И стучат, стучат, не станут,
Словно стихнув, лишь обманут,
Не устанут жернова;
Неизменно мелют, мелют
И струю слоями стелют,
И она опять жива.

А вдали, под светом неба,
Отделяют прах от хлеба,
Вышли веять на гумно.
Пусть познает обновление,
В смерти вкусит возрожденье
Только полное зерно!

Декабрь 1898

ДУХИ ЗЕМЛИ

Со всеми мы братья,
Всем открыли объятья,
Зверям, и тучам,
И теням летучим.

Всех любим, всем верим,
Смеемся потерям
И взором незрячим
Лишь над вымыслом плачем.

Смолк птичий голос,
Не шелохнется колос,
Запахло осокой,
Солнце высоко,
Мы дремлем в покое,
Кунаемся в зное.

Ветерок встрепетается,
Лес шелохнется,
Все звуки мы слышим,
Цветами дышим,
С нами дружны грозы,
Небесные слезы.

Поем мы с морем,
Ласкаемся к зорям,
В холоде снега
Для нас есть нега, —
И только людям
Друзьями не будем,
И только в город
Не глянем и взором!

1898

ЗОЛОТО

Avec un peu de soleil et du sable blond
J'ai fait de l'or.

Fr. Vielé Griffin

Золото сделал я, золото —
Из солнца и горсти песку.
Тайна не стоила дорого,
Как игра смешна старику.

¹ Из солнца и желтого песка // Я делаю золото. — *Фр. Вьеле Гриффен (франц.)*

Падал песок из рук у меня,
Тихо звеня,
В волны ручья.
Ручей ускользал, как змея,
Дрожа от ветра и холода...
Золото сделал я, золото!

Из пшеницы белеющей сделал я снег,
Снег и декабрьскую выюгу,
Саней заметаемый бег,
Девушки радостный смех
И близость к желанному другу.
Я сделал снег,
Как сделал золото;
Я сделал выюгу, счастье холода;
Во мгле властительных снегов —
Воспоминания цветов.
Я сделал снег
Из лепестков.

Из жизни медленной и вялой
Я сделал трепет без конца.
Мир создан волей мудреца:
И первый свет зелено-алый,
И волн встающие кристаллы,
И тени страстного лица!
Как все слова необычайны,
Так каждый миг исполнен тайны.
Из жизни бледной и случайной
Я сделал трепет без конца!

23 июля 1899

* * *

Безмолвные свидетели
Вечерних сожалений,
Меня перстом отметили
Собравшиеся тени.

Отвергнуты, обмануты,
Растоптаны, добиты,
Но все вы упомянуты
И все с мечтами слиты.

И слезы — не отчаянье!
И стон — не символ мщенья!
О благостное чаянье
Всемирного прощенья!

22 мая 1899

ЕЩЕ «МЫ»

Мы только стон у вечной грани,
Больные судороги рук,
Последний трепет содроганий
В часы неотвратимых мук.

Все наши думы, грезы, пени —
То близких сдержанная речь,
Узоры пышных облачений
И дымы похоронных свеч.

Что ж! полно ликовать ошибкой!
В испуге не закроем глаз!
О братья, — слушайте с улыбкой:
Поют отходную по нас.

22 августа 1899

* * *

Поклоняются многие мне
В часы вечерние,
Но молитвы к бледной луне
Еще размернее!

Женщины, лаская меня,
Трепетали от счастья,
Но искали они — знаю я —
И сладострастия.

Фимиа́м, делимый с другим,
Дышит обидою.
О сумрак! о волны! о дым!
Вам завидую.

Уступить даже проклятья и смех —
Нарушение цельности.
Я хочу быть единым для всех
В беспредельности.

27 марта 1899

* * *

С неустанными молитвами,
Повторяемыми вслух,
Прохожу я между битвами,
Ускользящий, как дух.

От своих друзей отторженный,
Предвещаю я венцы;
И на голос мой восторженный
Откликаются бойцы.

Но настанет миг — я ведаю —
Победят мои друзья,
И над жалкой их победою
Засмеюся первым — я.

23 июля 1899

* * *

Случайность и намеренность —
Их разум разделил,
Не верю я в уверенность
И в силу наших сил.

Творим мы волю божью,
Намеренья Судьбы,—
Идем по бездорожью
В оковах, как рабы.

Но жажда совершенного —
Величия залог.
Мы выше мира тленного,
И в наших душах — бог.

22 июля 1900

Лирические поэмы

КРАСКИ

Я сегодня нашел свои старые краски.
Как часто взгляд на забытый предмет
Возвращает все обаянье ускользнувших лет!
Я сегодня нашел мои детские краски...
И странный отрок незванго ко мне вошел
И против меня уверенно сел за стол,
Достал, торопясь, тяжелую тетрадь...

Я ее не мог не узнать:
То были мои забытые, детские сказки!

Тогда я с ним заговорил; он вздрогнул, посмотрел
(Меня не видел он, — я был для него привиденьем),
Но через миг смущенья он собой овладел
И ждал, что будет, с простым удивленьем.
Я сказал: «Послушай! я тебя узнаю.
Ты — это я, я — это ты, лет через десять...»
Он засмеялся и прервал: «Я шуток не люблю!
Я знаю лишь то, что можно измерить и взвесить.
Ты — обман слуха, не верю в действительность твою!»

С некоторым гневом, с невольной печалью
Я возразил: «О глупый! тебе пятнадцать лет.
Года через три ты будешь бредить безвестной далью,
Любить непонятное, стремиться к тому, чего нет.
Вселенная жива лишь духом единым и чистым,
Материя — призрак, наше знание — сон...»
О боже, как искренно надо мной рассмеялся он,
И я вспомнил, что был материалистом и позитивистом.

И он мне ответил: «О, устарелые бредни!
Я не верю в дух и не хожу к обедне!
Кто мыслит, пусть честно служит науке!
Наука — голова, а искусство — руки!»
«Безумец! — воскликнул я, — знай, что ты будешь
верить!»

Будешь молиться и плакать пред Знаком креста,
Любить лишь то, где светит живая мечта,
И все проклянешь, что можно весить и мерить!»

«Не думаю, — возразил он, — мне ясна моя цель.
Я, наверно, не стану петь цветы, подобно Фету.
Я люблю точное знание, презираю свирель,
Огюст Конт навсегда указал дорогу поэту!»
«Но, друг, — я промолвил, — такой ли теперь час?
От заблуждений стремятся все к новому свету!
Тебе ли вновь повторять, что сказано тысячу раз!
Пойми тайны души! стань кудесником, магом...»
«Ну, нет, — он вскричал, — я не хочу остаться за
флагом!»

«Что за выражения! ах да! ты любишь спорт...
Все подобное надо оставить! стыдись, будь же горд!»
«Я — горд, — он воскликнул, — свое значенье я знаю.
Выступаю смело, не уступлю в борьбе!
Куда б ни пришел я, даже если б к тебе, —
Приду по венкам! — я их во мгле различаю!»

И ему возразил я печально и строго:
«Путь далек от тебя ко мне,
Много надежд погибнет угрюмой дорогой,
Из упований уступишь ты много! ах, много!
О, прошлое! О, юность! кто не молился весне!»

И он мне: «Нет! Что решено, то неизменно!»
Не уступлю ничего! пойду своим путем!
Жаловаться позорно, раскаянье презренно,
Дважды жалок тот, кто плачет о былом!»

Он стоял предо мной, и уверен и смел,
Он не видел меня, хоть на меня он смотрел,
А если б увидел, ответил презреньем,

Я — утомленный, я — измененный, я — уступивший
судьбе,
Вот я пришел к нему; вот я пришел к себе! —
В вечерний час пришел роковым привиденьем...

И медленно, медленно образ погас,
И годы надвинулись, как знакомые маски.
Часы на стене спокойно пробили час...
Я придвинул к себе мои старые, детские краски.

17 декабря 1898

СКАЗАНИЕ О РАЗБОЙНИКЕ

Из Пролога

Начинается песня педлинная,
О Петре, великом разбойнике.

Был тот Петр разбойником тридцать лет,
Меж товарищей почитался на́большим,
Грабил поезда купецкие,
Делывал дела молодецкие,
Ни старцев не щадил, ни младенцев.

В той же стране случился монастырь святой,
На высокой горе, на отвесной, —
Меж земель и небом висит, —
Ниоткуда к монастырю нет доступа.

Говорит тут Петр товарищам:
«Одевайте меня в платье монашеское.
Пойду, постучусь перехожим странником,
Ночью вам ворота отопру,
Ночью вас на грабеж поведу,
Гей вы, товарищи, буйные да вольные!»

Одевали его в платье монашеское,
Постучался он странником под воротами.
Впустили его девы праведные,

Обласкали его сестры добрые,
Омыли ноги водицею,
Приготовили страннику трапезу.

Сидит разбойник за трапезой,
Ласке-любви сестер удивляется,
Праведными помыслами их смущается,
Что отвечать, что говорить — не знает.

А сестры близ в горенке собирались,
Говорили меж собой такие слова:
«Видно, гость-то наш святой человек,
Такое у него лицо просветленное,
Такие у него речи проникновенные.
Мы омыли ему ноги водицею,
А есть у нас сестра слепенькая.
Не омыть ли ей зрак той водицею?»

Призывали они сестру слепенькую,
Омывали ей зрак той водицею,—
И прозрела сестра слепенькая.
Тут все бежали в горенку соседнюю,
Падали в ноги все пред разбойником,
Благодарили за чудо великое.

У разбойника душа смутилася,
Возмутилася ужасом и трепетом.
Творил и он — земной поклон,
Земной поклон перед господом:
«Был я, господи, великим грешником,
Примешь ли ты мое покаяние!»

Тут и кончилась песня недолгая.
Стал разбойник подвижником,
Надел вериги тяжелые,
По всей земле прославился подвигами.
А когда со святыми преставился,—
Мощи его и поныне чудеса творят.

28 августа 1898

АГАНАТ

Финикийский рассказ

Женская звезда — планета Истар:
она такова на закате. Мужская
звезда — планета Истар: она такова
при восходе.

Из текстов в библиотеке Ассурбашипала

АСТАРТА СИДОНСКАЯ

Небесная девственница,
Богиня Астарта,
В торжестве невинности ты стоишь предо мной.
Длинная лестница,
Освещенная ярко,
А за дверью во храме смутный сумрак ночной.

Я знаю, божественная,—
Ты отблеск Ашеры,
Богини похоти и страстных ночей.
Теперь ты девственна!
Насладившись без меры,
Ты сияешь в венце непорочных лучей.

Утомленная условностями,
Вчера, о Астарта,
Прокляла я с восторгом твой возвышенный зов.
Я искала греховности,
Ласк леопарда,
Бессилья и дрожи бесконечных часов.

Но сегодня, о девственница,
Тебе, не Ашере,
Приношу на алтарь и мечты и цветы.
Освещенная лестница,
И за сумраком двери
Возвращенье к невинности... да! я — как ты.

I

Ей было имя Аганат. Она
Прекрасней всех в Сидоне. В темном взоре
Сверканье звезд ночных, а грудь бледна.

В дни юности она познала горе:
Ее жених, к сидонским берегам
Не возвратясь, погиб безвестно в море.

И, девственность принеся в дар богам,
Она с тех пор жила как жрица страсти,
А плату за любовь несла во храм.

Чуть подымались в дали синей снасти,
Она спешила на берег, ждала,
Встречала моряков игрой запястий,

И, обольщенного, к себе вела,
В свой тесный дом, на башенку похожий,
Где в нижней комнате царила мгла

И возвышалось каменное ложе.
Никто не забывал ее ночей!
Из всех гетер платили ей дороже,—

Но каждый день входили гости к ней.
И от объятий в вихре наслажденья,
От тел, сплетенных, словно пара змей,
Означилось на камне углубленье.

II

Когда бы маг, искусный в звездочтеньи,
Составил летопись судеб твоих,
Ее прочел бы он в недоуменьи.

Так! — не погиб в скитаньях твой жених:
В стране далекой он томился пленным,
За годом годы, как за мигом миг.

Он жил рабом, отверженным презренным,
Сносил обиды, отирая кровь,
Но в сердце он остался неизменным:

К тебе хранил он прежнюю любовь,
Живя все годы умиленной верой,
Святой надеждой: все вернется вновь!

И, не забыт владычицей Ашерой,
Он наконец покинул горький плен,
Бежал, был принят греческой триерой

И счастливо добрался в Карфаген.
Отсюда путь на родину свободный!
И он плывет, и ждет сидонских стен,

Как алчет пищи много дней голодный,
И молится: «Пусть это все не сон!»
Но только берег встал над гладью водной,

Едва раздался с мачты крик: «Сидон!» —
Иное что-то вдруг открылось думам,
Своей мечты безумье понял он

И замер весь в предчувствии угрюмом.

III

И жизнь и шум на пристани Сидона
В веселый час прихода кораблей:
И весел мерный плеск в воде зеленой,

Канатов скрип, и окрики людей,
И общий говор смешанных наречий...
Но горе тем, кто не нашел друзей,

Кто был обманут вожделенной встречей!
Для тех гетеры собрались сюда,
Прельщают взглядом, обнажили плечи.

Как жаждал он хоть бледного следа
Былого! — Тщетно! Что воспоминанья
Нетленно проносили сквозь года,

Исчезло все. Сменились очертанья
Залива; пристань разрослась с тех пор,
Столпились вокруг неведомые зданья.

Нигде былого не встречает взор...
Лишь моря шум твердит родные звуки,
Да есть родное в высях дальних гор.

«Пятнадцать лет! пятнадцать лет разлуки!
Искать друзей иль убежать назад?»
Но вдруг до плеч его коснулись руки.

Он смóтрит: золото, браслетов ряд,
И жгучий взор под бровью слишком черной.
«Моряк, пойдем! на нынче ты мой брат!»

И за гетерой он идет покорный.

IV

Не начато вино в больших амфорах,
Он с ней не рядом (то недобрый знак),
И мало радости в упорных взорах.

Глядит он молча за окно, во мрак;
Ее вопросы гаснут без ответа;
Он страшен ей, задумчивый моряк.

Но сознает она всю власть обета.
Рукой привычной скинут плащ. Спешит!
Она зовет тебя полураздетой.

Но он, — томим до глубины души, —
Садится к ней на каменное ложе,
И вот они беседуют в тиши.

«Зачем меня ты позвала?» — «Прохожий,
Ты так хорош». — «Ты здешняя?» — «О да!»
«Что делала ты прежде?» — «Да все то же».

«Нет, прежде! Ты была ведь молода,
Быть может, ты любила...» — «Я не сказки
Рассказывать звала тебя сюда!»

И вдруг, вскочив, она спешит к развязке,
Зовет его. Но, потупляя взгляд,
Не внемлет он соблазнам слов и ласке.

Потом, глухим предчувствием объят,
Еще вопрос он задает подруге:
«А как зовут тебя?» — «Я — Аганат!»

И вздрогнул он и прынул прочь в испуге.

О, велика богиня всех богинь,
Астарта светлая! ты царствуешь всевластно
Над морем, над землей, над сном пустынь.

Ты видишь все, все пред бессмертной ясно;
Твое желанье — всем мирам завет;
Дрожат и боги — пред тобой, прекрасной!

Когда свершилась эта встреча, свет
Твоей звезды затмился на мгновенье...
Но благодати твоей предела нет.

Решила ты, — исполнено решение.
И в тот же миг рассеялись года,
Как смутный сон исчезли поколенья,

Восстали вновь из праха города,
Вернулись к солнцу спавшие в могиле,
Все стало вновь как прежде, как *тогда*.

Все о недавнем, как о сне, забыли.
Был вечер. Аганат и с ней жених
Опять в лесу за городом бродили.

И длинный спор, как прежде, шел у них:
До свадьбы он хотел пуститься в море,
Искать богатства в городах чужих.

А ей была разлука эта — горе.
«Не уезжай! на что богатство нам!»
И, этот раз, он уступил ей в споре.

И в день, когда, отдавшись парусам,
Его корабль ушел по глади синей,
Они торжественно пошли во храм —

Свои обеты повторить богине.

19 декабря 1897 — 4 октября 1898

ЦАРЮ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

ВСТУПЛЕНИЯ

1

Много было песен сложено
О твоей стране бесследной.
Что возможно, невозможно,—
Было все мечтой изведено.

К этой грани недоступной
Шли безумные, отважные,
Но их замыслы преступные
Погасали в бездне влажной.

Эти страны неизвестные
Открывали дали сказкам...
Тем, кому в пределах тесно,
Эти сказки были ласками.

2

Если был победитель, тебя развенчавший, о Полюс,
Имя его отошло в тихую тайну веков.
Люди наших дней не победы ищут, а славы;
Сладок им не венец,— рукоплесканья венцу.
О, великая сладость — узнав, утаить от вселенной!
Мне довольно знать,— что я свершил,— одному.

1

Свен Краснозубый врагам улыбался, бурь не боялся,
Викинг великий, кликнул он клич по Норвегии.

Собрались бойцы могучие:
Эрик, вскормленный тучами,
Анунд, прославленный скальдами,
Горм с сыновьями, с двумя Освальдами,
С ними со всеми сорок дружинников.
Не долго бойцы собирались,
На корабль садились,— смеялись.
Навсегда с друзьями прощались.
Жена поплачет — утешится,

Друг погрустит — другого найдет,
Старуха-мать все равно умрет.

Плыть все вдаль —
Не печаль.
Где волна,
Там весна.
Есть топор, —
Будет спор!
Бой в руке держу!
Если ж скальда нет,
Песнь и сам сложу
В честь побед!

II

Скрылся в налете тумана Скрелингов остров, земля;
Дрожью святой Океана зыблется дрожь корабля.
Море, и небо, и море — к Северу путь без границ;
Дико звучат на просторе крики чудовищных птиц.
Медленно ходят по воле первые дерзкие льды. —
Викингам любо раздолье, дали холодной воды.

Любит безвестности Эрик, далью захвачен варяг
(Где-нибудь выглянет берег, где-нибудь встретится враг!).
Знает он все побережья, всюду рубиться был рад:
С Русью ходил в Обонежье, плавал по рекам в Царь-град,
Грабил соборы Севильи, видел останки Афин...
Парус, развейся, как крылья! челн, полети, как дельфин!

Анунд, скиталец угрюмый, смотрит на зыби зыбей.
Вольно ширяется дума в волнах, как птица морей.
Истинный викинг ни ночи в хижине дымной не спит,
Истинный викинг не хочет на ночь повесить свой щит;
Пенистый рог не веселье пить среди женщин и дев;
В челнах — всегда новоселье, в волнах — не молкнет напев.

Горм распахнул свою шубу, вновь он доволен судьбой:
Скоро слышит он трубы, трубы, зовущие в бой.
Выйдет старик, как берсеркер, душу потешит в бою...
Дуй, куда вздумает, ветер! мчи, куда хочешь, ладью!
С кем бы ни бой, что за дело! Горм жаждет биться сплеча!
Страшно в жилище у Гелы, жданная смерть — от меча.

К Северу взором прикован, Свен не уйдет от руля.
Зовом мечты зачарован, правит он бег корабля.
Скоро во мраке засветит полночи чара — Звезда;
Свен, весь дрожа, ей ответит, верен он ей навсегда.
Товарищам лучшая доля — битвы и крики врагов,
Но властная воля стремится их в области ночи и льдов.
Затмился налетом тумана Скрелинггов остров, земля;
Дрожью святой Океана зыблется дрожь корабля.

III

Пышны северные зимы, шестимесячные ночи!
Льды застыли, недвижимы, в бахrome из снежных клочий.
Волны дерзкие не встанут, гребни их в снегу затихли,
Ураган морской, обманут, обо льды стучится в вихре.
Чаще царствует молчанье, сон в торжественной пустыне;
Мир без грез, без содроганья, в полутьме немеет, стынет.

Совершая путь урочный, круг вокруг Царицы Ночи,
Звезд девичник непорочный водит пламенные очи.
Им во льдах зеркальных снятся — двойники, земные сестры,
На снегах они дробятся, словно луч цветной и пестрый.
Ослепляя блеском горы, между них в потоке звездном,
Вдруг спадают метеоры, торопясь от бездны к безднам.

Часто, звездный блеск смиряя, расстилаясь, будто зная,
В небе с края и до края пламя движется столбами.
Нет им грани, очертанья: в смене рдяных освещений
Царь полярного сиянья гонит сумрачные тени,
Создает деревья, травы, высылает птиц чудесных, —
Сам смеется на забавы, — царь в неизвестностях небесных.

А когда застонет буря, снег подымет, как тучи;
Брови белые нахмура, Один ринется могучий.
Дев-валькирий вереницы заторопят черных коней,
Будут крики без границы, будет стук мечей о брони,
Будет скачка, пляска, бубны, будет бой в безумном вое...
Из могил на голос трубный встанут древние герои.

Пышны северные зимы, хороши морозом жгучим!
Дни проходят, словно дымы, дни подобны снежным тучам.
Поспешай на быстрых лыжах, взор вперяя в след олений,
Жди моржей космато-рыжих, бей раскидистых тюленей,

Встреть уверенной острогой хмурых медленных медведей, —
Смейся, смейся над тревогой, в песнях думай о победе!
Пышны северные зимы, образ будущей Валгаллы!
Дни проходят, словно дымы, время вечность оковала.

IV ПЕСНЯ СВЕНА

«Одна на полюсе небесном
Царит бессменная Звезда,
Манит к пределам неизвестным,
Снов не обманет никогда.

В круговращеньи вольно-смелом
Летит над нами небосвод:
Она в восторге онемелом
Из праха к горнему влечет.

Я схвачен беспощадным зовом,
Как парус ветром, — увлечен;
Жених невесте верен словом,
С Звездой небес я обручен.

Ах, знаю! мощь в руке все та же,
Мой взор пронзителен и смел,
Я б побороться с силой вражей
Как в годы подвигов сумел.

Но, верен высшему запрету,
Страстей волну я превозмог.
Так! путник я, идущий к свету,
Я — вестник, ставший на порог.

Друзья, друзья! взметаите чаши!
Над снежной кровлей блещет твердь.
Нет, не солгали клятвы наши:
Я вас туда влеку, где смерть!»

И плыли они над холодной водой,
И ветры по снастям свистели;
Зима надвигалась грозой ледяной,
Приветствия ей они пели.

Их легкие челны томились в плену,
Но, дерзкие, в хижине дымной,
Пируя, они величали весну,
С метелью спевались их гимны.

И ветер весенний вздувал паруса,
И кони морские, все в пене,
Бросались в пучину, зажмурив глаза,
За брызгами пряча колени.

И плыли, и пели, в метели, в грозе,
Морской возрастающей степью,
Вождю-предводителю верные все,
С ним связаны клятвенной цепью.

И много могил, неоплаканных тел
Корабль в безызначности бросил,
Но что им за дело! ведь парус их цел,
Есть копьё для боя, есть руки для весел!

V

Пойте печальные песни,
Ветер, месяц, туман!
Плачьте на Полюсе вечном,
Дети пламенных стран.
Волны идут издалека,
Ветер свистит одиноко,
Месяца тусклое око
Всюду глядит в Океан.
Пойте на Полюсе вечном
О торжестве скоротечном,
Дети пламенных стран.

Плачьте на ранней могиле,
Где Эрик-скиталец зарыт;
Мечты его дальше стремили,
На пути он выронил щит.

В скале, в причудливом гроте,
Горма покоится прах;
Он погиб на веселой охоте,
Умер с остройгой в руках.

Освальды, ободряя друг друга,
В непогоду пошли за моржом;
И засыпала шумная выюга
Братьев в объятьях вдвоем.

Любя бушевание влаги,
Любовались бойцы на шквал;
Утром сочлись варяги, —
Анунда никто не видал.

И погибли все сорок, все сорок!
Спят под водой и во льдах,
Но Тор, кому храбрый дорог,
Их примет в своих полях.

Славьте на Полюсе вечном,
Павших в упорной борьбе,
Глядевших в лицо судьбе,
Погибших в молчаньи беспечном,

Славьте на Полюсе вечном,
Волны, месяц, туман!
Пойте хвалебные песни,
Дети пламенных стран!

VI

Тени ходят, ветер вест,
Океан о камни бьет,
И замедлить жизнь не смеет
Свой развернутый полет.

Часть морей купая в зное,
Часть прохладам уделя,
Ни на миг не спит в покое
Солнцу верная Земля.

Солнце, искра в сонмах млечных,
Увлекает путь слуги.
Пики гор остроконечных
Чертят бешено круги.

Без предела, без начала
Этот бег вперед, вперед!
Вечность в прошлом миновала,
Вечность нынче настает.

И только один лишь утес недвижимо
На Север подьмлет чело.
Вы, ветры, его обтекаете мимо,
Ты, время, встревожить его не могло.

Когда-то взглянул он восторженным оком
На мертвую прелесть Полярной звезды,
И долго смотрел, и во сне одиноком
Он замер, застыл, оковался во льды.

Пронизан восторгом, с тех пор неизменно
Века он следит за избранной Звездой.
Смеется Звезда, как царица вселенной,
И вокруг нее сестры идут чередой.

Кто нарушил мир заветный,
Тишину великих вод,
И вступил в приют запретный,
И упал на вечный лед?

На снегах, в степях бесплодных,
Сон друзей его глубок...
Произволу волн свободных
Предоставил он челнок.

Тот челнок лежит разбитый,
Кончен дерзкий переезд.
Словно в храмине открытой,
Свен следит за бегом звезд.

Их стремится вереница,
Но над ним — в ответ мечте —
Стала Севера царица
Прямо, в ясной высоте.

Сердце большего не просит,
К цели жизни Свен проник.
Так. Звезда сиянье бросит
На его померкший лик.

УШ
ГОЛОСА СТИХИЙ

З е м л я

Я — Земля, я — косность мира,
Сотворила горы, скалы,
Твердь гранита и порфира,
Грани малого кристалла.

Я дала приюты тучам,
На груди подъяла море,
Я полна огнем текучим...
Кто со мной, с могучей, в споре?

Сестры, братья! славьте Землю!
Славьте косность и пределы!
Все держу я, все объемлю,
Вас родню, — и мной вы целы!

В о д а

Я — Вода. Я в вечной смене.
В дрожи долгой не устала...
Корни тянутся растений,
Стадо к речке побежало.

Жизнь воды многообразна:
Петь ручьем, летать туманом,
Зацветать в озерах праздно,
Быть и биться океаном.

Сестры, братья! славьте воды!
Славьте жизнь и переливы!
Я — движение Природы,
Вас влеку, — и мной вы живы.

О г о н ь

Я — Огонь. Мой лик случаен,
Вольной прихоти послушен.
Целый мир не мной ли спаян?
Мною будет мир разрушен!

Я ползу. Я дик и злобен;
Спать умею в камне малом;
Лгать, притворствовать способен,
Но встаю до неба жалом.

Сестры, братья! славьте пламя
(Очи блещут, очи красны)!
Я — над миром битвы знамя,
Вас гублю, но мной вы властны.

В о з д у х

Воздух я, незрим, неслышен,
Я проник в глубины скважин.
Но огонь не мной ли пышен?
Я водой дышу — и влажен.

Я ласкаю розы мая;
В буре вею, беспощаден;
Землю вздохом обтекая,
В голубом плаще наряжен.

Славьте воздух! сестры, братья!
Облака меня колышат,
Горы принял я в объятья,
Всех люблю, — все мною дышат.

В с е в м е с т е

Если к тайне заповеданной
Взор, единой думе преданный,
С дерзкой радостью проник, —
Не покинем мы беспечности:
Было то однажды в вечности,
Было — лишь на беглый миг.

Но да будет он единственный!
Этот день, как сон таинственный,
Скроем мы в святую тьму.
Мы засыпшем гроб неведомый.
Слишком громкими победами
Не гордиться никому!

Мы даем обет молчания.
Мы задвинем край изгнания
Бездной вихрей и пучин.
И о том, что тайны видены,
Что прошел ты путь неиденный,
Будешь знать лишь ты один.

Земля

Даю обет молчания;
От века я молчу.

Вода

Я знаю; только знания
В мгновенной смене мчу.

Огонь

Я — ложь. Твержу неверное,
Не знаю истин я.

Воздух

Мое движение мерное —
Безмолвная струя.

VIII

Свен Краснозубый, на Полюсе диком
Ты встретил смиряющий сон.
Снова кругом всё в молчаньи великом,
Ясен и тих небосклон.
На конях свободных, бурных
От высот своих лазурных
Под военные напевы
И к тебе слетели девы.
Ты достоин чести бранной,
Ты — валькирий гость желанный.
На тебя из той страны
Благосклонно смотрят деда:
Ты погиб не в день войны, —
В день победы!

Встретишь ты в полях Валгаллы
Всех, кому был в жизни люб.
Ты войдешь, пловец усталый,
Под веселый голос труб.

Там, с семьей других героев,
Уготован, ждет приют.
Все для игр и славных боев
Дни бестенные найдут.

Может быть, где отдых сладок,
Обретет душа твоя
Мир от тягостных загадок,
Вечных в бездне бытия.

IX

Г о л о с

Я вам принес благую весть,
Мечты былых веков:
Что в мире много истин есть,
Как много дум и слов.

Противоречий сладких сеть
Связует странпо всех:
Равно и жить и умереть,
Равны Любовь и Грех.

От дней земли стремись в эфир,
Следи за веком век:
О, как ничтожен будет мир,
Как жалок человек!

Но, вздрогнув, как от страшных снов,
Пойми — все тайны в нас!
Где думы нет — там нет веков,
Там только свет — где глаз.

Стихий бессильна похвальба,
То — мрак души земной.
К победе близится борьба,—
Дышу, дышу весной!

И что в былом свершилось раз,
Тому забвенья нет.
Пойми — весь мир, все тайны в нас,
В нас Сумрак и Рассвет.

1898—1900

ПРЕДАНИЕ О ЛУНЕ

Баллада

В старинном замке Джен Вальмор
Чуть ночь — звучат баллады.

Н. Бальмонт

В былые дни луна была
Скиталицей-кометой.
С беспечной вольностью плыла
От света и до света.
Страна цветов, она цвела,
Вся листьями одета.

Там жили семьи, племена
Таинственных растений,
Им богом мысль была дана
И произвол движений;
И шла меж царствами война,
Бессменный ряд сражений.

Трава глушила злобный лес,
Деревья мяли траву,
Душитель-плющ на пальму лез,
Шли ветви на облаву...
И ночью пред лицом небес
Шумели все про славу.

И в день заветный, в мире том
(Конечно, словом божьим)
Возрос цветок — смешной стеблем,
На братьев непохожим.
И, чуждый браням, жил он сном,
Всегда мечтой тревожим.

Он грезил о ином цветке,
Во всем себе подобном,
Что дремлет, дышит — вдалеке,
На берегу несходном,
И видит свой двойник в реке,
С предчувствием бесплодным.

И в эти дни вошла луна
В тот мир, где солнце властно,
И песнь планет была слышна
Хвалой единогласной,
Но с ней, как чуждая струна,
Сливался зов неясный.

Да! кто-то звал! да, кто-то смел
Нарушить хор предвечный!
Пел о тщете великих дел,
О жажде бесконечной;
Роптал, что всем мечтам предел
Так близко — пояс млечный!

Да! кто-то звал! да, кто-то пел
С томленьем постоянства!
И на цветке в ответ горел
Узор его убранства.
И вдруг, нарушив тяжесть тел,
Он ринулся в пространство.

Тянулся он, и рос, и рос,
Качаясь в темных безднах...
Доныне отблеск вольных грез
Дрожит в пучинах звездных.
А братья жили шумом гроз —
Забытых, бесполезных.

И вдруг, ему в ответ, — вдали
Другой качнулся стебель.
Кто звал его, — цветок с земли, —
Повис, — в пучине ль, в небе ль?
И две мечты свой путь нашли:
Сплелся со стеблем стебель!

Восторгом пламенным дана
Победа — связи тленной.
Стеблем цветка укреплена,
Луна осталась пленной.
И с этих пор до нас — она
Наш спутник неизменный.

Цветы истлели в должный миг,
В веках, давно пройденных, —
Но жив тот свет, что раз возник
В мирах соединенных.
И озаряет лунный лик
Безумных и влюбленных.

17 июля 1900

ЗАМКНУТЫЕ

Сатирическая поэма

I

Я год провел в старинном и суровом,
Безвестном Городе. От мира оградясь,
Он не хотел дышать ничем живым и новым,
Почти порвав с шумящим миром связь.
Он жил былым, своим воспоминаньем,
Перебирая в грезах былль и сны,
И весь казался обветшалым зданьем,
Каким-то сказочным преданьем
О днях далекой старины.

Казалось мне: он замкнут безнадежно.
Давила с севера отвесная скала,
Купая груди в облачном просторе,
С востока грань песков, пустыня, стерегла.
А с двух сторон распростиралось море,
Безлюдно, беспощадно, безнадежно.
На пристани не раз, глаза с тоской прилежной
В узоры волн колеблемых вперив,
Следил я, как вставал торжественный прилив,
Как облака неслись — вперед и мимо, мимо...
Но не было вдали ни паруса, ни дыма —
Никто не плыл к забытым берегам...
Лишь абрис острова порой мелькал мне там,
Где явственно заря, когда без солнца светит,
Границу кругозора метит,
Но гасло все в лучах, мне памятно едва,
Все в благостный простор вбирала синева,
И снова мир был замкнут безнадежно.

Весь Город был овеян тайной лет.
Он был угрюм и дряхл, но горд и строен.
На узких улицах дрожал ослабший свет,
И каждый резкий звук казался там утроен.
В проходах темных, полных тишины,
Неслышно прятались пристанища торговли;
Углами острыми нарушив ход стены,
Кончали дом краснеющие кровли;
Виднелись с улицы в готическую дверь
Огромные и сумрачные сени,
Где вечно нежились сырые тени...
И затворялся вход, ворча, как зверь.

Из серых камней выведены строго,
Являли церкви мощь свободных сил.
В них дух столетий смело воплотил
И веру в гений свой, и веру в бога.
Передавался труд к потомкам от отца,
Но каждый камень, взвешен и размерен,
Ложился в свой черед по замыслу творца.
И линий общий строй был строг и верен,
И каждый малый свод продуман до конца.
В стремленьи ввысь, величественно смелом,
Вершилось здание свободным острием,
И было конченным, и было целым,
Спокойно замкнутым в себе самом.

В музеях запертых, в торжественном покое,
Хранились бережно останки старины:
Одежды, утвари, оружие былое,
Трофеи победительной войны —
То кормы лодок дерзких мореходов,
То кубки с обликом суровых лиц,
Знамена покорявшихся народов
Да клювы неизвестных птиц.
И все в себе былую жизнь таило,
Иных столетий пламенную дрожь.
Как в ветер верило истлевшее ветрило!
Как жаждал мощных рук еще сверкавший нож!..
А все кругом пустынно-глухо было.

Я в их церквах бывал, то пышных, то пустынных.
 В одних всё статуи, картины и резьба,
 Обряд, застывший в пышностях старинных,
 Бессмысленно-пустая ворожба!
 Над миром скованным гудящий вопль органа,
 Зов пастыря — как божий голос — строг,
 Вещает он с Синая, из тумана,
 Лишь «Dominus vobiscum!» — «с вами бог!».
 В других церквах восторг опустошенья,
 На черных стенах цифры, ряд страниц;
 Молящиеся, в чинном иступленьи,
 Кричат псалмы, как стаи хищных птиц.
 Но вопль органа вдруг — замрет, как самый камень.
 Друг другу повторив, что это лишь обряд,
 Они для памяти причастие творят,
 И пастырь в сюртуке вещает важно: «Amen».

Я залы посещал ученых заседаний
 И слушал с ужасом размерность их речей.
 Казалось мне: влекут кумир огромный Знаний
 Покорные быки под щелканье бичей.
 Глубокой колеей, со стоном, визгом, громом,
 Телега тянется — в веках намечен путь,—
 Все было в тех речах безжалостно-знакомым,
 И в смене скучных слов не изменялась суть.
 Однажды ошибаясь при выборе дороги,
 Они упрямо шли, глядя на свой компас.
 И был их труд велик, шаги их были строги,
 Но уводил их прочь от цели каждый час!

К художникам входил я в мастерские.
 О бедность горькая опустошенных дум!
 Искусство! вольная стихия!
 Сюда не долетал твой вдохновенный шум!
 Художник быть не может не пророком,
 И рабство с творчеством согласовать нельзя!
 Кто не прошел пустынь в томленьи одиноком,
 Не знает, где лежит святой мечты стезя!

В искусстве важен искус строгий.
Прерви души мертвящий плен
И выйди пламенной дорогой
К потоку вечных перемен.

Твоя душа — то ключ бездонный.
Не замыкай истомных уст.
Едва ты встанешь, утоленный,
Как станет мир — и сух и пуст.

Так! сделай жизнь единой дрожью,
Люби и муки до конца,
Упейся истиной и ложью,—
Во имя кисти и резца!

Не будь окован и любовью,
Бросайся в пропасти греха,
Пятнай себя священной кровью,—
Во имя лиры и стиха!

Искусство жаждет самовластья
И души черпает до дна.
Едва душа вздохнет о счастье,—
Она уже отрешена!

III

А жизнь кругом лилась, как степью льются воды.
Как в зеркале, днем повторялся день,
С покорностью свой круг кончали годы,
С покорностью заря встречала тень.
Случалось в праздник мне, на площадь выйдя рано,
Зайти в собор с толпой нарядных дев.
Они молились там умильно, и органа
Я слушал в их кругу заученный напев.

Случалось вечером, взглянув за занавески,
Всецело выхватить из мирной жизни миг:
Там дремлют старики, там звонок голос детский,
Там в уголке — невеста и жених.
И только изредка над этой сладкой прозой
Вдруг раздавалась песнь ватаги рыбаков,
Идущих улицей, да грохотал угрозой
Далекий смех бесчинных кабаков.

За городом был парк, развесистый и старый,
С руиной замка в глубине.
Туда под вечер приходили пары —
«Я вас люблю» промолвить при луне.
В воскресный летний день весь город ратью чинной
Сходился там — мечтать и отдохнуть.
И восхищались все из года в год руиной,
И ряд за рядом совершали путь.
Им было сладостно в условности давнишней,
Казались сочтены движенья их.
Кругом покой аллея был радостен и тих,
Но в этой тишине я был чужой и лишней.
Я к пристани бежал от оскорбленных лиц,
Чтоб сердце вольностью хотя на миг растрогать,
Где с запахом воды сливал свой запах деготь,
Где мачт колеблемых был звучен скрип.

О пристань! я любил твой неумолчный скрип,
Такой же, как в былом, дошедший из столетий, —
И на больших шестах растянутые сети,
И лодки с грузом серебристых рыб.
Любил я моряков нахмуренные взоры
И твердый голос их, иной, чем горожан.
Им душу сберегли свободные просторы,
Их сохранил людьми безлюдный океан.
Там было мне легко. Присевши на бочонок,
Я забывал тюрьму меня обставших дней,
И облака следил, как радостный ребенок,
И волны пели мне всё громче, всё ясней.
И ветер с ними пел; и чайки мне кричали;
Что было вокруг меня, все превращалось в зов...
И раскрывались вновь торжественные дали:
Пути, где граней нет, простор без берегов!

IV

И понял я, что здесь царил кумир единый:
Обычной внешности. Пред искренностью страх
Торжествовал и в храме и в гостиной,
В стихах и вере, в жестах и словах.
Жизнь, подчиненная привычке и условию,
Елеем давности была освящена.

Никто не смел — ни скорбью, ни любовью
Упитъся, как вином пылающим, до дна;
Никто не подымал с лица холодной маски,
И каждым взглядом лгал, и прятал каждый крик;
Расчетом и умом все оскверняли ласки
И берегли свой пафос лишь для книг!

От этой пошлости, обдуманной, привычной,
Как жаждал, хоть на час, я вольно отдохнуть!
Но где в глаза живым я мог, живой, взглянуть?
Там, где игорный дом, и там, где дом публичный!
Как пристани во мгле, вы высились, дома,
И люди знали вновь, отдавшись вашей власти,
Все беспристрастие и купли и найма,
Паденья равенство и откровенность страсти!
Кто дни и месяцы (актеры и рабы!)
Твердили «строгий долг» и «скорбь об идеале»,
Преобразясь в огне желаний и борьбы,
То знали ненависть, то чувственно стонали,
То гнулись под рукой Слепой Судьбы!

Когда по городу тени
Протянуты цепью железной,
Ряды безмолвных строений
Оживают, как призрак над бездной.

Загораются странные свету,
Раскрываются двери, как зевы,
И в окнах дрожат силуэты
Под музыку и напевы.

Раскрыты дневные гробницы,
Выходит за трупом труп.
Загораются румянцем лица,
Кровавится бледность губ.

Пышны и ярки одежды,
В волосах алмазный венец.
А взглядишь в утомленные вежды,
Ты узнаешь, что пред тобой мертвец.

Но страсть, подчиненная плате,
Хороша в огнях хрусталей;
В притворном ее аромате
Дыханье желанней полей.

И идут, идут в опьянении
Отрепиться от жизни на час,
Изведать освобождение
Под блеском обманных глаз,—

Чтоб в мире, на свой непохожем,
От свободы на миг изнеможь.
Тот мир ничем не тревожим,
Пока полновластна ночь.

Но в тумане улицы длинной
Забелеет тусклый рассвет.
И вдруг все мертво и пустынно,
Ни светов, ни красок нет.

Безобразных, грязных строений
Тают при дне вереницы,
И женщин белые тени,
Как трупы, ложатся в гробницы.

V

И страшная мечта меня в те дни томила:
Что, если Город мой — предвестие веков?
Что, если Пошлость — роковая сила,
И создан человек для рабства и оков?
Что, если Город мой — прообраз, первый, малый,
Того, что некогда жизнь явит в полноте,
Что, если мир, унылый и усталый,
Стоит, как странник запоздалый,
К трясине подойдя, на роковой черте?

И, как кошмарный сон, виденьем беспощадным,
Чудовищем размеренно-громадным,
С стеклянным черепом, покрывшим шар земной,
Грядущий Город-дом являлся предо мной.
Приют земных племен, размеченный по числам,
Обязан жизнию (машина из машин!)
Колесам, блокам, коромыслам,
Предвидел я тебя, земли последний сын!
Предчувствовал я жизнь замкнутых поколений,
Их думы, сжатые познанием, их мечты,
Мечтам былых веков подвластные, как тени,
Весь ужас переставшей пустоты!

Предчувствовал раба подавленную ярость
И торжествующих многообразный сон,
Всех наших помыслов обманутую старость,
Срок завершившихся времен!

.
.

Но нет! Не избежать мучительных падений,
Погибели всех благ, чем мы теперь горды!
Настанет снова бред и крови и сражений,
Вновь разделится мир на вражьих две орды.

Борьба, как ярый вихрь, промчится по вселенной
И в бешенстве сметет, как травы, города,
И будут волки выть над опустелой Сеной,
И стены Тоуэра исчезнут без следа.

Во глубинах души, из тьмы тысячелетий,
Возникнут ужасы и радость бытия,
Народы будут хохотать, как дети,
Как тигры, грызться, жалить, как змея.

И все, что нас гнетет, снесет и свеет время,
Все чувства давние, всю власть заветных слов,
И по земле взойдет неведомое племя,
И будет снова мир таинственен и нов.

В руинах, звавшихся парламентской палатой,
Как будет радостен детей свободных крик,
Как будет весело дробить останки статуй
И складывать костры из бесконечных книг.

Освобождение, восторг великой воли,
Приветствую тебя и славлю из цепей!
Я — узник, раб в тюрьме, но вижу поле, поле...
О солнце! о простор! о высота степей!

1900—1901
Ревель, Москва

URBI ET ORBI

1901—1903

***К. Д. Бальмонт,
другу и брату***

Вступления

* * *

По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах,
в садах я бродил,
И в явственной думе грядущее видя, за жизнью,
за сущим следил.
Я песни слагал вам о счастье, о страсти, о высях,
границах, путях,
О прежних столицах, о будущей власти,
о всем распростертом во прах.
Спокойные башни, и белые стены,
и пена раздробленных рек,
В восторге всегдашнем, дрожали, внимали стихам,
прозвучавшим навек.
И девы и юноши встали, встречая, венчая меня,
как царя,
И, теням подобно, лилась по ступеням
потоком широким заря.
Довольно, довольно! я вас покидаю! берите и сны и слова!
Я к новому раю спешу, убегаю, мечта неизменно жива!
Я создал, и отдал, и поднял я молот,
чтоб снова сначала ковать.
Я счастлив и силен, свободен и молод, творю,
чтобы кинуть опять!

Апрель 1901

ЛЕСТНИЦА

Всё каменной ступени,
Всё круче, круче восход.
Желанье достижений
Еще влечет вперед.

Но думы безнадежней
Под пылью долгих лет.
Уверенности прежней
В душе упорной — нет.

Помедлив на мгновенье,
Бросаю взгляд назад:
Как белой цепи звенья —
Ступеней острых ряд.

Ужель в былом ступала
На все нога моя?
Давно ушло начало,
В безбрежности края,

И лестница все круче...
Не оступлюсь ли я,
Чтоб стать звездой падучей
На небе бытия?

Январь 1902

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНЬЕ

Где я последнее желанье
Осуществлю и утолю?
Найду ль немислимое знание,
Которое, таясь, люблю?

Приду ли в скит уединенный,
Горящий главами в лесу,
И в келью бред неутоленный
К ночной лампаде понесу?

Иль в городе, где стены давят,
В часы безумных баррикад,
Когда Мечта и Буйство правят,
Я слиться с жизнью буду рад?

Иль, навсегда приветив книги,
Веков мечтами упоен,
Я вам отдамся, — миги! миги! —
Бездонный, многозвонный сон?

Я разных ратей был союзник,
Носил чужие знамена,
И вот опять, как алчный узник,
Смотрю на волю из окна.

Январь 1902

У СЕБЯ

Так все понятно и знакомо,
Ко всем изгибам глаз привык;
Да, не ошибся я, я — дома:
Цветы обоев, цепи книг...

Я старый пепел не тревожу, —
Здесь был огонь и вот остыл.
Как змей на сброшенную кожу,
Смотрю на то, чем прежде был.

Пусть много гимнов не допето
И не исчерпано блаженств,
Но чую блеск иного света,
Возможность новых совершенств!

Меня зовет к безвестным высям
В горах поющая весна,
А эта груда женских писем
И нежива, и холодна!

Лучей зрачки горят на росах,
Как серебром все залито...
Ты ждешь меня у двери, посох!
Иду! иду! со мной — никто!

1901

ПОБЕГ

И если, страстный, в час заветный,
Заслышу я мой трубный звук...

Tertia Vigilia

Мой трубный зов, ты мной слышан
Сквозь утомленный, сладкий сон!
Альков, таинственен и пышен,
Нас облегал со всех сторон.

И в этой мгле прошли — не знаю, —
Быть может, годы и века.
И я был странно близок раю,
И жизнь шумела, далека.

Но вздрогнул я, и вдруг воспрянул,
И разорвал кольцо из рук.
Как молния, мне в сердце глянул
Победно возраставший звук.

И сон, который был так долог,
Вдруг кратким стал, как всё во сне.
Я распахнул тяжелый полог
И потонул в палящем дне.

В последний раз взглянул я свыше
В мое высокое окно:
Увидел солнце, небо, крыши
И города морское дно.

И странно мне открылась новой,
В тот полный и мгновенный миг,
Вся жизнь толпы многоголовой,
Заботы вспененный родник.

И я — в слезах, что снова, снова
Душе открылся мир другой,
Бегу от пышного алькова,
Безумный, вольный и нагой!

Август — октябрь 1901

РАБОТА

Здравствуй, тяжкая работа,
Плуг, лопата и кирка!
Освежают капли пота,
Ноет сладостно рука!

Прочь венки, дары царевны,
Упадай порфира с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь!

Я хочу изведать тайны
Жизни мудрой и простой.
Все пути необычайны,
Путь труда, как путь иной.

В час, когда устанет тело
И ночлегом будет хлев,—
Мне под кровлей закоптелой
Что приснится за напев?

Что восстанут за вопросы,
Опьянят что за слова
В час, когда под наши косы
Ляжет влажная трава?

А когда, и в дождь и в холод,
Зазвенит кирка моя,
Буду ль верить, что я молод,
Буду ль знать, что силен я?

Июль 1901

МЕЧТАНИЕ

О, неужели день придет,
И я в слезах и умиленьи
Увижу этот небосвод
Как верный круг уединенья.

Пойду в поля, пойду в леса
И буду там везде один я,
И будут только небеса
Друзьями счастья и унынья!

Мне ненавистна комнат тишь,
Мне тяжело входить под кровлю.
Люблю простор, люблю камыш,
Орла, летящего на ловлю.

Хочу дождя, хочу ветров,
И каждый день — менять жилище!
Упасть бессильным в тяжкий ров,
Среди слепцов бродить, как нищий.

Меж ними, где навис забор,
Я разделю их братский ужин,
А ночью встретит вольный взор
Лишь глубину да сеть жемчужин.

Случайный гость в толпе любой,
Я буду дорог, хоть и странен,
Смешон невольной похвальбой,
Но вечной бодростью желанен.

И женщина — подруга дня —
Ко мне прильнет, дрожа, ревнуя,
Не за стихи любя меня,
А за безумство поцелуя!

1900—1901

ИСКАТЕЛЬ

О прекрасная пустыня!
Прими мя в свою густыню.
Народный стих

Пришел я в крайние пустыни,
Брожу в лесах, где нет путей,
И долго мне не быть отныне
Среди ликующих людей!

За мной — последняя просека,
В грозящей чаще нет следа.
В напевы птиц зов человека
Здесь не врывался никогда.

Что я увижу? Что узнаю?
Как примут тишину мечты?
Как будут радоваться маю,
Встречая странные цветы?

Быть может, на тропах звериных,
В зеленых тайнах одичав,
Навек останусь я в лощинах
Впивать дыханье жгучих трав.

Быть может, заблудясь, устану,
Умру в траве под шелест змей,
И долго через ту поляну
Не перевьется след ничей.

А может, верен путь, и вскоре
Настанет невозможный час,
И минет лес — и глянет море
В глаза мне миллионом глаз.

30 сентября 1902

НИТЬ АРИАДНЫ

Вперяю взор, бессильно жадный:
Везде кругом сырая мгла.
Каким путем нить Ариадны
Меня до бездны довела?

Я помню сходы и проходы,
И зал круги, и лестниц винт,
Из мира солнца и свободы
Вступил я, дерзкий, в лабиринт.

В руках я нес клубок царевны,
Я шел и пел; тянулась нить.
Я счастлив был, что жар полдневный
В подземной тьме могу избыть.

И, видеv странные чертоги
И посмотрев на чудеса,
Я повернул на полдороге,
Чтоб выйти вновь под небеса,

Чтоб после тайн безлюдной ночи
Меня ласкала синева,
Чтоб целовать подругу в очи,
Прочтя заветные слова...

И долго я бежал по нити
И ждал: пахнет весна и свет.
Но воздух был все ядовитей
И гуще тьма... Вдруг нити — нет.

И я один в беззвучном зале.
Мой факел пальцы мне обжег.
Завесой сумерки упали.
В бездонном мраке нет дорог.

Я, путешественник случайный,
На подвиг трудный обречен.
Мстит лабиринт! Святые тайны
Не выдает пришельцам он.

28 октября 1902

БЛУДНЫЙ СЫН

Так отрок Библии, безумный расточитель...

Пушкин

Ужели, перешедши реки,
Завижу я мой отчий дом
И упаду, как отрок некий,
Повергнут скорбью и стыдом!

Я уходил, исполнен веры,
Как лучник опытный на лов,
Мне снились тирские гетеры
И сон сидонских мудрецов.

И вот, что грезилось, все было:
Я видел все, всего достиг.
И сердце жгучих ласк вкусило,
И ум речей, мудрее книг.

Но, расточив свои богатства
И кубки всех отрав испив,
Как вор, свершивший святотатство,
Бежал я в мир лесов и нив.

Я одиночество, как благо,
Приветствовал в ночной тиши,
И трав серебряная влага
Была бальзамом для души.

И вдруг таким недостижимым
Представился мне дом родной,
С его всходящим тихо дымом
Над высыхающей рекой!

Где в годы ласкового детства
Святыней чувств владел и я,—
Мной расточенное наследство
На ярком пире бытия!

О, если б было вновь возможно
На мир лицом к лицу взглянуть
И безраздумно, бестревожно
В мгновеньях жизни потонуть!

Ноябрь 1902 — январь 1903

У ЗЕМЛИ

Я б хотел забыться и заснуть.

Лермонтов

Помоги мне, мать-земля!
С тишиной меня сосватай!
Глыбы черные деля,
Я стучусь к тебе лопатой.

Ты всему живому — мать,
Ты всему живому — сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мне в комьях праха!

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь последним браком!
Ты венчаешь с ветром тишь,
Луг с росой, зарю со мраком.

Помоги сыскать кольцо!..
Я об нем без слез тоскую
И, упав, твое лицо
В губы черные целую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтах, на гранитах...
Хорошо мне здесь лежать
На грядах, недавно взрытых.

Я — твой сын, я тоже — прах,
Я, как ты, — звено созданий.
Так откуда — страсть, и страх,
И бессонный бред исканий?

В синеве плывет весна,
Ветер вольно носит шумы...
Где ты, дева-тишина,
Жизнь без жажды и без думы?..

Помоги мне, мать! К тебе
Я стучусь с последней силой!
Или ты, в ответ мольбе,
Обручишь меня — с могилой?

1902

В ОТВЕТ

П. П. Перцову

Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.

А. Хомяков

Еще я долго поброжу
По бороздам земного луга,
Еще не скоро отрешу
Вола усталого — от плуга.

Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!

Нельзя нам мига отдохнуть,
Взрывай земли сухие глыбы!
Недолог день, но длинен путь,
Веди, веди свои изгибы!

Уж полдень. Жар палит сильнее.
Не скоро тень над нами ляжет.
Пустынен кругозор полей.
«Бог помочь!» — нам никто не скажет.

А помнишь, как пускались мы
Весенним, свежим утром в поле
И думали до сладкой тьмы
С другими рядом петь на воле?

Забудь об утренней росе,
Не думай о ночном покое!
Иди по знойной полосе,
Мой верный вол,— нас только двое!

Нам кем-то высшим подвиг дан,
И спросит властно он отчета.
Трудись, пока не лег туман,
Смотри: лишь начата работа!

А в час, когда нам темнота
Закроет все пределы круга,
Не я, а тот, другой,— мечта,—
Сам отрешит тебя от плуга!

24 августа 1902

Скоро...
Пуриминит влезе от врата
на почитаната гурудат.
Пуриминит.

Прощай,
Моя земля, мой любимый дом!
Прощай, моя родина, ^{если не} мой дом!
А ты, мать, мой любимый человек,
А ты, мой друг, и ты, родина!

Перв. мес., и др.
Нелюби, если не

Үлс похвал, Мар! паант амттай.
 Хо шоро мнш нал ринш дорон.
~~Бүтэн~~ Бүтэнт крүлсөл полн.
 "Бүт дорон!" нал нншн нл софетс.

Мерзеныя туги нах Кото-мо дан,
Отец ~~на~~ Кото-мо Асими просит.
~~Мерзеныя~~ пока не лед туги нах,
Мерзые, пока нехт ехот нехт!

Ukrain, Kodo kani mawmaw
Lampoeni ~~lampa~~^{to} ~~mawmaw~~^{to} Koye
He is, a man ~~lampa~~^{to} mawmaw,
Pau impunum mab omi alyes.

24 Aug 1902

Barrett Browning

А похитили или похитятся ли
Ресепшн уфоты фотос в поле?
И фотки - до следной фотки
~~уфоты фотки~~ птм на фот.
А фотки редки

Песни

ФАБРИЧНАЯ

Как пойду я по бульвару,
Погляжу на эту пару.
Подарил он ей цветок —
Темно-синий василек.

Я ль не звал ее в беседку?
Предлагал я ей браслетку.
Она сердца не взяла
И с другим гулять пошла.

Как они друг другу любви!
Он ее целует в губы,
И не стыдно им людей,
И меня не видно ей.

Он улестит, он упросит,
Стыд девичий она бросит!
Их до дома провожу,
Перед дверью посижу.

Будет лампы свет в окошке...
Различу ее сережки...
Вдруг погаснет тихий свет,—
Я вздохну ему в ответ.

Буду ждать я утра в сквере,
Она выйдет из той двери.
На груди ее цветок —
Темно-синий василек.

23 декабря 1900

ФАБРИЧНАЯ

Есть улица в нашей столице.
Есть домик, и в домике том
Ты пятую ночь в огневице
Лежишь на одре роковом.

И каждую ночь регулярно
Я здесь под окошком стою,
И сердце мое благодарно,
Что видит лампадку твою.

Ах, если б ты чуяла, знала,
Чье сердце стучит у окна!
Ах, если б в бреду угадала,
Чья тень поминутно видна!

Не снятся ль тебе наши встречи
На улице, в жуткий мороз,
Иль наши любовные речи,
И ласки, и ласки до слез?

Твой муж, задремавши на стуле,
Проспит, что ты шепчешь в бреду;
А я до зари караулю
И только при солнце уйду.

Мне вечером дворники скажут,
Что ты поутру отошла,
И молча в окошко укажут
Тебя посредине стола.

Войти я к тебе не посмею,
Но, земный поклон положив,
Пойду из столицы в Расею
Рыдать на раздолии нив.

Я в камнях промучился долго,
И в них загубил я свой век.
Прими меня, матушка-Волга,
Царица великая рек..

28 июня 1901

ДЕТСКАЯ

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тени свесило,
Расшумимся весело,
Бегать нам пора!

Раз, два, три, четыре, пять,
Бегом тени не догнать.
Слово скажешь, в траву ляжешь,
Черной цепи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между них вертись, вертись.

Что под нами, под цветами,
За железными столбами?
Кто на троне? кто в короне?
Ветер высю листья гонит
И уронит с высоты...
Я ли первый или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тени свесило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

Август 1901

СБОРЩИКОВ

Пожертвуйте, благодетели,
На новый колокол —
Глас господень.
Звон колокольный
С напевом ангельским
Дивно сходен.

Святые отшельники
В виденьях слышали
Лик небесный;

Святые отшельники
Верно запомнили
Нездешние песни.

Наш звон православный
Напевом ангельским
Поет и трубит.
Пожертвуйте, православные,
На новый колокол,
Что́ милость будет.

Вас бог не забудет.

24 августа 1898

ДЕВИЧЬЯ

То-то жизнь наша прискорбна:
Мы весь день разлучены!
Но зато всю ночь подробно
Про тебя я вижу сны.

Как ты, бедный друг, страдаешь
Под гуденье, за станком,
Как, закрыв лицо, рыдаешь,
Что с весельем незнаком.

Что мне сделать, неудачной?
Чем мне милому помочь?..
Полно мне считаться прачкой!
Я уйду на долгу ночь.

Полюблюсь на тротуаре
Я богатому купцу,
Укачу я с ним па паре,
До утра с ним прокучу.

Будут серьги, будет брошка,
Будут деньги в портмоне.
Я себе возьму немножко,—
За другим приди ко мне.

Подарю тебе часы я
На цепочке золотой...
Может, деньги и чужие,
Да подарок будет мой!

Если с кем я целовалась,—
Он уехал в Верею.
Я тебе верна осталась,
Ты, которого люблю.

1901

ВЕСЕЛАЯ

Дай мне, Ваня, четвертак,
Пожертвуй полтинник!
Что ты нынче весел так,
Словно именинник?

Раскошешься до гроша,
Не теряй минуты.
Или я не хороша?
Мои плечи круты!

Надо жить, чтоб пьяной быть
До обеда, в лежку,
Чтоб поутру не тужить
Про нашу дорожку.

Чтобы щеки от тех слез,
Белые, не пухли,
Я румянюсь ярче роз,
Подвигаю букли.

Если ж станет невтерпеж
С мутного похмеля,
Ты опять, опять придешь,
Принесешь веселья.

Буду ждать я час-другой,
Где-то мой сударик?
Помни, помни, друг милой,
Красненький фонарик!

6 сентября 1901

Баллады

РАБ

Я — раб, и был рабом покорным
Прекраснейшей из всех цариц.
Пред взором, пламенным и черным,
Я молча повергался ниц.

Я лобызал следы сандалий
На влажном утреннем песке.
Меня мечтанья опьяняли,
Когда царица шла к реке.

И раз — мой взор, сухой и страстный,
Я удержать в пыли не мог,
И он скользнул к лицу прекрасной
И очи бегло ей обжег...

И вздрогнула она от гнева,
Казнь — оскорбителям святынь!
И вдаль пошла — среди напева
За ней толпившихся рабынь.

И в ту же ночь я был прикован
У ложа царского, как пес.
И весь дрожал я, очарован
Предчувствием безвестных грез.

Она вошла стопой неспешной,
Как только жрицы входят в храм,
Такой прекрасной и безгрешной,
Что было тягостно очам.

И падали ее одежды
До ткани, бывшей на груди...
И в ужасе сомкнул я вежды...
Но голос мне шепнул: гляди!

И юноша скользнул к постели.
Она, покорная, ждала...
Лампад светильни прошипели,
Настала тишина и мгла.

И было все на бред похоже!
Я был свидетель чар ночных,
Всего, что тайно кроет ложе,
Их содроганий, стонов их.

Я утром увидал их — рядом!
Еще дрожащих в смене грез!
И вплоть до дня впивался взглядом, —
Прикован к ложу их, как пес.

Вот сослан я в каменоломню,
Дроблю гранит, стирая кровь.
Но эту ночь я помню! помню!
О, если б пережить все — вновь!

Ноябрь 1900

ПЕПЛУМ

Знаю сумрачный наход
Страсти, медленно пьянящей;
Словно шум далеких вод,
Водопад, в скалах кипящий.

Я иду, иду одна
Вдоль стены, укрыта тенью;
Знаю: ночь посвящена
Наслажденью и паденью.

Статный юноша пройдет,
Щит о меч случайно брякнет, —
Громче шум бегущих вод,
Водопад мой не иссякнет!

Наконец, без сил, без слов,
Дрожь в руках и взоры смутны,
Я заслышу жданный зов —
Быть подругою минутной.

Я пойду за ним, за ним
В переулок опустелый,
Черный плащ его, как дым,
Пеплум мой, как саван белый.

Я войду к нему, к нему...
О, скорей гасите свечи!
Я хочу вступить во мглу.
Свет померк, померкли речи.

Кто-то... где-то... чьих-то рук
Слышу, знаю впечатленья.
Я хочу жестоких мук,
Ласк и мук без промедленья.

Набегает сумрак вновь,
Сумрак с отсветом багряным,
Это ль пламя? это ль кровь?
Кровь, текущая по ранам?

Ночь — как тысяча веков,
Ночь — как жизнь в полях за Летой.
Гасну в запахе цветов,
Сплю в воде, лучом согретою...

...В прорезь узкого окна
Глянет утро взором белым.
Прочь! оставь! — иду одна
Переулком опустелым.

Сладко нежит тишина,
С тишиной роднится тело,
Степ воскресших белизна
Оттеняет пеплум белый.

15 октября 1900

ПОМПЕЯНКА

«Мне первым мужем был купец богатый,
Вторым поэт, а третьим жалкий мим,
Четвертым консул, ныне евнух пятый,
Но кесарь сам меня сосватал с ним.

Меня любил империи владыка,
Но мне был люб один нубийский раб,
Не жду над гробом: «casta et pudica»¹,
Для многих пояс мой был слишком слаб.

Но ты, мой друг, мизиец мой стыдливый!
Навек, навек тебе я предана.
Не верь, дитя, что женщины все лживы:
Меж ними верная нашлась одна!»

Так говорила, не дыша, бледнея,
Матрона Лидия, как в смутном сне,
Забыв, что вся взволнована Помпея,
Что над Везувием лазурь в огне.

Когда ж без сил любовники застыли
И покорил их необорный соп,
На город пали груды серой пыли,
И город был под пеплом погребен.

Века прошли; и, как из алчной пасти,
Мы вырвали бывшее из земли.
И двое тел, как знак бессмертной страсти,
Нетленными в объятиях нашли.

Поставьте выше памятник священный,
Живое изваянье вечных тел,
Чтоб память не угасла во вселенной
О страсти, перешедшей за предел!

17 сентября 1901

ПУТНИК

По беломраморным ступеням
Царевна сходит в тихий сад —
Понежить грудь огнем осенним,
Сквозной листвою понежить взгляд.

¹ чистая и целомудренная (лат.).

Она аллеей к степи сходит,
С ней эфиопские рабы.
И солнце острый луч наводит
На их лоснящиеся лбы.

Где у границ безводной степи,
Замкнув предел цветов и влаг,
Стоят столбы и дремлют цепи,—
Царевна задержала шаг.

Лепечут пальмы; шум фонтанный
Так радостен издалека,
И ветер, весь благоуханный,
Летит в пустыню с цветника.

Царевна смотрит в детской дрожи,
В ее больших глазах — слеза.
Красивый юноша-прохожий
Простерся там, закрыв глаза.

На нем хитон простой и грубый,
У ног дорожная клюка.
Его запекшиеся губы
Скривила жажда и тоска.

Зовет царевна: «Брат безвестный,
Приди ко мне, сюда, сюда!
Вот здесь плоды в корзине тесной,
Вино и горная вода.

Я уведу тебя к фонтанам,
Рабыни умастят тебя.
В моем покое златотканом
К тебе я припаду, любя».

И путник, взор подняв неспешно,
Глядит, как царь, на дочь царя.
Она — прекрасна и безгрешна,
Она — как юная заря.

Но он в ответ: «Сойди за цепи,
И кубок мне сама подай!»
Закрыв глаза бедняк из степи.
Фонтаны бьют. Лепечет рай.

Бледнеет и дрожит царевна.
Лежат невольники у ног.
Она растерянно и гневно
Бросает кубок на песок.

Идет к дворцу аллеей сада,
С ней эфиопские рабы...
И смех чуть слышен за оградой,
Где степь, и цепи, и столбы.

1903

РЕШЕТКА

Между нами частая решетка,
В той тюрьме, где мы погребены.
Днем лучи на ней мерцают кротко,
Проходя в окно, в верху стены.

Между нами кованые брусья,
Проволок меж них стальная сеть.
До твоей руки не дотянусь я,—
В очи только можем мы смотреть...

Тщетно ближу губы сладострастно,—
Лишь железо обжигает их...
Смутно вижу, в полутьме неясной,
У решетки — очерк губ твоих.

И весь день, пока на темной стали
Там и сям мелькает луч дневной,
В содроганьях страсти и печали
Упиваюсь я тобой, ты — мной!

Нас разводит сумрак. На соломе
Мы лежим, уйдя в свои углы;
Там томимся в сладострастной дреме,
Друг о друге грезим в тайне мглы.

Но опять у роковой преграды
Мы, едва затеплятся лучи.
И, быть может, нет для нас отрады
Слаще пытки вашей, палачи!

23 сентября 1902

У МОРЯ

Когда встречалось в детстве горе
Иль беспричинная печаль,—
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.

Нередко на скале прибрежной
Дни проводила я одна,
Внимала волнам и прилежно
Выглядывала тайны дна:

На водоросли любовалась,
Следила ярких рыб стада...
И все прозрачней мне казалась
До бесконечности вода.

И где-то в глубине бездонной
Я различала наконец
Весь сводчатый и стokolонный
Царя подводного дворец.

В блестящих залах из коралла,
Где жемчугов сверкает ряд,
Я, вся волнуясь, различала
Подводных дев горящий взгляд.

Они ко мне тянули руки,
Шептали что-то, в глубь маня,—
Но замирали эти звуки,
Не достигая до меня.

И знала я, что там, глубоко,
Есть души, родственные мне;
И я была не одинока
Здесь, на палящей вышине!

Когда душе встречалось горе
Иль беспричинная печаль,—
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.

3 февраля 1902

Думы

L'ENNUI DE VIVRE...¹

Я жить устал среди людей и в днях,
Устал от смены дум, желаний, вкусов,
От смены истин, смены рифм в стихах.
Желал бы я не быть «Валерий Брюсов».
Не пред людьми — от них уйти легко, —
Но пред собой, перед своим сознанием, —
Уже в былое цепь уходит далеко,
Которую зовут воспоминаньем.
Склонясь, иду вперед, растущий груз влача;
Дней, лет, имен, восторгов и падений.
Со мной мои стихи бегут, крича,
Грозят мне замыслов недовершенных тени,
Слепят глаза сверканья без числа
(Слова из книг, истлевших в сердце-склепе),
И женщины жадные тела
Цепляются за звенья цепи.

О, да! вас, женщины, к себе воззвал я сам
От ложа душного, из келий, с перепутий,
И отдавались мы вдвоем одной минуте,
И вместе мчало нас течение по камням.
Вы скованы со мной небесным, вышним браком,
Как с морем воды впавших рек,
Своим я вас отметил знаком,
Я отдал душу вам — на миг, и тем навек.
Иные умерли, иные изменили,
Но все со мной, куда бы я ни шел.
И я влеку по дням, клонясь как вол,

¹ Скука жизни... (франц.)

Изнемогая от усилий,
Могильного креста тяжелый пьедестал:
Живую грудю тел, которые ласкал,
Которые меня ласкали и томили.

И думы... Сколько их, в одеждах золотых,
Заветных дум, лелеянных с любовью,
Принявших плоть и оживленных кровью!..
Я обречен вести всю бесконечность их.
Есть думы тайные — и снова в детской дрожи,
Закрыв лицо, я падаю во прах...
Есть думы светлые, как ангел божий,
Затерянные мной в холодных днях.
Есть думы гордые — мои исканья бога,—
Но оскверненные притворством и игрой,
Есть думы-женщины, глядящие так строго,
Есть думы-карлики с изогнутой спиной...
Куда б я ни бежал истоптанной дорогой,
Они летят, бегут, ползут — за мной!

А книги. ...Чистые источники улады,
В которых отражен родной и близкий лик,—
Учитель, друг, желанный враг, двойник —
Я в вас обрел все сладости и яды!
Вы были голубем в плывущий мой ковчег
И принесли мне весть, как древле Ною,
Что ждет меня земля, под пальмами ночлег,
Что свой алтарь на камнях я построю...
С какою жадностью, как тесно я приник
К стопцветным стеклам, к окнам вещих книг,
И увидал сквозь них просторы и сиянья,
Лучей и форм безвестных сочетанья,
Услышал странные, родные имена...
И годы я стоял, безумный, у окна!
Любуясь солнцами, моя душа ослепла,
Лучи ее прожгли до глубины, до дна,
И все мои мечты распались горстью пепла.

О, если б все забыть, быть вольным, одиноким,
В торжественной тиши раскинутых полей,
Идти своим путем, бесцельным и широким,
Без будущих и прошлых дней.
Срывать цветы, мгновенные, как маки,

Впивать лучи, как первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мраке,
Без горькой радости воскреснуть вновь и вновь!

1902

НАВЕТ ИЛЛА IN ALVO¹

Ее движенья неправожны,
Она ступает тяжело,
Неся сосуд нерукотворный,
В который небо снизошло.
Святому таинству причастна
И той причастностью горда,
Она по-новому прекрасна,
Вне вожделений, вне стыда.
В ночь наслажденья, в миг объятья,
Когда душа была пьяна,
Свершилась истина зачатя,
О чем не ведала она!
В изнеможеньи и в истоме
Она спала без грез, без сил,
Но, как в эфирном водоеме,
В ней целый мир уже почил.
Ты знал ее меж содроганий
И думал, что она твоя...
И вот она с безвестной грани
Приносит тайну бытия!

Когда мужчина встал от роковой постели,
Он отрывает вдруг себя от чар ночных,
Дневные яркости на нем отяготели,
И он бежит в огне — лучей дневных.
Как пахарь бросил он зиждательное семя,
Он снова жаждет дня, чтоб снова изнемочь,—
Ее ж из рук своих освобождает Время,
На много месяцев владеет ею Ночь!
Ночь — Тайна — Мрак — Неведомое — Чудо,
Нам непонятное, что приняла она...
Была любовь и миг, иль только трепет блуда,—
И вновь вселенная в душе воплощена!

¹ Она имеет во чреве (лат.).

Ребекка! Лия! мать! с любовью или злобой
Сокрытый плод нося, ты служишь, как раба,
Но труд ответственный дала тебе судьба:
Ты охраняешь мир таинственной утробой.
В ней сберегаешь ты прошедшие века,
Которые преемственностью живы,
Лелеешь юности красивые порывы
И мудрое молчанье старика.
Пространство, время, мысль — вмещаешь дважды ты,
Вмещаешь и даешь им новое течение:
Ты, женщина, ценой деторождения
Удерживаешь нас у грани темноты!
Неси, о мать, свой плод! внемли глубокой дрожи,
Таи дитя, оберегай, питай
И после, в срочный час, припав на ложе,
Яви земле опять воскресший май!

Свершилось, Сон недавний явен,
Миг вожделенья воплощен:
С тобой твой сын пред богом равен,
Как ты сама — бессмертен он!
Что́ было свято, что́ преступно,
Что́ соблазняло мысль твою,
Ему открыто и доступно,
И он как первенец в раю.
Что́ пережито — не вернется,
Берем мы миги, их губя!
Ему же солнце улыбнется
Лучом, погасшим для тебя!
И снова будут чисты розы,
И первой первая любовь!
Людьми изведенные грезы
Неведомыми станут вновь.
И кто-то, сладкий яд объятья
Вдохнув с дыханьем темноты
(Быть может, также в час зачатья),
В его руках уснет, как ты!

Иди походкой неспешной,
Неси священный свой сосуд,
В преддверьи каждой ночи грешной
Два ангела с мечами ждут.
Спадут, как легкие одежды,
Мгновенья радостей почных.

Иные, строгие надежды
Откроются за тканью их.
Она покров заветной тайны,
Сокрытой в явности веков,
Но неземной, необычайный,
Огнем пронизанный покров.
Прими его, покрой главу им,
И в сумраке его молись,
И верь под страстным поцелуем,
Что в небе глубь и в бездне высь!

Июль 1902

ИСКУШЕНИЕ

Я иду. Спотыкаясь и падая ниц,
Я иду.
Я не знаю, достигну ль до тайных границ,
Или в знойную пыль упаду,
Иль уйду, соблазненный, как первый в раю,
В говорящий и манящий сад,
Но одно — навсегда, но одно — сознаю:
Не идти мне назад!

Зной горит, и губы сухи.
Дали строят свой мираж,
Манят тени, манят духи,
Шепчут дьяволы: «Ты — наш!»
Были сонмы поколений,
За толпой в веках толпа.
Ты — в неистовстве явлений,
Как в пучине вод щела.
Краткий срок ты в безднах дышишь,
Отцветаешь, чуть возник.
Что ты видишь, что ты слышишь,
Изменяет каждый миг.
Не упомнишь слов священных,
Сладких снов не сбережешь!
Нет свершений не мгновенных,
Тае истина, как ложь.
И сквозь пальцы мудрость мира
Протекает, как вода,
И восторг блестящий пира

Исчезает навсегда.
Совершив свой путь тяжелый,
С бою капли тайн собрав,
Ты пред смертью встанешь голый,
О мудрец, как сын забав!
Если ж смерть тебе откроет
Тайны все, что ты забыл,
Так чего ж твой подвиг стоит!
Так зачем ты шел и жил!
Все не нужно, что земное,
Шепчут дьяволы: «Ты — наш!»
Я иду в бездонном зное...
Дали строят свой мираж.

«Ты мне ответишь ли, о Сущий,
Зачем я жажду тех границ?
Быть может, ждет меня грядущий,
И я пред ним склоняюсь ниц?

О сердце! в этих тенях века,
Где истин нет, иному верь!
В себе люби сверхчеловека...
Явись, наш бог и полузверь!

Я здесь свершаю путь бесплодный,
Бессмысленный, беспцельный путь,
Чтоб наконец душой свободной
Ты мог пред Вечностью вздохнуть.

И чуют проблеск этой дрожи,
В себе угадывать твой вздох —
Мне всех иных блаженств дороже...
На краткий миг, как ты, я — бог!»

ГИМН

Вновь закат оденет
Небо в багрянец.
Горе, кто обменяет
На венок — венец.

Мраком мир не связан,
После ночи — свет.
Кто миропомазан,
Доли лучшей нет.

Утренние зори —
Блеск небесных крыл.
В этом вечном хоре
Бог вас возвестил.

Времени не будет,
Ночи и зари...
Горе, кто забудет,
Что они — цари!

Все жарче зной. Упав на камне,
Я отдаюсь огню лучей,
Но мука смертная легка мне
Под этот гимн, не знаю чей.
И вот все явственней, телесней
Ко мне, простершемуся ниц,
Клонятся, с умиленной песней,
Из волн воздушных сонмы лиц.
О, сколько близких и желанных,
И ты, забытая, и ты!
В чертах, огнями осиянных,
Как не узнать твои черты!
И молнии горят сапфиром,
Их синий отблеск — вечный свет.
Мой слабый дух пред лучшим миром
Уже слышал свой привет!

Но вдруг поднимаюсь я, вольный и дикий,
И тени сливаются, гаснут в огне.
Шатаюсь, кричу я, — и хриплые крики
Лишь коршуны слышат в дневной тишине.

«Я жизни твоей не желаю, гробница,
Ты хочешь солгать, гробовая плита!
Так, значит, за гранью — вторая граница,
И смерть, как и жизнь, только тень и черта?»

Так, значит, за смертью такой же бесплодный,
Такой же бесцельный, бессмысленный путь?
И то же мечтанье о воле свободной?
И та ж невозможность во мгле потонуть?

И нет нам исхода! и нет нам предела!
Исчезнуть, не быть, истребиться нельзя!
Для воли, для духа, для мысли, для тела
Единая, та же, все та же стезя!»

Кричу я. И коршуны носятся низко,
Из дали таинственной манит мираж.
Там пальмы, там влага, так ясно, так близко,
И дьяволы шепчут со смехом: «Ты — наш!»

1902

ИТАЛИЯ

Страна, измученная страстностью судьбы!
Любовница всех роковых столетий!
Тебя народы чтили, как рабы,
И императоры, как дети.
Ты с трона цезарей судила властно мир
И больший мир из Ватикана.
Былая власть твоя — низверженный кумир,
Но человечество твоим прошедшим пьяно.
Твои художники на зыбкости холста
Запечатлели сны, каких не будет дважды!
Они — к источникам открытые врата
Для всех, томящихся от безысходной жажды!
На все пути души ты простирала жезл,
Как знак владычества, — и люди были рады,
Ниц преклоненные у величавых чресл,
Лобзать края одежд, ловить слова и взгляды.

Италия! священная царица!
Где ныне скипетр твой и лавровый венец?
Разломана твоя золотая колесница,
Раскрыты двери в твой дворец.
Италия! несчастная блудница,
И вот к чему пришла ты, наконец!
В лохмотьях мантии и в платье устарелом,
Улыбкой искривив надменно-строгий рот,
Ты вышла торговать еще прекрасным телом,
И в ложницу твою — открыт за деньги вход.
Мы смеем все вкусить от ласк, святых, бывало!

Мы можем все тебя увидеть в наготe!
Как женщина, ты всем доступной стала,
И стыдно нам тебя узнать в мечте!

Но еще ты прекрасна, Италия!
Под заемной краской румян,
И с наглостью робкой во взоре!
Прекраснее всех не униженных стран,
К которым покорно ласкается пленное море.
В лагунах еще отражаются
Дворцы вознесенной Венеции —
Единственный город мечты,
И гордые замки вздымаются
В суровой и нежной Флоренции,
Где создан был сон красоты.
И Рим, чародатель единственный,
Ужасный в величье своем,
Лежит не живой, но таинственный,
Волшебным окованный сном.
Нетленные рощи лимонные
Под немыслимым небом цветут.
Горы, — в белых цветах новобрачные!
Воды, собой опьяненные,
Озаряя гроты прозрачные,
Говорят и живут!
Ты прекрасна, Италия,
От Альп крепковейных до ясной Капри
И далее,
До пустынь когда-то богатой Сицилии,
Где сирокко, устав и слабея,
Губит высокие лилии,
Цветы святого Антония, —
Ты прекрасна, Италия,
Как знакомая сердцу гармония!

Я пришел к тебе усталый,
Путь недавний потеряв,
Беспокойный, запоздалый,
Напрямик по влаге трав.
И случайные скитальцы
Мир нашли в твоём дворце...
О, как нежно эти пальцы
На моем легли лице!
Как прижавшееся тело

Ароматно и свежо!
Пусть притворство, что за дело!
Пусть обман, мне хорошо!
В этой нежности мгновенной,
Может, тайно, разлита,
Непритворна и чиста,
Ласка матери вселенной.

*Июнь 1902
Венеция*

ПАРИЖ

И я к тебе пришел, о город многоликий,
К просторам площадей, в открытые дворцы;
Я полюбил твой шум, все уличные крики:
Напев газетчиков, бичи и бубенцы;
Я полюбил твой мир, как сон, многообразный
И вечно дышащий, мучительно-живой...
Твоя стихия — жизнь, лишь в ней твои соблазны,
Ты на меня дохнул — и я навеки твой.

Порой казался мне ты беспощадно старым,
Но чаще ликовал, как резвое дитя,
В вечерний, тихий час по меркнувшим бульварам
Меж окон блещущих людской поток катя.
Сверкали фонари, окутанные пряжей
Каштанов царственных; бросали свой призыв
Огни ночных реклам; летели экипажи,
И рос, и бурно рос глухой, людской прилив.
И эти тысячи и тысячи прохожих
Я сознавал волной, текущей в новый век.
И жадно я следил течение вольных рек,
Сам — капелька на дне в их каменистых ложах,
А ты стоял во мгле — могучим, как судьба,
Колоссом, давящим бесчисленные рати...
Но не скудел пеан моих безумных братьев,
И Города с Людьми не падала борьба...

Когда же, утомлен виденьями и светом,
Искал приюта я — меня манил собор,
Давно прославленный торжественным поэтом...
Как сладко здесь мечтал мой воспаленный взор,

Как были сладки мне узорчатые стекла,
Розетки в вышине — сплетенья звезд и лиц.
За ними суета невольно гасла, блекла,
Пред вечностью душа распростиралась ниц...
Забыв напев псалмов и тихий стон органа,
Я видел только свет, святой калейдоскоп,
Лишь краски и цвета сияли из тумана...
Была иль будет жизнь? и колыбель? и гроб?
И начинал мираж вращаться вокруг, сменяя
Все краски радуги, все отблески огней.
И краски были мир. В глубоких безднах рая
Не эти ль образы, века, не утомляя,
Ласкают взор ликующих теней?

А там, за Сеной, был еще приют священный.
Кругообразный храм и в бездне саркофаг,
Где, отделен от всех, спит император пленный, —
Суровый наш пророк и роковой наш враг!
Сквозь окна льется свет, то золотой, то синий,
Неяркий, слабый свет, таинственный, как мгла.
Прозрачным знаменем дрожит он над святыней,
Сливаясь с веяньем орлиного крыла!
Чем дольше здесь стоишь, тем все кругом безгласней,
Но в жуткой тишине растет беззвучный гром,
И оживает все, что было детской басней,
И с невозможностью стоишь к лицу лицом!
Он веком властвовал, как парусом матросы,
Он миллионам душ указывал их смерть;
И сжали вдруг его стеной тюрьмы утесы,
Как кровля, налегла расплавленная твердь.
Заснул он во дворце — и взор открыл в темнице,
И умер, не поняв, прошел ли страшный сон...
Иль он не миновал? ты грезишь, что в гробнице?
И вдруг войдешь сюда — с жезлом и в багрянице, —
И пред тобой падем мы ниц, Наполеон!

И эти крайности! — все буйство жизни нашей,
Средневековый мир, величье страшных дней, —
Париж, ты съединил в своей священной чаше,
Готовя страшный яд из песен и идей!
Ты человечества — Мальстрем. Напрасно люди
Мечтают от твоих влияний ускользнуть!
Ты должен все смешать в чудовищном сосуде.
Блестит его резьба, незримо тает муть.

Ты властно всех берешь в зубчатые колеса,
И мелешь души всех, и веешь легкий прах.
А слезы вечности кропят его, как росы...
И ты стоишь, Париж, как мельница, в веках!

В тебе возможности, в тебе есть дух движенья,
Ты вольно окрылен, и вольных крыльев тень
Ложится и теперь на наши поколения,
И стать великим днем здесь может каждый день.
Плотины баррикад вонзал ты смело в стены,
И замыкал поток мятущихся времен,
И раздроблял его в красивых брызгах пены.
Он дальше убегал, разбит, преображен.
Вторгались варвары в твой сжатый круг, крушили
Заветные углы твоих святых дворцов,
Но был не властен меч над тайной вечной были:
Как феникс, ты взлетал из дыма, жив и нов.
Париж не весь в домах, и в том иль в этом лике:
Он часть истории, идея, сказка, бред.
Свое бессмертие ты понял, о великий,
И бреду твоему исчезновенья — нет!

1903

Париж

МИР

Я помню этот мир, утраченный мной с детства,
Как сон непонятый и прерванный, как бред...
Я берегу его — единое наследство
Мной пережитых и забытых лет.
Я помню формы, звуки, запах... О! и запах!
Амбары темные, огромные кули,
Подвалы под полом, в грудях земли,
Со сходами, припрятанными в трапах,
Картинки в рамках на выцветшей стене,
Старинные скамьи и прочные конторки,
Сквозь пыльное окно какой-то свет незоркий,
Лежащий без теней в ленивой тишине,
И запах надо всем, нежалящие когти
Вонзающий в мечты, в желанья, в речь, во все!
Быть может, выросший в веревках или дегте,
Иль вползший, как змея, в безлюдное жилье,

Но царствующий здесь над всем житейским складом,
Проникший все насквозь, держащий все в себе!
О, позабытый мир! и я дышал тем ядом,
И я причастен был твоей судьбе!

Я помню: за окном, за дверью с хриплым блоком
Был плоский и глухой, всегда нечистый двор.
Стеной и вывеской кончался кругозор
(Порой закат блестел на куполе далеком).
И этот старый двор всегда был пуст и тих,
Как заводь сорная, вся в камышах и тине...
Мелькнет монахиня... Купец в поддевке синей...
Поспешно пробегут два юрких половых...
И снова душный сон всех звуков, красок, линий.
Когда въезжал сюда телег тяжелый ряд,
С самоуверенным и беспощадным скрипом, —
И дюжим лошадям, и безобразным кипам,
И громким окрикам сам двор казался рад.
Шумели молодцы, стуча вскрывались люки,
Мелькали руки, пахло кумачом...
Но проходил тот час, вновь умирали звуки,
Двор застывал во сне, привычном и немом...
А под вечер опять мелькали половые,
Лениво унося порожние судки...
Но поздно... Главы гаснут золотые.
Углы — приют теней — темны и глубоки.
Уже давно вся жизнь влачится неисправней,
Мигают лампы, пахнет керосин...
И скоро вынесут на волю, к окнам, ставни,
И пропоет замок, и дом заснет — один.

Я помню этот мир. И сам я в этом мире
Когда-то был как свой, сливался с ним в одно.
Я мальчиком глядел в то пыльное окно,
У сумрачных весов играл в большие гири
И лазил по мешкам в сараях, где темно.
Мечтанья детские в те дни уже светлели;
Мне снились: рощи пальм, безвестный океан,
И тайны полюсов, и бездны подземелий,
И дерзкие пути междупланетных стран.
Но дряхлый, ветхий мир на все мои химеры
Улыбкой отвечал, как ласковый старик.
И тихо надо мной — ребенком — ник,
Громадный, неподвижный, серый.

И что-то было в нем родным и близким мне.
Он глухо мне шептал, и понимал его я...
И смешивалось все, как в смутном сне:
Мечта о неземном и сладкий мир покоя...

.....

Недавно я прошел знакомым переулком
И не узнал заветных мест совсем.
Тот, мне знакомый, мир был тускл и нем —
Теперь сверкало все, гремело в гуле гулком!
Воздвиглись здания из стали и стекла,
Дворцы огромные, где вольно бродят взоры...
Разрыты навсегда таинственные норы,
Бесстрастный свет вошел туда, где жалась мгла.
И лица новые, и говор чужд... Все ново!
Как сказка смелая — воспоминанья лет!
Нет даже и во мне тогдашнего былого,
Напрасно я ищу в душе желанный след...
В душе все новое, как в городе торговли,
И мысли, и мечты, и чаянья, и страх.
Я мальчиком мечтал о будущих годах:
И вот они пришли... Ну что же? Я таков ли,
Каким желал я быть? Добыл ли я венец?
Иль эти здания, все из стекла и стали,
Восставшие в душе как призрачный дворец,
Все утоленные восторги и печали,
Все это новое — напрасно взяло верх
Над миром тем, что мне — столетья завещали,
Который был моим, который я отверг!

1903

Москва

IN HAC LACRIMARUM VALLE¹

Весь долгий путь свершив, по высям и низинам,
Твои зубцы я вижу, наконец,
О горный кряж веселости и смеха!
В рассветный час ты вырос исполином,
Как до небес воздвигнутый дворец,
И гулко на привет твое мне вторит эхо.

¹ В этой долине слез (лат.).

За мной падений стыд и боль палящих ран,
Теснины скал и быстрины потоков,
За мной покинутый в равнине бранный стан,
За мной пустыня — мир безумцев и пророков...
Кругом меня — немые тополя,
Как женщины, завернутые строго.
Свивается причудливо дорога,
Вся белая, мглу надвое деля.
И лилии, закрыв в сыром тумане
Кадилаьницы ночных благоуханий,
Сгибают выгибы упругого стебля.
Чу! ближний ключ запел неравномерно...
Долина слез! чье имя как печаль!
Как все в тебе неясно и неверно.
Но для меня уже белеет даль,
Я вышел из страны позора и успеха,
Снимаю я с своей главы венцы.
Уже блещут в огне, уже блещут зубцы,
Твои — о кряж торжественного смеха!

Я взойду при первом дне
Хохотать к зубцам, на выси,
И на смех завторят мне
Неумолчным смехом рыси.

Стану рыскать наугад
Вверх и вниз я лугом, лесом:
Встречный друг и вечный брат
С нимфой, с зверем, с богом, с бесом.

Повлекут меня с собой
К играм рыжие силены;
Мы натешимся с козой,
Где лужайку сжали стены.

Всем настанет череда
Выпить острый сок улады.
Лица скроют от стыда
В чащах белые дриады.

Зазовут меня в свой грот
Скальных недр владыки — гномы.
Буду пить я дикий мед,
Гость желанный и знакомый.

Я спою им про Грааль,
То-то будет им веселье!
Подарит мне Рюбецаль
На прощанье ожерелье.

Канет в сумрак летний зной,
Лунный глаз проглянет слева,—
Обручальный перстень свой
Мне подаст лесная дева.

Я его, склоняясь, приму,
Уроню свой плащ багровый...
Ночь длинней протянет тьму,
Отлетят ночные совы.

Я к вам вернусь, о люди,— вернусь, преображен,
Вся жизнь былая будет как некий душный сон.
Я к вам вернусь воскресшим, проснувшимся от сна...
Волна волну стирает, и все ж она — волна.
И я иной, чем прежде, но все же это — я,
И песнь моя другая, но это — песнь моя.
Никто ее не может сложить, как я могу,
А тайну прошлых песен я в сердце берегу.
И все мои напевы еще подвластны мне:
И те, что пел я в детстве, и те, что пел во сне.
Дано мне петь, что любо, что нравится мечтам,
А вам — молчать и слушать, вникать в напевы вам!
И что бы ни задумал я спеть — запрета нет,
И будет все достойно, затем, что я — поэт!
И в жизнь пришел поэтом, я избран был судьбой,
И даже против воли останусь сам собой.
Я понял неизбежность случайных дум своих,
И сам я чту покорно свой непокорный стих.
В моем самохвалении служенье богу есть,—
Не знаю сам, какая, и все ж я миру весть!

6/19 июня 1902
Венеция

Элегии

ЖЕНЩИНАМ

Вот они, скорбные, гордые тени
Женщин, обманутых мной.
Прямо в лицо им смотрю без сомнений,
Прямо в лицо этих бледных видений,
Созданных чарой ночной.

О, эти руки, и груди, и губы,
Выгибы алчущих тел!
Вас обретал я, и вами владел!
Все ваши тайны — то нежный, то грубый,
Властный, покорный — узнать я умел.

Да, я вас бросил, как остов добычи,
Бросил на знойном пути.
Что ж! в этом мире вещей и обличий
Все мне сказалось в единственном кличе:
«Ты должен идти!»

Вас я любил так, как любят, и каждой
Душу свою отдавал до конца,
Но — мне не страшно немного лица!
Не одинаковой жаждой
Наши горели сердца.

Вы, опаленные яростной страстью,
В ужасе падали ниц.
Я, прикоснувшись к последнему счастью,
Не опуская ресниц,
Шел, увлекаем таинственной властью,
К ужасу новых границ.

Вас я любил так, как любят, и знаю —
С каждой я был бы в раю!
Но не хочу я довериться раю.
Душу мою из блаженств вырываю,
Вольную душу мою!

Дальше, все дальше! от счастья до муки,
В ужасы — в бездну — во тьму!
Тщетно ко мне простираете руки
Вы, присужденные к вечной разлуке:
Жить мне и быть — одному.

1902

СВИДАНИЕ

В одном из тех домов, придуманных развратом,
Где всем предложена наемная кровать,
На ложе общих ласк, еще недавно смятом,
И мы нашли приют — свою любовь скрывать.

Был яркий летний день, но сдвинутые шторы
Отрезывали нас от четкого луча;
Во мгле искусственной ловил я только взоры
Да тени смутные прически и плеча.

Вся жизнь была в руках; я слышал все биенья,
Всю груди теплоту, все линии бедра;
Ты прилегла ко мне, уже в изнеможеньи,
И ты на миг была — как нежная сестра.

Но издали, крутясь, летела буря страсти...
Как изменились вдруг внизу твои глаза!
И ложе стало челн. У буйных волн во власти,
Промчался он, и вихрь — сорвал все паруса!

И мне пригрезилось: сбылась судьба земного.
Нет человечества! Ладью влечет хаос!
И я, встречая смерть, искал поспешно слова,
Чтоб трепет выразить последних в мире грез.

Но вместо слов был бред, и, неотступно жаля,
Впивался и томил из глубины твой взгляд.
Твой голос слышал я: «Люблю! твоя! мой Валя!»
Ладья летит быстрее... и рухнул водопад.

И мы на берегу очнулись в брызгах пены.
Неспешно, как из форм иного бытия,
Являлся внешний шум и выступали стены,
Сливалось медленно с действительностью «я».

Когда ж застенчиво, лицо в густой вуали,
На улицу за мной ты вышла из ворот,
Еще был яркий день, пролетки дребезжали,
И люди мимо шли — вперед, вперед...

1 июня 1901

В ДАМАСК

Губы мои приближаются
К твоим губам,
Таинства снова свершаются,
И мир как храм.

Мы, как священнослужители,
Творим обряд.
Строго в великой обители
Слова звучат.

Ангелы, ниц преклоненные,
Поют тропарь.
Звезды — лампы зажженные,
И ночь — алтарь.

Что нас влечет с неизбежностью,
Как сталь магнит?
Дышим мы страстью и нежностью,
Но взор закрыт.

Водоворотом мы схвачены
Последних ласк.
Вот он, от века назначенный,
Наш путь в Дамаск!

1903

ГИАЦИНТ

С. А. Полякову

Словно кровь у свежей раны,
Красный камень гиацинт
Увлекает грезу в страны,
Где царит широкий Инд;

Где в засохших джунглях внемлют
Тигры поступи людей
И на мертвых ветках дремлют
Пасти жадных орхидей;

Где, окованная взглядом,
Птица стынет пред змеей
И, полны губящим ядом,
Корни пухнут под землей.

Сладко грезить об отчизне
Всех таинственных отрав!
Там найду я радость жизни —
Воплотивший смерть состав!

В лезвее багдадской стали
Каплю смерти я волюю,
И навек в моем кинжале
Месть и волю затаю.

И когда любовь обманет,
И ласкавшая меня
Расточать другому станет
Речи нег на склоне дня,—

Я приду к ней с верным ядом,
Я ее меж ласк и чар,
Словно змей, затешу взглядом,
Разочту, как тигр, удар.

И, глядя на кровь у раны
(Словно камень гиацинт!),
Повлекусь я грезой в страны,
Где царит широкий Инд.

20 декабря 1900

ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ

Мне снилось, я в городе дальнем,
Где ты истомилась одна.
Твой мальчик прохожего встретил,
Сказал мне, что мама больна.

К тебе я вошел, как безумный,
Шепнула ты мне: наконец!
И слышалось четко биенье
Двух слишком счастливых сердец.

Я сел на скамью у кровати,
И сердце мне сжала тоска:
Бледны исхудалые щеки,
Бледна и прозрачна рука.

Твой муж, и сестра, и сиделка —
Все вдруг отошли к стороне,
И я целовал твои руки,
И ты улыбалась мне.

И ты мне сказала: «Мой милый,
Мы точно голубки в грозе», —
К тебе я прижался, рыдая,
И плакали, плакали все.

В слезах я проснулся безумный,
Кругом темнота, тишина,
И город далек, где томишься
Ты в тяжком недуге одна.

1 июля 1901

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Я сквозь незапертые двери
Вошел в давно знакомый дом,
Как в замок сказочных поверий,
Постигнутый волшебным сном.

Сквозь спущенные занавески
Чуть проникали тени дня,
И люстры тонкие подвески
Сверкали бледно, не звеня.

И так шаги казались странны,
Почти заглушены в коврах.
Картины, темны и туманны,
Терялись смутно на стенах.

Я встретил взгляд без выраженья
Остановившихся часов.
Полузасохшие растенья
Стояли стражей мертвецов.

Я заглянул... Она смотрела,
Как тихо догорал камин.
Зола каких-то писем тлела,
Но в воздухе дышал жасмин.

На платье белое — все реже
Бросали угли отсвет свой.
Она вдыхала запах свежий,
Клонясь все ниже головой.

И, не веселый, не печальный,
Я скрылся, как вошел, без слов,
Приняв в гостиную взгляд прощальный
Остановившихся часов.

25 декабря 1901

К БЛИЗКОЙ

Предстанет миг, и дух мой канет
В неизмеримость без времен,
И что-то новое настанет,
И будет прах земли как сон.

Настанет мир иных скитаний,
Иных падений и высот,
И, проходя за гранью грани,
Мой дух бывшее отряхнет.

Воспоминанья все утратит,
В огне небес перегорит
И за познание тайн заплатит
Забвеньем счастья и обид.

И вот, как облако влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдруг завижу лик знакомый,
И трепет обожжет меня.

В моей душе преображенной,
От всех условий бытия,
Как мысль от тени, отрешенной,
Восстанет вся любовь моя,

Весь круг бессилия и счастья,
Все дни, что вечностью прошли,
Весь вещий ужас сладострастья,
Вся ложь, вся радуга земли!

И словно вновь под сводом звездным,
С своей бездонной высоты,
Твое я имя кину к безднам,
И мне на зов ответишь — ты!

1903

ПЫТКА

Эта боль не раз мной испытана,
На кресте я был распят не раз,
Снова кровью одежда пропитана
И во взорах свет солнца погас.

Члены пыткой злой обессилены,
Я во прахе кровавом — как труп.
Выжидают мгновения филины,
Опустившись на ближний уступ.

Но, чем мука полней и суровее,
Тем восторженней песни хочу,
И кричу, и пою славословия,
Вечный гимн моему палачу.

О, приди, без улыбки, без жалости,
Снова к древу меня пригвождать,
Чтоб я мог в ненасытной усталости
Снова руки твои целовать.

Чтоб, в борьбе с сладострастной безмерностью
Нарастающих яростных мук,
Я утешен был девственной верностью
Этих строго безжалостных рук.

Декабрь 1901

ЭПИЗОД

1

Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?
Твои так нежны глазки,
И поступь — как у фэй!

Я — принц, а ты — царевна,
Отец твой — злой король...
Но не гляди так гневно,
Побывать с тобой позволь.

Я в шапке-невидимке,
Для всех — ты здесь одна!
И вот в вечерней дымке
Померкла даль окна.

Прислужницы уводят
Тебя под полог твой...
Ночные тени бродят,
И я во мгле с тобой!

Уста твои безмолвны,
Смежен покорный взор.
Бросаю в воздух — в волны
Наш самолет-ковер.

Влекут нас в царство ласки
Семь белых лебедей...
Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?

2

Зачем твое имя Мария,
Любимое имя мое?
Любовь — огневая стихия,
Но ты увлекаешь в нее.

Зачем с утомляющей дрожью
Сжимаю я руку твою
И страсть, как посланницу божью,
В горячей мечте узнаю?

Ты шепчешь, лицо уклоняя:
«Зачем я слаба? — ты сильней»,
И вьется дорога ночная
По царству теней и огней.

3

Когда твой поезд, с ровным шумом,
Мелькнул и стал вонзаться в даль,
А я стоял, доверясь думам,
Меня так нежила печаль.

Там, на платформе опустелой,
В июльском пламенном огне,
Все то, что с детством охладело,
Я находил живым во мне.

И после всех моих падений
Мне так легко давались вновь
И детский трепет разлучений,
И детски нежная любовь.

Июль 1901

ТАИНСТВА НОЧЕЙ

Хранятся в памяти, как в темной книге,
Свершившиеся таинства ночей,
Те, жизни чуждые, святые миги,
Когда я был и отдан, и ничей.

Я помню запах тьмы и запах тела,
Дрожащих членов выгибы и зной,
Мир, дышащий желаньем до предела,
Бесформенный, безобразный, иной.

Исторгнутые мукой сладострастья,
Безумны были речи, — но тогда
Казалось мне, что властен их заковать я
Заклятием забвенья — навсегда!

Что этот бред, мучительным отливом
Вскрывающий души нагое дно,
Навек умрет с растаявшим порывом,
Что в миге будет все погребено!

Нет! Эта мгла и криков и видений
В другой мечте, как и в моей, жива!
О вы, участницы ночных радений,
Вы слышали запретные слова!

Я был не одинок во храме страсти,
Дал подсмотреть свой потаенный сон,
И этот храм позором соучастий
В святых воспоминаньях осквернен!

1902

ОДИНОЧЕСТВО

Проходят дни, проходят сроки,
Свободы тщетно жаждем мы.
Мы беспощадно одиноки
На дне своей души-тюрьмы!

Присуждены мы к вечной келье,
И в наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Так дьявольски искажено.

Напрасно жизнь проходит рядом
За днями день, за годом год.
Мы лжем любовью, словом, взглядом,—
Вся сущность человека лжет!

Нет сил сказать, нет сил услышать,
Невластно ухо, мертв язык.
Лишь время знает, чем утишить
Безумно вопиющий крик.

Срывай последние одежды
И грудью всей на грудь прильни,—
Порыв бессилен! нет надежды!
И в самой страсти мы одни!

Нет единенья, нет слиянья,—
Есть только смутная алчба,
Да согласованность желанья,
Да равнодушные раба.

Напрасно дух о свод железный
Стучится крыльями, скользя.
Он вечно здесь, над той же бездной:
Упасть в соседнюю — нельзя!

И путник, посредине луга,
Кругом бросает тщетный взор:
Мы вечно, вечно в центре круга,
И вечно замкнут кругозор!

Сонеты и терцины

ОТВЕРЖЕНИЕ

Мой рок, благодарю, о верный, мудрый змий!
Яд отвержения — напиток венценосный!
Ты запретил мне мир изведанный и косный,
Слова и числа дав — просторы двух стихий!

Мне чужды с ранних дней — блистающие весны
И речи о «любви», заветный хлам витий;
Люблю я кактусы, пасть орхидей да сосны,
А из людей лишь тех, кто презрел «не убий».

Вот почему мне так мучительно знакома
С мишурной кисеей продажная кровать.
Я в зале меж блудниц, с ватагой пьяниц дома.

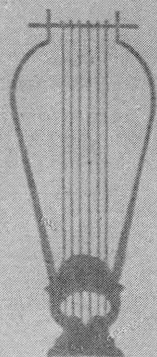
Одни пришли сюда грешить и убивать,
Другие, перейдя за глубину паденья,
Вне человечества, как странные растения.

18 июня 1901

ВТИРУША

Ты вновь пришла, вновь посмотрела в душу,
Смеешься над бессильным крикнуть: «Прочь!»
Тот вечно раб, кто принял раз втирушу...
Покорствуй дух, когда нельзя помочь.

URBI ET ORBI



ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ
СТИХИ 1900-1903 г.
К-во «СКОРПИОНЪ»

Я — труп пловца, заброшенный на сушу,
Ты — зыбких волн неистовая дочь.
Бери меня. Я клятвы не нарушу.
В твоих руках я буду мертв всю ночь.

До утра буду я твоей добычей,
Орудием твоих ночных утех.
И будет вокруг меня звенеть твой смех.

Исчезнешь ты под первый щебет птичий,
Но я останусь нем и недвижим
И странно чуждый женщинам земным.

1903

СОНЕТ

О ловкий драматург, судьба, кричу я «браво»
Той сцене выигрышной, где насмерть сам сражен.
Как все подстроено правдиво и лукаво.
Конец негаданный, а неизбежен он.

Сознайтесь, роль свою и я провел со славой,
Не закричат ли «бис» и мне со всех сторон,
Но я, закрыв глаза, лежу во мгле кровавой,
Я не отвечу им, я насмерть поражен.

Люблю я красоту неожиданных поражений,
Свое падение я славлю и пою,
Не все ли нам равно, ты или я на сцене.

«Вся жизнь игра». Я мудр и это признаю,
Одно желание во мне, в пыли простертом,
Узнать, как пятый акт развяжется с четвертым.

4 июля 1901

ХМЕЛЬ ИССТУПЛЕНИЯ

В моей душе сегодня, как в пустыне,
Самумы дикие крутятся, и песок,
Столбами встав, скрывает купол синий.

Сознание — разломанный челнок
В качаньи вод, в просторе океана;
Я пал на дно, а берег мой далек!

Мои мечты неверны, как тумана
Колеблемые формы над рекой,
Когда все поле лунным светом пьяно.

Мои слова грохочут, как прибой,
Когда, взлетев, роняет он каменья,
И, в споре волн, одна слита с другой.

Я наслаждаюсь хмелем иступленья,
Пьянящим сердце слаще острых вин.
Я — в буре, в хаосе, в дыму горенья!

А! Быть как божество! хоть миг один!

1 июня 1901

ЛЕСНАЯ ДЕВА

Л. Н. Вилькиной

На перекрестке, где сплелись дороги,
Я встретил женщину: в сверканьи глаз
Ее — был смех, но губы были строги.

Горящий, яркий вечер быстро гас,
Лазурь увлажнивалась тихим светом,
Неслышно близился заветный час.

Мне сделав знак с насмешкой иль приветом,
Безвестная сказала мне: «Ты мой!»,
Но взор ее так ласков был при этом,

Что я за ней пошел тропой лесной,
Покорный странному ее влиянию.
На ветви гуще падал мрак ночной...

Все было смутно шаткому сознанию,
Стволы и шелест, тени и она,
Вся белая, подобная сиянию.

Манила мгла в себя, как глубина;
Казалось мне, я падал с каждым шагом,
И, забываясь, жадно жаждал дна.

Тропа свивалась долго над оврагом,
Где слышался то робкий смех, то вздох,
Потом скользнула вниз, и вдруг зигзагом,

Руслом ручья, который пересох,
Нас вывела на свет, к поляне малой,
Где черной зеленью стелился мох.

И женщина, смеясь, недвижно стала,
Среди высоких илистых камней,
И, молча, подойти мне указала.

Приблизился я, как лунатик, к ней,
И руки протянул, и обнял тело,
Во храме ночи, во дворце теней.

Она в глаза мне миг один глядела
И,— прошептав холодные слова:
«Отдай мне душу»,— скрылась тенью белой.

Вдруг стала ночь таинственно мертва.
Я был один на блещущей поляне,
Где мох чернел и зыблилась трава...

И до утра я проблуждал в тумане,
По жуткой чаще, по чужим тропам,
Дыша, в бреду, огнем воспоминаний.

И на рассвете — как, не знаю сам,—
Пришел я вновь к покинутой дороге,
Усталый, на землю упал я там.

И вот я жду в томленье и в тревоге
(А солнце жжет с лазури огневой),
Сойдет ли ночь, мелькнет ли облик строгий...

Приди! Зови! Бери меня! Я — твой!

26 ноября 1902
Петербург

MON RÊVE FAMILIER¹

Люблю мечты моей созданье с.

Лермонтов

Вновь одинок, как десять лет назад,
Брожу в саду; ведут аллеи те же,
С цветущих лип знакомый аромат.

Чу! лай собак. Повеял ветер свежий,
И с тихим вечером приходит бред,
Что нежит сердце год за годом реже.

Мне нынче снова — девятнадцать лет!
Ты вновь со мной, «мечты моей созданье»!
Дай плакать мне — я снова твой поэт!

Как сладостно твоих шагов шуршанье;
Ты дышишь рядом; подыми я взор,
Твоих очей ответит мне сверканье.

Не изменилась ты, — о, нет, — с тех пор,
Как мальчику явилась ты впервые
И был свершен наш брачный договор!

Ты мне дала узнать, что страсть — стихия,
Ввела во храмы воплощенных грез,
Открыла мне просторы неземные,

Следила ты, как друг, пока я рос,
На первые свиданья приходила,
Была меж нами третья в мире роз.

Я изменил — но ты не изменила,
Лишь отошла, поникнув головой,
Когда меня смутила злая сила.

О, как я мог пожертвовать тобой!
Для женщины из плоти и из крови
Как позабыл небесный образ твой!

Но лишь с тобой мне счастье было внове.
В часы луны, у перепевных струй,
На ложе — у палящих изголовий,

¹ Моя привычная мечта (франц.).

Прильнув к груди, впивая поцелуй,
Неволью я тебя искал очами,
Тебя я жаждал!.. Верь и не ревнуй.

По-прежнему твой лик витал над снами!
Кого б я ни ласкал, дрожа, любя,
Я счастлив был лишь тайными мечтами,—

Во всех, во всех лаская лишь тебя!

*22 мая 1903
Старое Село*

SANCTA AGATHA ¹

На горы тихие ложилась мгла,
А деревца по склонам были нежны.
Из церкви, торопясь, домой я шла.

Со мной был крест, хранитель мой надежный,
Белели чаши лилий по пути,
Благоухал в цвету рассадник смежный.

И там, где надлежало мне пройти,
Где тесно гуть сжимали две ограды,
Предстал мне юноша лет двадцати.

И, встретясь, наши опустились взгляды
Прекрасный, он, как праотец, был наг.
Нам стало страшно, и мы были рады.

Без воли я замедлила мой шаг
И стала, прислонясь, под веткой сливы,
А он ко мне, как брат иль тайный враг?

«Агата, молвил, мы с тобой счастливы!
Я — мученик святой, я — Себастьян.
Умрем мы в муках, но в Отце мы живы!»

Взглянув, увидела я кровь из ран
И жадно впившиеся в тело стрелы,
Но был он светом белым осиян.

¹ Святая Агата (лат.).

И тот же свет, торжественный и белый,
Вдруг от меня разлил свои лучи.
Вокруг народ столпился, город целый.

Сорвав с меня одежду, палачи
Мне груди вырвали, глумясь, щипцами
И занесли над головой мечи.

Мой спутник поддерживал меня руками
(Я падала от боли и стыда),
Спускались с неба два венца над нами.

«Сестра,— спросил меня он,— ты тверда?»
И подал мне отрубленные груди.
Я как невеста отвечала: «Да!»

И к небу протянула их на блюде,
Не зная, где страданье, где любовь...
Но тут иные замелькали люди.

Исчезло все — и Себастьян, и кровь,
Означилась моя дорога к дому,
И, торопясь, пошла я дальше вновь,

Отныне обрученная святому!

*Июнь 1902
Флоренция*

ТЕРЦИНЫ К СПИСКАМ КНИГ

И вас я помню, перечни и списки,
Вас вижу пред собой за ликом лик.
Вы мне, в степи безлюдной, снова близки.

Я ваши таинства давно постиг!
При лампе, наклонясь над каталогом,
Вникать в названья неизвестных книг;

Следить за именами; слог за слогом
Впивать слова чужого языка;
Угадывать великое в немногом;

Воссоздавать поэтов и века
По кратким, повторительным пометам:
«Без титула», «в сафьяне» и «редка».

И ныне вы предстали мне скелетом
Всего, что было жизнью сто веков,
Кивает он с насмешливым приветом,

Мне говорит: «Я не совсем готов,
Еще мне нужны кости и суставы,
Я жажду книг, чтоб сделать груды слов.

Мечтайте, думайте, ищите славы!
Мне все равно, безумец иль пророк,
Созданье для ума и для забавы.

Я всем даю определенный срок.
Твори и ты, а из твоих мечтаний
Я сохраню навек семь-восемь строк.

Всесильнее моих упоминаний
Нет ничего. Бессмертие во мне,
Венчаю я — мир творчества и знаний».

Так остов говорит мне в тишине,
И я, с покорностью целую землю,
При быстро умирающей луне,

Исчезновение! твой зов приемлю.

10 апреля 1901

Картины

ЛЮБЛЮ ОДНО

Люблю одно: бродить без цели
По шумным улицам, один;
Люблю часы святых безделий,
Часы раздумий и картин.

Я с изумленьем, вечно новым,
Весной встречаю синеву,
И в вечер пьян огнем багровым,
И ночью сумраком живу.

Смотрю в лицо идущих мимо,
В их тайны властно увлечен,
То полон грустью нелюдимой,
То богомолен, то влюблен.

Под вольный грохот экипажей
Мечтать и думать я привык,
В теснине стен я весь на страже:
Да уловлю господень лик!

12 октября 1900

РАНЬШЕ УТРА

Я знаю этот свет, неумолимо четкий,
И слишком резкий стук пролетки в тишине,
Пред окнами контор железные решетки,
Пустынность улицы, не дышащей во сне.

Ночь канула в года, свободно и безумно.
Еще горят огни всех вдохновенных сил;
Но свежий утренник мне веет в грудь бесшумно,
Недвижные дома — как тысячи могил.

Там люди-трупы спят, вдвоем и одиноко,
То навзничь, рот открыв, то ниц — на животе
Но небо надо мной глубоко и высоко,
И даль торжественна в открытой наготе!

Два равных мира есть, две равные стихии:
Мир дня и ночи мир, безумства и ума,
Но тяжки грани их — часы полуночные,
Когда не властен свет и расточилась тьма.

С последним чаяньем, свою мечту ночную
Душа стремится влить в пустые формы дня,
Но тщетно я борюсь, и тщетно я колдую:
Ты, день, могучий враг, вновь покоришь меня!

1902

КАМЕНЩИК

— Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?

— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?

— Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?

— Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна.

— Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи!

— Эй, берегись! под лесами не балуй...
Знаем всё сами, молчи!

16 июля 1901

МАЛЬЧИК

В бочке обмерзлой вода колыхается,
Жалко дрожит деревянный черпак;
Мальчик-вожатый из сил выбивается,
Бочку на горку не втащит никак.

Зимняя улица шумно взволнована,
Сани летят, пешеходы идут,
Только обмерзлая бочка прикована:
Выем случайный и скользок и крут.

Ангел сверкает блестящим воскрылием,
Ангел в лучистом венце над челом,
Взял за веревку и легким усилием
Бочку вкатил на тяжелый подъем.

Крестится мальчик, глядит неуверенно,
Вот покатил свои санки вперед.
Город шумит неизменно, размеренно,
Сани летят и проходит народ.

Ноябрь 1901

ЦАРИЦА

С конки сошла она шагом богини
(Лилия белая, взросшая в тине!).
Долго смотрел я на правильность линий
Молодого лица.
Сумрак холодный лежал без конца,
Небеса были звездны и сини.

Она подняла накидку на плечи.
Я оскорбить не осмелился встречи.
Были не нужны и тягостны речи
Здесь на земле!
Контур ее затерялся во мгле.
Горели кругом погребальные свечи.

Да! я провидел тебя в багрянице,
В золотой диадеме... Надменной царицей
Ты справляла триумф в покоренной столице...

Чу! крики бесчисленных уст!
Нет, тротуар озаренный безмолвен и пуст,
Лишь фонари убегают вперед вереницей.

5 мая 1901

ПРОХОЖЕЙ

Она прошла и опьянила
Томящим сумраком духов
И быстрым взором оттенила
Возможность невозможных снов.

Сквозь уличный железный грохот
И пьян от синего огня,
Я вдруг слышал жадный хохот,
И змеи оплели меня.

В моих глазах еще синела
Небес вечерних полумгла,
Но теплота чужого тела
Меня объяла и прожгла.

И в ужасе борьбы упорной,
Меж клятв, молений и угроз,
Я был опутан влагой черной
Ее распущенных волос.

4 октября 1900

ГОЛОС ЧАСОВ

С высокой башни колокольной,
Призывный заменяя звон,
Часы поют над жизнью дольной,
Следя движение времен.

Но днем в бреду многоголосном
Не слышен звонкий их напев,
Над гулким грохотом колесным,
Над криком рынка, смехом дев.

Когда ж устанет день, и ляжет
Ночная тень во всех углах,
И шуму замолчать прикажет,
И переменит жизнь в огнях,

Мы все, покорствуя невольно,
В пространном царстве вещей снов,
С высокой башни колокольной
Внимаем голосу часов.

Густеют и редуют тени.
А торжествующая медь
Зовет и нас в чреде мгновений
Мелькнуть, побыть и умереть.

28 июня 1902

НА СКАЧКАХ

Люблю согласное стремленье
К столбу летящих лошадей,
Их равномерное храпенье
И трепет вытянутых шей.

Когда вначале свежи силы,
Под шум о землю бьющих ног,
Люблю задержанной кобылы
Уверенный упругий скок.

Люблю я пестрые камзолы,
В случайный сбитые букет,
И финиш, ярый и тяжелый,
Где миг колеблет «да» и «нет».

Когда счастливец на прямую
Выходит, всех опередив,
Я с ним победу торжествую,
Его понятен мне порыв!

Быть первым, вольно одиноким!
И видеть, что близка мета,
И слышать отзвуком далеким
Удары ног и щелк хлыста!

23 сентября 1902

ЧУДОВИЩА

Зловещее и смутное есть что-то...

К. Фоганов

Во всех углах жилья, в проходах, за дверьми
Стоят чудовища, незримые людьми:
Болезни, ужасы и думы тех, кто прежде
Жил в этих комнатах и верил здесь надежде.
И все мы, с первых дней вступая в старый дом,
Под их влиянием таинственным живем.
Их образ — как у птиц. Как глупые пингвины,
Они стоят во мгле, к стене притиснув спины
И чинно крылышки прижав к своим бокам;
Как грифы серые, нахоясь, по углам,
За печкой, за бюро сидят неясной грудой;
Как совы, на шкапах таятся, и оттуда
Глядят незрячими глазами целый день.
При свете дня их нет, они — пустая тень,
И только вечером, когда уносят свечи
И где-то вдалеке шумят за чаем речи,—
В потемках, в комнатах, безмолвных с давних пор,
Они выходят все из мрака и из нор,
Гуляют и шумят за мигом миг смелее,
Почти что на виду вытягивают шеи,
Пугают мальчика, боящегося мглы,
И, лишь внесут огонь, скрываются в углы.
А после, полночью, в квартире, тупо спящей,
Блуждают, властные, какой-то ратью мстящей,
Мечтами давних лет холодный сон томят
И в губы спящего вдыхают мертвый яд.

1903

ЗИМНИЕ ДЫМЫ

Хорошо нам, вольным дымам,
Подыматься, расстилаться,
Кочевать путем незримым,
В редком воздухе теряться,

Проходя по длинным трубам,
Возноситься выше, выше
И клубиться белым клубом,
Наклоняясь к белым крышам.

Дети пламени и праха,
Мы как пламя многолики,
Мы встречаем смерть без страха,
В вольной области — владыки!

Над толпой немых строений,
Миром камней опемелых,
Мы — семья прозрачных теней —
Дышим в девственных пределах.

Воздух медленный и жгучий —
Как опора наших крылий,
Сладко реять дружной тучей
Без желаний, без усилий.

Даль морозная в тумане,
Бледен месяц в глуби синей,
В смене легких очертаний
Мы кочуем по пустыне.

16 декабря 1900

ОКЛИКИ ДЕМОНОВ

Свистки паровозов в предутренней мгле,
Дым над безжизненным прудом.
Город все ближе: обдуманном чудом
Здания встали в строй по земле.
Привет — размеренным грудам!

Проволок пяти нежней и нежней
На небе, светлеющем нежно.
Вот обняли две вереницы огней,
Мой шаг по плитам слышной.
Проститутка меня позвала безнадежно.

Белая мгла в предрассветный час!
(Она словно льется во взгляды.)
Безумные грезы усталых глаз!
Призраки утра! мы не страшны для вас,
Вы пустынному часу так рады.

Всходят, идут и плывут существа,
Застилают заборы,
Глядят из подвалов, покинувши норы,
Жадно смотрят за шторы,
И сквозь белое тело видна синева.

Вот малютки — два призрака — в ярком венке,
Забавляются пылью,
Вот длинная серая шаль на больном старике,
Вот женщина села на камень в тоске,
Вот девушку к небу влекут ее крылья.

Ходят, стоят, преклоняются ниц
(Словно обычные люди!),
Реют рядами чудовищных птиц,
Лепечут приветы и шепчут угрозы, —
Пред утром бродячие грезы!
О дым на безжизненном пруде!
О демонов оклики! вапи свистки, паровозы!

1901

НОЧЬ

Горящее лицо земля
В прохладной тени окунула.
Пустеют знойные поля,
В столицах молкнет песня гула.

Идет и торжествует мгла,
На лампы дует, гасит свечи,
В постели к любящим легла
И властно их смежила речи.

Но пробуждается разврат.
В его блестящие приюты
Сквозь тьму, по улицам, спешат
Скитальцы покупать минуты.

Стрелой вонзаясь в города,
Свистя в полях, гремя над бездной,
Летят немолчно поезда
Вперед по полосе железной.

Глядят несытые ряды
Фабричных окон в темный холод,
Не тихнет резкий стон руды,
Ему в ответ хохочет молот.

И, спину яростно клоня,
Скрывают бешенство проклятий
Среди железа и огня
Давно испытанные рати.

Сентябрь 1902

ЗИМНЯЯ КРАСОТА

Твердят серебряные сени
О счастья жизни для мечты,
О сладком бытии растений
В убранстве зимней красоты.

Но я не внимлю, не приемлю
Их мерный шепот, белый зов.
Люблю воскреснувшую землю
И кровь растоптанных цветов!

Нет, нет, не падо мертвой пеги
В лучах прельстительной луны!
Вставайте, мощные побеги,
На пире огненной весны!

Я буду сам как стебель явлен,
Омою в зное венчик свой
И лягу, сломан и раздавлен,
До первой выюги снеговой!

23 ноября 1902

ПРЕЛЕСТИ ЗЕМЛИ

Все реже я и все бесстрастней
Смотрю на прелести земли,
Как в детстве нежившие басни,
Красоты мира отошли.

Мне тяжела дневная зелень
И слишком сини небеса,
Для слуха каждый звук разделен,
Когда взволнуются леса.

Люблю я сумрачные краски,
Громады стен в лучах луны,
Меня приветствует по-братски
Мир дорассветной тишины.

Дрожа, белеет сумрак чуткий,
Гремящий город мертв на час,
Спят мудрецы, спят проститутки,
И в два ряда мне светит газ.

Август 1901

Антология

ЯРОСТНЫЕ ПТИЦЫ

Яростные птицы с огненными перьями
Пронеслись над белыми райскими преддверьями,
Огненные отблески вспыхнули на мраморе,
И умчались странницы, улетели за море.

Но на чистом мраморе, на пороге девственном,
Что-то все алелось блеском неестественным,
И в воротах под сводами, вечными, алмазными,
Упивались ангелы тайными соблазнами.

Январь 1901

СЛАДОСТРАСТИЕ

Ф. Сологубу

В ярком венке из пурпурного мака,
Смутно ресницы к земле опустив,
Женщина вышла из тусклого мрака...
Облик лица ее грубо красив.

Серьги по золоту блещут рубином,
Шею оплел ей кровавый коралл,
Веет от губ ее чем-то звериным,
Тишь пещер и пустынностью скал.

Черные волосы, с сумраком слиты,
Пали на белую матовость плеч;
Выпуклы, подняты, вечно не сыты,
Грудь дрожат от желания встреч.

Руки протянуты (так, беспокоясь,
Ищет слепая далекой стены),
Бедра опутал ей тигровый пояс...
Тише! приветствуй восторг тишины!

Чу! загремели чуть слышно запытая,
Губы скривились в мучительный знак...
Снова, о снова, истома и счастья!
Пусть осыпается пурпурный мак.

Март 1901

В РАЮ

An Maximilian Schick¹

Лишь закрою глаза, как мне видится берег
Полноводной реки, тени синей волны.
Дремлет небо одной из Полдневных Америк,
Чуть дрожа на качелях речной глубины.

Веет ветер какого-то лучшего века,
Веет юность свободной и гордой земли.
Мчатся легкие серны, друзья человека,
Песня вольных охотников молкнет вдали.

Обнаженные юноши, девы и дети
Выбегают на отмель веселой толпой
И бросаются в воду, при радостном свете,
Словно горсти жемчужин, блестя за водой.

Длится время, качаются зыби заката,
Здесь и там задымился и светит костер.
Дева спутника игр обнимает, как брата...
О, как сладки во мгле поцелуи сестер!

Да, я знаю те земли и знаю то время,
Их свободно и быстро в мечтах узнаю...
И часами смотрю на блаженное племя,
И как путник-прохожий я с ними в раю!

6 мая 1903

¹ Максимилиану Шикку (нем.).

СОН

Как город призрачный в пустыне,
У края бездн возник мой сон.
Не молкнет молний отсвет синий,
Над кручей ясен небосклон.

И пышен город, озаренный:
Чертоги, башни, купола,
И водоемы, и колонны...
Но ждет в бездонной бездне мгла.

И вот уже, как звон надгробный,
Сквозь веки слышится рассвет,
Вот стены — призракам подобны,
И вот на башнях — шпилей нет...

Когда же явь мне в очи глянет,
Я буду сброшен с тех высот,
Весь город тусклой тенью станет
И, рухнув, в пропасть соскользнет.

И алчно примет пасть пучины
За храмом храм, за домом дом...
И вот — лишь две иль три руины
Вещают смутно о былом.

22 августа 1903

ЛЕД И УГОЛЬ

Лед и уголь, вы — могильны!
Что-то было и прошло,
Черный уголь, тусклый, пыльный,
Лед, блестящий как стекло!

Что вы, красные уроды,
Дым прорезавши, горды?
Удвояет лик природы
Гладь затихнувшей воды!

Пусть все отжило, застыло,
Зыби нет, лучам конец:
Лед — над водною могилой,
Уголь — без надежд мертвец!

Он под новой вспышкой жара
Лишь кровавится, как бес,
Но свободной тенью пара
Лед восходит до небес.

Август 1901

ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ

Белый день, прозрачно-белый,
Золотой, как кружева...
Сосен пламенное тело,
Зноем пьяная трава.

Пробегающие тучи,
Но не смеющие пасть...
Где-то в сердце, с силой жгучей,
Затаившаяся страсть.

Не гляди так, не зови так,
Ласк ненужных не желай.
Пусть пылающий напиток
Перельется через край.

Ближе вечер... Солнце клонит
Возрастающую тень...
Пусть же в памяти потонет
Золотой и белый день.

*1902
Веря*

ОБЛАКА

Облака опять поставили
Паруса свои.
В зыбь небес свой бег направили
Белые ладьи.

Тихо, плавно, без усилия
В даль без берегов
Вышла дружная флотилия
Сказочных пловцов.

И, пленяясь теми сферами,
Смотрим мы с полей,
Как скользят рядами серыми
Кили кораблей.

Но и нас ведь должен с палубы
Видеть кто-нибудь,
Чье желанье создавало бы
Этот вольный путь!

21 августа 1903

НА ПЕСКЕ

Маленькая девочка
На песке, на лесенке
Камешки бросала.
Дети пели песенки,
Их семья играла.
Маленькая девочка
Камешки бросала.
Бросит вверх — смеется,
Хлопает в ладошки...
Девочкам поется.
Где-то там в окошке
Пели, пели гаммы.

Маленькая девочка
Камешки бросала,
Маленькая девочка
Наконец устала,
На песке, на лесенке
Прилегла близ мамы.
Дети пели песенки;
В домике налево
Изучали гаммы...
Я слагал напевы.

*30 мая 1902
Венеция*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Девочка далекая,
Спи, мечта моя!
Песня одинокая
Над тобой — как я.

Песня колыбельная,
Сложенная мной,
Странно-нераздельная
С чуткой тишиной.

Это отзвук тающий
Прежних, страстных слов,
Отзвук умиравший
В тихой бездне снов.

Словно речь бессвязная —
Память лучших дней...
А была алмазная
Радуга огней!

Дремлешь ты под пение
В колыбели тьмы...
Будь хоть на мгновение
Счастлива, как мы!

И в минуту жгучую
От любви мертва,
Вспомни ночь певучую,
Тихие слова!

Спи, моя далекая,
В храме бытия,
Песня одинокая —
Вся любовь моя!

1903

ТЕРЕМ

Иоанне Б.

Тихи дни и годы — годы в терему,
Словно льются воды медленно во тьму.

День неслышно тает, гаснет без следа...
Тусклый свет роняет пестрая слюда;

За окошком главы — малый край небес,
По простенкам травы — непостижный лес.

С темной образницы кроткий свет лампад...
Те же, те же лица, что и день назад!

Та же все работа, песни без души...
Льются дни без счета, как вода в тиши...

Только в воскресенье бегло видишь мир:
В церкви чтение, пенье — отдаленный клир,

Дома смех, салазки, снежная гора,
Да под вечер пляски, сказки гусяра.

Сны усталых сладки — жжет лебяжий пух...
На ухо загадки кто-то шепчет вслух,

Снится сине море, снится царский сын,
Знаешь страсть и горе, хоть на час один!

Утро. С образницы кроткий свет на всех.
Тихо, как в гробнице. За окошком — снег.

Январь 1901

ВИТЯЗЬ

1

— О чем же ты тоскуешь, витязь,
Один на башенной стене?
— Убийством и борьбой насытаться,
Еще я счастлив не вполне.
Меня гнетут мои кольчуги,
Хочу изведать тайны сна.
Уйдите прочь, друзья и слуги,
Меня утешит тишина.

— Зачем же, слуги, вы таитесь
 В проходах темных, в тишине?
 — Наш господин, наш славный витязь,
 Давно покоится во сне.
 Мы ждем, что дверь — вдруг распахнется,
 Он крикнет зовом боевым
 И вновь к победам понесется,
 А мы тогда — за ним! за ним!

— Меня ты слышишь ли, мой витязь?
 Довольно спать! восстань! восстань!
 — Мечтой и тишиной насытись,
 Я перешел земную грань.
 Давно мои белеют кости,
 Их червь покинул гробовой,
 Все слуги дремлют на погосте,
 И только тени пред тобой!

1902

КАМНИ

Камни, камни! о вас сожаленье!
 Вы по земле мне родные!
 В жилах моих роковое биенье,
 Та же, все та же стихия.
 Века вы питались кровью заката,
 Жертвенной, девственной кровью,
 Вас море ласкало, как старшего брата,
 Грызло, кусало с любовью.
 Люди, из вас воздвигали мы храмы,
 Из вас мы слагали дворцы и жилища,
 Вами мы крыли могильные ямы,
 Вы с нами — в жизни и на кладбище!
 Камни, камни, о вас сожаленье!
 В день, когда ангелов к солнцу подымутся трубы,
 Вы ли пребудете вне воскресенья,
 Как хаос косный и грубый?

Нет, вы недаром родня изумрудам,
Аметистам, рубинам, сапфирам,
Жизненный трепет пройдет по встревоженным грудам,
И камней восторженный гимн, как сияние, встанет
над миром.

1903

ПРЕЗРЕНИЕ

Большое презрение и к людям и к себе
Растет в душе властительно, царит в моей судьбе.

Любил бы, да не в силах я, не ищешь и не ждешь,
И все мечты как призраки, и все желанья — ложь.

Откроет ли нам истина свое лицо или нет,
Я буду ль жить по имени во глубине долгих лет,

И ты, о ком я думаю, ты любишь ли меня,
И мне скитаться долго ли, или не дожить и дня,

Мне все равно, мне все равно, слежу игру теней.
Я долго жизнь рассматривал, я присмотрелся к ней.

Как лист, в поток уроненный, я отдаюсь судьбе,
И лишь растет презрение и к людям и к себе.

29 октября 1900

К УСТЬЮ!

На волны набегают волны,
Растет прилив, отлив растет,
Но, не скудея, вечно полны
Вместилища свободных вод.

На годы набегают годы,
Не молкнет ровный стук минут,
И дни и годы, словно воды,
В просторы вечности текут.

Дыша то радостью, то грустью,
И я мгновеньям отдаюсь,
И, как река стремится к устью,
К безбрежной дали я стремлюсь.

Промчится жизни быстротечность,
За днями дни, за годом год,
И утлый челн мой примет вечность
В неизмеримость черных вод.

1903

Оды и послания

К. Д. БАЛЬМОНТУ

Вечно вольный, вечно юный,
Ты как ветер, как волна,
Речь твоя поет, как струны,
Входит в души, как весна.

Веет ветер бысролетный,
И кругом дрожат цветы,
Он ласкает, безотчетный,
Все вокруг — таков и ты!

Ты как звезды — близок небу.
Да, ты — избранный, поэт!
Дара высшего не требуй!
Дара высшего и нет.

«Высшим знаком ты отмечен»,
Чти свою святыню сам,
Будь покорен, будь беспечен,
Будь подобен облакам.

Все равно, куда их двинет
Ветер, веющий кругом.
Пусть туман как град застынет,
Пусть обрушится дождем,

И над полем, и над бездной
Облака зарей горят.
Будь же тучкой бесполезной,
Как она, лови закат!

Не ищи, где жаждет поле,
На раздумья снов не трать.
Нам забота. Ты на воле!
На тебе ее печать!

Может: наши сны глубоки,
Голос наш — векам завет,
Как и ты, мы одиноки,
Мы — пророки... Ты — поэт!

Ты не наш — ты только божий.
Мы весь год — ты краткий май!
Будь — единый, непохожий,
Нашей силы не желай.

Ты сильнее нас! Будь поэтом,
Верь мгновенью и мечте.
Стой, своим оваян светом,
Где-то там, на высоте.

Тщетны дерзкие усилия,
Нам к тебе не досягнуть!
Ты же, вдруг раскинув крылья,
В небесах направишь путь.

1902

ЕМУ ЖЕ

Нет, мой лучший брат, не прав ты:
Я тебя не разлюблю!
Мы плывем, как аргонавты,
Душу вверив кораблю.

Все мы в деле: у кормила,
Там, где парус, где весло.
Пыль пучины окропила
Наше влажное чело.

Но и в диком крике фурий,
Взором молний озарен,
Заклинатель духов бури,
Ты поешь нам, Арион!

Если нас к земному лону
Донести дано судьбе,
Первый гимн наш — Аполлону,
А второй наш гимн — тебе!

Если ж зыбкий гроб в пучине
Присудили парки нам,
Мы подземной Прозерпине
И таинственным богам

Предадим с молитвой душу, —
А тебя из мглы пучин
Тихо вынесет на сушу
На спине своей — дельфин.

3 августа 1903

ЛЕВ СВЯТОГО МАРКА

Pax tibi, Marce, evangelista meus¹.

*(Надпись на книге, которую держит в лапах
лев святого Марка)*

Кем открыт в куске металла
Ты, святого Марка лев?
Чье желанье оковало
На века — державный гнев?

«Мир тебе, о Марк, глашатай
Вечной истины моей». —
И на книгу лев крылатый
Наступил, как страж морей.

Полузверь и полуптица!
Охраняема тобой,
Пять веков морей царица
Насмехалась над судьбой.

В топи илистой лагуны
Встали белые дворцы,
Цели кисти, цели струны,
Мир судили мудрецы.

¹ Мир тебе, Марк, мой евангелист (лат.).

Сколько гордых, сколько славных,
Провожая в море день,
Созерцали крыл державных
Возрастающую тень.

И в святые дни Беллини
Ты над жизнью мировой
Так же горд стоял, как ныне
Над развенчанной страной.

Я — неведомый прохожий
В суете других бродяг;
Пред дворцом, где жили дожи,
Генуэзский вьется флаг;

Не услышишь ты с канала
Тасса медленный напев;
Но, открыт в куске металла,
Ты хранишь державный гнев.

Над толпами, над веками,
Равен миру и судьбе,
Лев с раскрытыми крылами
На торжественном столбе.

*9/22 июня 1902
Венеция*

ВЕНЕЦИЯ

Почему под солнцем юга в ярких красках и цветах,
В формах выпукло-прекрасных предстал пред взором
прах?

Здесь — пришлец я, но когда-то здесь душа моя жила.
Это понял я, припомнив гондол черные тела.

Это понял, повторяя Юга полные слова,
Это понял, лишь увидел моего святого Льва!

От условий повседневных жизнь свою освободив,
Человек здесь стал прекрасен и как солнце горделив.

Он воздвиг дворцы в лагуне, сделал дожем рыбака,
И к Венеции безвестной поползли, дрожа, века.

И доныне неизменно все хранит здесь явный след
Прежней дерзости и мощи, над которой смерти нет.

1902

Венеция

ПАМЯТИ И. КОНЕВСКОГО

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В начале поприща торжеств и славы,
Исполненный несокрушенных сил!

В. Кюхельбекер

И ты счастлив, нам скорбь — тебе веселье,
Не в будничных тисках ты изнемог,
Здесь на земле ты справил новоселье,
И празднично еще горит чертог.

Ты жаждал знать. С испугом и любовью
Пытливым взором ты за грань проник,—
Но эти сны не преданы злословью,
Из тайн не сделано тяжелых книг.

Ты просиял и ты ушел, мгновенный,
Из кубка нового один испив.
И что предвидел ты, во всей вселенной
Не повторит никто... Да, ты счастлив.

Лишь, может быть, свободные стихии
Прочли и отразили те мечты.
Они и ты — вы были как родные,
И вот вы близки вновь,— они и ты!

Ты между них в раздольи одиноком,
Где тихий прах твой сладко погребен.
Как хорошо тебе в лесу далеком,
Где ветер и березы, вяз и клен!

3 октября 1901



АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Я многим верил до исступленности,
С такою надеждой, с такою любовью!
И мне был сладок мой бред влюбленности,
Огнем сожженный, залитый кровью.

Как глухо в безднах, где одиночество,
Где замер сумрак молочно-сизый...
Но снова голос! зовут пророчества!
На мутных высях чернеют ризы!

«Брат, что ты видишь?» — Как отзвук молота,
Как смех внемирный, мне отклик слышен:
«В сиянии небо — вино и золото! —
Как ярки дали! как вечер пышен!»

Отдавшись снова, спешу на кручи я
По острым камням, меж их изломов.
Мне режут руки цветы колючие,
Я слышу хохот подземных гномов.

Но в сердце — с жаждой решение строгое,
Горит надежда лучом усталым.
Я много верил, я проклял многое
И мстил неверным в свой час кинжалом.

1903

МЛАДШИМ

Они Ее видят! они Ее слышат!
С невестой жених в озаренном дворце!
Светильники тихое пламя колышат,
И отсветы радостно блещут в венце.

А я безнадежно бреду за оградой
И слушаю говор за длинной стеной.
Голодное море безумствовать радо,
Кидаясь на камни, внизу, подо мной.

За окнами свет, непонятный и желтый,
Но в небе напрасно ищу я звезду...
Дойдя до ворот, на железные болты
Горячим лицом прикипаю — и жду.

Там, там, за дверьми — ликование свадьбы,
В дворце озаренном с невестой жених!
Железные болты сломать бы, сорвать бы!..
Но пальцы бессильны, и голос мой тих.

1903

ЮРГИСУ БАЛТРУШАЙТИСУ

Осенний ветер выл над урной одинокой.

Ю. Б.

Нам должно жить! Лучом и светлой пылью,
Волной и бездной должно опьянеть,
И все круги пройти — от торжества к бессилью,
Устать прекрасно, — но не умереть!

Нам вверены загадочные сказки,
Каменья, ожерелья и слова,
Чтоб мир не стал глухим, чтоб не померкли краски,
Чтоб тайна веяла, жива.

Блудящий огонек — надежда всей вселенной —
Нам окружил венцами волоса,
И если мы умрем, то он — нетленный —
Из жизни отлетит, к планетам, в небеса.

Тяжелая плита над нашей мертвой грудью
Задвинет навсегда все вещие пути,
И ветер будет петь унылый гимн безлюдью...
Нам умереть нельзя! нет, мы должны идти!

Октябрь 1901

З. Н. ГИППИУС

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.

Когда же в белом саване
Усну, пускай во сне
Все бездны и все гавани
Чредою снятся мне.

Декабрь 1901

В. И. ПРИБЫТКОВУ

Застольная речь

Мы здесь собрались дружным кругом,
Когда весна шумит над Югом
И тихо голубеет твердь,
Во дни Христова воскресенья,
Когда по храмам слышно пенье
О победившем смертью смерть!

Бессильно тают глыбы снега,
Река разламывает лед,
Чтоб к морю полететь с разбега,
В себе качая небосвод.
А по полям цветет, поет
Подснежников святая нега.

Нас не страшат земные зимы,
Мы веснам верим в смене лет!
Не так ли, косностью томимы,
О смерть! мы верим в твой обет!
Наш путь далек, мы пилигримы,
Но вдалеке нам светит свет.

Да! этот мир как призрак канет,
Смерть наши узы разорвет.
И новый день нам в душу глянет!
Пусть он нас снова отуманит
И пусть измучит, пусть обманет,
Но только был бы зов — вперед!

2 апреля 1901

Да, пробил последний, двенадцатый час!
Так звучно, так грозно.
Часы мировые окликнули нас.
О, если б не поздно!

Зарницами синими полночь полна,
Бушуют стихии,
Кровавым лучом озарилась луна
На Айа-Софии.

Стоим мы теперь на распутии веков,
Где выбор дороги,
И в грозную полночь окликнул нас зов,
И властный и строгий.

Кто в час совершений в дремоте поник,—
Судьбе не угоден.
И мимо пройдет, отвративши свой лик,
Посланник господен.

О, есть еще время! Стучат и стучат
Часы мировые.
В таинственных молниях виден Царьград
И Айа-София.

1 августа 1903 .

Лирические поэмы

ГОРОД ЖЕНЩИН

Домчало нас к пристани в час предвечерний,
Когда на столбах зажигался закат,
И волны старались плескаться размерней
О плиты бассейнов и сходы аркад.
Был берег таинственно пуст и неслышен.
Во всей красоте златораморных стен,
Дворцами и храмами, легок и пышен,
Весь город вставал из прибоев и пен.
У пристани тихо качались галеры,
Как будто сейчас опустив паруса,
И виделись улицы, площади, скверы,
А дальше весь край занимали леса.
Но не было жизни и не было люда,
Закрытые окна слагались в ряды,
И только картины глядели оттуда...
И звук не сливался с роптаньем воды.

Нас лоцман не встретил, гостей неизвестных,
И нам не пропела с таможни труба,
И мы, проходя близ галер многоместных,
Узнали, что пусты они как гроба.
Мы тихо пристали у длинного мола,
И бросили якорь, и подняли флаг.
Мы сами молчали в тревоге тяжелой,
Как будто грозил неизведанный враг.
Нас шестеро вышло, бродяг неуклонных,
Искателей дней, любопытных к судьбе,
Мы дома не кинули дев обрученных,
И каждый заботился лишь о себе.
С немного проспекта сойдя в переулки,
Мы шли и стучались у мертвых дверей,

Но только шаги были четки и гулки
Да стекла дрожали больших фонарей.
Как будто манили к себе магазины,
И груды плодов, и бутылки вина...
Но нас не окликнул привет ни единый...
И вот начала нас томить тишина.

А с каждым мгновеньем ясней, неотвязней
Кругом разливался и жил аромат.
Мы словно тонули в каком-то соблазне
И шли и не знали, пойдем ли назад.
Все было безмолвно, мертво, опустело,
Но всюду, у портиков, в сводах, в тени
Дышало раздетое женское тело,—
И в запахе этом мы были одни.
Впивая его раздраженным дыханьем,
Мы стали пьянеть, как от яда змей.
Никто, обжигаемый жадным желаньем,
Не мог подавлять трепетанья свои.
Мы стали кидаться на плотные двери,
Мы стали ломиться в решетки окна,
Как первые люди, как дикие звери...
И мгла была запахом тела полна.

Без цели, без мысли, тупы, но упрямы,
Мы долго качали затворы дворца...
И вдруг подломились железные рамы...
Мы замерли,— сразу упали сердца.
Потом мы рванулись, теснясь, угрожая,
Мы вспрыгнули в зал, побежали вперед.
На комнаты мгла налегала ночная,
И громко на крики отвечивал свод.
Мы вокруг обежали пустые палаты,
Взобрались наверх, осмотрели весь дом:
Все было наполнено, свежо, богато,
Но не было жизни в жилище пустом.
И запах такой же, полней, изначальней,
В покоях стоял, возрастая в тени,
И на пол упали мы в шелковой спальне,
Целуя подушки, ковры, простыни.
И ночь опустилась, и мы не поднялись,
И нас наслаждение безмерное жгло,
И мы содрогались, и мы задыхались...
Когда мы очнулись,— уж было светло.

Мы шестеро вышли на воздух, к свободе,
Без слов отыскали на берег пути
И так же без слов притаились в проходе:
Мы знали, что дальше не должно идти.
И долго, под мраморным портиком стоя,
С предела земли не спускали мы глаз.
Корабль наш качался на зыби прибоя.
Мы знали, что он дожидается нас.
По улицам клича, друзья нас искали,
Но, слыша, как близятся их голоса,
Мы прятались быстро в проходе, в подвале...
И после корабль распустил паруса.
Поплыл в широту и в свободное море,
Где бури, и солнце, и подвиги есть,
И только в словах баснословных историй
Об нас, для безумцев, останется весть.

Товарищи! братья! плывите! плывите!
Забудьте про тайну далекой земли!
О, счастлив, кто дремлет в надежной защите,—
Но, дерзкие, здесь мы не смерть обрели!
Найти здесь легко пропитанье дневное,
Нет, мы не умрем,— но весь день наш уныл,
И только встречая дыханье ночное,
Встаем мы в волненьи воскреснувших сил!
И бродим по городу в злом аромате.
И входим в дворцы и в пустые дома
Навстречу открытых незримых объятий —
И вплоть до рассвета ласкает нас тьма.
В ней есть наслажденье до слез и до боли,
И сладко лежать нам в пыли и в крови,
И счастью в замену не надо нам воли,
И зримых лобзаний, и явной любви!

1902
Венеция

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Он придет, обезумевший мир,
Который поэтом прославлен.
Будет сладостным ядом отравлен
Воздух и самый эфир.

С каждым мигом впивая отраву,
Обезумеют бедные дети земли:
Мудрецы — земледельцы — певцы — короли —
Звери — птицы — деревья — и травы.

Станут распускаться странные цветы,
Яркие как солнце, дышащие пряно,
Открывая к воздуху жаждущие рты.
Яркостью неожиданной заблестев, поляны
Заструят томительный, жгучий аромат.
Птицы иступленные стаями взлетят,
Над блестящим городом и на месте диком
Замелькают с радостным, многосложным криком.
Островами новыми встанут в океане
Сонмы рыб, теснящихся в ярости желаний.
Разбегутся звери по полям и нивам,
Прыгая, кувыркаясь в полусне счастливом;
И на белой площади северной столицы
Будут ползать змеи и скакать тигрицы.

И люди, медленно пьянея,
Забудут скудные дела,
Как будто первая Астрея
В мир изнемогший спизошла.

Затихнут страшные машины
И фабрик резкие гудки,
И не подымет ни единый
Пилы, лопаты иль кирки.

Все будут в праздничных одеждах,
В полях, в пути, на площадях,
Твердя о сбывшихся надеждах,
Восторженно целуя прах.

И вдруг все станет так понятно:
И жизнь земли, и голос рек,
И звезд магические пятна,
И золотой наставший век.

Восстанут новые пророки,
С святым сияньем вокруг волос,
Твердя, что совершились сроки
И чаянье всемирных грез!

И люди все, как сестры-братья,
Семья единого отца,
Протянут руки и объяться,
И будет радость без конца.

Земля, как всегда, не устанет кружиться,
Вкушая то знойного света, то ночи,
Но снами никто не захочет упитаться,
И будут во мраке восторженной очи.
В полярных пустынях, в тропических чащах,
В открытых дворцах и на улицах шумных
Начнутся неистовства сонмов кипящих,
Пир и веселья народов безумных.
Покорные тем же властительным чарам,
Веселые звери вмешаются в игры,
И девушки в пляске прильнут к ягуарам,
И будут с детьми как ровесники тигры.
Безмерные хоры и песен и криков,
Как дымы, подымутся в небо глухое,
До божьих подножий, до ангельских ликов,
Мирам славословя блаженство земное.

Дыханьем, наконец, бессильно опьянев,
Где в зимнем блеске звезд, где в ярком летнем
свете,

Возжаждут все любви — и взрослые и дети —
И будут женщины искать мужчин, те — дев.
И все найдут себе кто друга, кто подругу,
И сил не будет им насытить страсть свою,
И с Севера на Юг и вновь на Север с Юга
Помчит великий вихрь единый стон: «Люблю!»
И звери меж людей на тех же камнях лягут,
Ласкаясь и любясь, визжа и хохоча,
На ступенях дворцов, у позабытых пагод,
В раздолии полей, близ моря, у ключа.
И странные цветы живыми лепестками
Засыплют, словно снег, лежащие тела.
И будет в яркий день лазурь гореть звездами,
И будет ночи мгла, как знойный час, тепла.
Среди чудовищных видений и фантазий,
Среди блуждающих и плоть принявших снов
Все жившее замрет в восторженном экстазе
И Смерть закинет сеть на свой последний лов.
Ничто не избежит своей судьбы блаженной,

Как первые в раю — последние уснут...
И ангел вострубит над смолкнувшей вселенной,
Все тысячи веков зовя на общий суд.

1903

ВО ХРАМЕ БЭЛА

1

Ассура край постигло наводнение,
Погибли севы, смытые водой,
Хирели, влагой пьяные, растенья.

Народ стонал, ошеломлен бедой,
И яростно все требовали чуда,
Теснясь во храм с надеждой и враждой.

Дымилась жертв обугленная груда,
Всходили дымы факелов и свеч,
Не молкли день и ночь стенанья люда...

Сам царь пришел свою свечу возжечь,
И вот, в благом присутствии владыки,
Верховный жрец к народу начал речь:

«Так говорит Ассур. Грехи велики
Народа, позабывшего богов.
Что мне ответить на мольбы и крики?

Они для брашен берегут тельцов,
А мне — лишь дым. Им — соки винограда,
Мне — выжимки. Мне — кровь, им — весь улов.

Но я, как сто волков, найду на стадо;
Как вихрь пустынь, засыплю их поля!
Несите жертв. Я — бог! Мне много надо!

Двенадцатую долю уделя
От всех избытков, да сберутся в храме,
Посыпав главы пеплом и моля.

Быть может, тронусь я тогда мольбами.
Внемлите. Так рабам вещает Бэл:
Прекраснейшую девушку меж вами

Найдите. Стыд ее да будет цел.
Ее лицо — цветов весенних краше,
Ее хребет — как снег нагорный, бел.

Тогда вином наполните две чаши,
И в замкнутом покое храмовом,
Где башни верх, поставьте ложе наше.

Да нас никто не видит в зале том,
Да мы никем услышаны не будем,
И я тогда, в наитии благом,

Как девы муж, явлюсь, быть может, людям!»

2

Утром ее убрали к венцу,
Умачали ей стан ароматами.
Как подошли ей цейлонские перлы к лицу,
Как она выросла сразу под тканями пышно-богатыми!

Очи ей черными сделал пылающий юг,
Дева Астарта ее одарила своими пристрастьями.
Как обозначились выгибы девственных рук
Под золотыми запястьями!

Ею отпразднован только тринадцатый праздник весны:
Годы — так тихо невинные.
В черные косы ее вплетены
Нити из жемчуга длинные...

Еще вчера, еще недавно
Она пасла свои стада,
Как серна в поле, своенравна,
Как барс, упряма и горда.

Ее младенческое тело
Еще не знало стрел страстей,
И в очи юношей глядела
Она с небрежностью детей.

И даже сон мечтой греховной
Еще не смел ее смутить,
И дни ее мелькали ровно,
Как бусы нижутся на нить.

Она сегодня — невеста Бэла,
Она сегодня войдет во храм,
Чтоб богу Солнца доверить тело.

Она сегодня, под звон напева,
Под звуки бубнов, войдет во храм,
Глядя стыдливо, еще как дева.

Еще сегодня, тропой горящей,
Бог беспощадный войдет во храм,
Как муж поникнет над лоном спящей.

Она сегодня рабой дрожащей
Познает бога... Идет во храм
Бог лучезарный, бог пепелящий!

з

Таинственно уединен покой
На выси храма, странный, с гробом схожий;
Там окон нет, и беспредельной тьмой
Окружено единственное ложе.

Она не спит, она глядит во тьму,
Рукой прижав ко грудям ожерелья,
И ждет, дрожа, бессветного, к кому
Пришла на свадебное новоселье.

Но зной томит; с курильниц аромат
Встает, томя и взоры и движение;
Уже ресницы длинные дрожат,
Уже в коленях детских онеменье.

Что будет? В тишине взгремит ли гром?
Прольется ль в сумрак дождь змеистых молний?
Молчи! Встречай грядущего лицом,
Пред родиной святой обет исполни!

Тот будет ли могуч, как дикий бык?
Навалится ль, как пламенная гряда?
Она, слабея, подавляет крик,
Дрожит в дремоте, в предвкушении чуда...

Иль будет он, как свет небесный, тих,
Прекрасный юноша, с очами лани?
Чу! смутный стук! Ужель грядет жених?
Она — в бреду от страха и желаний...

Припасть к нему! Нет, скрыться, умереть,
Не быть! Не надо, ничего не надо!
На мысли странная ложится сеть,
В безвольных членах странная улада.

4

Он сошел не в лучах огневого венца,
Ты во мраке его не узнала лица,
В тишине его голоса ты не слыхала.
Было страшно и сладко, и много и мало.
Было ль это свершение священных надежд?
Чьи-то руки коснулись пурпурных одежд,
Чье-то тело коснулось бессильного тела,
И в объятьях внезапных ты вся холодела,
И не знала, где боль, и не знала, где стыд.
Поцелуи томили окраску ланит,
На руках колыхало объятье запястья,
И страданья, сливаясь с безмерностью счастья,
Повторялись и жгли, наполняя всю ночь...
Ты не знала, когда удалился он прочь,
Ты очнулась одна на таинственном ложе,
В этой спальне глухой, на могилу похожей,
Две лампы, горя, озаряли покой...
В сердце — стыд, в мыслях — бред, в теле — зной...
И, томясь отвращеньем иль чистой любовью,
Ты смотрела на пояс, забрызганный кровью.

5

И в то же утро солнце пронизало,
Победное, губительный туман.
Вода с полей, открыв посевы, спала.

Опять спеша в родимый океан,
В свое русло везде вошли потоки,
И был весь мир лучами осиян.

Жрецы богов, надменны и жестоки,
Считали в храмах груды серебра
И на камнях свои чертили строки;

А люди, вопиявшие вчера,
Несли свои благодаренья богу
За то, что счастья вновь пришла пора.

Толпа теснилась к царскому чертогу
В желаньи видеть ту, что их спасла,—
И деву Бэла вывели к порогу.

Она была робка и не светла,
Ее томили царские наряды,
И лишь горела кос ее смола.

Стремилась к ней восторженные взгляды,
Кричали все: «Тебя избрал сам Бэл!»
А с крыши храма, там, где колоннады

Скрывали дверь в святилище, смотрел
Жрец младший Солнца. Пламенные очи
Его — казались остриями стрел:

Он вспоминал о тайнах грешной ночи.

1903

Старое Село

STEPHANOS

1904—1905

***Вячеславу Иванову,
поэту, мыслителю, другу***

Посвящение

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Когда впервые, в годы блага,
Открылся мне священный мир
И я со скал Архипелага
Заслышал зов истлевших лир,

Когда опять во мне возникла
Вся рать, мутившая Скамандр,
И дерзкий вскормленник Перикла,
И завершитель Александр,—

В душе зажглась какая вера!
С каким забвением я пил
И нектар сладостный Гомера,
И твой безумный хмель, Эсхил!

Как путник над разверстой бездной,
Над тайной двадцати веков,
Стремил я руки бесполезно
К былым теням, как в область снов.

Но путь был долог, сердце слепло,
И зоркость грез мрачили дни,
Лишь глубоко под грудой пепла
Той веры теплились огни.

И вот, в столице жизни новой,
Где всех стремящих сил простор,
Ты мне предстал: и жрец суровый,
И вечно юный тирсофор!

Как странен в шуме наших споров,
При нашей яркой слепоте,
Напев твоих победных хоров
К неумирающей красоте!

И нашу северную лиру
Сведя на эолийский звон,
Ты возвращаешь мне и миру
Родной и близкий небосклон!

16 ноября 1903

Вечеровые песни

De la musique avant toute chose.

*P. Verlaine*¹

ПРИВЕТСТВИЕ

Поблек предзакатный румянец.
На нитях серебряно-тонких
Жемчужные звезды повисли,
Внизу — ожерелье огней,
И пляшут вечерние мысли
Размеренно-радостный танец
Среди еле слышных и звонких
Напевов встающих теней.

Полмира, под таинством ночи,
Вдыхает стихийные чары
И слушает те же напевы
Во храме разверстых небес.
Дрожат, обессиливши, девы,
Целуют их юноши в очи,
И мучат безумных кошмары
Стремительным вихрем чудес.

Вам всем, этой ночи причастным,
Со мной в эту бездну глядевшим,
Искавшим за Поясом Млечным
Священным вопросам ответ,
Сидевшим на пире беспечном,
На ложе предсмертном немевшим,
И нынче, в бреду сладострастном,
Всем зачатым жизням — привет!

17—19 февраля 1904

¹ Музыки прежде всего. — *П. Верлен (франц.)*.

* * *

Воздух становится синим,
Словно разреженный дым...
Час упоительно мирный
Мы успокоенно мнем,
Близясь к часам роковым.

Выгнулся купол эфириный;
Двигается мерно с востока
Тень от ночного крыла;
В бездне бездонно-глубокой
Все откровенное тонет,
Всюду — лишь ровная мгла.

Морю ли ставить препоны
Валом бессильных огней?
Черные всадники гонят
Черных быков миллионы, —
Стадо полночных тещей!

Февраль 1904

* * *

День вечерел. Мы были двое.
Ф. Тютчев

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи,
Над померкшим старым Кёльном
Золотые нимбы света,
В этом храме богомольном —
Взоры нежные твои...

Где-то пели, где-то пели
Песню милой старины.
Звуки, ветром тиховейным
Донесенные, слабели
И сливались, там, над Рейном,
С робким ропотом волны.

Мы любили! мы забыли,
Это вечность или час!
Мы топили в сладкой тайне,

Нам казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
В стройных строфах пел про нас!

6 марта 1904

ТУМАН

Вдоль тихого канала
Склоняют ветви ивы.
Дорога льнет к воде,
Но тени торопливы,
И чу! ночная птица
Кричит привет звезде.

Вдоль тихого канала
Проходит вереница
Поникших белых дев.
Они идут устало,
Закрыв вуалью лица
И стан фатой одев.

Из тихого канала,
Как белые громады,
Встают ряды коней,
И всадники их рады
Дышать вечерней влагой,
Спешат скорей, скорей!

Вдоль тихого канала
Летят лихой ватагой
И манят дев с собой,
Им руки простирают —
И белый плащ свивают
С их белою фатой!

1903

ГОЛОС ПРОШЛОГО

Вьет дорога на деревни
Зеленеющим овсом,
И поет мне голос древний,
Колокольчик, о былом.

Словно в прошлое глядится
Месяц, вставший над рекой,
И янтарный лик двоится:
Он и тот же, и другой.

Снова смутное бряцанье,
Вновь и вечер, и овес,
Лишь одни воспоминанья
Я живыми не донес.

Как в тумане все поблекло,
На минувших годах тень...
Так едва мерцают стекла
Удаленных деревень.

Все темнее. Кто томится
В смутной песне под дугой?
Словно в прошлое глядится
Лик янтарный над рекой.

1904

ОХОТНИК

Над бредом предзакатных марев,
Над трауром вечерних туч,
По их краям огнем ударив,
Возносится последний луч.

И, глуби черные покинув,
В лазурный день из темноты
Взлетает яркий рой павлинов,
Раскрыв стоцветные хвосты.

А Ночь, охотник с верным луком,
Кладет на тетиву стрелу.
Она взвилась с протяжным звуком,
И птица падает во мглу.

Весь выводок сразили стрелы...
От пестрой стаи нет следа...
На Запад, слепо потемнелый,
Глядит Восточная Звезда.

16 апреля 1904

ЦЕЛЕНИЕ

Целит вечернее безволие
Мечту смятенную мою.
Лучей дневных не надо более,
Всю тусклость мига признаю!

Пуškai темнеют дали синие,
Я не зажгу во тьме свечи:
В душе ни смеха, ни уныния...
Ты, голос памяти,— молчи!

Обвили сладостными платами
Мне тени дышащую грудь.
Нависла сводами и скатами
Над взором тягостная муть.

Идут часы — мгновенья серые,
Царит всевластно темнота...
Иль позабыт во мгле пещеры я,
И все, что было,— лишь мечта?

Иль я лишь прах, во гробе тающий,
Я — чей-то призрак в бледной мгле,
К давно минувшему вызывающий
И всем безвестный на земле!

1904

ТИШИНА

Вечер мирный, безмятежный
Кротко нам взглянул в глаза,
С грустью тайной, с грустью нежной...
И в душе под тихим ветром
Накренились паруса.

Дар случайный, дар мгновенный,
Тишина, продлись! продлись!
Над равниной вечно пенной,
Над прибоем, над буруном,
Звезды первые зажглись.

О, плывите! о, плывите!
Тихо зыблемые сны!
Словно змей, словно нити,
Выются, путаются, рвутся
В зыби волн огни луны.

Не уйти нам, не уйти нам
Из серебряной черты!
Мы — горим в кольце змеином,
Мы — два призрака в сияньи,
Мы — две тени, две мечты!

4—6 февраля 1905

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Как любил я, как люблю я эту робость первых встреч,
Эту беглость поцелуя и прерывистую речь!

Как люблю я, как любил я эти милые слова,—
Их напев не позабыл я, их душа во мне жива.

Я от ласковых признаний, я от нежных просьб отвык,
Стал мне близок крик желаний, страсти яростный язык,

Все слова, какие мучат воспаленные уста,
В час, когда бесстыдству учат — темнота и нагота!

Из восторгов и уныний я влекусь на голос твой,
Как изгнанник, на чужбине услышавший зов родной.

Здесь в саду, где дышат тени, здесь, где в сумраке светло,
Быстрой поступью мгновений вновь былое подошло.

Вижу губы в легкой сети ускользающих теней.
Мы ведь дети! все мы дети, мотыльки вокруг огней!

Ты укрыла, уклонила в темноту смущенный взгляд...
Это было! все, что было, возвратил вечерний сад!

Страсти сны нам только снятся, но душа проснется вновь,
Вечным светом загорятся — лишь влюбленность!

лишь любовь!

1904

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Ветер печальный,
Многострадальный,
С лаской прощальной
Ветви клоня,
Свеял хрустальный
Дождь на меня.

Тенью зеленой
Лип осененный,
Я, окропленный
Майским дождем,—
Жрец, преклоненный
Пред алтарем.

День миновавший,
Свет отсиявший,
Дождь пробежавший,—
Гимн этот — вам!
Вечер наставший,
Властвуй, как храм!

Ливень весенний
Смолк. Без движений
Первые тени
В тихой дали.
Час примирений
С миром земли!

10 мая 1905

На Сайме

Тебя полюбил я, красавица нежная...

Вл. Соловьев

* * *

Меня, искавшего безумий,
Меня, просившего тревог,
Меня, вверявшегося думе
Под гул колес, в столичном шуме,
На тихий берег бросил Рок.

И зыби синяя безбрежность,
Меня прохладой осеня,
Смирила буйную мятежность,
Мне даровала мир и нежность
И вкрадчиво влилась в меня.

И между сосен тонкоствольных,
На фоне тайны голубой,
Как зов от всех томлений дольных,—
Залог признаний безглагольных,—
Возник твой облик надо мной!

1905

Рауһа

* * *

Желтым шелком, желтым шелком
По атласу голубому
Шьют невидимые руки.
К горизонту золотому
Ярко-пламенным осколком
Сходит солнце в час разлуки.

Тканью празднично-пурпурной
Убирает кто-то дали,
Расстилая багряницы,
И в воде желто-лазурной
Заметались, заблестали
Красно-огненные птицы.

Но серебряные змеи,
Извивая под лучами
Спин лучистые зигзаги,
Беспоощадными губами
Ловят, ловят все смелее
Птиц, мелькающих во влаге!

1905
Rauha

* * *

В дали, благостно сверкающей,
Вечер быстро бисер нижет.
Вал, несмело набегающий,
С влажной лаской отмель лижет.

Ропот ровный и томительный,
Плеск беспенный, шум прибоя,
Голос сладко-убедительный,
Зов смиренья, зов покоя.

Сосны, сонно онемелые,
В бледном небе встали четко,
И над ними тени белые
Молча гаснут, тают кротко.

1905
Rauha

* * *

Мох, да вереск, да граниты...
Чуть шумит сосновый бор.
С поворота вдруг открыты
Дали синие озер.

Как ковер над легким склоном
Нежный папоротник сплел.
Чу! скрипит с протяжным стоном
Наклоненный бурей ствол.

Сколько мощи! сколько лени!
То гранит, то мягкий мох...
Набегают ночь без тени,
Вея, словно вещей вздох.

1905
Rauha

* * *

Я — упоен! мне ничего не надо!
О, только б длился этот ясный сон,
Тянулись тени северного сада,
Сиял осенне-бледный небосклон,

Качались волны, шитые шелками,
Лиловым, красным, желтым, золотым,
И, проблестав над синью янтарями,
Сгущало небо свой жемчужный дым,

И падало безумье белой ночи,
Прозрачной, призрачной, чужой — и ты,
Мойм глазам свои вверяя очи,
Смущаясь и томясь, искала б темноты!

1905
Rauha

* * *

Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна
Нас робким и зыбким качаньем.
И в небе и в нас без конца тишина,
Нас вечер встречает молчаньем.

И сердце не верит в стране тишины,
Что здесь, над чертогами Ато,
Звенели мечи, и вожжи старины
За сампо рубились когда-то.

И сердце не верит, дыша тишиной,
Ласкательным миром Суоми,
Что билось недавно враждой роковой
И жалось в предсмертной истоме.

11 сентября 1905
Rauha

* * *

Голубое, голубое
Око сумрачной страны!
Каждый день ты вновь иное:
Грезишь, пламенное, в зное,
В непогоду кроешь сны.

То, в свинцовый плащ одето,
Сосны хмуришь ты, как бровь;
То горишь лучами света,
От заката ждешь ответа,
Все — истома, все — любовь!

То, надев свои алмазы,
Тихим ропотом зыбей
Ты весь день ведешь рассказы
Про народ голубоглазый,
Про его богатырей!

1905
Rauha

* * *

Воздух живительный, воздух смолистый
Я узнаю.
Свет не слепит, упоительный, чистый,
Словно в раю.

Узкой тропинкой к гранитам прибрежным
Вышел, стою.
Нежу простором, суровым и нежным,
Душу мою.

Сосны недвижны на острове, словно
В дивном краю.
Тихие волны лепечут любовно
Сказку свою.

Вот где дозволило божье пристрастье
Мир бытию!
Веет такое же ясное счастье
Только в раю.

1905, 28 мая 1908
Rauha

Правда вечная кумиров

Познал ты правду вечную кумиров.

Ив. Коневской

К ДЕМЕТРЕ

Небо четко, небо сипе,
Жгучий луч палит поля;
Смутно жаждущей пустыней
Простирается земля;

Губы веющего ветра
Ищут, что поцеловать...
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови уснувших, мать!

Глыбы взрыхленные черны,
Их вспоил весенний снег.
Где вы, дремлющие зерна,
Замышляйте свой побег!

Званы вы на пир вселенной!
Стебли к солнцу устрема,
К жизни новой, совершенной,
Воскресайте, озимя!

И в душе за ночью зимней
Тоже — свет, и тоже — тишь.
Что ж, душа, в весеннем гимне
Ты проснуться не спешишь?

Как засеянное поле,
Простираются мечты,
И в огнистом ореоле
Солнце смотрит с высоты.

Брошен был порой осенней
И в тебя богатый сев,—
Зерна страсти и мучений,
Всколоситесь, как напев!

Время вам в движеньях метра
Прозвучать и проблистать.
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови к уснувшим, мать!

1904

АДАМ И ЕВА

Е в а

Адам! Адам! припикни ближе,
Прильни ко мне, Адам! Адам!
Свисают ветви ниже, ниже,
Плоды склоняются к устам.

А д а м

Припикни ближе, Ева! Ева!
Темно. Откуда темнота?
Свисают ветви справа, слева,
Плоды вонзаются в уста.

Е в а

Адам! Адам! кто ветви клонит?
Кто клопит, слабую, меня?
В певучих волнах тело тонет,
Твои—касання из огня!

А д а м

Что жжет дыханье, Ева! Ева!
Едва могу взглянуть, вздохнуть...
Что это: плод, упавший с древа,
Иль то твоя живая грудь?

Е в а

Адам! Адам! я — вся безвольна...
Где ты, где я?.. все — сон иль явь?
Адам! Адам! мне больно, больно!
Пусти меня — оставь! оставь!

А д а м

Так надо, надо, Ева! Ева!
Я — твой! Я — твой! Молчи! Молчи!
О, как сквозь ветви, справа, слева,
Потоком ринулись лучи!

Е в а

Адам! Адам! мне стыдно света!
О, что ты сделал? Что со мной?
Ты позабыл слова запрета!
Уйди! уйди! дай быть одной!

А д а м

Как плод сорвал я, Ева, Ева?
Как раздавить его я мог?
О, вот он, знак Святого Гнева,—
Текущий красный, красный сок.

Январь 1905

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

О р ф е й

Слышу, слышу шаг твой нежный,
Шаг твой слышу за собой.
Мы идем тропой мятежной,
К жизни мертвенной тропой.

Э в р и д и к а

Ты — ведешь, мне — быть покорной,
Я должна идти, должна...
Но на взорах — облак черный,
Черной смерти пелена.

О р ф е й

Выше! выше! все ступени,
К звукам, к свету, к солнцу вновь!
Там со взоров стают тени,
Там, где ждет моя любовь!

Э в р и д и к а

Я не смею, я не смею,
Мой супруг, мой друг, мой брат!
Я лишь легкой тенью вею,
Ты лишь тень ведешь назад.

О р ф е й

Верь мне! верь мне! у порога
Встретишь ты, как я, весну!
Я, закливший лирой — бога,
Песней жизнь в тебя вдохну!

Э в р и д и к а

Ах, что значат все напевы
Знавшим тайну тишины!
Что весна, — кто видел севы
Асфоделевой страны!

О р ф е й

Вспомни, вспомни! луг зеленый,
Радость песен, радость пляск!
Вспомни, в ночи — потаенный
Сладко-жгучий ужас ласк!

Э в р и д и к а

Сердце — мертво, грудь — недвижна.
Что вручу объятью я?
Помню сны, — но непостижна,
Друг мой бедный, речь твоя.

О р ф е й

Ты не помнишь! ты забыла!
Ах, я помню каждый миг!
Нет, не сможет и могила
Затемнить во мне твой лик!

Э в р и д и к а

Помню счастье, друг мой бедный,
И любовь, как тихий сон...
Но во тьме, во тьме бесследной
Бледный лик твой затемнен...

О р ф е й

— Так смотри! — И смотрит дико,
Вспять, во мрак пустой, Орфей.
— Эвридика! Эвридика! —
Стонут отзвуки теней.

1903, 10—11 июня 1904

МЕДЕЯ

На позлащенной колеснице
Она свергает столу с плеч
И над детьми, безумной жрицей,
Возносит изощренный меч.

Узду грызущие драконы,
Взметая крылья, рвутся ввысь;
Сверкнул над ними бич червлёный,—
С земли рванулись, понеслись.

Она летит, бросая в доли
Куски окровавленных тел,
И мчится с нею гимн веселый,
Как туча зазвеневших стрел.

«Вот он, вот он, ветер воли!
Здравствуй! в уши мне свисти!
Вижу бездну: море, поле —
С окрыленного пути.

Мне лишь снилось, что с людьми я,
Сон любви и счастья сон!
Дух мой, пятая стихия,
Снова сестрам возвращен.

Я ль, угодная Гекате,
Ей союзная, могла
Возлюбить тщету объятий,
Сопрягающих тела?

Мне ли, мощью чародейства,
Ночью зыблившей гроба,
Засыпать в тиши семейства,
Как простой жене раба?

Выше, звери! хмелем мести
Я дала себе вздохнуть.
Мой подарок — на невесте,
Жжет ей девственную грудь.

Я, дробя тела на части
И бросая наземь их,
Весь позор последней страсти
Отрясаю с плеч моих.

Выше, звери! взвейтесь выше!
Не склоню я вниз лица,
Но за морем вижу крыпи,
Верх Ээтова дворца».

Вожжи брошены драконам,
Круче в воздухе стезя.
Поспешают за Язоном,
Обезумевшим, друзья.

Каждый шаг — пред ним гробница,
Он лобзает красный прах...
Но, как огненная птица,
Золотая колесница
В дымно-рдяных облаках.

Октябрь 1903, 1904

БАЛЬДЕРУ ЛОКИ

Светлый Бальдер! мне навстречу
Ты, как солнце, возносишь лик.
Чем лучам твоим отвечу?
Опаленный, я поник.
Я взбегу к снегам, на кручи:
Ты смеешься с высоты!
Я внесусь багряной тучей:
Как звезда сияешь ты!
Припаду на тайном ложе
К алой ласковости губ:
Ты метнешь стрелу,— и что же!
Я, дрожа, сжимаю труп.

Но мне явлен Нертой мудрой
Призрак будущих времен.
На тебя, о златокудрый,
Лук волшебный наведен.
В час веселья, в ясном поле,
Я слепцу вручу стрелу,—
Вскрикнешь ты от жгучей боли,
Вдруг повергнутый во мглу!
И когда за темной Гелой
Ты сойдешь к зловещим снам,—
Я предам, со смехом, тело
Всем распятым! всем цепям!
Пусть в пещере яд змеинный
Жжет лицо мне,— я в бреду
Буду петь с моей Сигиной:
Бальдер! Бальдер! ты в аду!

Не вотще вещали норны
Мне таинственный обет.
В пытках вспомнит дух упорный:
Нет! не вечен в мире свет!
День пастанет: огнебоги
Сломают мощь небесных сил,
Рухнут Одина чертоги,
Рухнет древний Игдразил.
Выше радуги священной
Встанет зарево огня,—
Но последний царь вселенной,
Сумрак! сумрак! — за меня.

Ноябрь 1904

ТЕЗЕЙ АРПАДНЕ

«Ты спишь, от долгих ласк усталая,
Предавшись дрожи корабля,
А все растет полоска малая,—
Тебе сужденная земля!

Когда сошел я в сень холодную,
Во тьму излучистых дорог,
Твоею нитью путеводною
Я кознь Дедала превозмог.

В борьбе меня твой лик божественный
Властней манил, чем дальний лавр...
Разил я силой сверхъестественной,—
И пал упрямый Минотавр!

И сердце в первый раз извело,
Что есть блаженство на земле,
Когда свое биенье предало
Тебе — на темном корабле!

Но всем судило Неизбежное,
Как высший долг,— быть палачом.
Друзья! сложите тело нежное
На этом мху береговом.

Довольно страсть путями правила,
Я в дар богам несу ее.
Нам, как маяк, давно поставила
Афина строгая — копье!»

И над водною могилой
В отчий край, где ждет Эгей,
Веют черные ветрила —
Крылья вестника скорбей.

А над спящей Ариадной,
Словно сонная мечта,
Бог в короне виноградной
Клонит страстные уста.

1—2 июля 1904

АХИЛЛЕС У АЛТАРЯ

Знаю я, во вражьем стане
Изогнулся меткий лук,
Слышу в утреннем тумане
Тетивы певучий звук.

Встал над жертвой облак дыма,
Песня хора весела,
Но разит неотвратимо
Аполлонова стрела.

Я спешу склонить колена,
Но не с трепетной мольбой.
Обручен я, Поликсена,
На единый миг с тобой!

Всем равно в глухом Эребе
Годы долгие скорбеть.
Но прекрасен ясный жребий —
Просиять и умереть!

Мать звала к спокойной доле...
Нет! не выбрал счастья я!
Прошумела в ратном поле
Жизнь мятежная моя.

И вступив сегодня в Трою
В блеске царского венца,—
Пред стрелою не укрою
Я спокойного лица!

Дай, к устам твоим приникнув,
Посмотреть в лицо твое,
Чтоб не дрогнув, чтоб не крикнув,
Встретить смерти острие.

И, не кончив поцелуя,
Клятвы тихие творя,
Улыбаясь, упаду я
На помосте алтаря.

27 января 1905

КЛЕОПАТРА

Нет, как раб не буду распят,
Иль как пленный враг казнен!
Клеопатра! — Верный аспид
Нам обоим принесен.

Вынь на волю из корзины,
Как союзницу, змею,
Полюбуйся миг единый
На живую чешую.

И потом на темном ложе
Дай припасть ей нам на грудь,
Сладким холодом по коже
В быстрых кольцах проскользнуть.

Не любовь, но смерть нам свяжет
Узы тягостные рук,
И, скрутясь, меж нами ляжет
Наш последний тайный друг.

Губы в губы, — взгляд со взглядом, —
Встретим мы последний суд.
Два укуса с жгучим ядом
Сжатых рук не разомкнут.

И истома муки страстной
Станет слабостью конца,
И замрут, дрожа согласно,
Утомленные сердца.

Я как раб не буду распят,
Не покорствуй как раба!
Клеопатра! — Верный аспид —
Наша общая судьба.

1905

АНТОНИЙ

Ты на закатном небосклоне
Былых, торжественных времен,
Как исполин стоишь, Антоний,
Как яркий, незабвенный сон.

Боролись за народ трибуны
И императоры — за власть,
Но ты, прекрасный, вечно юный,
Один алтарь поставил — страсть!

Победный лавр, и скиптр вселенной,
И ратей пролитую кровь
Ты бросил на весы, надменный,—
И перевесила любовь!

Когда вершились судьбы мира
Среди вспененных боем струй,—
Венец и пурпур триумвира
Ты променял на поцелуй.

Когда одна черта делила
В веках величье и позор,—
Ты повернул свое кормило,
Чтоб раз взглянуть в желанный взор.

Как нимб, Любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя!
Блажен, кто ведал посмеянье,
И стыд, и гибель — за тебя!

О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой!

Апрель 1905

ПАТМОС

Единый раз свершилось чудо:
Порвалась связь в волнах времен.
Он был меж нами, и отсюда
Смотрел из мира в вечность он.

Все эти лики, эти звери,
И ангелы, и трубы их
В себе вмещали в полной мере
Грядущее судеб земных.

Но в миг, когда он видел бездны,
Ужели ночь была и час,
И все вращался купол звездный,
И солнца свет краснел и гас?

Иль высшей волей провиденья
Он был исторгнут из времен,
И был мгновеннее мгновенья
Всевидающий, всезрящий сон?

Все было годом или мигом,
Что видел, духом обуян,
И что своим доверил книгам
Последний вестник Иоанн?

Мы в мире времени,— отсюда
Мир первых сущностей незрим.
Единый раз свершилось чудо —
И вскрылась вечность перед ним.

1902

ОРФЕЙ И АРГОНАВТЫ

Боги позволили, Арго достроен,
Отдан канат произволу зыбей.
Станешь ли ты между смелых, как воин,
Скал чарователь, Орфей?

Тифис, держи неуклонно кормило!
Мели выглядывай, зоркий Линкей!
Тиграм и камням довольно служила
Лира твоя, о Орфей!

Мощен Геракл, благороден Менотий,
Мудр многоопытный старец Нелей,—
Ты же провидел в священной дремоте
Путь предстоящий, Орфей!

Слава Язону! руно золотое
Жаждет вернуть он отчизне своей.
В день, когда вышли на подвиг герои,
Будь им сподвижник, Орфей!

Славь им восторг достижимой награды,
Думами темных гребцов овладей
И навсегда заляни Симплегады
Гимном волшебным, Орфей!

5—6 ноября 1904

Из ада изведенные

В страну без возврата, в жилище мертвых устремилась богиня Истар — вывести души из ада, чтобы они вновь ели и жили.

Из ассирийского эпоса

В ПОЛДЕНЬ

Свершилось! молодость окончена!
Стою над новой крутизной.
Как было ясно, как утонченно
Сиянье утра надо мной.

Как жрец, приветствуя мгновения,
Великий праздник первых встреч,
Впивал все краски и все тени я,
Чтоб их молитвенно сберечь.

И чудом правды примиряющей
Мне в полдень пламенный дано
Из чаши длительно-сжигающей
Испить священное вино:

Признав в душе, навстречу кинутой.
Сны потаенные свои,
Увидеть небосвод, раздвинутый
Заветной радугой любви,

И сжать уста устами верными,
И жизнь случайностями сжать,
И над просторами безмерными
На крыльях страсти задрожать!

Зарю, закатно-розоперстую,
Уже предчувствуя вдали.
Смотрю на бездну, мне отверстую,
На шири моря и земли.

Паду, но к цели ослепительной
Вторично мне не вознестись,
И я с поспешностью томительной
Всем существом впиваю высь.

13—14 сентября 1903, 1904

ПОРТРЕТ

Черты твои — детские, скромные;
Закрыты стыдливо виски,
Но смотрят так странно, бездомные,
Большие зрачки.

Движеньями грустно-усталыми
Ты просишь: оставьте меня.
Язвит тебя жгучими жалами
Действительность дня.

Не сомкнуты губы бессильные,
Как будто им нечем вздохнуть,
Как будто покровы могильные
Томят тебе грудь.

Как будто ты помнишь далекое,
Что было, быть может, лишь сном,
И сердце твое одинокое —
Навеки в былом.

Как призраки, горько ненужные,
Мы, люди, скользим пред тобой.
Ты смотришься в дали жемчужные
Поникшей душой.

К глубинам родным наклоняешься,
И рада виденьям, — но вдруг,
Вся вздрогнув, опять возвращаешься
Печально в наш круг.

20—21 февраля 1905

ЖРИЦЕ ЛУНЫ

1

По твоей улыбке сонной
Лунный отблеск проскользнул,
Властный, ласковый, влюбленный,
Он тебе призыв шепнул.
Над твоей улыбкой сонной
Лунный луч проколдовал,
Властный, ласковый, влюбленный,
Он тебя поцеловал.

И, заслыша зов заклятий,
Как родные голоса,—
Обратила ты к Гекате
Тьмой зажженные глаза.
Слыша смутный зов заклятий,
Бледным светом залита,
Обратила ты к Гекате
Помертвевшие уста.

В жажде ласки, в жажде страсти
Вся ты — тайна, вся ты — ложь.
Ты у лунных сил во власти,
Тело богу предаешь.
В жажде ласки, в жажде страсти,
Что́ тебя целую я!
У Астарты ты во власти,
Ты — ее, ты — не моя!

1904

ЖРИЦЕ ЛУНЫ

2

Владыка слов небесных, Тот,
Тебя в толпе земной отметил,—
Лишь те часы твой дух живет,
Когда царит Он,— мертв и светел.

Владыка слов небесных, Тот,
Призвал тебя в свой сонм священный:
Храня таинственный черед,
Следишь ты месяц переменный.

Приходит день, приходит миг:
Признав заветные приметы,
Ночному богу тайных книг
Возобновляешь ты обеты.
Приходит день, приходит миг:
Ты в сонме жриц, в нездешнем храме,
Целуешь мертвый, светлый лик
Своими алыми губами.

Ты миру нашему чужда,
Тая ревниво знаки Тота.
И в шуме дня тобой, всегда,
Владеет вещая дремота.
Ты миру нашему чужда,
Где слепо властвует Изида.
Меж нами — вечная вражда,
Меж нами — древняя обида!

Октябрь 1904

КУБОК

И кто б ни подал кубок жгучий...
Tertia Vigilia

Вновь тот же кубок с влагой черной,
Вновь кубок с влагой огневой!
Любовь, противник необорный,
Я узнаю твой кубок черный
И меч, взнесенный надо мной.

О, дай припасть устами к краю
Бокала смертного вина!
Я бросил щит, я уступаю,—
Лишь дай, припав устами к краю,
Огонь отравы пить до дна!

Я знаю, меч меня не минет,
И кубок твой беру, спеша.
Скорей! скорей! пусть пламя хлынет,
И крик восторга в небо кинет
Моя сожженная душа!

Январь 1905

МОЛНИЯ

Опять душа моя расколота
Ударом молнии, и я,
Вдруг ослепленный вихрем золота,
Упал в провалы бытия.

С победным хохотом, товарища,
Лемуры встретили меня —
На пепле старого пожараща,
В дыму последнего огня.

«Ты—наш! — вскричали в дикой нежности, —
Ты наш! и в безднах вечно будь!
Свободный дух предай мятежности,
Тропы лазурные забудь!»

И мне от жгучей боли весело,
И мне желанен мой костер,
И небо черный полог свесило
На мой полуослепший взор.

17 ноября 1904

В ЗАСТЕНКЕ

Кто нас двух, душой враждебных,
Сблизить к общей цели мог?
Кто заклатьем слов волшебных
Нас воззвал от двух дорог?

Кто над пропастью опасной
Дал нам взор во взор взглянуть?
Кто связал нас мукой страстной?
Кто нас бросил — грудь на грудь?

Мы не ждали, мы не знали,
Что вдвоем обречены:
Были чужды наши дали,
Были разны наши сны!

Долго, с трепетом испуга,
Уклонив глаза свои,
Отрекались друг от друга
Мы пред ликом Судии.

Он же, мудрый, он же, строгий,
Осудил, не облича.
Нас смутил глухой тревогой
Смех внезапный палача.

В диком вихре — кто мы? что мы?
Листья, взвитые с земли!
Сны восторга и истома
Нас, как уголья, прожгли.

Здесь, упав в бессильной дрожи,
В блеске молний и в грозе,
Где же мы: на страстном ложе
Иль на смертном колесе?

Сораспята на муку,
Давний враг мой и сестра!
Дай мне руку! дай мне руку!
Меч взнесен! Спеш! Пора!

10—11 декабря 1904

ВИДЕНИЕ КРЫЛЬЕВ

Связанные взглядом,
Над открытой бездной
Наклонились мы,
Рядом! рядом! рядом!
С дрожью бесполезной
Пред соблазном тьмы.

Взоры уклоняя,
Шепчешь ты проклятья
Общему пути,—
Зная! зная! зная!
Что тесней объятья
Мы должны сплести!

Что твои усилия
Разорвать сплетенья
Наших рук и глаз!
Крылья! крылья! крылья!—
Яркое виденье
Ослепило нас.

Страшен и неведом,
Там Крылатый Кто-то
Озарен огнем.
Следом! следом! следом!
В чайный полета
Бросимся вдвоем!

4—5 ноября 1904

В ТРЮМЕ

Мы — двое, брошенные в трюм,
В оковах на полу простертые.
Едва доходит в глуби мертвые
Далеких волн неровный шум.

Прошли мы ужасы Суда,
И приговоры нам прочитаны,
И нас влечет корабль испытанный
Из мира жизни навсегда.

Зачем же ты, лицом упав
На доски жесткие, холодные,
Твердишь про области свободные,
Про воздух гор и запах трав!

Забудь о радостных путях,
Забудь благоуханья смольные,
Наш мир — недели подневольные,
Наш мир — молчанье, мрак и прах...

Но в миг, когда, раскрывши дверь,
Палач поманит нас десницею,
Останься пленною царицею,
Мне руку скованную вверх.

Мы выйдем с поднятым челом,
На мир вечерний взглянем с палубы,
И без упрека и без жалобы
В челнок последний перейдем.

1905

ПОСЛЕДНИЙ ПИР

Бледнеют твоя. Из-за ставен
Рассвет бесстыдно кажет лик.
Над нами новый день бесправен,
Еще царит последний миг.

Гремит случайная телега
По тяжким камням мостовой.
Твое лицо белее снега,
Но строг и ясен облик твой.

Как стадо пьяное кентавров,
Спят гости безобразным сном.
Венки из роз, венки из лавров
Залиты — смятые — вином.

На шкуры барсов и медведей
Упали сонные рабы...
Пора помыслить о победе
Над темным гением Судьбы!

Ты подняла фиал фалерна
И бросила... Условный знак!
Моя душа осталась верной:
Зовешь меня — иду во мрак.

У нас под складками одежды,
Я знаю, ровен сердца стук...
Как нет ни страха, ни надежды —
Не будет ужаса и мук.

Два лезвия блеснут над ложем,
Как сонный вздох, провеет стон,—
И, падая, мы не встревожим
Кентавров пьяных тусклый сон.

1905

В СКЛЕПЕ

Ты в гробнице распростерта в миртовом венце.
Я целую лунный отблеск на твоём лице.

Сквозь решетчатые окна виден круг луны.
В ясном небе, как над нами, тайна тишины.

За тобой, у изголовья, венчик влажных роз,
На твоих глазах, как жемчуг, капли прежних слез.

Лунный луч, лаская розы, жемчуг серебрит,
Лунный свет обходит кругом мрамор старых плит.

Что́ ты видишь, что́ ты помнишь в непробудном сне?
Тени темные всё ниже клонятся ко мне.

Я пришел к тебе в гробницу через черный сад,
У дверей меня лемуры злобно сторожат.

Знаю, знаю, мне недолго быть вдвоем с тобой!
Лунный свет свершает мерно путь свой круговой.

Ты — недвижна, ты — прекрасна в миртовом венце.
Я целую свет небесный на твоём лице!

1905

ДВА ГОЛОСА

П е р в ы й

Где ты? где ты, милый?
Наклонись ко мне.
Призрак темнокрылый
Мне грозил во сне.

Я была безвольна
В сумраке без дня...
Сердце билось больно...

Д р у г о й

Кто зовет меня?

П е р в ы й

Ты зачем далеко?
Темный воздух пуст.
Губы одиноко
Ищут милых уст.
Почему на ложе
Нет тебя со мной?
Где ты? кто ты? кто же?

Д р у г о й

В склепе я — с тобой!

П е р в ы й

Саваном одеты
Руки, плечи, — прочь!
Милый, светлый, где ты?
Нас венчает ночь.
Жажду повторять я
Милые слова.
Где ж твои объятья?

Д р у г о й

Разве ты жива?

П е р в ы й

И сквозь тьму немую
Вижу — близко ты.
Наклонясь, целую
Милые черты.
Иль во тьме забыл ты
Про любовь свою?
Любишь, как любил ты?

Д р у г о й

Понял. Мы — в раю.

1905

ИЗ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ

Астарта! Астарта! и ты посмеялась,
В аду нас отметила знаком своим,
И ужасы пыток забылись как малость,
И радость надежд расklubилась как дым.

Одно нам осталось — сближаться, сливаться,
Слипаться устами, как гроздьям висеть,
К святыням касаться рукой святотатца,
Вплестись всем телом в Гефестову сеть.

Дай бледные руки, где язвы распяты!
Дай бедную грудь, где вонзалось копьё!
Края плащаницы хочу целовать я,
Из гроба восставшее тело твоё!

Царица желаний, изведшая души
Из бездны Иркаллы на пламенный свет!
Тебе, необорной, мы детски послушны:
И ложе — как храм, и любовь — как обет!

Астарте небесной, предвестнице утра,
Над нами сияющей почью и днем,
Я — жрец темноглазый, с сестрой темнокудрой,
И ночью и днем воспеваю псалом.

28—30 июля 1905
Антоновка

МАРГЕРИТ

Ты — как камень самоцветный,
Ты — как жемчуг маргерит:
Тайный пламень, чуть заметный,
В глубине его горит.

Я — как уголь: жгучим горном
Пережженный, я погас,—
Но таится в угле черном
Ослепительный алмаз.

Года круг велик и долог,
В круге целый мир сокрыт:
И включил священный Пролог
Книгу тайны — Маргерит.

Книгу ль тайн не облечете
В пышный бархат и атлас?
Пусть блестит на переплете
В ясном золоте алмаз!

Выпал жребий предреженный:
Уголь — я, ты — маргерит.
Но мой лик преображенный
Пред твоей душой горит!

1905

Мгновения

Но есть сильней очарованье...

Ф. Тютчев

* * *

Костра расторгнутая сила
Двух тел сожгла одну мечту,
И влага страсти погасила
Последних углей красноту.

И опаленны и бессильны
В объятьях тщетно мы дрожим:
Былое пламя — прах могильный,
Над нами расточенный дым.

Но знаю; искра тлеет где-то,
Как феникс воскресает страсть,—
И в новый вихрь огня и света
Нам будет сладостно упасть!

23 марта 1904

* * *

Серафимов вереницы
Наше ложе окружили.
Веют в пламенные лица
Тихим холодом воскрылий.

Серафимы полукругом
Наклонились к изголовью;
Внемлем с радостным испугом
Неземному славословью.

Реют лики светлым дымом,
И крылами гасят свечи,
И кропят дождем незримым
Наши огненные плечи.

1905

* * *

Когда мы бывали
Томительно сцеплены
(Губы, и руки,
И груди, и плечи),
Изнемогая
В сладостной муке, —
Кем-то затеплены,
Строгие свечи —
Отсветы рая —
В небе мерцали
Перед иконами,
Ангелы пели
Гимны хвалений
За небосклонами,
И нежились тени,
Как в девичей постели,
Над полями зелеными.

1905

* * *

Дай устам моим приникнуть
К влажно дышащим устам,
Чтоб в молчаньи мог возникнуть
Мой заветный, тайный храм.

Снова сходы, переходы,
Лестниц узкие винты,
В полутьме лепечут воды,
Веют пряные цветы.

Дальше! дальше! в те покои,
Где во мраке слепнет взор.
Чу! как пенье неземное,
Вдалеке девичий хор.

Девы! девы! громче киньте
Через сумрак вещей зов!
Я теряюсь в лабиринте
Переходов и шагов.

Жажду света, жажду встречи
Пред огнями алтаря.
Вот вдали мелькнули свечи,
Словно ранняя заря.

Тороплюсь, спешу к подножью
Царских врат... упал, немой...
С легким стоном, с тихой дрожью
Ты поникла надо мной.

1905

ИЗ ПЕСЕН МАЛЬДУНА

Верные челны, причальте
К этим унылым теснинам.
Здесь, на холодном базальте,
Черную ночь провести нам!

Ах! вам все снятся магнолий
Купы над синим заливом,—
Время блаженной неволи,
Жизнь в упоении ленивом.

Ах! вам все помнится, братья,
Очи подруг долгожданных,
Их огневые объятья,
Тайны ночей бездыханных!

Полно! изведано счастье!
Кубок пустой опрокинут.
Слаще, чем дрожь сладострастья,
Вольные волны нас ринут.

Кормы, качаясь на влаге,
Манят нас к Новому Свету,
Мы по природе — бродяги,
Мы — моряки по обету!

Спите же сном беззаботным,
Здесь, где я посох свой бросил:
Завтра, чуть утро блеснет нам,
Снова мы сядем у весел!

10—12 июля 1905

ПРОЩАНИЕ

Вот и ты, печальная, отчалила
От моих безмолвных берегов.
Солнце бледный твой веночек ужалило,
Солнце воды окропило золотом,
Дали синие — перед тобой как зов.

Я один теперь под сводом каменным,
Я один среди померкших скал.
Что ж! Пойду в пещеру к вершам молотам,
Их вносить над горном жгуче-пламенным,
Опускать их на пылающий металл.

Гулок стук. Со мной лишь гномы пленные,
Злобные пособники мои,
Да мои видения мгновенные,
Да в мечтах последних — волны пенные,
Рассеченные движением ладьи.

12 апреля 1904

Повседневность

Бродя по думам и влачась по дням.

Tertia Vigilia

ВСТРЕЧА

Ô toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais!

Ch. Baudelaire («A une passante») ¹

О, эти встречи мимолетные
На гулких улицах столиц!
О, эти взоры безотчетные,
Беседа беглая ресниц!

На зыби яростной мгновенного
Мы двое — у одной черты;
Безмолвный крик желанья пленного:
«Ты кто, скажи?» — Ответ: «Кто ты?»

И взором прошлое рассказано,
И брошен зов ей: «Будь моей!»
И вот она обетом связана...
Но миг прошел, и мы не с ней.

Далеко, там, в толпе, скользит она,
Уже с другим ее мечта...
Но разве страсть не вся испытана,
Не вся любовь пережита!

29 сентября 1904

¹ О ты, которую я мог бы полюбить, о ты, которая это знала! — Ш. Бодлер, «Прошедшей мимо» (франц.).

НА УЛИЦЕ

На людной улице, безумной и мятежной,
Мы встретились на миг.
Знакомый взор с какой-то грустью нежной
В меня проник.

И мы вдвоем над зеркалом покатым
Дрожали не дыша.
В нем отражалась призраком крылатым
Твоя душа.

А я бескрылой, падающей тенью
Был рядом повторен.
Как будто звал к последнему паденью
Отвесный склон.

И я ступил ногой за край открытый...
Но мимо ты прошла.
И встретил шаг лишь каменные плиты
Взамен стекла.

11 января 1904

В ПУБЛИЧНОМ ДОМЕ

Ходят и дерзко поводят плечами,
Камнями, тканями, телом блестя,
Бедрами, шелком шурша, шелестя...

«Что же, дитя, ты стоишь как во храме?
Очи опущены, шея закрыта...
Кто ты, дитя?»

— «Я — Афродита!»

«Пенорожденная! Анддиомена!
К жертвам привыкшая Эроса мать,
Здесь, где властители — купля и мена,
Что тебе медлить? чего тебе ждать?»

«Всюду я, где трепет страстный
Своевольно зыблет грудь.
Вы бессильны, вы не властны
Тайну страсти обмануть!

Лгите зовом поцелуя,
О любви ведите торг,—
В миг последний, торжествуя,
Опьянит глаза восторг!

Все признанья, ласки, клятвы,
Ревность, близость — лишь тропа,
Где иду я к полю жатвы
С яркой молнией серпа.

В тишине альковов брачных
И в веселье грешных лож
Желтизну колосьев злачных
Узнает равно мой нож.

Здесь иль нет, пришлец случайный,
Ниц ты склонишься челом —
Пред моей предвечной тайной,
Под моим святым серпом!»

1905

В РЕСТОРАНЕ

Горите белыми огнями,
Теснины улиц! Двери в ад,
Сверкайте пламенем пред нами,
Чтоб не блуждать нам наугад!

Как лица женщин в синем свете
Обнажены, углублены!
Взметаите яростные плети
Над всеми, дети Сатаны!

Хрусталь горит. Вино играет.
В нем солнца луч освобожден.
Напев ли вальса замирает
Иль отдаленный сонный стон?

Ты вновь со мной! ты — та же! та же!
Дай повторять слова любви...
Хохочут дьяволы на страже,
И алебарды их — в крови.

Звени огнем, — стакан к стакану!
Смотри из пытки на меня!
— Плыет, плывет по ресторану
Синь воскресающего дня.

1905

КАМЕНЩИК

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной.
Горе тем, кто свеж и молод
Здесь, в тюрьме земной!

Нам дана любовь — как цепи,
И нужда — как плеть...
Кто уйдет в пустые степи
Вольно умереть!

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной...
Камень молотом расколот,
Длится труд дневной.

Камни бьем, чтоб жить на свете,
И живем, — чтоб бить...
Горе тем, кто ныне дети,
Тем, кто должен быть!

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной...
Распахнет ли смертный холод
Двери в мир иной!

Декабрь 1903

В ИГОРНОМ ДОМЕ

(*Chemin de fer*)¹

«Кто они, скажи мне, птица,
Те двенадцать вокруг стола?
Как на их земные лица
Тень иного налегла?»

«Это я в узорной башне
Заточила души их,
Их сознаний звук всегдашний
Сочетала в звонкий стих.

Это я дала червонцам
Тусклый блеск, холодный яд.
И подсолнечники к солнцам
Обращенные стоят.

Я язык дала их знакам,
Их речам бессвязным смысл,
Им дала упиться мраком
Тайных символов и числ.

Я — мечта, но лишь качну я
Черно-синее крыло,
След святого поцелуя —
Тень им ляжет на чело.

Непостижна и незрима,
Я храню сомкнутый круг.
Не иди, безумец, мимо,
Будь со мной и будь мне друг!»

И, дрожа крылами, птица
Взором верных обвела,
И покрылись тенью лица,
Все двенадцать вокруг стола.

Октябрь 1903

¹ Буквально: железная дорога (*франц.*); здесь: название карточной игры.

В ВАГОНЕ

В ее глаза зеленые
Взглянул я в первый раз,
В ее глаза зеленые,
Когда наш свет погас.

Два спутника случайные,
В молчаньи, без огней,
Два спутника случайные,
Мы стали близки с ней.

Дрожал вагон размеренно,
Летел своим путем,
Дрожал вагон размеренно,
Качая нас вдвоем.

И было здесь влияние
Качания и тьмы,
И было здесь влияние,
В котором никли мы.

И чьи-то губы близились
Во тьме к другим губам,
И чьи-то губы близились...
Иль это снилось нам?

В ее глаза зеленые
Взглянул я в первый раз,
В ее глаза зеленые,
Когда в них свет погас.

12—13 июня 1904, 1905

КРЫСОЛОВ

Я на дудочке играю,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочке играю,
Чьи-то души веселя.

Я иду вдоль тихой речки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлют тихие овечки,
Кротко зыблются поля.

Спите, овцы и барашки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
За лугами красной кашки
Стройно встали тополя.

Малый домик там таится,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Милой девушке приснится,
Что ей душу отдал я.

И на нежный зов свирели,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Выйдет словно к светлой цели
Через сад, через поля.

И в лесу под дубом темным,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Будет ждать в бреду истомном,
В час, когда уснет земля.

Встречу гостью дорогую,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Вплоть до утра зацелую,
Сердце лаской утоля.

И, сменившись с ней колечком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
В сад, где стройны тополя.

18 декабря 1904

ПОСЛЕ НИРА

Мы с дрожью страсти и печали,
Едва над морем рассвело,
Ей чресла розами венчали
И гиацинтами чело.

На теле розовом и белом
Как кровь горели капли роз,
Одни мы были в мире целом,
И храмом стал нагой утес.

Жрецы ночей и наслаждений,
Мы перед вечной Красотой
Склонили радостно колени,
Воспев невольню гимн святой.

По там внизу, когда тумана
Раздвинулся густой покров,
Открылись вышедшие рано
На ловлю лодки рыбаков.

И, отзвук песни их убогой
На высоте слышав вдруг,
Она, объятая тревогой,
Разорвала наш тесный круг.

И солнце, беспощадным ликом,
Взглянув, огнем зажгло волну,
И, шаг ступив, с победным криком
Она низверглась в глубину.

Февраль 1904, ноябрь 1905

ГРЕБЦЫ ТРИРЕМЫ

Тесно во мгле мы сидим,
Люди, над ярусом ярус.
Зыблются ветром живым
Где-то и стяги и парус!

В узкие окна закат
Красного золота бросил.
Выступил сумрачный ряд
Тел, наклоненных у весел.

Цепи жестоки. Навек
К месту прикованы все мы.
Где теперь радостный бег
Нами влекомой триремы?

Режем ли медленный Нил,
Месим ли фризскую тину?
Или нас Рок возвратил
К белому мысу Пахину?

Песню нам, что ли, начать?
Но не расслышат и жалоб
Те, кто достойны дышать
Морем с разубранных палуб!

Кто там? Нагая ль жена
Дремлет на шкуре пантеры?
Чу! это песня слышна
В честь венценосной гетеры.

Или то Цезарь-певец
Лирой тревожит Тритона,
Славя свой вечный венец,
Славя величие трона?

Нет! то военных рожков
Вызов, готовящий к бою!
Я для друзей иль врагов
Волны упругие рою?

Эх, что мечтать! все равно —
Цезаря влечь иль пирата!
Тускло струится в окно
Отблеск последний заката.

Быстро со мглой гробовой
Снова сливаемся все мы,
Мча на неведомый бой
Бег быструлетной триремы.

1904

К ОЛИМПИЙЦАМ

Все как было, все как вечно.
Победил и побежден!
Рассечен дорогой млечной
Бесконечный небосклон.

Миллионы, миллионы
Нескончаемых веков
Возносили в бездну стоны
Оскорбляемых миров.

Все — обман, все дышит ложью,
В каждом зеркале двойник,
Выполняя волю божью,
Кажет вывернутый лик.

Все победы — унижение,
Все восторги — боль и стыд.
Победитель на мгновение,
Я своим мечом убит!

На снегу нетленно-белом
Я простерт. Струится кровь...
За моим земным пределом,
Может быть, сильна любовь!

Здесь же, долу, во вселенной —
Лишь обманность всех путей,
Здесь правдив лишь смех надменный
Твой, о брат мой Прометей!

Олимпиец! бурей снежной
Замети мой буйный прах, —
Но зажжен огонь мятежный
Навсегда в твоих рабах!

15—16 декабря 1904

Современность

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.

Ф. Тютчев

КИНЖАЛ

Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок...

М. Лермонтов

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века, загадочно былые.

Как ненавижу я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я — отзыв вам кричу, я — песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной стали,
И снова я с людьми, — затем, что я поэт.
Затем, что молнии сверкали.

1903

К ТИХОМУ ОКЕАНУ

Снилось ты нам с наших первых веков
Где-то за высью чужих плоскогорий,
В свете и в пеньи полдневных валов,
Южное море.

Топкая тундра, тугая тайга,
Страны шаманов и призраков бледных
Гордым грозили, закрыв берега
Вод заповедных.

Но нам вожатым был голос мечты!
Зовом звучали в веках ее клики!
Шли мы, слепые, и вскрылся нам ты,
Тихий! Великий!

Чаша безмерная вод! дай припасть
К блещущей влаге устами и взором,
Дай утолить нашу старую страсть
Полным простором!

Вот чего ждали мы, дети степей!
Вот она, сродная сердцу стихия!
Чудо свершилось: на грани своей
Стала Россия.

Брат Океан! ты — как мы! дай обнять
Братскую грудь среди вражеских станов.
Кто, дерзновенный, захочет разъять
Двух великанов?

27 января 1904

ВОЙНА

На камнях скал, под ропот бора
Предвечной Силой рождена,
Ты — дочь губящего Раздора,
Дитя нежданное, Война.

И в круг зверей, во мглу пещеры
Тебя швырнула в гневѣ мать,
И с детства ты к сосцам пантеры
Привыкла жадно припадать.

Ты мощью в мать, хотя суровой,
По сердцу ты близка с отцом,
И не людскую жажду крови
Всосала вместе с молоком.

Как высшій судія, всевластно
Проходишь ты тропой веков,
И кровь блестит полоской красной
На жемчугах твоих зубов.

Ты золотую чашу «право»,
Отцовскій дар, бросаешь в мир,
Чтоб усладить струей кровавой,
Под гулы битв, свой страшный пир.

И за тобой, дружиной верной,
Спеша, с знаменами в руках,
Все повторяют крик пантерный,
Тобой подслушанный в лесах.

1904—1905

НА НОВЫЙ 1905 ГОД

И вот в железной колыбели,
В громах, родится новый год.

Ф. Тютчев (1856)

Весь год прошел как сон кровавый,
Как глухо душащій кошмар,
На облаках, как отблеск лавы,
Грядущих дней горит пожар.

Как исполин в ночном тумане
Встал новый год, суров и слеп,
Он держит в беспощадной длани
Весы таинственных судеб.

Качнулись роковые чаши,
При свете молний взнесены:
Там жребии врага и наши,
Знамена тяжкие войны.

Молчи и никни, ум надменный!
Се — высшей истины пора!
Пред миром на доске вселенной
Веков азартная игра.

И в упоении и в страхе
Мы, современники, следим,
Как вьется кость, в крови и прахе,
Чтоб выпасть знаком роковым.

Декабрь 1904

К СОГРАЖДАНМ

Борьба не тихнет. В каждом доме
Стоит кровавая мечта,
И ждем мы в тягостной истоме
Столбцов газетного листа.

В глухих степях, под небом хмурым,
Тревожный дух наш опочил,
Где над Мукденом, над Артуром
Парит бессменно Азраил.

Теперь не время буйным спорам,
Как и веселым звонам струн.
Вы, ликторы, закройте форум!
Молчи, неистовый трибун!

Когда падут крутые Веи
И встанет Рим как властелин,
Пускай опять идут плебеи
На свой священный Авентин!

Но в час сражений, в ратном строе,
Все — с грудью грудь! и тот не прав,
Кто назначенье мировое
Продать способен, как Исав!

Пусть помнят все, что ряд столетий
России ведать суждено,
Что мы пред ними — только дети,
Что наше время — лишь звено!

Декабрь 1904

ЦУСИМА

Великолепная могила!
Пушкин

Где море, сжатое скалами,
Рекой торжественной течет,
Под знойно-южными волнами,
Изнеможен, почил наш флот.

Как стая птиц над океаном,
За ним тоскующей мечтой
По странным водам, дивным странам
Стрёмились мы к мете одной.

И в день, когда в огне и буре
Он, неповинный, шел ко дну,
Мы в бездну канули с лазури,
Мы пили смертную волну.

И мы, как он, лежим, бессильны,
Высь — недоступно далека,
И мчит над нами груз обильный,
Как прежде, южная река.

И только слезы, только горе,
Толпой рыдающих наяд,
На стрелах солнца сходят в море,
Где наши остовы лежат.

Да вместе призрак величавый,
Россия горестная, твой
Рыдает над погибшей славой
Своей затеи роковой!

И снова все в веках, далеко,
Что было близким наконец,—
И скипетр Дальнего Востока,
И Рима Третьего венец!

10 августа 1905

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Они кричат: за нами право!
Они клянут: ты бунтовщик,
Ты поднял стяг войны кровавой,
На брата брата ты воздвиг!

Но вы, что сделали вы с Римом,
Вы, консулы, и ты, сенат!
О вашем гнете нестерпимом
И камни улиц говорят!

Вы мне твердите о народе,
Зовете охранять покой,
Когда при вас Милон и Клодий
На площадях вступают в бой!

Вы мне кричите, что не смею
С сенатской волей спорить я,
Вы, Рим предавшие Помпею
Во власть секиры и копья!

Хотя б прикрыли гроб законов
Вы лаврами далеких стран!
Но что же! Римских легионов
Значки — во храмах у парфян!

Давно вас ждут в родном Эребе!
Вы — выродки былых времен!
Довольно споров. Брошен жребий.
Плыви, мой конь, чрез Рубикон!

Август 1905

ОДНОМУ ИЗ БРАТЬЕВ

Свой суд холодный и враждебный
Ты произнес, но ты не прав!
Мой стихи — сосуд волшебный
В тиши отстоянных отрав!

Стремлюсь, как ты, к земному раю
Я, под безмерностью небес:
Как ты, на всех запястьях знаю
Следы невидимых желез.

Но, узник, ты схватил секиру,
Ты рубишь твердый камень стен,
А я, таясь, готовлю миру
Яд, где огонь запечатлен.

Он входит в кровь, он входит в душу,
Преображает явь и сон...
Так! я незримо стены рушу,
В которых дух наш заточен.

Чтоб в день, когда мы сбросим цепи
С покорных рук, с усталых ног,
Мечтам открылись бы все степи
И волям — дали всех дорог.

15—16 июля, 20 августа 1905

ЗНАКОМАЯ ПЕСНЬ

Эта песнь душе знакома,
Слушал я ее в веках.
Эта песнь — как говор грома
Над равниной, в облаках.

Пел ее в свой день Гармодий,
Повторил суровый Брут,
В каждом призванном народе
Те же звуки оживут.

Это — колокол вселенной
С языком из серебра,
Что качают миг мгновенный
Робеспьеры и Марá.

Пусть ударят неумело:
В чистой меди тот же звон!
И над нами загудела
Песнь торжественных времен.

Я, быть может, богомольней,
Чем другие, внемлю ей,
Не хваля на колокольне
Неискусных звонарей.

16 августа 1905
Антоновка

ЦЕПИ

Их цепи лаврами обвил.
Пушкин

Да! цепи могут быть прекрасны,
Но если лаврами обвиты.
А вы трусливы, вы безгласны,
В уступках ищите защиты.

Когда б с отчаяньем суровым
В борьбе пошли вы до предела,
Я мог венчать вас лавром новым,
Я мог воспеть вас в песне смелой.

Когда бы, став лицом к измене,
Вы, как мужчины, гордо пали,
Быть может, в буре вдохновенней
Я сплел бы вам венец печали!

Но вы безвольны, вы бесполы,
Вы скрылись за своим затвором.
Так слушайте напев веселый.
Поэт венчает вас позором.

Август 1905

ПАЛОМНИКАМ СВОБОДЫ

Свои торжественные своды
Из-за ограды вековой
Вздыхал к простору Храм Свободы,
Затерянный в тайге глухой.

Сюда, предчувствием томимы,
К угрюмо запертым дверям,
Сходились часто пилигримы
Возжечь усердно фимиам.

И, плача у заветной двери,
Не смея прикоснуться к ней,
Вновь уходили,— той же вере
Учить, как тайне, сыновей.

И с гулом рухнули затворы,
И дрогнула стена кругом,
И вот уже горят, как взоры,
Все окна храма торжеством.

Так что ж, с испугом и укором,
Паломники иных времен
Глядят, как зарево над бором
Весь заливают небосклон.

1905

УЛИЧНЫЙ МИТИНГ

Кто председатель? кто вожатый?
Не ты ли, Гордый Дух, с мечом,
Как черный нетопырь — крылатый,
Но ликом сходный с божеством?

Не ты ль подсказываешь крики
И озлобления и вражды,
И шепчешь, хохоча, улики,
И намечаешь жертв ряды?

Не ты ли в миг последний взглянешь
В лицо всем — яростным лицом —
И в руки факелы протянешь
С неумирающим огнем?

И вспыхнут заревом багряным
На вечном небе облака,
И озарятся за туманом
Еще не вставшие века.

Ты в пламени и клубях дыма
Отпляшешь танец страшный свой,
Как ныне властвуя незримо
Над торжествующей толпой.

Да, ты пройдешь жестокой карой,
Но из наставшей темноты,
Из пепла общего пожара
Воздвигнешь новый мир — не ты!

22 октября 1905

ЛИК МЕДУЗЫ

Лик Медузы, лик грозящий,
Встал над далью темных дней,
Взор — кровавый, взор — горящий,
Волоса — сплетенья змей.

Это — хаос. В хаос черный
Нас влечет, как в срыв, стезя.
Спорим мы иль мы покорны,
Нам сойти с пути нельзя!

В эти дни огня и крови,
Что сольются в дикий бред,
Крик проклятий, крик злословий
Заклеймит тебя, поэт!

Но при заревах, у плахи,
На руинах всех святынь,
Славь тяжелых ломов взмахи,
Лиры гордой не покинь.

Ты, кто пел беспечность смеха
И святой покой могил,
Ты от века — в мире эхо
Всех живых, всех мощных сил.

Мир заветный, мир прекрасный
Сгибнет в бездне роковой.
Быть напевом бури властной —
Вот желанный жребий твой.

С громом близок голос музыки,
Древний хаос дружен с ней.
Здравствуй, здравствуй, лик Медузы,
Там, над далью темных дней.

Сентябрь 1905

ДОВОЛЬНЫМ

Мне стыдно ваших поздравлений,
Мне страшно ваших гордых слов!
Довольно было унижений
Пред ликом будущих веков!

Довольство ваше — радость стада,
Нашедшего клочок травы.
Быть сытым — больше вам не надо,
Есть жвачка — и блаженны вы!

Прекрасен, в мощи грозной власти,
Восточный царь Ассаргадон,
И океан пародной страсти,
В щепы дробящий утлый трон!

Но ненавистны полумеры,
Не море, а глухой канал,
Не молния, а полдень серый,
Не агора, а общий зал.

На этих всех, довольных малым,
Вы, дети пламенного дня,
Восстаньте смерчем, смертным шквалом,
Крушите жизнь — и с ней меня!

18 октября 1905

ГРЯДУЩИЕ ГУННЫ

Топчи их рай, Аттила.
Вяч. Иванов

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.

На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Вскослите веселое поле
На месте тронного зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме,—
Вы во всем неповинны, как дети!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

И что, под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений,
Сохранил играющий Случай
Из наших заветных творений?

Бесследно все сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Осень 1904
30 июля— 10 августа 1905

К СЧАСТЛИВЫМ

Свершатся сроки: загорится век,
Чей луч блестит на быстрине столетий,
И твердо станет вольный человек
Пред ликом неба на своей планете.

Единый Город скроет шар земной,
Как в чешую, в сверкающие стекла,
Чтоб вечно жить ласкательной весной,
Чтоб листьев зелень осенью не блекла;

Чтоб не было рассветов и ночей,
Но чистый свет, без облаков, без тени;
Чтоб не был мир ни твой, ни мой, ничей,
Но общий дар идущих поколений.

Цари стихий, владыки естества,
Последыши и баловни природы,
Начнут свершать, в веселье торжества,
Как вечный пир, ликующие годы.

Свобода, братство, равенство, все то,
О чем томимся мы, почти без веры,
К чему из нас не припадет никто,—
Те вкусят смело, полностью, сверх меры.

Разоблаченных тайн святой родник
Их упоит в бессонной жажде знания,
И Красоты осуществленный лик
Насытит их предельные желанья.

И ляжем мы в веках как перегной,
Мы все, кто ищет, верит, страстно дышит,
И этот гимн, в былом пропетый мной,
Я знаю, мир грядущий не услышит.

Мы станем сказкой, бредом, беглым сном,
Порой встающим тягостным кошмаром.
Они придут, как мы еще идем,
За все заплатят им,— мы гибнем даром.

Но что ж! Пусть так! Клони меня, Судьба!
Дышать грядущим гордая улада!
И есть иль нет дороги сквозь гроба,
Я был! я есмь! мне вечности не надо!

1904. Август 1905

ФОНАРИКИ

Столетия — фонарики! о, сколько вас во тьме,
На прочной нити времени, протянутой в уме!
Огни многообразные, вы тешите мой взгляд...
То яркие, то тусклые фонарики горят.
Сверкают, разноцветные, в причудливом саду,
В котором, очарованный, и я теперь иду.
Вот пламенники красные — подряд по десяти.
Ассирия! Ассирия! мне мимо не пройти!
Хочу полюбоваться я на твой багряный свет:
Цветы в крови, трава в крови, и в небе красный след.
А вот гирлянда желтая квадратных фонарей.
Египет! сила странная в неяркости твоей!
Пронизывает глуби все твой беспощадный луч,
И тянется властительно с земли до хмурых туч.
Но что горит высоко там и что слепит мой взор?
Над озером, о Индия, застыл твой метеор.
Взнесенный, неподвижен он, в пространствах —
брат звезде,
Но пляшут отражения, как змеи, по воде.
Широкая, свободная, аллея вдаль влечет,
Простым, но ясным светочем украшен строгий вход.
Тебя ли не признаю я, святой Периклов век!
Ты ясностью, прекрасностью победно мрак рассек!
Вхожу: все блеском залито, все сны воплощены,
Все краски, все сверкания, все тени сплетены!
О Рим, свет ослепительный одиннадцати чаш:
Ты — белый, торжествующий, ты нам родной, ты наш!
Век Данте — блеск таинственный, зловеще золотой...
Лазурное сияние, о Леонардо, — твой!..
Большая лампа Лютера — луч, устремленный вниз...
Две маленькие звездочки, век суетных маркиз...
Сноп молний — Революция! За ним громадный шар,
О ты! век девятнадцатый, беспламенный пожар!

И вот стою ослепший я, мне дальше нет дорог,
А сумрак отдаления торжественен и строг.
К сырой земле лицом припав, я лишь могу глядеть,
Как вьется, как сплетается огней мелькнувших сеть.
Но вам молюсь, безвестные! еще в ночной тени
Сокрытые, не жившие, грядущие огни!

1904

Лирические поэмы

СЛАВА ТОЛПЕ

В пропасти улиц закинуты,
Городом взятые в плен,
Что мы мечтаем о Солнце потерянном!
Области Солнца задвинуты
Плитами комнатных стен.
В свете искусственном,
Четком, умеренном,
Взоры от красок отучены,
Им ли в расплавленном золоте зорь потонуть!
Гулом сопутственным,
Лязгом железным
Празднует город наш медленный путь.
К безднам все глубже уводят излучины...
Нам к небесам, огнезарным и звездным,
Не досягнуть!

Здравствуй же, Город, всегда озабоченный,
В свете искусственном,
В царственной смене сверканий и тьмы!
Сладко да будет нам в сумраке чувственном
Этой всемирной тюрьмы!
Окна кругом заколочены,
Двери давно замуравлены,
Сабли у стражи отточены,—
Сабли, вкусившие крови,—
Все мы — в цепях!
Слушайте ж песнь храмовых славословий,

Вечно живет, как кумир, нам поставленный,—
Каменный прах!

Славлю я толпы людские,
Самодержавных колодников,
Славлю дворцы золотые разврата,
Славлю стеклянные башни газет.
Славлю я лики благие
Избранных веком угодников
(Черни признание — бесценная плата,
Дара поэту достойнее нет!).
Славлю я радости улицы длинной,
Где с дерзостным взором и мерзостным хохотом
Предлагают блудницы
Любовь,
Где с ропотом, топотом, грохотом
Движутся лиц вереницы,
Вновь
Странно задеты тоской изумрудной
Первых теней,—
И летят экипажи, как строй безрассудный,
Мимо зеркальных сияний,
Мимо рук, что хотят подаваний,
К ликующим вывескам наглых огней!

Но славлю и день ослепительный
(В тысячах дней неизбежный),
Когда, среди крови, пожара и дыма,
Неумолимо
Толпа возвышает свой голос мятежный,
Властительный,
В безумии пьяных веселий
Все прошлое топчет во прахе,
Играет, со смехом, в кровавые плахи,
Но, словно влекома таинственным гением
(Как река свои воды к простору несущая),
С неуклонным прозрением,
Стремится к торжественной цели,
И, требуя царственной доли,
Глуха и слепа,
Открывает дорогу в столетья грядущие!

Славлю я правду твоих своеволий,
Толпа!

1904

ДУХИ ОГНЯ

Потоком широким тянулся асфальт.
Как горящие головы темных повешенных,
Фонари в высоте, не мигая, горели.
Делали двойственным мир зеркальные окна.
Бедные дети земли
Навстречу мне шли,
Города дети и ночи
(Тени скорбей неутешенных,
Ткани безвестной волокна!):
Чета бульварных камелий,
Франт в распахнутом пальто,
Запоздалый рабочий,
Старикашка хромающий, юноша пьяный...

Звезды смотрели на мир, проникая туманы,
Но звезд — в электрическом свете — не видел никто.

Потоком широким тянулся асфальт.
Шаг за шагом падал я в бездны,
В хаос предсветно-дозвездный.
Я видел кипящий базальт,
В озерах стоящий порфир,
Ручьи раскаленного золота,
И рушились ливни на пламенный мир,
И снова взносились густыми клубами, как пар,
Изорванный молниями в клочья.
И слышались громы: на огненный шар,
Дрожавший до тайн своего средоточья,
Ложились удары незримого молота.

В этом горниле вселенной,
В этом смешении всех сил и веществ,
Я чувствовал жизнь иступленных существ,
Дыхание воли нетленной.
О, мои старшие братья,
Первенцы этой планеты,
Духи огня!
Моей душе раскройте объятья,
В свои предчувствия — светы,
В свои желанья — пожары —
Примите меня!

Дайте дышать ненасытностью вашей,
Дайте низвергнуться в вихрь, непрерывный и ярый,
Ваших безмерных трудов и безумных забав!
Дайте припасть мне к сверкающей чаше
Вас опьянявших отрав!
Вы,— от земли к облакам простирившие члены,
Вы, кого зыблил всегда огнеструйный самум,
Водопад катастроф,—
Дайте причастным мне быть неустанной измены,
Дайте мне ваших грохочущих дум,
Молнийных слов!

Я буду соратником ваших космических споров,
Стихийных сражений,
Колебавших наш мир на его непреложной орбите!
Я голосом стану торжественных хоров,
Славящих творчество бога и благодать грядущих
событий,
В оркестре домирном я стану поющей струной!
Изведаю с вами костры наслаждений,
На огненном ложе,
В объятьях расплавленной стали,
У пылающей пламенем груди,
Касаясь устами сжигающих уст!
Я былинка в вулкане,— так что же!
Вы — духи, мы — люди,
Но земля нас сроднила единством блаженств и печалей,
Без нас, как без вас, этот шар бездыханен и пуст!

Потоком широким тянулся асфальт.
Фонари, не мигая, горели,
Как горящие головы темных повешенных.
Бедные дети земли
Навстречу мне шли
(Тени скорбей неутешенных!):
Чета бульварных камелий,
Запоздалый рабочий,
Старикашка хромающий, юноша пьяный,—
Города дети и ночи...
Звезды смотрели на мир, проницая туманы.

19 февраля 1904, 1905

В СКВЕРЕ

(*Erlkönig*)¹

— Что ты здесь медлишь в померкшей короне,
Рыжая рысь?
Сириус ярче горит на уклоне,
Открытой высь.
Таинства утра свершает во храме,
Пред алтарем, новоявленный день.
Первые дымы встают над домами,
Первые шорохи зыблют рассветную тень,
Миг — и знамена кровавого цвета
Кинет по ветру, воспрянув, Восток.
Миг — и потребует властно ответа
Зов на сражение — фабричный гудок.
Улицы жаждут толпы, как голодные звери,
Миг — и желанья насытят они до конца...
Что же ты медлишь в бледнеющем сквере,
Царь — в потускневших лучах золотого венца?

Рысь

Да, я — царь! ты — сын столицы,
Раб каменье, раб толпы,
Но меня в твои границы
Привели мои тропы.

Здесь на улицах избита
Вашей поступью трава,
Здесь под плитами гранита
Грудь земная не жива.

Здесь не стонут гордо сосны,
Здесь не шепчет круг осин,
Здесь победен шум колесный
Да далекий гул машин.

Но во мгле былого века,
В годы юности моей,
Я знавал и человека
Зверем меж иных зверей.

¹ Лесной царь (*нем.*).

Вы взмятежились, отпали,
Вы, надменные, ушли
В города стекла и стали
От деревьев, от земли.

Что ж теперь, встречая годы
Беспощадного труда,
Рветесь вы к лучам свободы,
Дерзко брошенной тогда?

Там она, где нет условий,
Нет запретов, нет границ,—
В мире силы, в мире крови,
Тигров, барсов и лисиц.

Слыша крики, слыша стоны,
Вашу скорбную вражду,
В мир свободы, в мир зеленый
Я, ваш царь, давно вас жду.

Возвращайтесь в лес и в поле,
Освежить их ветром грудь.
Чтоб в родной и в дикой воле
Всей природы потонуть!

1905

КОНЬ БЛЕД

И се конь блед и сидящий на нем,
имя ему Смерть.

Откровение, VI, 8

I

Улица была — как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.
Вывески, вертясь, сверкали переменным оком,
С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и шелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,

Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле — души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.

II

И внезапно — в эту бурю, в этот адский шепот,
В этот воплотившийся в земные формы бред,
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топот,
Заглушая гулы, говор, грохоты карет.
Показался с поворота всадник огнеликий,
Конь летел стремительно и стал с огнем в глазах.
В воздухе еще дрожали — отголоски, крики,
Но мгновенье было — трепет, взоры были — страх!
Был у всадника в руках развитый длинный свиток,
Огненные буквы возвещали имя: Смерть...
Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,
В высоте над улицей вдруг разгорелась твердь.

III

И в великом ужасе, скрывая лица, — люди
То бессмысленно зывали: «Горе! с нами бог!»,
То, упав на мостовую, бились в общей груди...
Звери морды прятали, в смятении, между ног.
Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей, — в восторге бросилась к коню,
Плача целовала лошадиные копыта,
Руки простирала к огневещущему дню.
Да еще безумный, убежавший из больницы,
Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:
«Люди! Вы ль не узнаете божией десницы!
Сгибнет четверть вас — от мора, глада и меча!»

IV

Но восторг и ужас длились — краткое мгновенье.
Через миг в толпе смятенной не стоял никто:
Набежало с улиц смежных новое движенье,
Было все обычным светом ярко залито.
И никто не мог ответить, в буре многошумной,
Было ль то виденье свыше или сон пустой.
Только женщина из зал веселья да безумный
Всё стремили руки за исчезнувшей мечтой.

Но и их решительно людские волны смыли,
Как слова ненужные из позабытых строк.
Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.

Май, июль и декабрь 1903

ВСЕ НАПЕВЫ

1906—1909

ПОЭТУ

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель —
Готовность взойти на костер.

Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

В минуты любовных объятий
К бесстрастью себя приневожь,
И в час беспощадных распятий
Прославь испугленную боль.

В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: от века из терний
Поэта заветный венок.

18 декабря 1907

БЛИЗКОЙ

Как страстно ты ждала ответа!
И я тебе свой дар принес:
Свой дар святой, свой дар поэта,—
Венок из темно-красных роз.

Мои цветы благоуханны,
Горят края их лепестков,
Но знает розами венчаный
Уколы тайные шипов.

Венок вовеки не увянет.
Над тихим обликом чела,
Но каждый вечер снова ранит
Тебя сокрытая игла.

В венце, как на веселом пире,—
Ты мученица на кресте!
Но будь верна в неверном мире
Своей восторженной мечте!

Мой дар — святой, мой дар — поэта,
Тебя он выше всех вознес.
Гордись, как дивным нимбом света,
Венком из темно-красных роз!

11 января 1903

Вечеровые песни

СУМЕРКИ

Горят электричеством луны
На выгнутых длинных стеблях;
Звенят телеграфные струны
В незримых и нежных руках;

Круги циферблатов янтарных
Волшебно зажглись над толпой,
И жаждущих плит тротуарных
Коснулся прохладный покой.

Под сетью пленительно-зыбкой
Притих отуманенный сквер,
И вечер целует с улыбкой
В глаза — проходящих гетер.

Как тихие звуки клавира —
Далекie ропоты дня...
О сумерки! милостью мира
Опять упоите меня!

5 мая 1906

ФЕВРАЛЬ

Свежей и светлой прохладой
Веет в лицо мне февраль.
Новых желаний — не надо,
Прошлого счастья — не жаль.

Нежно-жемчужные дали
Чуть орумянил закат,
Как в саркофаге, печали
В сладком бесстрастии спят.

Нет, не укор, не предвестье —
Эти святые часы!
Тихо пришли в равновесье
Зыбкого сердца весы.

Миг между светом и тенью!
День меж зимой и весной!
Весь подчиняюсь движенью
Песни, плывущей со мной.

31 января 1907

У ГРОБА ДНЯ

День обессилел, и запад багряный
Гордо смежил огневые глаза.
Белы, как дым из каминов, туманы,
Строги, как свод храмовой, небеса.

Звезды мерцают, и кротки и пышны,
Как пред иконами венчики свеч.
Ветер прерывистый, ветер чуть слышный
Горестно шепчет прощальную речь.

Скорбные тени, окутаны черным,
Вышли, влекут свой задумчивый хор,
Головы клонят в молчаньи покорном,
Стелят над травами траурный флер.

С теньями вместе склоняюсь у гроба
Шумно прошедшего яркого дня.
Смолкните в сердце, восторги и злоба!
Тайна и мир, осените меня!

27 марта 1907

ВЕЧЕР СРЕДИ СНЕГОВ

Веет нежная прохлада
Наступающей зимы.
Тело свежести так радо!
Взорам белости так надо
В четкой раме полутьмы!

Над равниной ярко-снежной
Месяц в небе ворожит.
Все, как в детстве, безмятежно;
Все, как в смерти, неизбежно,
Нет желаний, нет обид.

Путь мой вьется в бесконечность
Меж полей, как мрак, пустых.
В думах милая беспечность,
И мечты ласкает встречность
Рифм знакомых и простых.

2 ноября 1907

БЫТЬ БЕЗ ЛЮДЕЙ

В лицо мне веет ветер нежащий,
На тучах алый блеск погас,
И вновь, как в верное прибежище,
Вступаю я в вечерний час.

Вот кто-то, с ласковым пристрастием,
Со всех сторон протянет тьму,
И я упьюсь недолгим счастьем:
Быть без людей, быть одному!

Май — июнь 1907

На гранитах

К ШВЕЦИИ

В этом море кто так щедро
Сев утесов разбросал,
Кто провел проливы в недра
Вековых скал?

Кто художник, словом дивным
Возрастил угрюмый бор
По извилям непрерывным
Матовых озер?

Кто в безлунной мгле столетий,
Как в родной и верный дом,
Вел народ на камни эти
Роковым путем?

Кто, под вопли вьюги снежной,
Под упорный зов зыбей,
Сохранил сурово-нежный
Говор древних дней?

В час раздумий, в час мечтаний,
В тихий отдых от забот,
В свете северных сияний,
У мятежных вод,

Кто-то создал эту сказку
Про озера и гранит
И в дали веков развязку
Вымысла таит!

Сентябрь 1906

НА МЭЛАРЕ

Нежно веет свежий ветер,
Сладко млеет светлый Мэлари,
Солнце медлит над закатом,
Озарив огнями даль,—
В небе, слабо-розоватом,
И в воде, литой как сталь.

Здравствуй, прежний, свежий ветер,
Здравствуй, новый, светлый Мэлари,
Сосны темные по склонам,
Пятна яркие листья,
И над берегом зеленым
Благость вечной синевы!

1906

СТОКГОЛЬМ

Словно над глубями зеркала
Ты из гранита возник,
В зыби стремительной Мэлари
Свой разбивая двойник.

Сын вечно женственной родины,
Весь ты в любимую мать!
Трудно ль в осанке усвоенной
Нежность души угадать!

Ты, как сосна Далекарлии,—
Строен, задумчив и прям.
Годы тебя не состарили,
Снегом скользнув по кудрям.

Витязь пленительный Севера,
Ты головой не поник!
Весело в зеркале Мэлари
Твой ускользает двойник.

29 июля 1906

НА ГРАНИТАХ

Снова долгий тихий вечер.
Снова море, снова скалы.
Снова солнце искры мечет
Над волной роскошно-алой.

И не зная, здесь я, нет ли,
Чем дышу — мечтой иль горем,—
Запад гаснет, пышно-светел,
Над безумно светлым морем.

Им не слышен — им, бесстрастным,—
Шепот страсти, ропот гнева.
Небо хочет быть прекрасным.
Море хочет быть — как небо!

Волны быстро нижут кольца.
Кольца рдяного заката...
Сердце! сердце! успокойся:
Всё — навек, всё — без возврата!

20 июля 1906

В МОРЕ

Ночью светлой, ночью белой
Любо волнам ликовать,
Извиваться влажным телом,
Косы пенные взметать;

Хороводом в плавной пляске
Парус старый обходить,
За кормой играя в прятки,
Вить серебряную нить;

И в припадках краткой грусти
(Лентой длинной сплетены)
Подставлять нагие груди
Золотым лучам луны;

А потом, дрожа от счастья,
Тихо вскрикивая вдруг,
В глубину ронять запястья
С утомленных страстью рук.

1906

УГРЮМЫЙ ЧАС

На высях дремлет бор сосновый;
Глуха холодная волна;
Закат загадочно-багровый
В воде — горит, как сон лиловый;
Угрюмость, блеск и тишина.

Над гладью вод орел усталый
Качает крыльями, спеша.
Его тревожит отблеск алый,—
И вот на сумрачные скалы
Он пал, прерывисто дыша.

Ни паруса, ни дыма! Никнет
Свет, поглощаемый волной.
Порою только чайка крикнет
И белым призраком возникнет
Над озаренной глубиной.

Июль 1906

НА ГОТЛАНДЕ

Тощий мох, кустарник чахлый,
Искривленная сосна,
Камень, сумрачный и дряхлый,
Белой пыли пелена...

Древней пылью поседели
Можжевельник и гранит.
Этот мир достиг до цели
И, как мудрый старец, спит.

А за гранями обрывов
Волн восторженный разбег,
И на камнях, вдоль заливов,
Пена, чистая, как снег.

8 июля 1906

ВИСБИ

Старый Висби! Старый Висби!
Как твоих руин попятны —
Скорбь о годах, что погибли,
Сны о были невозвратной!

Снится им бывшая слава,
В море синем город белый,
Многошумный, многоглавый,
Полный смехом, полный делом;

Снится — в гавани просторной
Флот, который в мире славен,
Паруса из Риги, Кельна,
С русских, английских окраин;

Снится звон веселый в праздник,
Звон двенадцати соборов,
Девы, всех цветков нарядней,
Площадь, шумная народом.

Жизнью новой, незнакомой
Не встревожить нам руины!
Им виденья грустной дремы
Сохранили мир старинный.

С ними те же кругозоры,
И все то же море к стенам
Стелет синие уборы
С кружевами белой пены.

Июль, сентябрь 1906

ПРИБОЙ

С шумом на белые камни
Черные волны находят,
Мерно вставая рядами,
Пенные головы клонят.

Море ночное — из дáли
Вал за валами торопит,
Белые камни — телами
Мертвых воителей кроет.

Морем упорным, полночным
Властвует дух-разрушитель.
С шумом покорным, немолчным
Волны идут на погибель.

1 июля 1906

ЭХО

Между гор грохочет эхо
Убегающего поезда.
Лунный глаз то глянет слепо,
То опять меж сосен скроется.

Сумрак тайно сблизил ветви,
Сделал скалы смутно-серыми
И внизу развесил сети
Над проливами и шхерами.

Воздвигает ангел ночи
Храм божественного зодчества,
И прохлады веет в очи
Вечной тайной одиночества.

21 июля 1906

В ШХЕРАХ

Морской залив, вошедший в сушу
Так далеко,
Твою мечтательную душу
Понять легко!

Скале недвижной и холодной
Ты весть принес,
Что есть безумье зыби водной
И буйство грез!

Но там, где сосны сонно-строги
И мягок мох,
Ты слил, без сил, свои тревоги
В единый вздох.

Приник лицом к зеленым склонам,
В истоме спишь,
И только чайки странным стоном
Тревожат тишь.

10—23 июля 1906
Nynäshamn

В поле

ВЕК ЗА ВЕКОМ

Взрывают весенние плуги
Корявую кожу земли,—
Чтоб осенью снежные выюги
Пустынный простор занесли.

Краснеет лукаво гречиха,
Синеет младенческий лен...
И снова все бело и тихо,
Лишь волки проходят, как сон.

Колеблются нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрезает им грудь бороздой.

А древние пращуры зорко
Следят за работой сынов,
Ветлой наклоняясь с пригорка,
Туманом вставая с лугов.

И дальше тропой неизбежной,
Сквозь годы и бедствий и смут,
Влечется, суровый, прилежный,
Веками завещанный труд.

Январь 1907

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Над простором позлащенным
Пестрых нив и дальних роц
Шумом робким и смущенным
Застучал весенний дождь.

Ветер гнет струи в изгибы,
Словно стебли камыша,
В небе мечутся, как рыбы,
Птицы, к пристани спеша.

Солнце смотрит и смеется,
Гребни травок золотя...
Что ж нам, людям, остается
В мире, зыбком как дитя!

С солнцем смотрим, с небом плачем,
С ветром лугом шелестим...
Что мы знаем? что мы значим?
Мы — цветы! мы — миг! мы — дым!

Над простором позлащенным
Пестрых нив и дальних роц
Шумом робким и смущенным
Прошумел весенний дождь.

13 июня 1908

АВГУСТ

И первый лист любезен падший.
Вяч. Иванов

Здравствуй, Август, венчан хмелем,
Смуглый юноша-сатир!
Мы ковры под дубом стелем,
Мы в лесу готовим пир!

Будь меж нами гость желанный
За простым лесным столом.
Груды груш благоуханны,
Чаши пенятся вином.

Заплелись багрянцы клена
В золотую ткань дубов,
Но за ними — небосклона
Синий круг без облаков.

Словно этот плод созрелый,
Лето соками полно!
Пей же с нами чашей целой
Вечно жгучее вино!

Ты, серпы точивший в поле,
Ты, поднявший первый цеп,
Славь недели полной воли,
Новый плод и новый хлеб!

Август милый! отрок смуглый!
Как, и мы, ты тоже пьян.
Свечерело. Месяц круглый
Озарил круги полян.

Мы не спорим, не ревнуем,
Припадая, как во сне,
Истомленным поцелуем
К обнажившейся спине.

1907

В ЛУГАХ

Задремал пастух понурый.
Над унылостью равнин
Тучи медленны и хмуры,
Преет мята, веет тмин.

Спит пастух и смутно слышит
Жвачку ровную коров,
А над сонным осень дышит
Чарой скошенных лугов.

Спит пастух, но в тихом стаде
Есть другой сторожевой —
В белом дедовском наряде
И с венцом над головой.

Лошадям он гривы гладит,
Жеребят собирает в круг,
И со злой овчаркой ладит,
Как хозяин и как друг.

Август 1907

Но сегодня в небе радость! Солнце льет, прощаясь,
 сладость! Солнцу — верность, Солнцу — вздох!
 В миг последний, с тем же гимном, здесь,
 в лесу гостеприимном, упаду на серый мох!

* * *

Так озари и души эти,
Двоих на мир благослови,
Чтоб озарилось в кратком свете
Глухое озеро любви!

Но кто, под месяцем лукавым,
Сбежит с откоса в тростники
По темным и росистым травам,
Бросая в воздух огоньки?

Июнь 1907

Семицветным полукругом
Ты взнеслась над влажным лугом,
Утвердив в траве края.

Мост, который в доли наши
Вел Ириду с горней чашей,
Знаю,— ты мечта моя!

Ты таилась в каплях влаги,
Словно в зыбком саркофаге,—
Луч зиждительный дробя.
Ясный взор мой, божье чудо,
Заглянув в струи,— оттуда
Вывел, яркую, тебя!

Но, как греза о нездешнем,
Ты горish над лугом вешним,
В небе, радужным венцом.
И, творец перед твореньем,
Преклонясь с благоговеньем,
Я тебе пою псалом!

Июль 1907

Мгновения

ЧАС ВОСПОМИНАНИЙ

Воспоминанье, с нежной грустью,
Меня в глаза целует. День
Струей чуть слышной льется к устью,
И на душу ложится тень.

Вновь, как моряк, носимый морем,
Всю жизнь я вижу пред собой,
С ее надеждами и горем,
С ее безумством и мечтой.

И, заслоня все другие,
Чуть зримы в жуткой тишине,
Двух женщин облики немые
Во мгле склоняются ко мне.

То с дерзкой дрожью сладострастья,
С бесстыдным отблеском в зрачках,
Манят меня виденьем счастья,
Забытого в холодных днях;

То смотрят нежно и любовно
И, не ревнуя, не кляня,
О всем погибшем плачут, словно
И обо мне, и за меня!

И снова я из бездны черной
Стремлюсь к далеким берегам,—
Но кто-то шепчет мне упорно,
Что жребий свой я выбрал сам.

.

День потонул во мгле безбрежной,
Кругом прибой грозящих струй...
Воспоминанье, с грустью нежной,
Вновь близит страшный поцелуй.

20 ноября 1908

КОТОРЫЙ РАЗ

Опять весна. Знакомый круг
Замкнут — который раз!
И снова зелен вешний луг,
В росе — вечерний час.

Смотрю — как месяц в темный пруд —
В зрачки любимых глаз,
Уста к устам, дрожа, прильнут...
Прильнут — который раз!

И будет миг, как долгий сон,
Качать, баюкать нас.
Я странно счастлив, я влюблен...
Влюблен! — который раз!

И в стройных строфах вновь мечты
Поют — который раз!
А месяц смотрит с высоты —
Веков холодный глаз.

Февраль 1907

ГРУСТНЫЙ ВЕЧЕР

Грустный сумрак, грустный ветер, шелесты в дубах.
Вспоминает вечер о далеких снах.

Ветер шепчет, шепчет грустно чье-то имя мне.
Звездам бесприютно в черной вышине.

Тот же ветер, гость осенний, все мечты унес.
В сумраке, как тени, образы берез.

Сумрак никнет, душу вяжет, вечер спит, я сплю.
В тишине кто скажет тихое: люблю!

Черен сумрак, ветер умер, умер гул в дубах.
В тишине что думать о погибших снах!

Июль 1907

СНЫ

Сны играют на просторе,
Под магической луной.

Ф. Тютчев

Спите, дети! спите, люди!
В тихой темноте,
У земной, родимой груди,
Преданы мечте!

Ваши грезы ночь уносит
В высь своей тропой.
Кроткий месяц отблеск бросит
На крылатый рой...

Что вам утро! Утром глянет
Беспощадный свет;
Утром душу снова ранит
Сталь людских клевет.

Труд и дряхлая забота
Днем вас стерегут,
Властно требуют отчета,
Произносят суд.

Днем стучат, стучат лопаты
У глухих могил,
И во глубь ваш дух крылатый
Падает без сил.

Ночь вас нежит, ночь уносит
В лучший мир мечты,
Где луна сияньем косит
Звездные цветы.

Спите, люди! спите, дети!
Грезам нет границ!
Пусть летают в лунном свете
Сны, как стаи птиц!

1908

УСТАЛОСТЬ

Не дойти мне! не дойти мне! я устал! устал! устал!
Сушь степей гостеприимней, чем уступы этих скал!

Всюду камни, только камни! мох да горная сосна!
Грудь гранита, будь мягка мне! спой мне песню, тишина!

Вот роняю посох пыльный, вот упал, в пыли простерт.
Вот лежит, как прах могильный, тот,
который был так горд.

Может быть, за серым кряжем цель моих заветных дней...
Я не встану первым стражем у Ее святых дверей!

Не склонюсь, целуя свято в храм ведущую ступень...
Злые завесы заката растянул над входом день.

Солнце канет за уступом, ночь протянет черный шелк,
И сюда за новым трупом поползет за волком волк.

Долго ль взор мой будет в силах отражать их натиск злой?
Стынет кровь в замерзших жилах!
словно факел предо мной!

Не дошел я! не свершил я подвиг свой! устал! упал!
Чу! шуршат угрюмо крылья духов мести между скал!

1907

АНГЕЛ БЛАГОГО МОЛЧАНИЯ

Молитва

Ангел благого молчания,
Властно уста загради
В час, когда силой страдания
Сердце трепещет в груди!

Ангел благого молчания,
Радостным быть помоги
В час, когда шум ликования
К небу возносят враги!

Ангел благого молчания,
Гордость в душе оживи
В час, когда пламя желания
Быстро струится в крови!

Ангел благого молчания,
Смолкнуть устам повели
В час, когда льнет обаяние
Вечно любимой земли!

Ангел благого молчания,
Душу себе покори
В час, когда брезжит сияние
Долго желанной зари!

В тихих глубинах сознания
Светят святые огни!
Ангел благого молчания,
Душу от слов охрани!

7 мая 1908

ЛИКОРН

Сонет

Столетний бор. Вечерний сумрак зелен.
Мне щеки нежит мох и мягкий дерн.
Мелькают эльфы. Гномы из расщелин
Гранита смотрят. Крадется ликорн.

Зачем мой дух не волен и не целен!
Зачем в груди пылает ярый горн!
Кто страсть мне присудил? и кем он велен,
Суровый приговор бесстрастных норн?

Свободы! Тишины! Путем знакомым
Сойти в пещеру к празднующим гномам,
Иль с дочерьми Царя Лесного петь,

Иль мирно спать со мхом, с землей, с гранитом...
Нет! голосом жестоким и несатым
Звучит во мне, считая миги, медь.

11 июля 1908

ОТРЕЧЕНИЕ

Секстина

Все кончено! Я понял безнадежность
Меня издавна мучившей мечты.
Мою любовь, и страсть мою, и нежность
Ни перед кем я не пролью,— и ты,
Моя душа, смиришь свою мятежность,
В напрасной жажде вещей Красоты!

Как сладостно на голос Красоты,
Закрыв глаза, стремиться в безнадежность
И бросить жизнь в кипящую мятежность!
Как сладостно сгореть в огне мечты,
В безумном сне, где слиты «я» и «ты»,
Где ранит насмерть лезвиями нежность!

Но в мире, где любовь на время,— нежность
Лишь оскорбление вещей Красоты.
Не бейся, сердце! В этой жизни ты
Должно быть из железа! Безнадежность
Горит над обликом твоей мечты.
Смири, смири своей алчбы мятежность!

Достаточно позора! Всю мятежность
Своих порывов помню! Помню нежность
Своих признаний! Весь обман мечты!
И что ж! Во храме лживой Красоты
Я слышал, как смеется Безнадежность,
И сам, в отчаяньи, стонал: «Не ты!»

Царица дум и всех желаний! Ты
Не явишь лика. Взоров безмятежность
Мне не покажешь. Ты не примешь нежность
Моих усталых губ. Ты «безнадежность»
Дашь мне девизом. Тайну Красоты
Дано мне знать лишь в призраке мечты.

И буду я над пропастью мечты
Стоять, склоняясь, повторяя: «Ты?»,
Любуясь ликом вещей Красоты.
И пусть звучит в моих стихах мятежность!
Там вся любовь, вся страсть моя, вся нежность,—
Но их, смеясь, венчает Безнадежность.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Октавы

Не все ль равно, была ль ты мне верна?
И был ли верен я, не все равно ли?
Не нами наша близость решена,
И взоры уклонить у нас нет воли.
Я вновь дрожу, и снова ты бледна,
В предчувствии неотвратимой боли.
Мгновенья с шумом льются, как поток,
И страсть над нами вносит свой клинок.

Кто б нас ни создал, жаждущих друг друга,
Бог или Рок, не все ли нам равно!
Но мы — в черте магического круга,
Заклятие над нами свершено!
Мы клонимся от счастья и испуга,
Мы падаем — два якоря — на дно!
Нет, не случайность, не любовь, не нежность,—
Над нами торжествует — Неизбежность.

22 января 1909

ЕЕ КОЛЕНИ...

Рондо

Ее колени я целую. Тени
Склоняются, целуя нас двоих.
Весь мир вокруг застенчиво затих.
Мы — вымысел безвестных вдохновений,
Мы — старого рондо певучий стих.

Певец забытый! Брат времен святых!
Ты песне вверил жалобы и пени,
И вот сегодня мне поют твой стих
Ее колени:

«В венке из терний дни мои; меж них
Один лишь час в уборе из сирени.
Как Суламифи — дом, где спит жених,
Как Александру — дверь в покой к Елене,
Так были сладостны для губ моих
Ее колени».

1908

ЛИШЬ ОДНОГО!

Газелла

Лишь одного: я быть с тобой хочу!
С твоей мечтой слить трепет свой — хочу!

Над глубиоу глаз повиснув в высоте,
Дышать их ночью, влажной тьмой — хочу!

В гробу объятий, в жуткой тесноте,
Услышать близко сердца бой — хочу!

Вдвоем спешить к мучительной мете
И вместе пасть у цели той — хочу!

Как палачу, отдаться красоте
И с плахи страсти крикнуть: «Твой!» — хочу!

Сентябрь 1905

К ПАСИФАЕ

Сонет

Нет, не тебя так рабски я ласкаю!
В тебе я женщину покорно чту,
Земной души заветную мечту,
За ней влекусь к предсказанному раю!

Я чту в тебе твою святыню, — ту,
Чей ясный луч сквозь дым я прозреваю.
Я, упоив тебя, как Пасифаю,
Подъемлю взор к тебе, как в высоту!

Люби иль смейся, — счетов нет меж нами, —
Я все равно приду ласкать тебя!
Меня спасая и меня губя,

На всех путях, под всеми именами,
Ты — воплощенье тайны мировой,
Ты — мой Грааль, я — верный рыцарь твой!

Май 1904

НОЧНЫЕ ЦВЕТЫ

Целый день спят ночные цветы...
А. Фет

Под зноем дня в пыли заботы
На придорожьях суеты,
В бессильи тягостной дремоты,
Висят священные цветы.

Но лишь, предвечная колдунья,
Начертит Ночь волшебный круг:
В огнях лупы и в тьме безлунья
Их стебли оживают вдруг.

И, как уста, открыв глубины
Своих багряных лепестков,
Цветы с полей, цветы с куртины
Согласно тянутся на зов.

Дыша любовью и изменой,
Цветок впивается в другой
И сладко падает, как пеной,
Обрызган утренней росой.

Июль 1906

ПРИЗРАК НЕИЗБЕЖНЫЙ

Триолеты

Твой лик, загадочный и нежный,
Как отражение в глубине,
Склонился медленно ко мне.
Твой лик, загадочный и нежный,
Возник в моем тревожном сне.
Встречаю призрак неизбежный:
Твой лик загадочный и нежный,
Как отражение в глубине.

Твои уста, как уголь жгучий,
Язвят мне очи, плечи, грудь,
И сладко мне в огне тонуть.
Твои уста — как уголь жгучий!..

Мой сон! полней и ярче будь,
Томи меня, пали и мучай!
Твои уста, как уголь жгучий,
Язвят мне очи, плечи, грудь.

Неспешный ужас сладострастья,
Как смертный холод лезвия,
Вбирает жадно жизнь моя.
Неспешный ужас сладострастья
Растет, как бури шум,— и я
Благословляю стоном счастья
Неспешный ужас сладострастья,
Как смертный холод лезвия.

1908

В ПОТОКЕ

Я был простерт, я был как мертвый. Ты богомольными
руками мой стан безвольный обвила,
Ты распаленными устами мне грудь и плечи, лоб и губы,
как красным углем, обожгла.

И, множа странные соблазны, меняя лик многообразный,
в меня впиваясь сотней жал,
Дух непокорный с башни черной ты сорвала рукой
упорной и с ним низринулась в провал.

В бессильи. падая, лишь крылья я видел над собой —
да алый, от свежей крови влажный, рот.
И скалы повторяли крики, и чьи-то побледнели лики,
и пали мы в водоворот.

И я не спорил с темным Роком. Мой труп неистовым
потоком несло по остриям камней,
И когти мне терзали тело, и сердце слабое немело,
и ужас был в душе моей.

Но в миг последний онемения вдруг совершилось
возрождение, и успокоенный поток
Внезапно, с нежностью небрежной, мой труп,
страдавшем искаженный, отбросил сонно на песок.

1907

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Que tes mains soient bénies,
car elles sont impures!

*Remy de Gourmont*¹

Сиянье глаз твоих благословляю!
В моем бреду светило мне оно.

Улыбку уст твоих благословляю!
Она меня пьянила, как вино.

Твоих лобзаний яд благословляю!
Он отравил все думы и мечты.

Твоих объятий серп благословляю!
Все прошлое во мне им сжала ты.

Огонь любви твоей благословляю!
Я радостно упал в его костер.

Весь мрак души твоей благословляю!
Он надо мной свое крыло простер.

За все, за все тебя благословляю!
За скорбь, за боль, за ужас долгих дней,

За то, что влекся за тобою к Раю,
За то, что стыну у его дверей!

1908

ПОТОМОК

Древний замок мой весь золотой и мраморный,
В нем покои из серебряных зеркал;
Зал один всегда закрыт портьерой траурной...
В новолуние вхожу я в этот зал.

¹ Да будут благословенны руки твои, ибо они нечисты. —
Рэми Гурмон (франц.).

В этот день с утра все в замке словно вымерло,
Голос не раздастся, и не видно слуг,
И один в моей капелле, без пресвитера,
Я творю молитвы,— с ужасом сам-друг.

Вечер настает. Уверенным лунатиком
Прохожу во мраке по глухим коврам,
И гордятся втайне молодым соратником
Темные портреты предков по стенам.

Ключ заветный, в двери черной, стонет радостно,
С тихим шелестом спадает черный флер,
И до утра мрак и тишь над тайной яростной,
Мрак и тишь до утра кроют мой позор.

При лучах рассвета, снова побежденный, я
Выхожу — бессилён, — бледен и в крови,
Видны через дверь лампы, мной зажженные,
Но портреты старые твердят: живи!

И живу, опять томлюсь до новолуния,
И опять иду на непосильный бой.
Скоро ль в зале том, где скрылся накануне я,
Буду я простерт поутру — не живой?

Мертвая любовь

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Ранняя осень любви умирающей.
Тайно люблю золотые цвета
Осени ранней, любви умирающей.
Ветви прозрачны, аллея пуста,
В сини бледнеющей, веющей, тающей
Странная тишь, красота, чистота.

Листья со вздохом, под ветром, их нежащим,
Тихо взлетают и катятся вдаль
(Думы о прошлом в видении нежащем).
Жить и не жить — хорошо и не жаль.
Острым серпом, безболезненно режущим,
Сжаты в душе и восторг и печаль.

Ясное солнце — без прежней мятежности,
Дождь — словно капли струящихся рос
(Томные ласки без прежней мятежности),
Запах в садах доцветающих роз.
В сердце родник успокоенной нежности,
Счастье — без ревности, страсть — без угроз.

Здравствуйте, дни голубые, осенние,
Золото лип и осин багрянец!
Здравствуйте, дни пред разлукой, осенние!
Бледный — над яркими днями — венец!
Дни недосказанных слов и мгновения
В кроткой покорности слитых сердец!

21 августа 1905

СНОВА

Почему мы снова связаны
Страсти пламенным жгутом?
Иль не все слова досказаны
В черном, прозрачном былом?

Почему мы снова брошены
Вместе в тайну темноты?
Иль не все надежды скошены,
Словно осенью цветы?

Мы, безвольные, простертые,
Вновь — на ложе страстных мук.
Иль в могиле двое, мертвые,
Оплели изгибы рук?

Или тени бестелесные,
Давней страсти не забыв,
Всё хранят объятья тесные,
Длят бессмысленный порыв?

Боже сильный, власть имеющий,
Воззови нас к жизни вновь, —
Иль оставь в могиле тлеющей, —
Страшен, страшен сон яснеющий,
Наша мертвая любовь!

1907

ХОЛОД

Холод, тело тайно сковывающий,
Холод, душу очаровывающий...

От луны лучи протягиваются,
К сердцу иглами притрагиваются.

В этом блеске — все осилившая власть,
Умирает обескрылевшая страсть.

Все во мне — лишь смерть и тишина,
Целый мир — лишь твердь и в ней луна.

Гаснут в сердце невзлелеянные сны,
Гибнут цветики осмеянной весны.

Снег сетями расстилающимися
Вьет над днями забывающимися,

Над последними привязанностями,
Над святыми недосказанностями!

13 октября 1906

В ПОЛНОЧЬ

Попял! мы в раю!

Stephanos

«Ты — мой, как прежде?» — «Твой, как прежде!» —
«Ты счастлив?» — «Счастлив». — «Всё, как прежде!»

Полночь в стекла сонно бьет.
Ночь свершает свой обход.

«Целуй меня! Целуй, как прежде!» —
«Тебя целую я, как прежде!»

Заступ в землю глухо бьет,
Ночь свершает свой обход.

«Мы в мире лишь вдвоем, как прежде?» —
«Да, в мире лишь вдвоем, как прежде».

Кто сказал, что гроб несут?
Четок, четок стук минут!

«А где ж блаженство, то, что прежде?» —
«Блаженство было прежде, прежде!»

Чу! земли за комом ком.
Ночь застыла за окном.

«Иль мы в могиле, вновь, как прежде?» —
«Да, мы в могиле, вновь, как прежде».

Ветер травы сонно мнет.
Ночь свершает свой обход.

1908

УМИРАЮЩИЙ КОСТЕР

Бушует вьюга и взметает
Вихрь над слабеющим костром;
Холодный снег давно не тает,
Ложась вокруг огня кольцом.

Но мы, прикованные взглядом
К последней, черной головне,
На ложе смерти никнем рядом,
Как в нежном и счастливом сне.

Пусть молкнут зовы без ответа,
Пусть торжествуют ночь и лед,—
Во сне мы помним праздник света
Да искр безумный хоровод!

Ликует вьюга, давит тупо
Нам грудь фатой из серебра,—
И к утру будем мы два трупа
У замеченного костра!

Декабрь 1907

ИЗ ТИХИХ БЕЗДН

Из тихих бездн — к тебе последний крик,
Из тихих бездн, где твой заветный лик
Как призрак жизни надо мной возник.

Сомкнулся полог голубой воды,
И светит странно в окна из слюды
Медузы блеск и блеск морской звезды.

Среди кораллов и гранитных глыб
Сияют стаи разноцветных рыб.
Знакомый мир — ушел, отцвел, погиб.

Я смертно стыну в неотступном сне...
Зачем же ты, в холодной глубине,
Как призрак жизни, клонишься ко мне?

Я в тихих безднах помню прошлый рай.
Из тихих бездн к тебе мой крик, — внимай:
В последний раз, в последний раз, — прощай!

8 ноября 1906

Обреченный

ГОЛОС

«Ты — мой, моей рукой отмечен,
И я, уверенная, жду.
Играй, безумен и беспечен,
От счастья смейся, плачь в бреду, —
Ты вдруг очнешься, в час закатный,
Поймешь мой зов, лишь сердцу внятный,
И с воплем крикнешь мне: иду!

Ты многим клялся: буду верен!
Ты многим говорил: я — твой!
Но неизменен и размерен
Событий трепет роковой.
Что было — только предвещанья,
Что было — лишь знаменованья
Того, что быть должно со мной!

Ты сам не понял, не изведal
Своей последней глубины,
Ты душу радости предал,
Как зыби медленной волны.
Я жду тебя с мечом разящим.
В былом, в грядущем, в настоящем —
Мне дни твои обречены!»

11 октября 1907

ОТВЕТ

Остро и пламенно ранит
Взор твой, блестящий клинок.
Сердце искать не устанет,
Сердце — как в мае цветок.
Снова ли душу обманет
Богом назначенный срок?

Року иду я навстречу,
Взор упирая во взор:
Рыцарь — в жестокую сету,
Верный — на ярый костер.
Ты позовешь, — я отвечу,
Скажешь, — приму приговор.

Долго я ждал. Неужели
Дрогнет и эта рука?
Строгие струны пропели,
Цель моей жизни близка.
Ближе я... ближе... у цели...
А! синий отблеск клинка!

14 сентября 1907

ОСЕНЬЮ

Небо ярко, небо сине
В чистом золоте ветвей,
Но струится тень в долине,
И звенит вокруг чуть слышно
Нежный зов — не знаю чей.

Это призрак или птица
Бело реет в вышине?
Это осень или жрица,
В ризе пламенной и пышной,
Наклоняет лик ко мне?

Слышу, слышу: ты пророчишь!
Тихий путь не уклоня,
Я исполню все, что хочешь!
Эти яркие одежды —
Понял, понял — для меня!

Это ты — на смертном ложе
Ждешь покорного тебе!
Пусть же тень ложится строже!
Я иду, закрывши вежды,
Верен Тайне и Судьбе.

29 сентября 1907

СЕБАСТЬЯН

На медленном огне горишь ты и сгораешь,
Душа моя!
На медленном огне горишь ты и сгораешь,
Свой стон тая.

Стоишь, как Себастьян, пронизанный стрелами,
Без сил вздохнуть.
Стоишь, как Себастьян, пронизанный стрелами
В плечо и грудь.

Твои враги кругом с веселым смехом смотрят,
Сгибая лук.
Твои враги кругом с веселым смехом смотрят
На смены мук.

Горит костер, горит, и стрелы жалят нежно
В вечерний час.
Горит костер, горит, и стрелы жалят нежно
В последний раз.

Что ж не спешит она к твоим устам предсмертным,
Твоя мечта?
Что ж не спешит она к твоим устам предсмертным
Прижать уста!

11 октября 1907

ВИДЕНИЕ

В сумраке вечера ты — неподвижна
В белом священном венце.
В сумраке вечера мне непостижна
Скорбь на спокойном лице.

Двое мы. Сумрак холодный, могильный
Выдал мне только тебя.
Двое мы. Или один я, бессильный,
Медлю во мраке, скорбя?

Смотришь ты строгим и вдумчивым взором...
Это прощанье иль зов?
Смотришь ты в сердце с безгневным укором,
Словно из глуби веков.

Ты ль это? та, перед кем, как пред тайной,
Робко склонялись мечты?
Ты ль это здесь или призрак случайный:
Луч и игра темноты?

Медлю во мраке глухом и глубоком,
Не отзываюсь, скорбя...
Медлю, — ведь если ты послана Роком,
Мне не уйти от тебя!

17 января 1908

БОЙ

Нет, не могу покориться тебе!
Нет, буду верен последней судьбе!

Та, кто придет, чтобы властвовать мной, —
Примет мой вызов на яростный бой.

Словно Брунгильда, приступит ко мне;
Лик ее будет — как призрак в огне.

Щит в ее легкой руке проблестит,
С треском расколется твердый мой щит.

Тщетно свой меч подниму на нее, —
В панцирь мой вражье вонзится копье.

Шлем мой покатится, грустно звеня.
Вражья рука опрокинет меня.

И, окровавлен, без сил, чуть живой,
Радостно крикну из праха: «Я — твой!»

1907

ЛУННЫЙ ДЬЯВОЛ

Лунный дьявол, бледно-матовые,
Наклонил к земле рога.
Взоры, призрачно-агатовые,
Смотрят с неба на снега,
Словно тихо мир захватывая
В сети хитрого врага.

Руки, тонкой сетью сдавленные,
Без надежд упали ниц,
Реют тени новоявленные,
Словно стаи пестрых птиц.
Вижу вспышки молний, вправленные
В бархат сумрачных ресниц.

Знаю, знаю: крепко скрученного
Опрокинешь ты во мглу,
К синим молниям приученного,
Покоришь глухому злу,
И потом в врага замученного
Кинешь верную стрелу!

Лунный дьявол! Бледно-матовые,
Наклони к земле рога!
Взоры, призрачно-агатовые,
С высоты вонзи в снега,
И меня и мир захватывая
В сеть коварного врага!

Октябрь 1907

LA BELLE DAME SANS MERCI

Я не покрыл лица забралом,
Не поднял твердого щита,—
Я ждал один, над темным валом,
Где даль безмолвна и пуста.
Я звал: «Стрела чужого става,
Взнесись и жизнь мою скоси!
Ты мне предстань во мгле тумана,
La belle dame sans merci!»

Свершал я тайные обряды
Пред алтарем в молчаньи зал.
Прекрасной Дамы без пощады
Я вечный призрак заклинал:
«Явись, как месяц, над печалью,
Мой приговор произнеси,
Пронзи мне сердце верной сталью,
La belle dame sans merci!»

Встречал я лик, на твой похожий,
За ним стремил покорный путь,
Как на костер, всходил на ложе,
Как в плаху, поникал на грудь.
«Сожги меня последней страстью
Иль в строгий холод вознеси,
Твоей хочу упиться властью,
La belle dame sans merci!»

Но шла ты год за годом, мимо,
Недостижимой, неземной.
Ни разу ты, неумолимой,
Как Рок, не стала предо мной!
Приди,— огнем любви и муки
Во мне все жажды погаси
И погрузи мне в сердце руки,
La belle dame sans merci!

27 ноября 1907

Сонаты

ОВРЯД НОЧИ

Словно в огненном дыме и лица и вещи...
Как хорош, при огнях, ограненный хрусталь!..
За плечом у тебя веет призрак зловещий...
Ты — мечта и любовь! ты — укор и печаль!..

Словно в огненном дыме земные виденья...
А со дна поднимаются искры вина,
Умирают, вздохнув и блеснув на мгновенье!..
Ты прекрасна, как смерть! ты, как счастье, бледна!

Слышу говор, и хохот, и звоны стаканов.
Это дьяволы вышли, под месяц, на луг?
Но мы двое стоим в колыханьи туманов,
Нас от духов спасет зачарованный круг.

Ты мне шепчешь. Что шепчешь? Не знаю, не надо.
Умирает, смеясь, золотое вино...
О, тоска твоего утомленного взгляда!
Этот миг безнадежный мне снился давно!

Брызнули радостно
Звуки крикливые.
Кто-то возникший
Машет рукой.
Плакать так сладостно,
Плачу счастливый я.
Рядом — поникший
Лик дорогой!

Как милостыню, я приму покорно тело,
Вручаемое мне, как жертва палачу.
Я всех святынь коснусь безжалостно и смело,
В ответ запретных слов спрошу, — и получу.

Но жертва кто из нас? Ты брошена на плахе?
Иль осужденный — я, по правому суду?
Не знаю. Все равно. Чу! красных крыльев взмахи!
Голгофа кончилась. Свершилось. Мы в аду.

1905, 1907

ВОЗВРАЩЕНИЕ

О н а

Я пришла к дверям твоим
После многих лет и зим.
Ведав грешные пути,
Недостойна я войти
В дом, где Счастье знало нас.
Я хочу в последний раз
На твои глаза взглянуть
И в безвестном потонуть.

О н

Ты пришла к дверям моим,
Где так много лет и зим,
С неизменностью любя,
Я покорно ждал тебя.
Горьки были дни разлук,
Пусть же, после жгучих мук,
То же Счастье, как в былом,
Оселяет нас крылом.

О н а

Друг! я ведала с тех пор
Все паденья, весь позор!
В жажде призрачных утех
Целовала жадно грех!
След твоих безгрешных ласк
Обнажала в вихре пляск!
Твой делившее восторг
Тело — ставила на торг!

О н

Друг! ты ведала с тех пор,
Как жесток людской укор!
Речью ласковой позволъ
Успокоить эту боль;
Дай уста, в святой тоске,
Вновь прижать к твоей руке,
Дай молить тебя, чтоб вновь
Ты взяла мою любовь!

О н а

Все бывшее мной давно
До конца осквернено.
Тайны сладостных ночей,
И объятий, и речей,
Как цветы бросая в грязь,
Разглашала я, глумясь,
Посвящала злобно в них
Всех возлюбленных моих!

О н

Что свершила ты, давно
Прощено, — освящено
На огне моей любви!
Душный, долгий сон порви,
Выйди вновь к былым мечтам,
Словно жрица в прежний храм!
Этот сумрачный порог
Все святыни оберег!

О н а

Я не смею, не должна...
Здесь сияла нам весна!
Здесь вплетала в смоль волос
Я венок из желтых роз!
Здесь, при первом свете дня,
Ты молился на меня!
Где то утро? где тот май?
Отсияло все. Прощай!

О н

Нет, ты смеешь! ты должна!
Ты — тот май и та весна,
Жемчуг утр и роз янтарь!

Ты — моей души алтарь,
Вечно чистый и святой!
И, во прахе пред тобой,
Вновь целую я, без слов,
Пыльный след твоих шагов!

23 ноября 1908

В ЭПИЧЕСКОМ РОДЕ

ЖИЗНЬ

Безликая, она забыла счет обличий:
Подсказывает роль любовнику в бреду,
И коршуна влечет над нивами к добыче,
И гидре маленькой дает дышать в пруду.

В пустыне выжженной встает былинкой смелой,
В ничтожной капельке селит безмерный мир,
Рождает каждый миг, влетает тело в тело
И семена существ проносит чрез эфир!

От грозных пирамид и гордых библиотек
До гор, воздвигнутых из ракушек морских,
От криков дикаря, метнувшего свой дротик,
До черного червя, который мудро тих,—

Сверкает жизнь везде, грохочет жизнь повсюду!
Бросаюсь в глубь веков,— она горит на дне...
Бегу на высь времен,— она кричит мне: буду!
Она над всем, что есть; она — во всем, во мне!

О братья: человек! бацилла! тигр! гвоздика!
И жители иных, непознанных планет!
И духи тайные, не кажушие лика!
Мы все — лишь беглый блеск на вечном море лет!

Март 1907

Надписи к гравюрам

ЗА УТЕСОМ

Плыви, плыви рекой волнистой!
Мы за утесом стережем
И в знойный час, и в вечер мгlistый
С кинжалом, луком и копьём.

Купец богатый, странник скудный,
Из Рима робкий пилигрим, —
Вы все, с отвагой безрассудной,
Скользите лоном голубым!

Сияет солнце, воздух нежит,
Вода, как ясное стекло,
Но визг стрелы мечты прорежет, —
И кормщик выронит весло!

Что юный гость? что путник старый?
Вся жизнь твоя свелась на вскрик!
Сбирай весь год свои товары,
Ты с прибылью простишься вмиг!

Плывите, люди, мимо! мимо!
Вас жизнь влечет, вас манит твердь, —
Но мы вас ждем неумолимо:
Мы — тайна! мы — беда! мы — смерть!

27 февраля 1906

ОСВОБОЖДЕНИЕ

К стене причалил челн полночный,
Упали петли из окна,
И вот по лестнице непрочной
Скользнула с высоты Она.

Дрожа от счастья и тревоги,
За мигом миг следили мы,—
Пока Ее коснулись ноги
До тихо зыблемой кормы!

Я принял, как святыню, в руки
Ее, закрытую фатой.
И весел — были тихи звуки,
И челн — был призрак над водой.

Она не молвила ни слова
И не явила нам лица,
Но громче ропота морского
Стучали сильные сердца!

И, наклоня лица ниже,
Сжав рукояти шпаг своих,
Мы знали все, что ближе, ближе
Час поединков роковых!

3 марта 1906

ВСТРЕЧА

И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

А. Пушкин

Ты мне предстала как виденье,—
В глазах испуг и смутный стыд.
Мы были рядом на мгновенье,
И встречи жизнь не повторит.

Кто ты? откуда? с кем таилась
В наемной комнате вдвоем?
Куда, под утро, торопилась
С своим стыдливым узелком?

Тебя любовь ли в эти двери
К продажным лолам привела,
И упоили ль в полной мере
Тебя и грех, и страсть, и мгла?

Иль ты пришла сюда за платой,
С тупым отчаяньем в мечтах,
И называла ночь проклятой,
Дрожа без сил в чужих руках?

И, возвращаясь в повседневность,
Домой, меж утренних теней,
Обманешь ли ты мужа ревность
Иль чуткость матери твоей?

20 ноября 1905

МОНАХ

На поле жизненного боя,
Где Рок влечет нас, как самум,—
Душа возжаждала покоя,
Молитв и одиноких дум!

И вот, презрев соблазн свободы
И мира призрачную ширь,
Сошел я под глухие своды,
В твои затворы, монастырь!

Вне стен — и ужас и веселье,
Пирь любви и красоты.
Но здесь хранит ревниво келья
Всегда спокойные мечты.

Я жизни иноческой свято
Блюду определенный чин,
И дни, с восхода до заката,—
Как ряд медлительных годин.

Люблю я благовест рассвета,
Церковной службы череду,
Степенность братского привета,
Ночь, посвященную труду.

Мне хорошо, под буйство бури,
При кротком блеске ночника,
На тщательной миниатюре
Чертить узоры лепестка;

Иль, не спеша слагая главы
И им не ведая конца,
Припоминать о жажде славы,
В миру сжигающей сердца.

31 марта 1906

«NOLI ME TANGERE, MARIA» ¹

Прошел печально день субботний,
Сияет небо новым днем,
И в душах всех бесповоротней
Разуверение во всем!

Он говорил: «Как свет зарницы,
Приду, и воззову на суд...»
И вот лежит во тьме гробницы,
И стражи тело берегут.

Но женщин души не устанут,
Как горный ключ, струить любовь:
«Он обманул... иль был обманут...
Но Он страдал и пролил кровь!»

Несут ко гробу ароматы,
Но пустотой зияет он...
И тут же веет слух крылатый,
Что труп врагами унесен.

Тогда, всем горестям услада,
К Марии сходит сам Христос,
Но в нем ей мнится сторож сада,—
Она к нему: «Не ты ль унес...»

И, слыша речи роковые
Не могшей победить искус,
«Noli me tangere, Maria!»—
Ей отвечает Иисус.

Март 1906

¹ «Не прикасайся ко мне, Мария» (лат.).

Видения

ПОВОЛЬНИК

Здравствуй, буйная ватага, удалых годов друзья!
Вот и снова я — бродяга, вот опять — повольник я!

Я в затворах жил подолгу, выпил чашу рабской доли,
Но я молод — видя Волгу, я могуч — под ветром с воли!

Повинуйтесь, братцы, кличу, становитесь в бранный круг!
Как бывало, на добычу поведу за стругом струг.

Ах, как сладки лязги сабли! как бессильно свищут пули!
Что, удар мой не ослаб ли? голос слышен ли и в гуле?

А теперь дели, что взято! всем по рбвну, без греха!
Горстью мерь серебро и золото, а на локоть мерь меха.

Спрятав знатные товары, мы костер зажжем над плесом,
Будут звонко вторить чары нашим песням стоголосым;

А когда луна остудит волны Волги и песок,
Всем по очереди будет с полоняночкой часок!

20 мая 1907

РУСАЛКА

Она, свои скрывая груди
И лоно зыбким тростником,
На мир, гдѣ колдовали люди,
Смотрела из реки тайком.

Ей был понятен их веселий
И их забот вседневный строй,—
Призыв пастушеской свирели,
Костер рыбацкий под горой.

Она любила хороводы
И песни дев издалека,
Когда ложилась мгла на воды
И стыла темная река.

А в день осенних водосвятий,
Из-под воды едва видна,
Как речь таинственных заклиний,
Молитвы слушала она.

Когда же рой детей, купаясь,
Шнырял по вспугнутой реке,
Она звала их, откликаясь
На непонятном языке.

Но, видя проходящих парней,
Вечеровой порой, в тиши,
Еще нежней, еще коварней
Смеялась, выбля камыши.

1907

САМОУБИЙЦА

Картина для синемаатографа

Томный, стройный, строгий, грустный,
Кто ты: горец иль стрелок?
Мост согнулся неискусный
Через вспененный поток.

Что таким пристрастьем тянет
Твой, к воде склоненный, взор?
Схватит, свяжет и обманет
Волн излучистый узор.

Ты простер, уйти не смея,
Руки к пенистой судьбе.
Но из пены Лорелея
Подымает взор к тебе.

Тихо смотрит, тихо плачет,
Клонит голову в венке,
И стыдливо горе прячет
В буйно вспененной реке.

Что ты шепчешь? Кто услышит?
«Жизнь грустна. Грустнее смерть».
На мосту пустом колышет
Ветер сломанную жердь.

16 ноября 1907

ГОЛОС МЕРТВОГО

На заре вечерней, в трауре,
Ты куда спешишь, девица?
Соловей свистит на яворе,
Месяц в озеро глядится.

Ты бледна на старом кладбище,
Над моим крестом склоненным.
Ах, не здесь, не здесь свой клад ищи:
Кто-то ждет в саду, под кленом!

Слез мне жаль, печально тающих
На земле, на сером камне!
Стань счастливой, стань сияющей,—
Будешь более верна мне!

Если б вышел из могилы я,
Праздником всю жизнь я б сделал,
Целовал улыбки милые,
Только б счастье ласки ведал!

Что здесь? гроб, да прах, да тление!
А кругом, сквозь смерть, я чую
Всё веселие весеннее,
Волю бабочек живую,

Радость луга, распростертого
Под лучами солнца ясного...
Помни, помни голос мертвого:
Лишь одно люби — прекрасное!

1906

ПОБЕГ ПАСТУХА

На этой ели благосклонной
Покойся, ветхая свирель!
С тобой я цел и хмель влюбленный,
И вечер, страстью опаленный,
И душу бури, и апрель.

Но тщетно грезы ожидали
Найти усладу в звуках тех.
Они молили и рыдали,
Но в тайне дум сияли дали
Иных скорбей, иных утех.

Простите, лилии долины!
Речная зыбь! стада овец!
Туда, где горы-исполины,
Где гул лавин, где лет орлиный,
Идет задумчивый певец.

Гость молчаливый, бессловесный,
Вхожу, Природа, в замок твой
И буду, со скалы отвесной,
В долине видеть дар безвестный;
Свирель на ели вековой.

1908

СТИХИ НА ИЗРАЗЦАХ

Иду скоро в дом свой я,
Путь мой проторен.
Ждет меня любовь моя,
Про меня ей сон.

Я люблю ее весьма,
Жизнь моя — любовь,
Разлучила нас зима,
Весна сблизит вновь.

Светло солнце по весне,
Красен маков цвет.
До цветов охота мне,
Я нарву букет.

К ней приду с букетом я,
С розой полевой,
Ей скажу: «Любовь моя,
Я до гроба твой!»

Февраль 1907

ЖАЛОБА ГЕРОЯ

Нас немного осталось от грозного племени
Многомошных воителей, пльвших под Трою,
И о славном, о страшном, о призрачном времени
Вспоминать в наши дни как-то странно герою.

Агамемнон погиб под ударом предательства,
Оилеев Аянт сгинул в синей пучине,
Теламонид упал в черный вихрь помешательства,
А Патрокл и Ахилл вечно спят на чужбине!

Где друзья моих дней?— Одиссей многомысленный
Благородно дряхлеет в ничтожной Ифаке,
Тевкр бежал и покинул народ свой бесчисленный,
Сын Тидея на западе скрылся во мраке.

И когда мы порой, волей Рока, встречаемся,
Мы, привыкшие к жизни средь малых, бесславных,
Как враги, друг на друга, грозя, ополчаемся,
Чтоб потешить свой дух поединком двух равных!

1907

ТРИУМФАТОР

Мое чело в последний раз
Венчал сегодня лавр победный,
На колеснице заповедной,
Ловя лучи на панцирь медный,
Вступил я в Рим в веселый час.

Народ в восторге выл; друзья
Моей завидовали доле;
За мной влеклись цари в неволе;
По Via Sacra, в Капитолий,
Для пышных жертв проехал я.

Но вот, когда, венец клоня,
Я подступил к телице белой —
Нож задрожал в руке умелой,
Как тайный знак, что отлетела
Богиня Нике от меня.

Мой взор на миг покрылся тьмой,
И был мне внятн голос бога:
«Венец и пурпурная тога
Довлеет смертным. Слишком много
Кто волит, — против вызов мой!»

Что ж, подниму ль ярмо судьбы?
Нет! от копья лица не скрою!
Трубите, трубы, снова к бою!
И пусть в парфянском стане мною,
Как пленным, тешатся рабы!

3 января 1908

Женщины

ЗАКЛИНАНИЕ

Красный огонь, раскрутись, раскрутись!
Красный огонь, взвейся в темную высь!
Красный огонь, раскрутись, раскрутись!

Лживую куклу, в цепи золотой,
Лживую куклу пронзаю иглой,
Лживую куклу, в цепи золотой!

Лик восковой, обращенный ко мне,
Лик восковой оплывает в огне,
Лик восковой, обращенный ко мне!

Сердце твое, не кумир восковой,
Сердце твое я пронзаю иглой,
Сердце твое, не кумир восковой!

Вся твоя жизнь, наяву, не во сне,
Вся твоя жизнь погибает в огне,
Вся твоя жизнь, наяву, не во сне!

Красный огонь, раскрутись, раскрутись!
Красный огонь, взвейся в темную высь!
Красный огонь, раскрутись, раскрутись!

1 июня 1907

ОЖИДАНИЕ

Первый голос

Пусть воск прозрачный топится,
Пусть милый друг торопится
На том лихом коне
Из стран чужих ко мне.

Второй голос

Пусть желтый воск не топится,
Пусть милый не торопится,
Не ждать добра ему
В своем родном дому.

Первый голос

На груди распаленные
Лью масла благовонные.
Услышь их аромат,
Лети ко мне назад.

Второй голос

На груди распаленные
Лью масла благовонные.
Ах! сквозь ночную тишь
Их запах не прослышь!

Первый голос

Упав в постель пуховую,
Срываю ризу новую.
Когда ж, как юный бог,
Ты станешь на порог?

Второй голос

Упав в постель пуховую,
Срываю ризу новую,
Но в тайне темноты
Войдешь не ты! не ты!

Первый голос

Пусть воск прозрачный топится,
Пусть милый мой торопится,
Тяну я руки в ночь,
Мне больше ждать невмочь!

Второй голос

Пусть милый не торопится,
Пусть в омуте утонится, —
Не видеть бы ему
Греха в своем дому!

29 октября 1908

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ ДЕВУШЕК

Wand wird die Stunde kommen,
Das einer mich genommen,
Und mein Braut-Bett knackt!

Volkslied ¹

Сини все проталины
Под ногой весны.
Солнцем мы ужалены,
Ветром мы пьяны!
С воздухом вливается
В нас апрельский хмель...
Скоро ль закачается
Девичья постель!

Чу! поет над водами
Вешних мошек рой.
Время — хороводами
Виться под горой.
Песнями и плясками
Время — ночь вспугнуть...
Ах, когда ж под ласками
Побледнеет грудь!

Словно в церкви статуя,
Мы зимой весь день.
Скоро, лиловатая,
Зацветет сирень,
Скоро куст шиповника
Будет весь в цветах...
Ах! когда ж любовника
Встречу я впотьмах!

1907

¹ Придет, как час настанет, // Любимый мой, и станет // Кровать моя
трещать! — *Народная песня (нем.)*.

УГОЛЕК

Солнца уголь кругло-красный
Бросил отблеск на снега.
Мальчик скромный, мальчик страстный,
Я ль сурова? я ль строга?

Я — как этот мрамор белый,
Ты — в камине уголек.
Мальчик робкий, мальчик смелый,
Что ж ты медлишь там, у ног?

Уголь к углю тянет губы,
Шепчет огненную речь.
Мальчик милый! — почему бы
Телу к телу не прилечь!

Шторой скроем окна эти,
Пусть не видит нас закат.
Но смотри: при красном свете
Груды радостней дрожат!

Солнца уголь кругло-красный
Канет в сумрак роковой...
Уголь-мальчик, мальчик страстный,
Обожги меня собой!

Март 1907

НАША ТЕНЬ

Наша тень вырастала в длину тротуара
В нерешительный час догоравшего дня.
И лишь угля тлели дневного пожара,
В отдалении, за нами — без сил, без огня.

Наша тень подымалась на стены строений,
То кивала с простенков, то падала вновь
И ловила мои утомленные пени, —
Что костер догорел, что померкла любовь.

Засветились огни; наша тень почернела;
Отбегала назад и росла впереди,
Угадала, как я прошептала несмело:
«Если больше не любишь, так что ж, — уходи!»

Ослепил нас фонарь сине-газовым светом,
И, растаяв внезапно у ног без следа,
Наша тень засмеялась над тихим ответом,
Над неожиданным ответом: «Прощай навсегда!..»

2—3 апреля 1906

В ТОМ ЖЕ ПАРКЕ

Здравствуй, листик, тихо падающий,
Словно легкий мотылек!
Здравствуй, здравствуй, грустью радующий,
Предосенний ветерок!

Нежно гаснет бледно-палевая
Вечереющая даль.
Словно в лодочке отчаливая,
Уношусь в мою печаль.

Ясно гаснет отуманенная
Заводь сонного пруда,
Сердце, словно птица раненая,
Так же бьется, как тогда.

Здесь, вот здесь, в стыдливой длительности
Слили мы уста в уста.
Как же нет былой действительности?
Он не тот? иль я не та?

Выхожу в аллею липовую,
Где сказал он мне: «Я твой!..»
И не плачу, только всхлипываю,
Шелестя сухой листвою.

Но не длить мечту застенчивую
В старый парк пришла я вновь:
Тихой грустью я увенчиваю
Опочившую любовь!

12—13 апреля 1906

В городе

ГОЛОС ГОРОДА

Терцины

Когда я ночью, утомлен, иду
Пустынной улицей, и стены сонны,
И фонари не говорят в бреду,

И призраки ко мне не благосклонны,—
В тиши холодной слышится порой
Мне голос города, зов непреклонный:

«Ты, озабочен, здесь спешишь. Другой—
На ложе ласк, в смешном порыве, выгнут.
В притоне третий, скорчен за игрой.

Но жив — лишь я и, вами не постигнут,
Смотрю, как царь, в безмолвие ночей.
Ты думаешь, что вами я воздвигнут?

Нет! люди — атомы в крови моей;
И, тела моего живые клетки,
Дома — тяну я в глубину полей.

Как птицам лес дарит весною ветки,
Свое богатство отдаю вам я,
Но раньше им владели ваши предки.

Не равны мы на скале бытия:
Вам жить — года, а мне — ряды столетий!
Шумя, теснятся городов семья.

Когда ж и я свершу свой подвиг, дети,
Не вам я завещаю пышный прах,
Все, что хранят ревниво зданья эти.

Есть братья у меня в иных краях:
Мои богатства, как из недр могильных,
Пусть вырвут, и замкнут в своих стенах,

И над людьми смеются смехом сильных!»

3 января 1907

ГОРОДУ

Дифирамб

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты — чарователь неустанный,
Ты — не слабеющий магнит.

Драконом, хищным и бескрылым,
Засев — ты стережешь года,
А по твоим железным жилам
Струится газ, бежит вода.

Твоя безмерная утроба
Веков добычей не сыта, —
В ней неумолчно ропщет Злоба,
В ней грозно стонет Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для женщин, для картин, для книг;

Но сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов — орду,
И плешь вождей на митинг черный:
Безумье, Гордость и Нужду!

И в ночь, когда в хрустальных залах
Хохочет огненный Разврат,
И нежно пенится в бокалах
Мгновений сладострастных яд, —

Ты гнешь рабов угрюмых спины,
Чтоб, исступленны и легки,
Ротационные машины
Ковали острые клинки.

Коварный змей с волшебным взглядом!
В порыве ярости слепой,
Ты нож, с своим смертельным ядом,
Сам поднимаешь над собой.

Январь 1907

БАЛ

Неверная, обманчивая ясность
Искусственного света
И музыки изнеженная страстность —
Зов без ответа.

Мельканье плеч, причесок, аксельбантов,
Цветов и грудей,
Шелк, вспышки золота и бриллиантов
На изумруде.

И тихий лепет, трепет волн безвольных,
Кружащих пары,
И словно зовы звонов колокольных
Смычков удары.

И тела к телу близость, приближенье,
Яд аромата,
Забвенье, и круженье, и движенье,
Вдаль, без возврата.

И нити, чары дряхлого соблазна,
С лицом змеиным,
Что вяжут, вяжут души неотвязно,
Как серпантином...

1907

УЛИЧНАЯ

Свищет вполголоса арии,
Блеском и шумом пьяна,
Здесь, на ночном тротуаре,
Вольная птица она!

Детски балуется с локоном,
Вьющимся дерзко к глазам,
То вдруг наклонится к окнам,
Смотрит на радужный хлам.

Вот улыбнулась знакомому
Всем ожерельем зубов!
Вот, подмигнув молодому,
Бросила несколько слов.

Кто-то кивнул необдуманно,
К ней наклонился, — и вот
Вместе смеется он шумно,
Рядом, волнуясь, идет.

Словно громадное зеркало,
Их отразило окно,
И отраженье померкло,
Канув на темное дно.

1906, 1907

ВЕЧЕРНИЙ ПРИЛИВ

Кричат афиши, пышно-пестрые,
И стонут вывесок слова,
И магазинов светы острые
Язвят, как вопли торжества.

Там спят за стеклами материи,
Льют бриллианты яркий яд,
И над звездой червонцев — серии
Сияньем северным горят.

Прорезан длинными колодцами
Горящих улиц, — город жив,
Киша бессчетными уродцами,
Вечерний празднует прилив.

Скрыв небеса с звездами чуткими,
Лучи синеют фонарей —
Над мудрецами, проститутками,
Над зыбью пляшущих людей.

Кадрилей нарушая линии,
Меж пар кружащихся — звеня,
Трамваи мечут молнии синие,
Автомобили — сноп огня.

Позор, под музыку колесную,
Вознес смычок, как дирижер,
И слил толпу многоголосную
В единый и священный хор:

«Мы славим, Прах, Твое Величество,
Тебе ведем мы хоровод,
Вкруг алтарей из электричества,
Вонзивших копы в небосвод!»

Апрель — декабрь 1906

ОДЫ И ПОСЛАНИЯ

ХВАЛА ЧЕЛОВЕКУ

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети,
Торжествуешь над врагом!

Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,
Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой.

Вечно властен, вечно молод,
В странах Сумрака и Льда,
Петь заставил вещий молот,
Залил блеском города.

Сквозь пустыню и над бездной
Ты провел свои пути,
Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.

В древних вольных Океанах,
Где играли лишь киты,
На стальных левиафанах
Пробежал державно ты.

Змея, жалившего жадно
С неба выступы дубов,
Изловил ты беспощадно,
Неустанный зверолов,

И шипя под хрупким шаром,
И в стекле согнут в дугу,
Он теперь, покорный чарам,
Светит хитрому врагу.

Царь насытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств,—

Но, отважный, со стихией
После бьешься с грудью грудь,
Чтоб еще над новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

Верю, дерзкий! ты поставишь
По Земле ряды ветрил.
Ты своей рукой направишь
Бег планеты меж светил,—

И насельники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
Будь прославлен, Человек!

1 декабря 1906

Правда вечная кумиров

ОРЫ

Устремив друг к другу взоры,
В пляске двигаясь вперед,
Вы ведете — оры! оры! —
Свой священный хоровод.

В ночь глухую — слух, склоненный
К безответной бездне снов,
Слышит топот потаенный
Ваших маленьких шагов.

Солнце встанет, снова канет
В неизбежность новый день.
Ваша пляска не устанет
Обгонять и свет и тень.

Мы, дыша мечтой блаженной,
Сном работы, ядом книг,
В душевной кузнице вселенной
Все куем за мигом миг.

И, скользя тропой столетий
Мимо жизни, мимо нас,
Ловко ловите вы в сети
Каждый выкованный час.

Стойте! стойте! на мгновенье
Дайте бездну оглянуть!
— Плавны легкие движенья
Дев, свершающих свой путь!

В них безвольность, в них беспечность,
Взор их благостен и тих!
Что ж? они ль пропляшут вечность,
Иль она — поглотит их?

1905, 28 августа 1906

ГЕСПЕРИДОВЫ САДЫ

Где-то есть, за темной далью
Грозно зыблемой воды,
Берег вечного веселья,
Незнакомые с печалью
Гесперидовы сады.

Жизнь отдай во власть теченья,
И оно прибьет твой челн
Там, где, словно ожерелья,
Многоцветные камни
Поднялись над пеной волн.

Девы, благостно нагие,
Опустив к земле глаза,
Встретят странника, как друга,
Уведут тебя в густые,
Светлоствольные леса.

Там, где клонит тиховейно
Ветви древние платан,
Заслоняя солнце юга,—
В голубых струях бассейна
Ты омоешь язвы ран.

Юный, сильный и веселый,
Ты вплетишься в хоровод,
Чтобы в песнях вековых
Славить море, славить доли
И глубокий небосвод.

Освежив, в тени утеса,
Грудь из мраморных цистерн,
Ты, в рядах друзей беспечных,
Вновь помчишься вдоль откоса,
Обгоняя легких серн.

Ты меж лиц, мелькнувших в пляске,
Нежно выберешь лицо;
И тебе — рукопожатье,
С обещаньем сладкой ласки,
Передаст, таясь, кольцо.

Встанет сумрак. Из бокала
Брызнет нектар золотой.
В чьи-то жданные объятья,
И покорно и устало,
Ты поникнешь головой.

2 августа 1906

ДЕДАЛ И ИКАР

Д е д а л

Мой сын! мой сын! будь осторожен,
Спокойней крылья напрягай,
Под ветром путь наш ненадежен,
Сырых туманов избегай.

И к а р

Отец! ты дал душе свободу,
Ты узы тела разрешил.
Что ж медлим? выше! к небосводу!
До вечной области светил!

Д е д а л

Мой сын! Мы вырвались из плена,
Но пристань наша далека:
Под нами — гривистая пена,
Над нами реют облака...

И к а р

Отец! Что облака! Что море!
Удел наш — воля мощных птиц:
Взлетать на радостном просторе,
Метаться в далих без границ!

Д е д а л

Мой сын! Лети за мною следом,
И верь в мой зрелый, зоркий ум.
Мне одному над морем вedom
Воздушный путь до белых Кум.

И к а р

Отец! К чему теперь дороги!
Спеши насытить счастьем грудь!
Вторично не позволят боги
До сфер небесных досягнуть!

Д е д а л

Мой сын! Не я ль убор пернатый
Сам прикрепил к плечам твоим!
Взлетим мы дважды, и трикратно,
И сколько раз ни захотим!

И к а р

Отец! Сдержать порыв нет силы!
Я опьянел! я глух! я слеп!
Взлетаю ввысь, как в глубь могилы,
Бросаюсь к солнцу, как в Эреб!

Д е д а л

Мой сын! мой сын! Лети серединой,
Меж первым небом и землей...
Но он — над стаей журавлиной,
Но он — в пучине золотой!



О юноша! презрев земное,
К орбите солнца взнесся ты,
Но крылья растопились в зное,
И в море, вечно голубое,
Безумец рухнул с высоты.

1 апреля 1908

ОДИССЕЙ

Певцами всей земли прославлен
Я, хитроумный Одиссей,
Но дух мой темен и отравлен,
И в памяти гнездится змей.

Я помню день — как щит лазурный,
И зелень вод, и белесть пен,
Когда стремил нас ветер безбурный
К нагому острову сирен.

Их угадав на камне плоском
И различив прибрежный гул,—
В руках согретым, мягким воском
Я слух товарищей замкнул.

Себя же к мачте корабельной
Я дал покорно привязать,
Чтоб песни лирной и свирельной
Соблазн опасный испытать.

И все мечта предугадала!
Когда в тиши морских пустынь,
Вонзая сладостные жала,
Песнь разлилась полубогинь,—

Вдруг уязвленный мукой страстной,
С одной мечтой — спешить на зов,
Из тесных уз рвался напрасно
Я, доброволец меж рабов!

И наш корабль пронесся мимо,
Сирены скрылись вдалеке,
Их чар избег я невредимо...
Но нет конца моей тоске!

Зачем я был спокойно-мудрым,
Провидел тайны вод седых,
Не вышел к девам темнокудрым
И не погиб в объятьях их!

Чтоб вновь изведать той отравы,
Вернуть событий колесо,
Я отдал бы и гимны славы,
И честь, и ложе Калипсо!

1907

ЭНЕИД

К встающим башням Карфагена
Нептуна гневом приведен,
Я в узах сладостного плена
Дни проводил, как дивный сон.

Ах, если боги дали счастье
Земным созданиям в удел,
В те дни любви и сладострастья
Я этой тайной овладел!

И быть всю жизнь в такой неволе,—
Царицы радостным рабом,—
Душе казалось лучшей долей
И всех былых трудов венцом!

И ночь была над сонным градом...
Был выпит пламенный фиал...
В тиши дворца, с царицей рядом,
На ложе царском я дремал.

Еще я помнил вздохи, стоны,
Весь наш порыв — в неясном сне,—
И грудь горячая Дидоны
Все льнула трепетно ко мне...

И вот — внезапный свет сквозь тени,
И шелест окрыленных ног.
Над ложем сумрачным — Циллений
Склоняет посох, вестник-бог.

«Внемли, вещает, сын богини!
Ты медлишь, но не медлит Рок!
Ты избран был хранить святыни,
И подвиг твой, в веках, высок.

Земная страсть да спит в герое!
Тебе ль искать ливийских нег,
Когда ты призван — Новой Трои
Взрастить торжественный побег?

Узнай глаголы Громовержца:
Величью покорись, плыви
К пределам Итала, — из сердца
Исторгнув помыслы любви!»

Виденье скрылось, как зарница,
И голос замер, как мечта.
Сквозь сон, открыв глаза, царица
Ко мне приподняла уста...

Но я, безумный, с ложа прынул,
Я отвратил во тьму глаза.
И утром трубный голос грянул,
И флот наш поднял паруса.

Сентябрь 1908

Приветствия

К МЕДНОМУ ВСАДНИКУ

В морозном тумане белеет Исакий.
На глыбе оснеженной высится Петр.
И люди проходят в дневном полумраке,
Как будто пред ним выступая на смотр.

Ты так же стоял здесь, обрызган и в пене,
Над темной равниной взмутившихся волн;
И тщетно грозил тебе бедный Евгений,
Охвачен безумием, яростью полн.

Стоял ты, когда между криков и гула
Покинутой рати ложились тела,
Чья кровь на снегах продымилась, блеснула
И полюс земной растопить не могла!

Сменяясь, шумели вокруг поколенья,
Вставали дома, как посевы твои...
Твой конь попирает с беспощадностью звенья
Бессильно под ним изогнутой змеи.

Но северный город — как призрак туманный,
Мы, люди, проходим, как тени во сне.
Лишь ты сквозь века, неизменный, венчанный,
С рукою простертой летишь на коне.

*24—25 января 1906
Петербург*

КАРЛ XII

Памятник в Стокгольме

Ты в древних сагах был предсказан,
Последний викинг, вождь-герой!
Мечтой веков миропомазан
За Север на смертельный бой!

Ты принял беспощадный вызов,
Поверив в помощь тайных сил,
Свой подвиг, сана не унизив,
Как Рыцарь Полюса свершил.

И пусть, обманут зовом славы,
Ты дерзко жребии метал,
Пусть на пустых полях Полтавы
Судьбу столетий проиграл, —

Но сны заветные народа
В тебе свой образ обрели,
Сны духовидца, морехода,
Завоевателя земли!

Стоишь ты, призрак древней саги,
В своей столице над толпой
И вдохновенным взмахом шпаги,
Как прежде, манишь за собой.

Мне, гостю с вражьего Востока,
Склониться пред тобой дозволь,
Игрок безумный в кости Рока,
Венчанный Полюсом король!

*Сентябрь 1906
Stockholm*

К СОБОРУ КЕМПЭРА

Я был разорван мукой страстной,
Язвим извилистой тоской,
Когда безмерный, но безгласный
Во тьме ты вырос предо мной.

Созданье канувших столетий!
Вонзая в небо две иглы,
Ты встал при тихом звездном свете
Как властелин окрестной мглы.

Моим мечтам, всегда тревожным,
Моей бессильной воле — ты
Сказал без слов о невозможном
Слиянья силы и мечты!

Меня сдавил ты, неотступный,
Всей тяжестью былых времен,
И был я, жалкий и преступный,
Твоим величием обличен!

И вот — бродяга безымянный
На темной площади поник
Перед тобой, старик венчанный,
Как пред Изидой ученик.

1/14 сентября 1908
Quimper

ОПЯТЬ В ВЕНЕЦИИ

Опять встречаю с дрожью прежней,
Венеция, твой пышный прах!
Он величавей, безмятежней
Всего, что создано в веках!

Что наших робких дерзновений
Полет, лишенный крыльев! Здесь
Посмел желать народный гений
И замысл свой исчерпать весь.

Где грезят древние палаты,
Являя мраморные сны,
Не горько вспомнить мне не сжатый
Посев моей былой весны,

И над руиной Кампаниле,
Венчавшей прежде облик твой,
О всем прекрасном, что в могиле,
Мечтать с поникшей головой.

Пусть гибнет все, в чем время вольно,
И в краткой жизни, и в веках!
Я вновь целую богомольно
Венеции бессмертный прах!

1 августа 1908
Venezia

НА ФОРУМЕ

Не как пришлец на римский форум
Я приходил — в страну могил,
Но как в знакомый мир, с которым
Одной душой когда-то жил.

И, как во сне родные тени,
Встречал я с радостной тоской
Базилик рухнувших ступени
И плиты древней мостовой.

А надо мною, как вершина
Великих, пройденных веков,
Венчали арки Константина
Руину храмов и дворцов.

Дорог строитель чудотворный,
Народ Траяна! Твой завет,
Спокойный, строгий и упорный,
В гранит и мрамор здесь одет.

Твоих развалин камень каждый
Напоминает мне — вести
К мете, намеченной однажды,
Среди пустынь свои пути.

Август 1908
Roma

НАД ОКЕАНОМ

ОТЛИВ

Волной, как щупальцем огромным,
Ты осязаешь землю. Ночь
Темнеет над тобою, темным,
Но ты, с лобзаньем скорбно-скромным,
От смуглых скал отходишь прочь.

Громадный, страшный, всемогущий!
Ты кроешь грозный вид лица.
От века и донныне сущий,
Ты, этой ночью,— бард, поющий
О тихой сладости конца.

Я вижу: древние граниты
Разбиты ревностью твоей.
Я знаю: пьяный и сердитый,
Ты мечешь каменные плиты,
Как речка груды голышей.

Но зов отлива полон ласки,
Сквозь сумрак манит и томит,
И я готов, поверив сказке,
Бежать к тебе, вмешаться в пляски
Твоих бессмертных nereid.

Сентябрь 1908

ПРИЛИВ

Пробил час. Ты вновь безволен,
Вновь, взыграв, бежишь к земле.
Обезличен, обездолен,
Беспощадной страстью болен,
Тяжкой грудью льнешь к скале.

Что ты хочешь, дикий, пьяный
Лаской бешеных зыбей?
Что крутишь песок багряный?
Что вонзаешь зубы в раны
Ты — возлюбленной своей?

Громоздя на стены стены,
Рушишь ты за валом вал.
Но, всегда страшась измены,
Покрывалом белой пены
Кроешь плечи смуглых скал.

Поспешив, с протяжным ревом,
В их объятья вновь упасть,
Ты встаешь, с усилием новым,
Все несатым, все готовым
Утолять глухую страсть.

Стой! Без сил и без движенья
Вся земля — как труп немой.
Что ж ты, в буйстве вожделенья,
Мечешь ей в лицо каменья
И крушишь ее собой!

*29 сентября 1908 (по новому ст.)
Saint Jean de Luz*

Современность

СЛУЖИТЕЛЮ МУЗ

Свой хор заветный водят музы
Вдали от дольных зол и бед,
Но ты родные Сиракузы
Люби, как древле Архимед!

Когда бросает ярость ветра
В лицо нам вражьей знамена,—
Сломай свой циркуль геометра,
Прими доспех на рамена!

И если враг пятой надменной
На грудь страны поникшей стал,—
Забудь о таинствах вселенной,
Поспешно отточь кинжал!

Священны миги роковые,
В порыве гнева тайна есть,
И лик склоняет Урания,
Когда встает и кличет Месть!

Пусть боги смотрят безучастно
На скорбь земли: их вечен век.
Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек!

1 сентября 1907

ФЛОРЕАЛЬ 3 ГОДА

Первый голос

Отзвенели дни зимы,
Вновь лазурью дышим мы,
Сердцу сердца снова жаль,—
Манит сладкий флореаль!
Выходи, желанный друг,
За фиалками на луг.

Другой

В черной буре наших дней
Быть нам вспышками огней!
Нам во вражеских рядах
Сеять смерть и сеять страх!
Кратки сроки, труд велик,
Стоит века каждый миг!

Первый голос

Ах! не жизнь ли коротка?
Ломок стебель василька;
Как волна, неверен день...
Там, где ива клонит тень,
Мы, сокрытые вдвоем,
Губы юные сомкнем!

Другой

Новый мир — как страшный сон —
Пред столетьями зажжен!
Дуб и кедр с высоких гор
Повергаем мы в костер!
Словно углю, дай и мне
Вспыхнуть в яростном огне!

29 января 1907

ДУХ ЗЕМЛИ

Schreckliches Gesicht.

Goethe ¹

В порыве скорби и отваги
Тебя, о мощный Дух Земли,
Мы, как неопытные маги,
Неосторожно заклинали.

Ты встал, громаден и ужасен,
На гордый зов, на дерзкий клик,
Так ослепительно прекрасен
И так чудовищно велик!

Ступил — и рухнули громады
Хранимых робко городов;
Дохнул на толпы, без пощады,—
И смёл безумных гордецов.

Ты наше маленькое знамя
Вознес безжалостной рукой,
Чтоб с ним, под гром, скрутилось пламя
В полете тучи грозовой.

Ты озарил нам глубь столетий,
И там, за дымом и огнем,
Открылось нечто в рдяном свете,
Как странный сон в краю ином.

И вот, отпрянув, мы трепещем,
Заклятья повторяя вслух:
Да остановим словом вещим
Тебя,— неукротимый Дух!

5 июля 1907

¹ Ужасный лик.— Гете (нем.).

НАШ ДЕМОН

Ἀπάντι δαιμόνιν ἄνδρι.
Μένανδρος ¹

У каждого свой тайный демон.
Влечет неумолимо он
Наполеона через Неман
И Цезаря чрез Рубикон.

Не демон ли тебе, Россия,
Пути указывал в былом, —
На берег Сити в дни Батыя,
На берег Дона при Донском?

Не он ли вел Петра к Полтаве,
Чтоб вывести к струям Невы,
И дни Тильзита, дни бесславий,
Затмил пыланием Москвы?

Куда ж теперь, от скал Цусимы,
От ужаса декабрьских дней,
Ты нас влечешь, неодолимый?
Не видно вех, и нет путей.

Где ты, наш демон? Или бросил
Ты вверенный тебе народ,
Как моряка без мачт и весел,
Как путника в глуши болот?

Явись в лучах, как страж господень,
Иль встань, как призрак гробовой,
Но дай нам знак, что не бесплоден
Столетьи подвиг роковой!

1908

¹ У каждого человека свой демон. — *Менандр* (греч.).

КОМУ-ТО

Фарман, иль Райт, иль кто б ты ни был!
Спеши! настал последний час!
Корабль исканий в гавань прибыл,
Просторы неба манят нас!

Над поколением пропела
Свой вызов пламенная медь,
Давая знак, что косность тела
Нам должно волей одолеть.

Наш век вновь в Дёдала поверил,
Его суровый лик вознес
И мертвым циркулем измерил
Возможность невозможных грез.

Осуществители, мы смеем
Ловить пророчества в былом,
Мы зерна древние лелеем,
Мы урожай столетий жнем.

Так! мы исполним завещанье
Великих предков. Шар земной
Мы полно примем в обладанье,
Гордясь короной четверной.

Пусть, торжествуя, вихрь могучий
Взрезают крылья корабля,
А там, внизу, в прорывах тучи,
Синеет и скользит земля!

2 сентября 1908

Послания

М. А. ВРУБЕЛЮ

От жизни лживой и известной
Твоя мечта тебя влечет
В простор лазурности небесной
Иль в глубину сапфирных вод.

Нам недоступны, нам незримы,
Меж сонмов вопиющих сил,
К тебе нисходят серафимы
В сияньи многоцветных крыл.

Из теремов страны хрустальной,
Покорны сказочной судьбе,
Глядят лукаво и печально
Наяды, верные тебе.

И в час на огненном закате
Меж гор предвечных видел ты,
Как дух величий и проклятий
Упал в провалы с высоты.

И там, в торжественной пустыне,
Лишь ты постигнул до конца
Простертых крыльев блеск павлиний
И скорбь эдемского лица!

9 января 1906

В. Н. ГИППИУС

Твои стихи поют, как звучный
В лесу стремящийся ручей;
С ним незабудки неразлучны
И тени зыбкие ветвей.

Порой, при месяце, глядится
В него косматый лесовик,
И в нем давно купать копытца
Чертенок маленький привык.

Однажды в год, в святой сочельник,
Сияет ангел надо льдом,
И скачут зайцы через ельник,
Испуганы живым лучом.

Не всем, быть может, внятен ропот
В лесу звенящих, тихих струй:
Их заглушает жизни топот,
Как битвы, страстный поцелуй.

Но в вечных далях не устанет
Земля чертить круги орбит.
И много песен в бездну канет,
И много шумов отзвучит.

И новым людям, в жизни новой,
Как нынче, ясен и певуч,
Все будет петь, за мглой еловой,
Твоих стихов бессмертный ключ!

И будет лесовик, как прежде,
Глядеться в зеркале его,
И ангел, в пламенной одежде,
Над ним сиять под рождество!

4 декабря 1909

АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Нас не призвал посланник божий
В свой час, как братьев, от сетей,
И долго были непохожи
Изгибы наших двух путей.

Ты был безумием и верой
На высь Фавора возведен;
Как Данте, яростной пантерой
Был загнан я на горный екклон.

Но на высотах, у стремнины,
Смутясь, мы встретились с тобой.
Со мною был — мой жезл змеинный,
С тобой — твой посох костяной.

И в темный путь пошли мы рядом...
Но кто-то третий близко был.
Палящей страстью, жгучим ядом,
Он нашу душу опалил.

И — помню — кроя в сердце муку,
Как смертный, впившийся кинжал,
Братоубийственную руку
Я на поэта подымал...

И что ж! на пламени сомненья,
Что злобно зыблила вражда,
Сковались тайной цепи звенья,
Нас съединившей навсегда.

Я, в миги страшные, измерил
Твоих безумий правоту,
И ты, восторженный, поверил
В мою спокойную мечту.

Пойдем ли дальше в путь единый,
Иль каждому — удел иной,
Тебе дарю я жезл змеинный,
Беру твой посох костяной.

День ярко гаснет на откосах,
Клубится сумрак по земле.
Да будет мне твой белый посох
Путеводителем во мгле!

1909

М. А. КУЗМИНУ

Акрости

Мгновенья льются, как поток бессменный,
Искусство — радугой висит над ним.
Храни, храни, под ветром мировым,
Алтарь своей мечты, огонь священный!

И пусть твой стих, и пламенный и пленный,
Любовь и негу славит. Мы спешим
Улыбчивым созданиям твоим,
Как божествам, сплести венок смиренный,

Умолкли шумы дня. Еще размерней
Звучит напевный гимн в тиши вечерней,
Мелькают лики, вызваны тобой.

И мы, о мусaget, как пред святыней,
Невольно клонимся, — и к тверди синей,
Увенчан, ты возносишь факел свой.

24 декабря 1908

РАВНОМУ

Ответ на его послание

Не бойся едких осуждений,
Но упоительных похвал.

Е. Баратынский

Нет, не бойся слов враждебных,
Вольных вызовов к борьбе,
В гуле выкриков хвalebных,
В царство грез твоих волшебных,
Вдруг домчавшихся к тебе!

Хорошо, что в нашем мире
Есть, кого в борьбу вовлечь,
Что другой, как ты, в порфире,
Что нас двое на турнире,
Что на меч ответит меч!

Опусти свое забрало,
Ладь оружие свое:
Это — боя лишь начало,
Это только простучало
Затупленное копьё!

22 марта 1906

ВОССОЗДАТЕЛЮ

Вяч. Иванову

Спокойный взор вперив в обломок
Изваянного лика,— ты,
Друидов сумрачных потомок,
Постиг разбитые черты.

Коснувшись мрамора немного
Своим магическим жезлом,
Ему вернул ты силу слова,
Былую жизнь затеплил в нем.

Ты стройность дал бессвязным грудам,
В безликом облик угадал,
И — чудотворец! — этим чудом
Мое созданье оправдал!

1909

ВСТРЕЧНОЙ

Они не созданы для мира.
М. Лермонтов

Во вселенной, страшной и огромной,
Ты была — как листик в водопаде,
И блуждала странницей бездомной,
С изумленьем горестным во взгляде.

Ты дышать могла одной любовью,
Но любовь таила скорбь и муки.
О, как быстро обогрелись кровью
С нежностью протянутые руки!

Ты от всех ждала участия — жадно.
Все обиды, как дитя, прощала,
Но в тебя вонзались беспощадно
Острые, бесчисленные жала.

И теперь ты брошена на камни,
Как цветок, измолотый потоком.
Бедная былинка, ты близка мне, —
Мимо увлекаемому Роком!

Сентябрь — ноябрь 1907

Е. Т.

Кто глаза ее оправил
В завлекательный магнит?
Вместо сердца камень вставил,
Желтый камень хризолит?

И когда в блестящем зале,
Взор склонив, скользит она, —
Словно искрится в бокале
Ледяной огонь вина!

Смех ее — что звонкий голос
Разыгравшихся дриад.
Как на колос спелый колос,
Косы сложены назад.

Ах, я верю! в час, как щелкнет
Оградительный замок,
И весь мир кругом примолкнет,
Словно скромн и далек, —

Что за радость к этим губкам
Губы алчные склонить,
Этим жгучим, острым кубком
Жажду страсти утолить!

Да, я верю: в этом теле
Взвивность синего огня!
Здесь опасность,— в самом деле!—
Чур меня! ах, чур меня!

1909

НАЧИНАЮЩЕМУ

...доколь в подлупном мире
Жив будет хоть один поит!

А. Пушкин

Нет, мы не только творцы, мы все и хранители тайны!

В образах, в ритмах, в словах есть откровенья веков.
Гимнов заветные звуки для слуха жрецов не случайны,
Праздный в них различит лишь сочетания слов.

Пиндар, Вергилий и Данте, Гете и Пушкин — согласно
В явные знаки вплели скрытых намеков черты.

Их угадав, задрожал ли ты дрожью предчувствий неясной?

Нет? так сними свой венок: чужд Полигимнии ты.

1906

ИСПОЛНЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Романтическая поэма

*Благоговейно посвящается
памяти В. А. Жуковского*

1

Угрюм и грозен замок Твид.
Он со скалой как будто слит,
Как будто вырос из скалы.
Гнездятся по углам орлы,
От стен идет нагой отвес,
Внизу синее хвойный лес,
И, недоступно далека,
Змеится белая река.

Владыка замка, Гуго Твид,
Издавно бранной славой сыт.
Добытым на войне добром
С излишеством наполнен дом.
Казне у Твида счета нет;
С ним не тягается сосед,
А Твид оспорит короля;
Подвластны Твиду все поля,
Твид — стар, но силен до сих пор;
В его руке как гром топор;
И Твиду старому верна
Его прекрасная жена.

Ее он девочкой увез
На свой незыблемый утес;
Хранил года как ценный клад;
Воспитывал как добрый брат,
Чтоб после выбрать жениха;
Берег от тайного греха
Меж верных слуг и старых дев;
Но, божьей волей, овдовев,
Назначил ей удел иной
И сделал пленницу женой.

Гертруда вся — как сладкий сон.
Туманной тенью углублен
Ее лучистый взор; у ней
Звук голоса — как пенье фей,
И россыпь золотых волос —
Как кудри дев из мира грез;
Она легка — как тихий снег,
Ее беззвучен легкий бег,
Ее шагов не помнит слух,
Как будто мимо веял дух.

Вся жизнь Гертруды, с ранних лет,
Прошла, вдали от зол и бед,
На неприступной высоте.
Она лишь смутно, как в мечте,
Знавала реки и леса;
Ей ближе были небеса,
Где тихо облака плывут,
Где ночью ангелы поют,
Да лики с сумрачных икон —
Христа и вдумчивых мадонн.

Она была страстей чужда,
Людей не зная; иногда
Ей пел зашедший к ним певец
О связи любящих сердец,
Но внятней, чем любовный стих,
Ей были жития святых.

И, зная, как она живет,
Легенды заживо народ
Об ней слагал, — и слух ходил,
Что чудо ей господь явил.
В своей молельне, в дни поста,
Она усердно у креста
Одна молилась в поздний час,
И слезы из прекрасных глаз
Лились Христу на язвы ног;
И, вдруг, изваянный венок
Над каменным святым челом
Расцвел, как ветка под дождем!
И верили, — что вся страна
Ее мольбой охранена.

Шестые сутки в замке Твид
 Огонь до полночи блесит.
 В восточной башне угловой
 Гость водворился дорогой:
 Граф Роберт — Гуго давний друг.
 Один, без спутников и слуг,
 Обетом связанный своим,
 Идет он, скромный пилигрим,
 В одежде инок и бос
 В страну, где пострадал Христос.

Граф Роберт смертный грех свершил.
 Он брата своего убил
 В порыве гнева и с тех пор
 Поднять не смеет скорбный взор.
 Не снят с души тяжелый грех,
 И граф не ведает утех.
 И чужд ему веселый пир,
 И грустен радостный турнир.
 В его душе клеймо одно
 Рукой горящей возжжено;
 В его душе одна лишь страсть:
 Пред гробом господа упасть
 И вымолить себе покой...
 Зачем же в башне угловой,
 Где думал вечер отдохнуть,
 Он медлит, позабыв свой путь?

Граф Роберт — молод и красив.
 В его кудрях стальной отлив;
 Всегда он смотрит словно вдаль,
 Но затаив в себе печаль,
 Его глаза — как два клинка;
 Его слова, как облака,
 Меняют формы каждый миг;
 Но ярче и мудрее книг
 Его обдуманная речь,
 Сердца разящая, как меч.

С Гертрудой встретясь в первый раз,
Не поднял Роберт темных глаз.
То было поздно, в час глухой,
На узкой лестнице витой,
Где злые тени при огне
Качались грозно по стене.
Промолвил он, лицо клоня:
«Молись, святая, за меня!»
И был встревоженной мольбой
Ее ответ: «Господь с тобой!»

Но день спустя, в такой же час,
Опять вдали от чуждых глаз
Они сошлись. Был мрак уныл,
Над черной бездной ветер выл,
И в свете молнии — бледна
Была Гертруда у окна.
Шепнул смиренный пилигрим:
«Твоей молитвой я храним
Сегодня!» Но, смотря во тьму,
Та не ответила ему.

Когда же, в третий раз, опять
Пришлось им вместе задрожать
На башне перед ликом звезд,—
С груди сорвал он черный крест,
И пал к ногам ее, и ей
Сказал безвольно: «Будь моей!»—
Сказал, и к ней лицом приник...
И темен был безмолвный миг...
Но вдруг, как солнце впереди,
Ее ответ зажегся: «Жди!»

ПИСЬМО ГЕРТРУДЫ

«Мой господин! мой царь! мой брат!
Свершилось. Нет пути назад.
Не жаль мне в прошлом ничего.
Хочу лишь взора твоего,
Твоих, огнем горящих, уст.
Мир без тебя и дик и пуст.
Я годы целые спала;

Взошла денница и сожгла
Мои глаза своим лучом.
Рублю я радостным мечом
Нить жизни краткой — пополам.
Души спасенье я отдам
За день с тобою, — и в аду
У ног твоих я рай найду!
Как сон, я скину дни мои!
Увижу лес, поля, ручьи,
Увижу вольных певчих птиц!
У наших западных границ
Есть лог и три Проклятых Пня.
На склоне дня там жди меня!»

3

Алеют тихо облака.
И безрассудна и робка,
Лицо закрыв густой фатой,
В одежде странницы простой
Гертруда вышла из ворот.
Ее никто не поведет,
Ее никто не охранит, —
Но тщетно будет Гуго Твид
Искать изменницы-жены.
Ее движенья решены,
Как решена ее судьба:
Она — счастливая раба,
Пока захочет властелин,
Пусть жизнь, пусть год, пусть день один.
А после — дальний монастырь
Ей вновь закроет высь и ширь.

Меж буков, мрачных и немых,
Дорогой, полной чар лесных,
Скользит Гертруда в тишине,
И мир пред ней — как мир во сне,
Как память о иных мирах,
Порой томящая в мечтах.
Пьянит свобода, как вино,
И сердце мыслью прожжено:
Он ждет, *он* встретит, и они
Сольют свои уста в огни,
Сплетут извивы нежных рук,

Замрут в истоме сладких мук.
И страстный взгляд любимых глаз
Она увидит в первый раз!

Она идет вперед, вперед...
Так лишь лунатики обход
Свершают ночью вдоль стены
При свете пристальном луны.
Она скользит, как легкий челн
По ветру над качаньем волн,
Храня безволие свое.
Не ангел ли ведет ее?
Не бог ли правый с высоты
Благословил ее мечты?

Но чу! глухой, далекий скок.
И вторит лес, и вторит лог
Бряцанью шпор и лаю псов.
Не скрыться меж лесных стволов!
Не упредить лихих коней!
Все ближе, ближе, все ясней,
Все беспощадней стук копыт,—
И пред Гертрудой Гуго Твид!

4

Глуха подземная тюрьма.
В ней смрад и сырость, тишь и тьма.
Порой в ней тени говорят,
И кости давние стучат
Под непривычную ногой,
Рождая отзвук гробовой,—
Но звуки, умирая тут,
Гранитной толщи не пробьют,
Ни в замке, ни среди полей
Ничьих не возмутят ушей!
И с воли к тем, кто здесь забыт,
Зов ни один не долетит!

Припав к стене, в сыром углу,
Гертруда не глядит во мглу,
Не плачет, тщетно не зовет.
На миг сверкнул ей небосвод
Сияньем пламенной зари,—
И вновь померкли янтари.

На миг, в сияющем венце,
С улыбкой странной на лице,
Маня, предстала ей Любовь —
И в темный гроб упала вновь.
На миг зажглась над ней звезда, —
Чтоб закатиться навсегда!

Томят виденья в тишине!
В бреду больном иль в зыбком сне
Гертруда видит дальний лес,
Глубь вечеряющих небес,
И лог, и три Проклятых Пня...
При свете меркнувшего дня,
К сухой коре лицом припав,
Там ждет ее печальный граф.
Его глаза блестят во мгле;
Высокий посох — на земле;
А что в его руке? — кинжал?
Встал полный месяц, кругло-ал,
И чрез глазницы мрачных туч
Стал наводить на все свой луч.

И кажется Гертруде вдруг:
Благоухает лог и луг,
И снова, по траве полян,
Она бежит в ночной туман.
Слабеют силы; на ногах
Как будто цепи; холодный страх
Растет на сердце... Поворот...
И старый бук... И он... И вот
Слетает с уст невольный стон, —
И милый, милый к ней склонен!
Она сквозь слезы, чуть жива,
Лепечет нежные слова,
И слышит лепет нежных слов,
И видит страстный блеск зрачков,
И, холодея вся, как труп,
Впивает ласку жданных губ.
Что это? смерть иль страсти миг?
Стон боли или счастья крик?
Со странно-радостным лицом
Поверглась узница ничком.
В темнице, царственно-одна,
Стоит и смотрит тишина.

Померк на западе пожар.
 Настало время тайных чар.
 Раскрыли звезды ширь и высь;
 Сквозь ветви эльфы пронеслись;
 Вдали короной золотой
 Блеснул под буком Царь Лесной;
 И на поляне смех звончей
 Его беспечных дочерей.

Но графа не коснется страх.
 Не лезвие ль в его руках?
 Не крест ли на его груди?
 Но мрак все гуще впереди.
 Давно прошел условный час,
 Плыл месяц — и меж туч угас,
 Была надежда — и прошла,
 И мгла кругом, и в сердце мгла...
 Слабеет, никнет гордый дух,
 И граф молитву шепчет вслух:

«Ты не пришла, ты не придешь!
 Твое письмо — иль смех, иль ложь!
 А я, смиренный пилигрим,
 Обетом связанный своим,
 Посмел о радости мечтать!
 Бежать я должен, словно тать,
 В свитую землю поспешить,
 У гроба господя сложить
 И прежний грех, и эту страсть!
 К кресту пречистому припасть,
 Да скажет мне господь: «Пролью
 Елей я на душу твою!»
 Но если... Если в замке том
 Она томится под замком,
 И ждут ее — и суд и казнь!
 О, сердце сжавшая боязнь!
 О, ужас, впившийся в мечты!
 Но что во тьме?... Кто близко?... Ты?»

Лицо закрыв густой фатой,
 В одежде странницы простой,
 Как черный призрак через тьму,

Гертруда тихо шла к нему.
И граф спешит навстречу ей,
Зовет небесной и своей,
И ризы влажные края
Целует, счастья не тая,
И шепчет, что им должно прочь,
Что клонится к исходу ночь.

Но, словно статуя бледна,
Молчит в его руках она
И только льнет к нему нежней,
Как тень среди других теней.
Он близостью ее сожжен,
И страсти, бьющей в сердце, он
Уже не может одолеть!
Готов он вместе умереть
За миг блаженства здесь, теперь...
Закатный месяц, словно зверь,
Взглянул на них из низких туч...
Чу! где-то близко брызнул ключ...
И вот, под мерный говор струй,
Сверкнул их первый поцелуй!

Без клятв был заключен их брак.
Свидетелем был строгий мрак;
Меж трав, обрызганный росой,
Стоял незримый аналой;
Светили звезды им с небес;
Пропел им хор могучий лес;
И эльфы, легкие, как дым,
Приветствия шепнули им;
И, мимо проходя тропой,
Благословил их Царь Лесной.

6

Храня лица спокойный вид,
Сошел наутро Гуго Твид
С ватагой слуг в свою тюрьму.
Чуть факелы вспугнули тьму,—
Все вдруг поникли головой:
Лежал пред ними труп немой.
Была Гертруда хороша,

Как будто грешная душа
С восторгом отошла, пред тем
Увидев благодный Эдем.
Казалось: спит Гертруда, сжав
В руке пучок цветов и трав.
И было явно всем, что тут
Не нужен больше грозный суд!

И в тот же день бедняк пастух,
Свирелью услаждая слух,
Привел овец к Проклятым Пням,
И труп нашел, простертый там.
Граф Роберт словно тихо спал.
Высокий посох и кинжал
Лежали близ, в траве густой.
Был граф прекрасен, как живой,
С улыбкой счастья на устах.
Но в крепко стиснутых руках
С собой в могилу он унес
Прядь золотистую волос.

*Начато в 1901 г.
Кончено в 1907 г.*

Заключение

ОПРАВДАНИЕ ЗЕМНОГО

А н г е л

Огни твоей земной вселенной —
Как тень в лучах иных миров!

П о э т

Но я люблю мой дух надменный
И яркий блеск моих оков!

А н г е л

За гранью счастья и несчастий
Есть лучшей жизни небосвод!

П о э т

Но я хочу, чтоб темной страсти
Меня крутил водоворот!

А н г е л

Познаешь, кинув мир случайный,
Как сожигает полнота!..

П о э т

Но для меня в любви — все тайны,
В одном лице — вся красота!

26 января 1907

СЕЯТЕЛЬ

Я сеятеля труд, упорно и сурово,
Свершил в краю пустом,
И всколосилась рожь на нивах; время снова
Мне стать учеником.

От шума и толпы, от славы и приветствий
Бегу в лесной тайник,
Чтоб снова прикипать, как в отдаленном детстве,
К тебе, живой родник!

Чтоб снова испытать раздумий одиноких
И огненность и лед,
И встретить странных грез, стокрылых и стооких,
Забытый хоровод.

О радость творчества, свободного, без цели,
Ко мне вернешься ты!
Мой утомленный дух проснется в колыбели
Восторженной мечты!

Вновь, как Адам в раю, неведомым и новым
Весь мир увижу я
И буду заклинать простым и вещим словом
Все тайны бытия!

1907

ЗВЕЗДА

В дни юности, на светлом небе,
Признал я вещую звезду,
И принял выпавший мне жребий,
И за моей звездой иду.

И в темном мире, год за годом,
Меня кружит и водит Рок.
Я видел пред эдемским входом
Огнем пылающий клинок;

Я слепнул в нестерпимом блеске
Воздвигнутых Содомом зал;
Я грустной повести Франчески
В стране, где нет надежд, внимал...

Зачем же в лабиринт всемирный
Тяну я дальше нить свою?
Кому я ладана, и смирны,
И злата — царский дар таю?

Не даст ответа светоч горний...
Ад пройден, и за мной Эдем...
И все спокойней, все покорней
Иду я в некий Вифлеем.

1906

ФАЭТОН

Как в полдень колесница Феба
Стоит на ясной высоте,
По крутизне земного неба
И я взнесен к своей мете.

Я вижу с вечного зенита
Со всех сторон отвесный скат,
И мне одна стезя открыта:
Дуга крутая на закат!

Быть может, коней не сдержу я,
Как древле оный Фаэтон,
И звери кинутся, ликуя,
Браздить горящий небосклон.

Тогда, Кронион, суд исполни
И гибелью покрой мой стыд:
Пусть, опален зубцами молний,
Паду к ногам Океанид.

7 июня 1905

ПРИМЕЧАНИЯ

В первые три тома настоящего издания входят почти все стихотворения из 14 сборников В. Я. Брюсова, изданных при жизни поэта, а также: из подготовленного к печати, но неопубликованного сборника «Девятая Камена», незаконченной книги «Сны человечества» и избранные стихотворения, в эти сборники не включенные.

Стихи печатаются объединенными в сборники, из которых каждый, как писал Брюсов в предисловии к первому тому «Полного собрания сочинений и переводов», «составляет определенное целое и по содержанию, и по своему архитектурному строению». Внутри сборников стихи расположены по разделам, установленным самим поэтом. Поэмы и стихотворения, не вошедшие в сборники, но напечатанные автором в периодических изданиях, а также опубликованные посмертно или впервые публикуемые в настоящем издании, даются в хронологической последовательности в третьем томе.

Тексты стихотворений сверены со всеми прижизненными изданиями, а также с рукописями — беловыми и черновыми.

Основной фонд рукописей Брюсова находится в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, небольшие части архива — в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) и в Центральном государственном архиве литературы и искусства¹.

Брюсов с ранних лет тщательно сберегал все свои рукописи. Сохранились автографы подавляющего большинства его стихотворений². Это дало возможность установить их даты, которые в печатных источниках указаны часто неточно или не указаны вовсе (ради «архитектурного строения» сборников Брюсов нередко жертвовал точностью датировок: в сборник, объединяющий стихи определенного периода, он включал стихи, написанные в другое время, указывая дату, близкую ко времени создания основной части сборника). Расхождения с датами печатного текста оговариваются в примечаниях. В том случае, когда рукопись не датирована или не обнаружена, дается дата печатного текста. На шмуцтитулах с названиями

¹ Подробное описание рукописей В. Я. Брюсова дано в статьях Е. Н. Коншиной «Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве». — «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», вып. 25, М., 1962, и «Переписка и документы В. Я. Брюсова в его архиве». — Там же, вып. 27, М., 1965.

² При ссылках на рукописи, хранящиеся в ГБЛ, место хранения, как правило, не указывается.

сборников сохраняются авторские даты. Место написания стихов, не обозначенное в прижизненной публикации, но имеющееся в рукописи, указывается только в примечаниях. Кроме того, в примечаниях указывается первая публикация текста (слова «впервые опубликовано» опускаются).

Текст печатается в соответствии с принятыми в настоящее время правилами правописания, но с сохранением некоторых особенностей авторской орфографии и пунктуации. Брюсов, поручая в 1896 г. А. А. Лангу наблюдать за корректурой одного из своих сборников стихов, писал ему: «...старайся, чтобы все, даже запятые были именно так, как в рукописи (орфография у меня особенная)».

Тексты стихотворений, составляющих первый том настоящего издания, печатаются, за редким исключением, по тт. I—IV «Полного собрания сочинений и переводов», вышедших в издательстве «Сирин» в 1913—1914 гг. В рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина находится экземпляр этих томов с правкой Брюсова и И. М. Брюсовой (как правило, с ее пометой: «правка Брюсова»). Там же хранится разрозненный оригинал и отдельные корректурные листы первых томов неосуществленного собрания сочинений в 10-ти томах (изд-ва «Парус» и Гржебина, 1917—1923 гг.). Оригинал представляет собой страницы «Полного собрания сочинений и переводов» с правкой Брюсова, как правило, совпадающей с его же правкой в авторском экземпляре.

Незадолго до смерти Брюсов начал готовить трехтомное издание своих стихотворений. Сдав в издательство рукописи трех томов, он, однако, вскоре взял рукопись первого тома с целью доработать ее. Представлена она была в издательство уже после смерти поэта — И. М. Брюсовой, которая в предисловии к трехтомнику писала: «...к сожалению, том этот затерялся, почему пришлось составить его заново». Таким образом, автор не только не видел корректур этого издания, но и не принимал участия в подготовке первого тома. Поэтому поправки в т. I «Избранных произведений» безоговорочно принимаются лишь в том случае, если они подтверждаются правкой рукой Брюсова в авторском экземпляре и в оригинале собрания сочинений для издательства З. И. Гржебина. В остальных случаях правка в этих трех источниках (Избр. пр., авторский экз., оригинал собр. соч. для Гржебина), равно как и в прижизненных публикациях, принимается лишь тогда, когда доказана ее необходимость (исправление ошибки, уточнение рифмы и т. п.).

Стихи, вошедшие во второй и третий тома настоящего издания, печатаются по прижизненным авторским сборникам.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Авт. экз. — Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений и переводов, тт. I—IV. СПб., «Сирин», 1913—1914, с авторскими исправлениями и дополнениями (ГБЛ).

Автобиогр. — Валерий Брюсов. Автобиография. — В кн.: «Русская литература XX века. 1890—1910». Под ред. проф. С. А. Венгерова. Т. 1. М., изд. «Мир», 1914, с. 101—118.

Б — журнал «Беседа».

Блок — А. Блок. Собрание сочинений в восьми томах. М.—Л., 1960—1963.

- БП** — В. Брюсов. Стихи и поэмы. — «Библиотека поэта». Большая серия. Л., 1961.
- В** — журнал «Весы».
- ВЖ** — журнал «Вопросы жизни».
- ВН** — «Все напевы» — см. **ПП III**.
- ГБЛ** — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Москва).
- ГПБ** — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
- Грж. экз.** — разрозненный оригинал и верстка неосуществленного Собрания сочинений в десяти томах, изд-во Гржебина, М. (ГБЛ).
- Дневник** — Валерий Брюсов. Дневники 1891—1910, изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1927.
- Дневник-ГБЛ** — Неопубликованные дневниковые записи В. Я. Брюсова за 1891—1910 гг., хранящиеся в ГБЛ.
- ЕС** — журнал «Ежемесячные сочинения».
- ЖДВ** — «Журнал для всех».
- ЗР** — журнал «Золотое руно».
- Избр. 1915** — Валерий Брюсов. Избранные стихи (1897—1915), изд. «Универсальная библиотека», М., 1915.
- Избр. пр. I—II** — Валерий Брюсов. Избранные произведения: т. I. Стихотворения 1894—1905 гг. М.—Л., ГИЗ, 1926; т. II. Стихотворения 1905—1912 гг. М.—Л., ГИЗ, 1926.
- Избр. соч. I—II** — В. Брюсов. Избранные сочинения в двух томах: т. I. Стихотворения. Поэмы. М., Гослитиздат, 1955; т. II. Переводы, Статьи. М., Гослитиздат, 1955.
- ИМЛИ** — Рукописный отдел Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
- «Из моей жизни»** — В. Брюсов. Из моей жизни. Моя юность. Памяти, изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1927.
- ИРЛИ** — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).
- КР** — К. Д. Бальмонт, Валерий Брюсов, Модест Дурнов, Ив. Коневской. Книга раздумий. СПб., 1899.
- Круг.** — Валерий Брюсов. Кругозор. Избранные стихи. М., ГИЗ, 1922.
- ЛН** — «Литературное наследство».
- Неизд. 1935** — Валерий Брюсов. Незаданные стихотворения. ГИХЛ, 1935.
- НП** — журнал «Новый путь».
- «Опыты»** — Валерий Брюсов. Опыты. М., кн-во «Геликон», 1918.
- Письма Перцову** — Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову (К истории раннего символизма). М., ГАХН, 1927.
- ПП I—III** — Валерий Брюсов, Пути и перепутья. Собрание стихов: т. I (1892—1901), М., кн-во «Скорпион», 1908; т. II (1901—1905), М., кн-во «Скорпион», 1908; т. III (1906—1909), М., кн-во «Скорпион», 1909.
- ПР** — журнал «Печать и революция».
- ПСС I—IV, XXI** — Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений и переводов: т. I. Стихи 1892—1899 гг., СПб., «Сирин», 1913; т. II. Стихи 1897—1901 гг., СПб., «Сирин», 1914;

- т. III. Стихи 1901—1904 гг., СПб., «Сирип», 1914;
 т. IV. Стихи 1905—1909 гг., СПб., «Сирип», 1914;
 т. XXI. Французские лирики XIX в. СПб., «Сирип», 1913.
- PM* — журнал «Русская мысль».
- РС* 1—3 — «Русские символисты». Вып. 1, М., 1894; вып. 2, М., 1894; вып. 3, М., 1895.
- СМ* — журнал «Современный мир».
- СЦ* 1901, 1902, 1903 — альманах «Северные цветы».
- СЦА* — альманах «Северные цветы ассирийские», 1905.
- ЦГАЛИ* — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- Чтения*, 1962, 1963 — «Брюсовские чтения 1962 года», Ереван, 1963; «Брюсовские чтения 1963 года», Ереван, 1964.
- Чулков* — Г. Чулков. Годы странствий. М., 1930.
- Ch I, II* — Валерий Брюсов, *Chefs d'œuvre*, Сборник стихотворений (осень 1894 — весна 1895). М., 1895; 2-е изд. М., 1896.
- Juv* — *Juvenilia* (Юношеское). — Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений и переводов. Т. 1. Стихи 1892—1899 гг. СПб., «Сирип», 1913.
- МЕЕ* — Валерий Брюсов. *Me eum esse*. Новая книга стихов. М., 1897.
- St* — Валерий Брюсов, *Stephanos*. Венок. Стихи. 1903—1905 гг. М., кн-во «Скорпион», 1906.
- TV* — Валерий Брюсов, *Tertia Vigilia*. Книга новых стихов. 1897—1900. М., кн-во «Скорпион», 1900.
- УО* — Валерий Брюсов, *Urbi et Orbi*. Стихи 1900—1903 гг. М., кн-во «Скорпион», 1903.

СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ

*JUVENILIA*¹

Под заглавием «Juvenilia» (Юношеское — *лат.*) Брюсов собрал стихотворения 1893—1895 гг. В ГБЛ хранится написанный рукой поэта сборник, получивший 9 августа 1896 г. цензурное разрешение на издание². Однако он не вышел в свет: по всей видимости, из-за недостатка средств у автора. Сборник открывается предисловием: «Произведения, которые сам автор называет юношескими, не могут иметь самостоятельного значения. *Juvenilia* важны только потому, что они первая ступень *моей* поэзии, первая фаза *ее* развития. Каждый поэт начинает подражаниями: он должен достичь своих предшественников, чтобы идти дальше. Каждый лирик начинает узко субъективными стихотворениями: вдохновеннее юности еще граничит с простым возбуждением чувства. *Juvenilia* — начальная книга *моей* поэзии³. Они написаны под сильным влиянием Гейне и Верлена и передают настроения, прямо данные жизнью. Впоследствии, в *Chefs d'œuvre*, моя поэзия пытается найти содержание вне личной жизни и, оставаясь подражательной, уже равняется со своими образцами.

В *моей* будущей книге — *Me eum esse* (Это — я) — я надеюсь свести действительность к роли простой модели художника; я надеюсь создать поэзию, чуждую жизни, воплотить настроения, которые жизнь дать не может. Вместе с тем я думаю, что в этой будущей книге моя поэзия найдет свои собственные краски, свои собственные формы. Возвращаясь к *Juvenilia*, даю совет читать этот сборник как роман или как тетрадь дневника. Стихи расположены в хронологическом порядке и, начиная со второго отдела, представляют собою последовательную хронику *моей* жизни за полтора года. Теперь несколько слов критикам. Известно, что они были очень неблагодарны ко мне; иной поэт за всю свою деятельность не услышит столько брани, сколько я должен был перенести за какие-нибудь три года. Следуя завету, я не намерен «оспаривать» моих арistarхов, но несколько слов все же принужден сказать. Именно, я полагаю, что, имея дело главным образом с моими литературными произведениями, всякий критик обязан быть очень осторожным, го-

¹ В архиве издательства сохранились примечания к сб. «*Juvenilia*», сделанные покойным Н. К. Гудзисом для предполагавшегося в 1936—1938 гг. собрания сочинений В. Я. Брюсова в 12 томах. Для настоящего издания примечания Н. К. Гудзиса подготовлены М. Васильевым и Р. Щербаковым.

² В дальнейшем при ссылке на эту рукопись указывается: «ценз. экз.»

³ Большая часть стихотворений, вошедших в «*Juvenilia*», были напечатаны в сборниках «Русские символисты». (Прим. Брюсова.)

воря обо мне как о частном человеке. Между тем находятся лица, которые, пользуясь сообщениями (по их собственным словам) «какого-то рифмача», возводят на меня грязные обвинения («Новое время», № 7098, статья Буренина). Переходить на личности — обычный прием у некоторых спорщиков. Полагаю, что каждый из моих читателей сам поймет, как относиться к подобным выходкам. Валерий Брюсов. 30 мая. 1896 г.».

Несмотря на то, что и в более поздние годы несколько раз объявлялось о подготовке к изданию *Лив*, сборник появился лишь в *ПСС I*. Помимо пяти стихотворений, напечатанных впервые, в него вошло 23 стихотворения из *РС* и одно перенесено из *ChI* (поэма «Осенний день»).

Лив в *ПСС I* посвящено «Памяти Елены К.» — Елены Андреевны Масловой (она жила в семье своего отчима Краскова), которой юный поэт был увлечен в 1892—1893 гг. Маслова умерла от черной оспы 18 мая 1893 г. 7 июня 1893 г. Брюсов записал в *Дневнике*: «Живу в прошлом, ею. Она! она! она! Добиваюсь ее карточки, говорю о ней. Всегда и всюду она...» (*ГБЛ*). В память о Масловой он взял ее фамилию литературным псевдонимом: Маслов — фамилия издателя *РС I*. О Масловой поэт вспоминает в автобиографической повести «Моя юность», где она выведена под именем Нины Карниной.

ПРОЛОГ

Эпиграф из книги Малларме «*Divagations*» («Уклоны»). Один из основоположников символизма, французский поэт Стефан Малларме (1842—1898) различал обыденную речь (практический язык) и язык литературный. Для литературного языка, по его мнению, характерны не названия вещей, а лишь намеки на них. В краткой автобиографии (в сб. «Книга о русских поэтах последнего десятилетия», СПб.— М., 1909) Брюсов писал «Знакомство в начале 90-х годов с поэзией Верлена и Малларме, а вскоре и Бодлера, открыло мне новый мир. Под впечатлением их творчества созданы те мои стихи, которые первыми появились в печати (1894—1895 гг.)».

Сонет к форме (стр. 33) — *ПСС I*, с датой 1894. В черновой рукописи первоначальный вариант конца:

Так с формою божественность слита,
Так внешнею облечена мечта,
Так вечный дух охвачен властью тела.
Признай ее! Создавши идеал,
Храни его для жизненного дела
И у богов оставь их пьедестал.

15 января 1896 г. поэт вернулся к началу стихотворения:

Есть ласково-мистические связи
Меж запахом и контуром цветов,
Есть бледный свет мелькающих фантазий,
А каждый миг исполнен тайной слов.

Я весь дышу аккордом мироздания,
Всегда дрожит тревожная мечта,
И для меня блаженство и страданья,
И день, и ночь — все блеск и красота.

Осеннее чувство (стр. 33) — *РС I*. В рукописи заглавие «Из М. (?) Малларме (сонет)» и эпиграф из его сонета «Une dentelle s'abolit...» («Кружево уничтожается...» — *франц.*). В *ПСС I* с датой 1892.

Самоуверенность (стр. 34) — *РС I*, без заглавия. В *ПСС I* с датой 1892. В рукописи без заглавия с пометой: «Пеле». По поводу этого стихотворения Вл. Соловьев писал: «Несмотря на «ледяные аллеи в атласном саду», сюжет этих стихов столько же ясен, сколько и предосудителен. Увлекаемый «полетом фантазий», автор засматривался на дощатые купальни, где купались лица женского пола, которых он называет «феями» и «наядами»... Будем надеяться, по крайней мере, что «ревнивые доски» оказались на высоте своего призвания. В противном случае, «золотистым феям» оставалось бы только окатить нескромного символиста из тех «непонятных ваз», которые в просторечии называются шайками... Общего суждения о г. Валерии Брюсове нельзя произнести, не зная его возраста. Если ему не более 14 лет, то из него может выйти порядочный стихотворец, а может и ничего не выйти. Если же это человек взрослый, то, конечно, литературные надежды... неуместны» (журн. «Вестник Европы», 1894, № 8). Позднее Брюсов писал: «...1-й выпуск «Русских символистов», так же как и последовавшие вскоре два других, осенью 1894 г. и летом 1895 г., вызвали совершенно несоответствующий им шум в печати. Посыпались десятки, а может быть, и сотни рецензий, заметок, пародий, и, наконец, их высмеял Вл. Соловьев, тем самым сделавший маленьких начинающих поэтов, и прежде всего меня, известными широким кругам читателей. Имя «Валерий Брюсов» вдруг сделалось популярным, — конечно, в писательской среде, — и чуть ли не нарицательным» (*Автобиограф.*).

Уныние (стр. 35) — *РС I*, под заглавием «Из М. Метерлинка», с датой: «Зима 92—93 года» и в другой редакции:

Сердце, полное унынием,
Затемни звездой любви,
Горизонта полулинией
Очертанья оборви.
Чтобы в сумраке таинственным
Помрачился свод небес,
И казался снова лиственным
Оголенный бурей лес;
И тогда, счастлив обманами,
Под угрозами лучей,
Упиваться буду странными
Повтореньями речей.

В рукописи эта редакция датирована 24 октября 1893 и посвящена Тале (см. прим. на стр. 570). Характер правки в ценз. экз. позволяет датировать печатную редакцию предположительно 1896 г.

Творчество (стр. 35) — *РСЗ*. В *ПСС I* с датой 1894. В ценз. экз. в разделе «Искусство» из шести строф. 18 ноября 1895 г. в газете «Новости» была помещена беседа с молодыми символистами. Брюсов рассказал корреспонденту газеты: «Г-н Соловьев, стараясь убедить меня, что месяц и луна в сущности однозначные понятия, —

точно я и без него этого не понимаю! — острил, между прочим, на тему о том, что неприлично-де ему, месяцу, всходить обнаженному при ней, луне... Это забавно, но не убедительно. Подумайте: какое мне дело до того, что на земле не могут быть одновременно видны две луны, если для того, чтобы вызвать в читателе известное настроение, мне необходимо допустить эти две луны, на одном и том же небосклоне. В стихотворении, о котором идет речь, моей задачей было изобразить процесс творчества. Кто из художников не знает, что в эти моменты в душе его роятся самые фантастические картины... С целью внушить читателю то же настроение, я могу прибегать к самым сильным, к самым неестественным преувеличениям: в одно и то же время не может быть четыре зари, а между тем, если бы мне понадобилось, я бы, не задумываясь, сказал нечто подобное, например:

Словно на всех концах небосклона
Вспыхнуло разом
Четыре зари!..»

Вспоминая дом Брюсовых на Цветном бульваре, Вл. Ходасевич писал: «Полукруглые печи примыкали к аркам. В кафелях печей отражались лапчатые тени больших латаний и синева окон. Эти латании, печи и окна дают реальную расшифровку одного из ранних брюсовских стихотворений, в свое время провозглашенного верхом бессмыслицы: «Тень несозданных созданий...» (журн. «Современные записки», Париж, 1925, № 23). По воспоминаниям И. М. Брюсовой, луна в этом стихотворении — большой фонарь у здания цирка, находящегося как раз напротив дома поэта.

«О, закрой свои бледные ноги» (стр. 36) — РСЗ. По поводу этого стихотворения Брюсов говорил: «Если вам нравится какая-нибудь стихотворная пьеса, и я спрошу вас: что особенно вас в ней поразило? — вы мне назовете какой-нибудь один стих. Но ясно ли отсюда, что идеалом для поэта должен быть такой один стих, который сказал бы душе читателя все то, что хотел сказать ему поэт?..» (газ. «Новости», 1895, 18 ноября, № 318). Примерно то же писал Брюсов 17 августа 1895 г. в письме к П. П. Перцову (*Письма Перцову*, стр. 35). Однажды критик А. Измайлов задал Брюсову вопрос: «Какой смысл могло иметь Ваше одностиишие о «бледных ногах»?.. Правда ли, будто оно относилось к снятому с креста Христу? В таком случае, в нем в самом деле был смысл». Брюсов ответил: «Нет. Я не разумел этого. Тогда, в самом начале, я и Бальмонт ничуть не меньше, чем и сейчас, интересовались всякими новыми формами стиха. Мы остановились на факте, что у римлян были законченные стихотворения в одну строку. У них в самом деле есть однострочные эпиграммы или эпитафии, вполне округленные по смыслу. Я просто хотел сделать такую попытку с русским стихом» (А. Измайлов. Литературный Олимп, М., 1911, стр. 395). В одной из тетрадей, куда юный поэт записывал свои произведения, сохранилось несколько однострочных стихотворений. Например, 29 ноября 1894 г.: «На пике скалы у небес я засну утомленно», 24 августа 1895 г.: «Воскреснувшей страсти безумные очи».

«Она в густой траве запряталась ничком...» (стр. 36) — РСЗ, под астрономом: ***. В рукописи под заглавием «Оболенная» и с примечанием автора: «Какая трогательная мысль сблизить падение Римской империи со смертью древнего Януса и минуту раскаянья падшей с последним прости Девственной

богини». Крылатое выражение «умер великий Пип» означает конец какого-либо исторического периода. *Равенна* — город в Италии, резиденция последних римских императоров, где в 476 г. последний из них, Ромул Августул, был низложен варварским (германским) вождем Одоакром.

Ученый (стр. 36) — *РСЗ*, без заглавия. В *ПСС I* с датой 1894. Судя по положению в тетради рукописей, написано в 1895 г., не позже 19 апреля. В ценз. экз. под заглавием: «К критику» в разделе «Искусство» и с посвящением Владимиру Максимовичу Фриче (1870—1929), товарищу Брюсова по университету, впоследствии марксисту-искусствоведу и историку литературы. *Столпи* — примечания, пояснения к тексту. *Ариман* — греческое имя древнеперсидского бога Анхра-Майнью, олицетворявшего злое начало; вечный враг своего брата *Ормузда* (Ахурамазду), олицетворявшего доброе начало.

Отверженный герой (стр. 37) — *РС2*, без заглавия и посвящения. В рукописи без заглавия с пометой: «Испр. 23». *Дени Папин* (1647 — ок. 1714) — франц. физик, один из изобретателей парового двигателя. Существует легенда, что в 1707 г. опасавшиеся конкуренции лодочники разбили построенное им судно с паровыми двигателями. Трагическая история жизни Папина изложена в книге Г. Тиссандье «Мученики науки», которой Брюсов «зачитывался» в детстве (*Автобиогр.*). Весной 1888 г. Брюсов написал стихотворение «Изобретатель», излагающее трагическую историю изобретателя парового судна.

«Господи! Господи!..» (стр. 37) — *ПСС I*. В рукописи стихотворение переходит в ритмическую прозу.

ПЕРВЫЕ МЕЧТЫ

Эпиграф к разделу — из стихотворения Г. Гейне «Ein Jüngling liebt ein Mädchen...» («Юноша любит девушку...» — нем.). В *РС I* этот раздел посвящен «памяти Е.», то есть Е. А. Масловой.

«Мы встретились с нею случайно...» (стр. 38) — *РС I*. В *ПСС I* с датой 1892. В ценз. экз. под заглавием «Фантазия» и с датой: «1893, январь». В рукописи с пометами: «Три стихотворения утра 27 апреля, подражание Гейне» и «Леле» (Е. А. Масловой) и с эпиграфом «Es ist eine alte Geschichte, || Doch bleibt sie immer neu» («Это старая история, которая вечно остается новой» — нем.), первая строка которого в *ПСС I* стала эпиграфом раздела. В *Дневнике* 27 апреля 1893 г.: «Сегодня в один присест набросал 3 стихотворения. Сегодня решительное свидание» (*ГБЛ*).

«Это было? Неужели?...» (стр. 38) — *ПСС I*, с датой 1892. Поскольку стихотворение входит в цикл, посвященный Е. А. Масловой (в ценз. экз. оно под рубрикой «Леля»), создававшийся в 1893 г., в наст. изд. оно датировано 1893.

«Полутемное окошко...» (стр. 39) — *РС I*, под названием «С португальского». В *ПСС I* с датой 1892. В рукописи с пометой: «Леле», датой: «4 мая. После свидания» и эпиграфом из стихотворения А. С. Пушкина «С португальского»: «Там звезда любви взошла, || Пышно роза расцвела» (у Пушкина: «Там звезда зари взошла, || Пышно роза процвела»). Судя по положению в тетради, написано в 1893 г.

«Мечты, как лентами, словами...» (стр. 40) — *ПСС I*, с датой 1892. Редакция, датированная 20 ноября 1894, опубликована в *Неизд. 1935*.

Заветный сон (стр. 40) — *РС I*, под заглавием «Люби». В *ПСС I* с датой 1892.

Из письма (стр. 40) — *РС 2*, с подзаголовком: «(Марселины Вальмор)». В *ПСС I* с датой 1892. В рукописи под заглавием «Письмо (Из Марселины Вальмор)» и с эпиграфом: «Les femmes ne doivent pas écrire.— Je le sais.— J'écris pourtant» («Женщинам не следует писать.— Я это знаю.— Но все же пишу» — *франц.*). Марселина Деборд-Вальмор (1785—1859) — *франц.* поэтесса. В *ПСС XXI* помещено три ее стихотворения в переводах Брюсова, среди которых «Письмо женщины» («Я знаю, женщинам не следует писать...»). В прим. *ПСС XXI* Брюсов писал: «Во французской лирике голос М. Деборд-Вальмор — один из самых нежных, из самых задушевных голосов».

Вечером перед церковью (стр. 41) — *РС I*. В рукописи посвящение: «Елене» (Е. А. Масловой).

НОВЫЕ ГРЕЗЫ

Эпиграф из XVI строфы четвертой главы «Евгения Онегина». В ценз. экз. отдел называется «Стихи к Тале (1893 г., лето — осень)». Талья — Наталья Александровна Даруэс, вместе с Брюсовым участвовала в любительских спектаклях. 16 августа 1895 г. в *Дневнике* запись: «Сегодня я видел Талю. Талья, Талья! Какое забытое звучит мне в этом слове, в этом имени, которое сияло мне при Новых Грезах» (*ГБЛ*).

«Мрачной повиликой...» (стр. 42) — *РС I*. В *ПСС I* с датой 1892. В рукописи под заглавием: «На сельском кладбище» и с посвящением «Тале».

«Беспощадною орбитой...» (стр. 42) — *РС I*. В *ПСС I* с датой 1892. В рукописи посвящение: «Тале».

«В тиши задремавшего парка...» (стр. 44) — *РС I*. В рукописи с посвящением «Тале». В *ПСС I* с датой 1892 и с опечаткой в строке 1: «В тени задремавшего парка...» Исправлено по содержанию в *ПСС I* и по ценз. экз.

«Звездное небо бесстрастное...» (стр. 44) — *РС I*. В рукописи с пометой: «11 мая. У Ланга». В *ПСС I* с датой 1892.

«Звезды тихонько шептались...» (стр. 45) — *РС I*. В *ПСС I* с датой 1892.

«Звезды закрыли ресницы...» (стр. 45) — *РС I*. В *ПСС I* с датой 1892. В рукописи посвящение: «Леле» (Е. А. Масловой) и эпиграф: «Мои надгробные цветы || Должны быть розовой окраски. Фофанов» (из стихотворения «Элегия»); рядом с датой помета: «утро».

«Слезам блестящие глазки...» (стр. 45) — *РС I*. В рукописи с посвящением: «Тале».

Мечты о померкшем (стр. 46) — *РС 2*, под псевдонимом: М.; в *ПСС I* с датой 1893. В рукописи под заглавием «На брачной постели» и с эпиграфом: «Souvenir! souvenir! que me veux-tu. P. Verlaine» («Воспоминание! воспоминание! чего ты хочешь от меня. П. Верлен» — *франц.*), из стихотворения «Nevermore»

(«Никогда» — *англ.*). Под стихотворением помета: «На дороге с Лангом и дома ночью». Было перепечатано Перцовым в изданной им антологии «Молодая поэзия» (СПб., 1895). Одиннадцать лет спустя Брюсов писал ему: «Но знаете, *первым человеком*, который признал меня как поэта, были *Вы*, перепечатав в «М. Поэзии» «Мечты о померкшем». Это было буквально первое в моей жизни («со стороны», не «от своих») одобрение моей поэзии. Очень помню» (П. Перцов. Литературные воспоминания. М.—Л., 1933, стр. 159).

З м е и (стр. 46) — *РС1*, без заглавия и с вариантом строфы 3 (приведена в прим. *ПСС1*). В рукописи под заглавием «Волоса» и с посвящением: «Тале».

В с а д у (стр. 47) — *РС2*, без заглавия и в другой редакции (приведена в прим. *ПСС1*). В рукописи посвящение: «Эрл. Мартову». Мартов-Бугон — поэт, участник *РС*.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Встреча после разлуки (стр. 48) — *ПСС1*, с датой 1894. В рукописи помета: «16-го (ночь). После встречи с Талей». В ценз. экз. под заглавием «Встреча с Талей». 17 августа 1895 г. в *Дневнике*: «Весь день сегодня еще нахожусь в возбужденном состоянии и все продолжаю писать песни о Тале...» (*ГБЛ*). Действительно, 16 августа Брюсов написал 7 стихотворений, среди них «Пурпур бледнеющих губ», «День утраты», а также лирическая поэма «Встреча после разлуки». На следующий день поэт написал еще 7 стихотворений и поэму в октавах «И снова».

О с е н н и й д е н ь (стр. 49) — *ChI*, с посвящением: «Мане». В рукописях пометы: «Посв. Марии П.» и «25 сент. 94 г.». Маня — Мария Павловна Шириева — свояченица А. А. Ланга (Миропольского). Брюсов считал эту поэму слабой. «...я смотрю на «Осенний день» очень недовольными очами и в вашем определении — «бледные расплывчатые акварели» я порицаю только последнее слово: слово «акварели» — незаслуженная честь для девяти безрамочных (от слова *рама*) олеографий» (*Письма Перцову*, стр. 41). Видимо, поэтому он не включил ее в *ChII*, а перенес в сборник юношеских произведений. В *Авт. экз.* и в *Грж. экз.* имя «Леся» заменено именем «Нина» (см. прим. на стр. 566) и сделано много исправлений.

CHEFS D'ŒUVRE

Chefs d'œuvre — Шедевры (*франц.*). 12 марта 1895 г. Брюсов писал Перцову: «Больше интересует меня моя новая книга *Chefs d'œuvre*, которая появится осенью. Это будут шедевры не моей поэзии (в будущем я — несомненно — напишу и более значительные вещи), а шедевры среди современной поэзии...» (*Письма Перцову*, стр. 11). 21 марта запись в *Дневнике*: «*Chefs d'œuvre*» переписаны. Завтра отдам в цензуру. Много, много там плохого... однако молчать!» (*ГБЛ*). В письмах к Перцову летом: «...все напечатанное мною до сих пор было еще детскими опытами. *ChdO* — первая более или менее серьезная книга... утверждаю, что поэзия погибает. Ей нужен переворот — и увы! мои *ChdO* не могут его произвести. Вспоминая об них, я опять краснею. Было время, когда я твердо решил отказаться от их издания, да и теперь корректура тщетно

ждет меня... Впрочем, если останусь в том настроении, как сейчас, они появятся» (*Письма Перцову*, стр. 30, 28). 20 августа в *Дневнике*: «Все жду Chefs d'œuvre и из-за этого ничем не могу заниматься». Далее каждый день в *Дневнике* лаконичное и нетерпеливое: «Жду». И наконец 25 августа: «рассылаю etc» (*ГБЛ*). В этот же день Брюсов пишет Перцову: «Не знаю, меланхолия ли продиктовала мне взгляд на мои Шедевры, или их появление и должно было усилить эту «меланхолию», но первые дни я не мог видеть эту книжонку. Были минуты, когда я подумывал бросить все экземпляры попросту в печь. «Какие это шедевры, — говорил я себе, — это несчастные вирши с претензиями — и только» ...Умоляю Вас, читая ее, — читать все подряд, от предисловия к содержанию включительно, ибо все имеет свое назначение, и этим сохранится хоть одно достоинство — единство плана» (*Письма Перцову*, стр. 37).

Первое издание *ChI* («Сборник стихотворений || осень 1894 — весна 1895») вышло тиражом 600 экз., в него вошли 32 стихотворения и поэма «Снега». Второе издание (*ChII*) вышло в марте 1896 г. таким же тиражом. Автор, исключив поэму «Осенний день» (см. прим. на стр. 571) и два стихотворения, добавил три новые поэмы и 14 стихотворений, а также снабдил некоторые стихотворения примечаниями. Вводя этот сборник в *ППИ* (под общим заглавием «Юношеские стихотворения» напечатаны *Juv* и *Ch*), поэт отбросил 9 стихотворений из *ChII*, но добавил два новых стихотворения. В четвертое издание (*ПССИ*) вошло большинство стихотворений прежних изданий (часть стихотворений *ChII* отнесена к другим сборникам) и сверх того 15 новых и одна лирическая поэма. Первое издание вышло со следующим предисловием:

«О, если б без слова // Сказать ¹ душой было можно.
(Фет) <«Как мошки зарею...»>
Мысль изреченная есть ложь.
(Тютчев) <«Silentium!»>

Наслаждение произведением искусства состоит в общении с душой художника и вызывается примирением в ней таких идей, которые обыкновенно чужды друг другу. Сущность в произведении искусства — это личность художника; краски, звуки, слова — материал; сюжет и «идея» (то есть обусловленное единство) — форма; конечно, и форма может иметь значение в том отношении, что одна полнее выразит личность художника, другая менее полно, но только в этом. Мы наслаждаемся поэмами Тассо, хотя содержание их для нас не интересно, а идеи чужды. Эволюция новой поэзии есть постепенное освобождение субъективизма, причем романтизм занимает место классицизма и сам уступает символизму. Chefs d'œuvre — последняя книга моей юности; название ее имеет свою историю, но никогда оно не означало «шедевры моей поэзии», потому что в будущем я напишу гораздо более значительные вещи (в 21 год позволительно давать обещания!). Печатаю свою книгу в наши дни, я не жду ей правильной оценки ни от критики, ни от публики. Не современникам и даже не человечеству завещаю я эту книгу, а вечности и искусству. Март. 1895 г. Москва.

Первая книга Брюсова была встречена недоброжелательно. 17 сентября 1895 г. Брюсов писал В. К. Станюковичу: «Вышли мои

¹ У Фета: «сказаться».

Шедевры. Эффект их появления был весьма значительным, но и весьма печальным. Против меня восстали все, даже и те, которые убедительно торопили меня напечатать эту мою книжку. Бесконечно возмутило всех предисловие. Сознаюсь, я там пересолил немного, но ведь надо стать в положение человека, которого полтора года безустанно ругали во всех журналах и газетках» (*ЦГАЛИ*). Через много лет Брюсов вспоминал: «Озаглавил я... свой первый сборник стихов... *faute de mieux*¹ «*Chefs d'œuvre*»... Сколько могу теперь судить сам о своих стихах, «шедевров» в книжке не было, но были стихотворения хорошие, было несколько *очень* хороших, и большинство было вполне посредственных. Совсем плохих было дватри, не более. Критики, однако, прочли только одно заглавие книжки, то есть запомнили только одно это заглавие, и шум около моего имени учетверился» (*Автобиограф.*).

К *ChII* Брюсов дал другое предисловие:

«Ты им доволен ли, взыскательный художник?

«Пушкин «Поэту»»

Составляя первое издание этой книги, я имел целью дать сборник своих несимволических стихотворений, вернее, таких, которые я не могу назвать вполне символическими. То же направление выдержано и во втором издании. Не все из вновь добавленных стихотворений написаны *после* первого издания *Chefs d'œuvre*; некоторые принадлежат к числу отвергнутых прежде, потому что было время, когда я не хотел издавать произведения, в которых сам видел недостатки; тогда я еще смутно надеялся, что мои стихи найдут себе истинных читателей. Такой надежды более у меня нет совершенно. И критика, и публика, и те лица, мнениями которых я дорожил, и те, которых вправе считать поклонниками моей поэзии, — высказали такое грубое непонимание ее, что я теперь только смеюсь над их суждениями. Теперь я не пахожу нужным из-за второстепенных недостатков скрывать произведения, в которых есть замечательные частности, тем более что они и по духу, и по стилю вполне принадлежат *Chefs d'œuvre*. Пусть же в полном составе звучит тот хор, голос которого уносится в далекое будущее. В своем настоящем виде моя книга кажется мне вполне законченной, и я, спокойнее чем когда-либо, завещаю ее вечности, потому что поэтическое произведение не может умереть. Все на земле преходяще, кроме созданий искусства. 24 декабря 1895 г. Ночь».

Третье издание этого сборника (*ППИ*) посвящено уже не «вечности и искусству», а «другу давних лет» А. Л. Мировпольскому (один из псевдонимов Александра Александровича Ланга). Это посвящение сохранено и в четвертом издании (*ПССИ*). Начавшаяся еще в гимназии Креймана, дружба Брюсова с Лангом продолжалась до смерти последнего в 1917 г. Поэт-символист Ланг активно участвовал в выпусках *РС*, а также в альманахах «Северные цветы», «Гриф» и др. В 1902 г. вышла с предисловием Брюсова его поэма «Лествица».

СТИХИ О ЛЮБВИ

Раздел впервые в *ПП I*, но без эпиграфа. Эпиграф — измененный стих Проперция — из ранней редакции романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. 8, строфа IV).

¹ за неимением лучшего (*франц.*).

Цикл, по-видимому, посвящен М. П. Ширяевой (см. прим. на стр. 571). 25 ноября 1894 г., в день написания сонета «Предчувствие», в *Дневнике* запись: «Сегодня видел Маню и против обыкновения провел время мило и чуть-чуть даже вдохновился... Пишу, и недурно» (ГБЛ).

Предчувствие (стр. 57) — *Ch I*. В *ПСС I* с датой 1895. В *Ch II* стихотворение в третьем лице, с разочтнениями и с примечанием: «Гуява, иначе ямбуза, растение из семейства миртовых; орхидеи — растения общеизвестные; ящеры — ад. *Dracones volantes* (крылатые ящерицы из семейства *dendrophileae*, для которых Ява — родина)».

Перед темной завесой (стр. 57) — *ПСС I*, с датой 1895. В беловом автографе последней редакции рукой Брюсова поставлены даты: 1896, 1911. Вероятно, в 1911 г. поэт дописал последние строфы; дата 1896 поставлена ошибочно. В рукописи эпиграф: «Слова теряют смысл первоначальный» <Ф. Сологуб, «Цветы ропают вешний аромат...»>

Измена (стр. 58) — *ПСС I*. «Угрюмый и тусклый» огонь *сладострастья!* — реминисценция из стихотворения Ф. И. Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...».

Тени (стр. 59) — *ЗР*, 1906, № 1, в цикле «Воскресшие песни» (вместе с «Призыв», «Женщина», «В сумраке»).

Все кончено... (стр. 59) — *ПСС I*. В рукописи без заглавия и эпиграфа. Эпиграф из стихотворения А. С. Пушкина «Все кончено: меж нами связи нет...». 15 ноября 1895 г. поэт записал в *Дневнике*: «Вчера виделся с Маней (случайно — встретился на пути) — скучно и горько... Написал стихотворение «Прощай» («Эта светлая ночь...»). В результате холод в душе — точно и в самом деле простился» (ГБЛ).

К моей Миньоне

8 августа 1895 г. в *Дневнике*: «Прочел я свои собственные *Chefs d'oeuvre* и увидел, как жалко все то, что я пишу теперь. Черт возьми! Из этого-то «черт возьми» и возникли песни к Миньоне (то есть к Плавочке)...» (ГБЛ). *Миньона* — героиня романа Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера».

«Знаешь, Миньона, один только раз...» (стр. 60) — *ПП I*. В рукописи помета: «Москва».

Глуное сердце

Цикл посвящен Елене Владимировне Буровой. 20 ноября 1895 г. в *Дневнике*: «Ел. Вл. была тенью, потревожившей стоячую воду моей жизни. Любви не было, но без нее я вдвое одинок» (ГБЛ).

«Глуное сердце, о чем же печалиться!..» (стр. 61) — *Ch II*, с датой 18 ноября 1895.

Поцелуй (стр. 61) — *Ch II*, с датой 5 ноября 1895.

Во мгле (стр. 62) — *Ch II*, с датой 17 ноября 1895.

Утренняя звезда (стр. 62) — *Ch II*, с датой 12 ноября 1896.

«Умереть, умереть, умереть!..» (стр. 63) — *ПСС I*, с датой 1896. Первоначальный вариант без заглавия и со многими разночтениями, — 21 июля 1894 г. *Эпизикл* — часть траектории планеты по учению древнегреческого ученого Птолемея (II век н. э.)

«Черные тени узорной решетки...» (стр. 64) — *ПСС I*, с датой 1896. В рукописи — между записями от 27 и 29 ноября 1895 г., со многими разночтениями и без конца (помета: «etc»). *Руны* — древние письмена, употреблявшиеся различными германскими племенами и сохранившиеся в надписях на камнях и металлических предметах.

КРИПТОМЕРИИ

Раздел входил во все издания *Ch*. Эпиграф из стихотворения «В ночной полумгле» впервые в *ПСС I*. В *Грж. экз.* эпиграф из стихотворения К. К. Случевского «Последний завет»: «В лесах алоэ и араукарий». Брат поэта, А. Я. Брюсов, вспоминал: «Валерий... не придумывал, а изображал свои ощущения, вызванные самой будничной реальностью... Даже слова, кажущиеся читателю в его ранних стихах употребленными «ради экзотики» или исключительно «ради рифмы», брались им из окружавшей его обстановки... даже... пресловутые криптомерии были взяты им как знакомые ему по растениям, выращиваемым нашей матерью» (*Чтения*, 1962, стр. 297). В письме к В. К. Станюковичу поэт сообщил: «...почти все Криптомерии — это мотивы Леконта де Лиля и д'Эредиа...» (*ЦГАЛИ*).

В ночной полумгле (стр. 65) — *Ch I*, в отделе «Последний поцелуй» и с вариантом строфы 3 (приведена в прим. *ПСС I*). Судя по месту в тетради стихотворений, написано между 20 и 24 февраля 1895 г. В *Ch II* под заглавием «Вау-Вау» и с примечанием: *Vau-vau* — «явайское название обезьяны оа (*Hylobates leuciscus*) из рода гиббонов». В июле 1901 г. Брюсов писал Г. Г. Бахману: «Опять тропические дни. Люблю зной. Предки мои были костромичи, но я уверен, что «небесное родство» у меня с какими-то дикарями из-под тропиков. Быть голым, лежать с дровиком в руках на выжженной траве у пересохшей реки, купаться в растопленном воздухе и лениво слушать отдаленное рыканье льва — мне это что-то родное и понятное» (*ГБЛ*). 22 сентября 1895 г. в письме Перцову об этом стихотворении: «...я смотрю <на него> как на шутку...» (*Письма Перцову*, стр. 42).

Опять сон (стр. 66) — *ПСС I*, с датой 1895. В белой рукописи дата — 1911. Рукописи с датой 1895 не обнаружено.

Ожидание (стр. 66) — *ПСС I*. В рукописи заглавие «Дон Хозе» и помета: «Хорошево». *Наваха* — испанский длинный складной нож.

На журчащей Годавери (стр. 67) — *Ch I*. В *ПП I* — новая редакция. В *ПСС I* с датой 1895. В письме к В. К. Станюковичу Брюсов писал: «...я не знаю, смогу ли я написать что-нибудь лучшее» (*ЦГАЛИ*). «Индусские женщины гадают о любви, пуская по течению рек листья банана с положенными на них цветками. Если лист опрокинется, это предвещает несчастье». (Прим. Брюсова в *Ch II*.) *Кама* (индийск. миф.) — бог любви. *Кали* (индийск. миф.) — жена индийского бога Шивы, богиня смерти. *Баядера* — храмовая танцовщица в Индии.

На острове Пасхи (стр. 68) — *Ch I*, под заглавием «На островах Пасхи» (так и в *ПСС I*). В *Ch II* ошибка в заглавии исправлена. На автографе окончательной редакции для *ПСС I* дата 1911. В *Ch II* строфы 5—8 (приведены в прим. *ПСС I*):

Блуждает богиня Атоми,
И взор ее грустно-тревожен:
Народ наш уснул на соломе,
Народ наш и груб и ничтожен.
Не наши — могучие руки
Поставили вас над скалами!
С творцами давно вы в разлуке,
И мы воцарились над вами...
Но нет о прошедшем предапний.
Безмолвно на камешной гряде
Вы спите, семья изваяний,
Немые громадные люди.
Смотря на зеленую воду,
Вы изредка хмурите брови,
Но гнев ваш невятен народу,
Забыл он о пролитой крови.

Остров Пасхи — «остров, названный так в 1722 г. Яковом Рогевейном, лежит в восточной части Полинезии. На нем встречаются гигантские статуи (вернее, бюсты), высеченные из целого камня, впрочем, довольно грубо...». (Прим. Брюсова в *Ch II*.) «Жалкие дикари, живущие там, конечно, не могли быть создателями статуи, встречающихся в скалах. Отсюда вывод, что современные жители вытеснили аборигенов, обладавших более высокой культурой. Поэтому стих «Забыл он о пролитой крови» вовсе не произволен. Написано стихотворение от лица тамошнего колдуна-лекаря. Пятый куплет, действительно, можно бы было выкинуть, но я боялся сделать стихотворение слишком туманным. К тому же я и так выкинул три строфы. Вот они:

...И мы воцарились над вами.
Но, значит, в мигнувшие годы
И нам улыбались боги,
Но, значит, боялись народы,
Завидевши наши пираги.
Когда-то и наши арики
На остров победно явились
И вы, неподвижные лики,
Пред нами смиренно склонились.
Погибло великое племя,
Хранившее стражами море.
О славное прежнее время,
О горе!.. о счастье!.. о горе!.. etc».

(*Письма Перцову, стр. 42.*)

Прокаженный (стр. 69) — *Ch I*. В рукописи без заглавия и подзаголовка. В *ПСС I* с датой 1895. В письме Перцову 22 сентября 1895 г.: «Прокаженного» я лично люблю и ценю...» (*Письма Перцову, стр. 42*).

С кометы (стр. 70) — *Ch I*. В письме Перцову 22 сентября 1895 г.: «С кометы» — это очень смелая фантазия». В рукописи ком-

ментарий: «Автор изображает настроение двух влюбленных, обитателей какой-то кометы. Их мир вступил в пределы Солнечной системы; вот они видят на своем пурпурном небе сияющий шар Земли, и у них возникает вопрос: есть ли разумные существа на этой планете». В 1910 г. положено на музыку В. И. Ребиковым.

ХОЛМ ПОКИНУТЫХ СВЯТЫНЬ

Раздел впервые в *ПСС I* с эпиграфом из стихотворения этого цикла «Моя мечта».

Моя мечта (стр. 71) — *Ch I*.

Львица среди развалин (стр. 71) — *ПСС I*. В рукописи под заглавием «Сонет», с посвящением Эредиа. *Пасаргада* — одна из столиц древней Персии, город с царскими дворцами и гробницей царя Кира Старшего, находившийся в степной Персиде, к северу от Персидского залива. *Бэл* — в вавилонской мифологии одно из имен Эллия, божества воздушной стихии, второго члена верховной триады богов.

Жрец (стр. 72) — *Ch I*, без строфы 3. В рукописи первоначальный вариант под заглавием «Перуанский жрец». В *ПСС I* с датой 1895.

К монахине (стр. 72) — *Ch II*, с заголовком «*Vestalis virgo*» («Девушка-весталка» — лат.), с разночтениями и без строфы 2-й, около которой в рукописи пометы: «вычеркнул ноябрь 95 г.» и «восстановил май 1907».

В старом Париже (стр. 73) — *Ch II*, с датой 1894. В рукописи под заглавием «Из времен Генриха IV» и с пометой: «Хорошево».

Апатолий (стр. 74) — *Ch I*, без подзаголовка. «*Expectans expectavi...*» — начало католической молитвы. (Прим. Брюсова в *Ch II*.)

В прошлом (стр. 74) — *Ch I*, под заглавием «Давно». 22 сентября 1895 г. в письме к Перцову: «...«Давно»... я неумолимо вычеркиваю... за бессодержательность, за глупое щеголяние сочными рифмами» (*Письма Перцову*, стр. 41).

В будущем (стр. 75) — *Ch II*. В рукописи с заглавием «Из будущего». В *ПСС I* с датой 1894.

Беглец (стр. 75) — *ПСС I*. В рукописи помета Брюсова: «Недурные стихи. 1907».

В магическом саду (стр. 76) — *Ch I*, без заглавия и эпиграфа. В рукописи под заглавием «Раненый». Печатается по списку, сделанному рукой И. М. Брюсовой (*ГБЛ*); на списке помета: «поправки Брюсова дады Гржебина». Эпиграф из стихотворения Ф. И. Тютчева: «Пошли, господь, свою отраду...».

БУДНИ

Раздел впервые в *Ch II*. Эпиграф из стихотворения этого цикла «Одна» («В этот светлый вечер мая...»).

Туманные ночи (стр. 78) — *Ch II*. В рукописи посвящено Э. П. В *Грж.* экз. эпиграф: «Огонь горит, но пламя возносится с дымом <Фома Кемпийский>».

Подруги (стр. 78) — *ПП I*. В рукописи эпиграф: «Кто сам из нас без греха...» — *Еванг.*

Первый снег (стр. 79) — *Ch I*, под заглавием «У окна». В *ПСС I* с датой 1894. В последней строфе разночтение: в *Ch I* «Жизни с грезой игра» (так и в *ПСС I*), в *Ch II* «Всемогущества игра».

Одна («В этот светлый вечер мая...») (стр. 79) — *Ch II*. В *ПСС I* с датой 1894. В рукописи без заглавия. Поэт, видимо, намечал и другое развитие темы стихотворения. Вариант последней строфы:

Тускло каждая лампада
Озаряет мрачный лик,
Их ответов мне не надо —
Непоняты их язык.

Одна («Нет мне в молитве отрады...») (стр. 80) — *Ch II*, с датой 1893. В рукописи, датированной 6 декабря 1895 г., помета: «Из тетради 1894 г.» Более ранняя редакция под заглавием «Первое свидание», написанная 21 апреля 1894 г., опубликована в журн. «Новый мир», 1925, № 1. В *Автоз.* и *Грж. экз.* заглавие «Дума девичья».

В вертепе (стр. 81) — *Ch I*. В *ПСС I* с датой 1894. В рукописи под заглавием «Мне жаль».

Летучая мышь (стр. 82) — *Ch II*, без строфы 5 и с разночтениями. В письме Перцову 13 декабря 1895 г. Брюсов рассказал о споре Бальмонта, Фриче, Курсинского и Голикова о смысле выражения «седой подокошник»: «...Бальмонт: Знаете, Брюсов, при вашем седом подокошнике мне представилась длинная, длинная галерея, и по ней во всю длину лежат цветы, побледневшие, бессильные, и умирают. Курсинский: Да! «седой» удивительно удачный эпитет. Голиков (юный символист... робко): Валерий Яковлевич, а что же вы хотели сказать этим эпитетом? — Я показываю на подокошники своей комнаты; они сделаны из белого камня с белыми жилками. Общее разочарование» (*Письма Перцову*, стр. 55—56).

Н о ч ь ю (стр. 82) — *ПСС I*. В рукописи под заглавием «Столица». В письме Перцову 17 августа 1895 г.: «Неужели Вы не знаете наслаждения стихами как стихами, — вне их содержания, — одними звуками, одними образами, одними рифмами — «Дремлет столица, как самка мертвого страуса». Уже одно ожидание рифмы к слову «страуса» навевает мистический трепет» (*Письма Перцову*, стр. 36).

В камышах (стр. 83) — *Ch II*, под заглавием «Село».

Сумасшедший (стр. 83) — *Ch I*.

Пурпур бледнеющих губ (стр. 84) — *ПП I*. См. прим. на стр. 571 («Встреча после разлуки»).

ЧАСЫ ДНЕЙ

Раздел впервые в *ПСС I* с эпиграфом из стихотворения этого цикла «Сонет к мечте».

Сонет к мечте (стр. 85) — *ПСС I*. В рукописи заголовок «Мечта», подзаголовок — «критикам». В ценз. экз. *Лив* в отделе «Искусство». *Фантом* — причудливое явление, призрак, привидение.

Мечта (стр. 85) — *Ch I*. Судя по месту в тетради стихотворений, написано 21 или 22 ноября 1894 г. В рукописи без заглавия.

После грез (стр. 86) — *ПСС I*. В рукописи под заглавием «Вчера» и с разночтениями в конце стихотворения.

«Когда былые дни я вижу сквозь туман...» (стр. 86) — *ПСС I*. В ценз. экз. *Juv* в отделе «Воспоминания».

МÉDITATIONS

Раздел в *Ch I* без эпиграфа. В *ПСС I* эпиграф из стихотворения «Свиваются бледные тени...», которым заканчивался отдел в *Ch I*. В 1896 г. в письме к В. К. Станюковичу поэт сообщал: «Ты ищешь связи — эти же самые Méditations составляют связный рассказ о жизни моей души» (*ЦГАЛИ*). 22 сентября 1895 г. Брюсов писал Перцову: «В Méditations прозы много, но ведь это же зато «идейные» стихотворения, маленькая поэмка души, которая раскрывается в последовательности стихотворений. Этой поэмке нужен был конец — и вот отсюда «голос слыше», все же *заканчивающий* и стихотворение, и отдел, и весь сборник» (*Письма Перцову*, стр. 43).

«Хорошо одному у окна!..» (стр. 87) — *Ch I*.

«Тонкой, но частою сеткой!..» (стр. 87) — *Ch I*. В *ПСС I* с датой 1895.

«Облегчи нам страдания, боже!..» (стр. 88) — *Ch I*. В *ПСС I* с датой 1895.

«Свиваются бледные тени...» (стр. 88) — *Ch I*.

«Скала к скале; безмолвие пустыни...» (стр. 89) — *Ch I*. В рукописи помета: «вечер».

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

В *Ch II* и *ПП I* раздел назывался «Поэмы».

Снега (стр. 90) — *Ch I*, со значительными разночтениями. Подзаголовок впервые в *Ch II*. В письме к Перцову 22 сентября 1895 г.: «...Ваше мнение о «Снегах» меня положительно изумляет. Их я считаю лучшим произведением всего сборника. Герой этих терцин (кстати, звучных и верных) после оргии случайно заходит за город и разговаривает с воображаемой собеседницей, с своей забытой милой. В первом обращении есть божественный стих — «Скажи, мы — призраки, Мария?». Затем три картины — осени с животным наслаждением, лета с чувственной любовью и весны с идеальной — нарисованы живо, разноцветно. Кстати, вот новый вариант лета (для 2-го издания):

Ты помнишь, мы когда-то в поле,
В палящий летний день, сплели
Гирлянду чуждых нам магнолий.
И ложем был ковер земли,
И лес казался тайным садом,
И не любить мы не могли!

Под влиянием воспоминаний о прошлом — час признания уже кажется святыней всех грез; в душе скитальца, утонувшего в разврате, воскресает чистая любовь. Но что же ты молчишь на мои стоны, если уже возродила меня?!

Вокруг пуста и холодна
Лазурная равнина снега,
Свое мерцанье льет луна,
На вышине сверкает Вега.

Повторяю, я всей душой люблю эту поэмку» (*Письма Перцову*, стр. 41—42). «Вега — известная звезда (α созвездия Лиры)». (Прим. Брюсова в *Ch II*.) В наст. изд. в строке 1 слово «луга» исправлено на «снега» по рукописи. Положено на музыку В. И. Ребиковым.

Три свидания (стр. 92) — *Ch I*. В рукописи без заглавия, со значительными разночтениями.

Белые клавиши (стр. 94) — *ПСС I*. В рукописи без заглавия.

ME EUM ESSE

Me eum esse — Это — я (*лат.*). 6 февраля 1896 г. в *Дневнике* первая запись об этой книге. 27 июня этого же года, путешествуя по Кавказу, Брюсов записал: «Понемногу пишется «Me eum esse». Мне доставляет наслаждение, что эти стихи совершенно непохожи на «Chefs d'œuvre», словно кто другой писал...» 5 ноября рукопись книги пришла из цензуры без замечаний. 16 декабря поэт держал корректуру, а 23 декабря писал К. Д. Бальмонту в Париж: «...сегодня мне принесли первый экземпляр «Me eum...» (*Дневник*). На титульном листе книги дата — 1897 г.: по обычаю, существовавшему тогда, книги, выходявшие в конце года, датировались следующим годом, чтобы дольше оставаться новинками.

Первое издание, включавшее 36 стихотворений, вышло в количестве 600 экз. с кратким предисловием автора: «Я издаю книгу далеко не законченную, в которой некоторые отделы только намечены, — потому что не знаю, когда буду в состоянии продолжать ее: может быть, завтра, может быть, через много лет. Мне кажется, однако, что в отрывках, уже написанных, достаточно ясно выступает характер моей новой поэзии. Если мне и не суждено будет продолжать начатое, эти намеки подскажут остальное будущему другу. Приветствую его. 23 июля 1896 года. Пятигорск».

Вводя сборник в *ПП I*, Брюсов исключил 9 стихотворений и добавил 15 новых. В третье издание (*ПСС I*) вошли все стихотворения первых изданий и сверх того 17 новых и две поэмы.

Второе и третье издания поэт посвятил «Одиночеству тех дней». 28 мая (9 июня) 1897 г. он писал Е. И. Павловской: «Мое одиночество там, в кавказских городах, было лучшими днями, которые не повторятся. Тогда в три недели я написал Me eum...» (*ГБЛ*). Собственная оценка поэтом стихов сборника дана в письме А. А. Курсинскому от 29 июня 1896 г.: «По форме они блистают новшествами; так, в некоторых мужские рифмы рифмуются с женскими (ты скажешь — это невозможно, я тоже сам так думал, пока не написал). В других рифмуются не концы слов, а третьи слоги от конца; в третьих вместо рифмы — ассонансы, размера общепризнанного нигде нет — и т. д. и т. д.» (*ЦГАЛИ*).

В *МЕЕ* этот раздел под заглавием «Заветы» и с эпиграфом: «Красота и смерть неизменно одно» — из стихотворения этого же сборника «Ветви».

«Как царство белого снега...» (стр. 99) — *МЕЕ*. В рукописи вписано заглавие «Холод», поэт вернулся к нему и в *Грж. экз.*

Юному поэту (стр. 99) — *МЕЕ*. Имеется в виду «юный поэт» «лет 13-ти» Александр Яковлевич Браиловский, «странный, юный и серьезный человек» (запись в *Дневнике* от 10 июля 1896 г.). 19 июля Брюсов писал Лангу, что, «пробеседовав долго с А. Браиловским», написал стансы «Юному поэту», ему посвященные. «Создав сии строфы, я пришел в безумный восторг (стихотворение, действительно, классическое) и пожелал прочесть его кому-нибудь» (*ГБЛ*). Браиловский издал в 1912 году в Ростове-на-Дону единственную книгу своих стихов «Аккорды жизни».

«...и, покинув людей, я ушел в тишину...» (стр. 100) — *МЕЕ*. В рукописи под датой помета: «Пятигорск».

«Я действительности нашей не вижу...» (стр. 100) — *МЕЕ*. В рукописи под датой помета: «Харьков» и заглавие «Идеал человека», это же заглавие и в *Грж. экз.*

Мучительный дар (стр. 101) — *ПСС I*, с датой 1896. В рукописи посвящение «К. Б.» — Константину Бальмонту. Эпиграф из стихотворения Е. А. Баратынского «Недоносок» в рукописи отсутствует. *Эвмениды* (греч. миф.) — богини мщения. *Ламии* (греч. миф.) — по определению Брюсова, «нечто вроде напих ведьм, но молодые» (*Письма Перцову*, стр. 54).

«Давно ушел я в мир, где думы...» (стр. 101) — *TV*, с датой 1900. В черновой рукописи заголовок «К». В *ПСС* стихотворение напечатано дважды: в первом томе с датой — 1896, в *МЕЕ*, и во втором томе с датой — 1900, в *TV*.

Il basio (стр. 101) — *Ch II*, без строф 2 и 3 и с большим количеством разночтений с *ПСС I*. Заглавие заимствовано у Верлена и использовано полемически: стихотворение Верлена — страстный гимн поцелую.

По поводу *Chefs d'œuvre* (стр. 102) — *МЕЕ*, без строфы 4. В белой рукописи с подзаголовком «Той, чье имя я позабыл» и строфой 3:

Все, что стихом, как прилив, беспокойным,
Крикнул я, тайной тоим,—
Явлено будет в творении стройном
Мной или кем-то другим!

В рукописи посвящение «К. А.» и под датой помета: «Кавказ». О «К. А.» — Катерине Александровне в *Дневнике* 3 июля 1896 г.: «Сегодня познакомился с хорошенькой девочкой — здешней уроженкой... Она худенькая девочка в красной шапочке с ярко-красными тоненькими губами... Кате 16 лет...» (*ГБЛ*). Ей посвящены еще четыре стихотворения: «И снова дрожат они, грезы бессильные...» и «Сквозь туман таинственный...» (в разделе «Ненужная любовь»); «Я люблю другого...» (опубликовано в *Неизд. 1935*, стр. 97); «Я угадал за яркой сменой...» (не опубликовано). 11 июля 1896 г. Брюсов записал в *Дневнике*: «Я понял, что такое моя любовь к Кат. Ал. —

это то же чувство (в миниатюре), которое питал Данте к Беатриче. Мне пужен видимый идол для моих грез — и я пошел его». *Менады* (греч. миф.) — вакханки, спутницы бога Вакха.

«Отреченного веселья...» (стр. 103) — *ПСС I*. В ценз. экз. *Juv* в отделе «Искусство».

ВИДЕНИЯ

В *МЕЕ* этот раздел с эпиграфом: «...Строгие строфы скользят невооруженно, || Скользят и не дышат — и вечно живут» — из стихотворения этого же сборника («В трауре»).

Весна (стр. 104) — *МЕЕ*, без строфы 2.

На бульваре (стр. 104) — *МЕЕ*, без заглавия.

Мгновение (стр. 105) — *МЕЕ*.

«И он взглянул, и ты уснула, и он ушел, и умер день...» (стр. 105) — *ПСС I*. В рукописи помета: «утро». Стихотворение в первоначальном варианте написано от первого лица с рядом разночтений.

В трауре (стр. 105) — *МЕЕ*, без заглавия.

Позор (стр. 106) — *ПП I*. Как сообщил авторам примечаний член-корреспондент АН СССР А. А. Сидоров, на его вопрос, что означает это стихотворение, Брюсов ответил, что речь идет о музах, испытывающих стыд за современное искусство.

Ветви (стр. 106) — *МЕЕ*, без заглавия. В рукописи помета: «Пятигорск».

МГНОВЕНИЯ

Раздел впервые в *ПСС I*, составлен из стихотворений, перенесенных из других разделов и из впервые включенных поэтом в книгу.

«И снова бредешь ты в толпе неизменной...» (стр. 107) — *МЕЕ*.

Туман (стр. 107) — *ПП I*. В рукописи без даты. Судя по месту автографа в тетради стихотворений и некоторым пометам, написано между 24 и 29 сентября 1896 г. в Керчи.

Продажная (стр. 108) — *МЕЕ*, без заглавия.

Рассвет (стр. 108) — *МЕЕ*, без заглавия. В рукописи не датировано; входит в цикл «Стихи из путешествий», посвященный О. А. В *Дневнике* 11 апреля 1896 г. запись: «Познакомился с соседкой Ольгой Степановой» (*ГБЛ*). Вероятно, это и следующие стихотворения написаны около этой даты. В рукописи помета: «Поезда, Петербург, Рига, Варшава».

«Эту ночь я дышал тишиной...» (стр. 108) — *ПСС I*. В рукописи в цикле «Стихи из путешествий». Вписано в *Дневник* после записей от 16 апреля 1896 г.

«Стаял снег... земля, камень...» (стр. 109) — *МЕЕ*. В рукописи помета: «утро».

«Холод ночи; смерзлись лужи...» (стр. 109) — *ПСС I*. В рукописи под датой помета: «ночь».

«Звон отдаленный, насхальный...» (стр. 109) — *ПСС I*.

В МЕЕ к разделу эпиграф:

Создал я грезой моей
Мир идеальной природы;
О, как ничтожны пред ней
Стены, и скалы, и воды.

Четверостишие — первый вариант последней строфы стихотворения «Четкие линии гор...».

«Мерный шум колес...» (стр. 110) — МЕЕ, под заглавием «В вагоне». В рукописи в цикле «Стихи из путешествий», без даты. Черновой набросок в *Дневнике-ГБЛ*, записанный в поезде Петербург — Рига, позволяет датировать его 12 апреля 1896 г.

«Месяц бледный, словно облако...» (стр. 110) — МЕЕ, под заглавием «В вагоне».

«Четкие линии гор...» (стр. 111) — МЕЕ. В рукописи помета: «Ялта». В письме к Перцову от 19 июля 1896 г. Брюсов пишет: «Клянусь Вам, уважаемый Петр Петрович, я бесконечно разочарован. Уже не говорю о громких именах — Машук, Бештау, которые оказались прозвищами маленьких холмиков, но и все, вообще все!»

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды...

Я смотрел и напрасно искал в себе восхищения. Самый второстепенный художник, если б ему дали, вместо холста и красок, настоящие камни, воду, зелень, — создал бы в тысячу раз величественнее, прекраснее. Мне обидно за природу» (*Письма Перцову*, стр. 77). В этом письме, как и в стихотворении, Брюсов позирует, цеголяя декадентством. В *Дневнике* 13 июня 1896 г. более откровенная запись: «Путешествие сначала разочаровало меня. Я смотрел на степи, на горы, на море — и думал, что все это в описаниях, у поэтов, гораздо величественней. Но вот настала ночь под Ялтой. Я увидел «море почное», «тусклым сияньем залитое море» — это было так хорошо, что я начал колебаться. Затем утро.

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля,
Гори, свет утренней Киприды...

Я был побежден и почти все время проводил на палубе, треща и любясь» (*ГБЛ*). Значительно позже в «Детских и юношеских воспоминаниях» поэт так писал об этом времени: «Мне все еще не хотелось «уступить» обаянию природы, и я упорно заставлял себя видеть в ней несовершенство...» (журн. «Новый мир», 1926, № 12).

«О, плачьте, о, плачьте...» (стр. 111) — МЕЕ. В рукописи помета: «М.» В сентябре 1896 г. Брюсов уже вернулся в Москву. В Новороссийске он был летом этого же года.

Вечер (стр. 111) — ПСС I. В рукописи озаглавлено «Скитания», под датой помета: «Пятигорск». Эпиграф из стихотворения А. А. Фета «Если радуется утро тебя...». В ПСС I в последней строке опечатка, повторенная в последующих изданиях: «гимн» вместо «миг». В рукописи последняя строфа:

Все исполнено предчувствий,
Дуновенья смерти слышит,
И умерший миг в искусстве
Беспредельной жизнью дышит.

«Есть что-то позорное в мощи природы...» (стр. 112) — *МЕЕ*. Положение автографа в тетради стихотворений позволяет отнести его к концу июля 1896 г. Идея стихотворения навеяна строками поэта тридцатых годов прошлого века М. Пожарского:

Все пройдет, лишь мысль поэта
Блещет вечной красотой...
Мне ли слабую природу
Звать соперницей своей?

Эти стихи Брюсов поставил эпиграфом к одной из глав своей брошюры «О искусстве» (М., 1899), над которой работал в это время.

«Спит вагон, мерцает газ...» (стр. 112) — *ПП I*. Стихотворение — один из вариантов «Неужели это была ты...» (*ГБЛ*), на рукописи которого рукой автора проставлена дата.

Софии С. ... (стр. 113) — *ПСС I*. В рукописи помета рукой Брюсова: «Это сказала Софья, ур. Судейкина, сестра художника». В *Дневнике* 13 июня 1896 г.: «На поезде я познакомился с маленьким семейством, где была барышня... Я развернул все богатства своей мысли и буквально подавил нравственно эту Софью Георгиевну... Прощаясь, она заплакала: «Может быть, когда-нибудь увидимся». «Может быть...» Я написал ей на память стихотворение «Лепесток отцветающей розы». Этот самый лепесток я буду свято и романтично хранить» (*ГБЛ*).

«Поезд врывается в древние скалы...» (стр. 113) — *ПП I*. В рукописи озаглавлено «Вечер».

«Мы ехали долго, без цели, куда-то...» (стр. 113) — *ПП I*. В рукописи в цикле «Стихи из путешествий».

НЕНУЖНАЯ ЛЮБОВЬ

В *МЕЕ* раздел называется «Любовь»: эпиграф к нему — строки из стихотворения этого же раздела:

И снова дрожат они, грезы бессильные,
Бессильные грезы ненужной любви.

«И снова дрожат они, грезы бессильные...» (стр. 115) — *МЕЕ*. В рукописи посвящение: «Кат. Алекс — р.» и под датой помета: «Кавказ». О Катерине Александровне см. прим. к стихотворению «По поводу Chefs d'œuvre» (стр. 581). В 1908 г. положено на музыку М. В. Исаковым-Борецким.

«Сквозь туман таинственный...» (стр. 115) — *ПП I*. В рукописи посвящение: «Кат. Ал.» и под датой помета: «Пят<н>горск».

«В лабиринте аллей...» (стр. 116) — *МЕЕ*. В рукописи посвящение: «Марии» и под датой помета: «Кисловодск». Мария (см. следующие прим.) посвящены стихотворения этого раздела: «Я помню вечер, бледно-скромный...», «Побледневшие звезды дрожали...», «Это было безумие грезы...». 27 августа 1896 г. Брюсов писал Лангу: «...когда сегодня вечером я встретился с Марией (она шла с братом-

студентом), она посмотрела на меня и улыбнулась. Теперь мы обмениваемся взглядами. Вот вам и стихи по этому поводу». Далее приведено стихотворение «В лабиринте аллей...» (ГБЛ). В 1908 г. положено на музыку М. В. Ивановым-Боредским.

«Я помню вечер, бледно-скромный...» (стр. 116) — МЕЕ. В рукописи посвящение: «Марии» и под датой помета: «Кисловодск». 22 июля 1896 г. в *Дневнике*: «Барышня с египетскими глазами» (ГБЛ). В письме к А. А. Лангу 23 июля 1896 г.: «...в Кисловодске... был «Огненный праздник». Этим праздником (заурядный фейерверк) я интересовался мало, но заинтересовала меня одна девица, мелькнувшая передо мной. Может быть, в будущем я и познакомлюсь с ней, а пока посвящаю ей стихотворение». Далее приведено «Я помню вечер, бледно-скромный...» (ГБЛ). 26 августа в *Дневнике*: «Сегодня я увидел девушку с египетскими глазами — и сердце сжалось. Она! Она!» (ГБЛ). 23 сентября, уже в Москве, новая запись: «Когда при мне заговорили о Марии (г. Кисловодск), я задрожал» (ГБЛ). *Мемфис* — столица древнего Египта (XVIII—XXIII вв. до н. э.). В 1900 г. положено на музыку В. И. Ребиковым.

«Побледневшие звезды дрожали...» (стр. 116) — МЕЕ. В рукописи посвящение: «Марии» и помета под датой: «Пятигорск». «Почему я только мальчик...» (стр. 117) — ПСС I, с датой 1896. В беловой рукописи дата 1911.

«Меж скал разбитых...» (стр. 117) — ПСС I.

«Это было безумие грезы...» (стр. 118) — ПСС I. В рукописи посвящение «ей же» (Марии) и рядом с датой помета: «Кисловодск».

«Ангел бледный» (стр. 119) — журнал «Gaudeamus», 1911, № 11, с датой 1896 (как и в ПСС I). В беловой рукописи, по которой датируется стихотворение, помета: «Кисловодск». Строки 21, 22 — реминисценция из «Демона» М. Ю. Лермонтова (часть II, глава 7).

«Мы бродили, вдвоем и печальны...» (стр. 119) — МЕЕ, под заглавием «Свидание». В рукописи помета: «Пятигорск».

«Это матовым вечером мая...» (стр. 120) — МЕЕ. Черновая рукопись, датированная 16 января 1896 г., дважды подверглась значительной переработке. Последняя правка — 9 сентября этого же года.

ВЕЯНЬЕ СМЕРТИ

В МЕЕ раздел имеет подзаголовок «Прошлое» и эпитаф из стихотворения Брюсова «Последние слова» (см. прим. к этому стихотворению).

«И ночи и дни примелькались...» (стр. 121) — МЕЕ, без эпитафы. Эпитаф из стихотворения А. Полежаева «Провиденье». В рукописи помета: «дома». 14 января 1895 г. в письме из больницы Курсиискому Брюсов сообщал: «О моих стихах? Не пишу. Раз только подражал Вам:

И ночи и дни примелькались...»

(приведены 4 строфы стихотворения) (ГБЛ).

«После ночи бессонной...» (стр. 121) — Ч II. В рукописи помета: «6 час. утра с 7 на 8-е декабря 1895». 9 декабря 1895 г. в *Дневнике*: «Был сильно болен... Я не мог ни спать, ни двигаться, ни (почти) дышать. Мне было больно даже думать (ибо болела и го-

лова); каждое написанное стихотворение давало мне часа два ужаснейших болей — вот почему я писал мало, 4 стихотворения всего-навсего — одно из них начинается «После ночи бессонной»... Все это буквально» (ГБЛ).

Последние слова (стр. 122) — МЕЕ, со строкой 8: «Я осмел я борьбу, давно отвергнул чувства...» В рукописи помета: «Пятигорск». 20 июля 1896 г. Брюсов писал из Пятигорска Лангу: «Расхворался окончательно и отчаянно. Нахожусь в состоянии, близком и к смерти, и к самоубийству... P.S. Рукопись МЕЕ написана и *при случае* будет тебе доставлена» (ГБЛ). 28 июля 1896 г. В. К. Станюковичу: «Как-то, не слишком давно, в дни отчаянья, когда я помышлял о ядах, революверах и «расступающих» волнах, — написал я «Последние слова» (ЦГАЛИ). Последняя строка — перефразировка известного стиха С. Я. Надсона «так мало прожито, так много пережито» из стихотворения «Завеса сброшена...».

Посв.*** («Мне снилось: мертвенно-бессильный...») (стр. 123) — ПСС I, с датой 1896. В рукописи озаглавлено «Друг».

Записка самоубийцы (стр. 123) — ПСС I, с датой 1896. В беловой рукописи дата: 1894, 1896. Датируется по черновой рукописи. Написано под впечатлением попытки к самоубийству Курсинского в мае 1894 г. (о нем см. прим. на стр. 588).

«Кончено, кончено! Я побежден...» (стр. 123) — МЕЕ. В ПСС I дата 1896.

«...я вернулся на яркую землю...» (стр. 124) — МЕЕ. В письме к В. К. Станюковичу от 3 июня 1896 г. Брюсов писал: «После твоего отъезда я совсем расхворался, дошло до того, что домашние начали меня оплакивать. Однако счастье российской поэзии оказалось неизменным: я воскрес:

Я вернулся на яркую землю;
Среди лиц я туманно брожу...

Залетейский — от Лета (греч. миф.) — река забвения, за которой по лугам белых цветов асфоделей бродят души умерших. В 1900 г. стихотворение положено на музыку В. И. Ребиковым.

«Я бы умер с тайной радостью...» (стр. 124) — КР. Написано 14 июля 1898 г. и переделано 3 февраля 1899 г. 14 июля 1898 г. в *Дневнике*: «Я устал, устал ото всех отношений, все люди меня утомили и все желания. Уйти куда-либо в пустыню, где стонут тигры в глубоких долинах, или уснуть «последним сном». Это последнее совсем искренно, совсем...» В ПСС I с датой 1897.

«Ни красок, ни лучей, ни аромата...» (стр. 125) — КР. В рукописи озаглавлено: Quasi-рондо. Рядом с датой помета: «Пет(ербург)». В ПСС I с датой 1897. В 1900 г. стихотворение положено на музыку В. И. Ребиковым.

В ПУТИ

Часть стихотворений, входящих в ПСС I в этот раздел, в МЕЕ входила в раздел «В борьбе» с подзаголовком «Прошлое». Брюсов предпослал ему эпитаф — первую строфу из своего стихотворения «Из бездны ужасов и слез...».

«Сумрак за черным окном...» (стр. 126) — МЕЕ. Строка 8 исправлена по рукописи и МЕЕ (В ПСС I: «Пали, простертые ниц»).

«Тайны мрака побледнели...» (стр. 127) — МЕЕ. В черновых рукописях заглавия: «Дочери неба», «Луч денницы».

«Прохлада утренней весны...» (стр. 127) — МЕЕ.

«Из бездны ужасов и слез...» (стр. 128) — МЕЕ, без строфы 3. В рукописи под заглавием «Ожидание». Судя по месту автографа в тетради стихотворений, написанс между 4 и 16 мая.

«Последние думы...» (стр. 128) — МЕЕ, без строфы 3. Судя по положению автографа в тетради стихотворений, написано между 12 и 20 сентября 1896 г. *Лемуры* — по верованиям древних римлян, души умерших злых людей.

«Не плачь и не думай...» (стр. 129) — МЕЕ, под заглавием «Утро». В рукописи под датой помета: «Москва» и ноты к этому стихотворению, написанные Брюсовым. Под ними приписка: «Был мною написан мотив и к стих. «О, плачьте», — но я забыл этот мотив».

«В час, когда гений вечерней прохлады...» (стр. 129) — ПП I. Первый вариант, датированный 8 июня 1895, опубликован в *Неизд. 1935* под заглавием «Озеро снов».

«О, когда бы я назвал своею...» (стр. 130) — КР, с эпиграфом: «*Madame, tout pour votre ombre!*» («Мадам, все за вашу тень!» — *франц.*). В *Грж. экз.* заглавие «Тень». В основу стихотворения Брюсова положен мотив из рассказа Анри де Ренье «Великолепный дом» (*БП*, стр. 730). В 1900 г. положено на музыку В. И. Рибиковым.

ЗАВЕРШЕНИЕ

В ПП I раздел пазывается «Заключение».

Годы молчания (стр. 131) — КР, без заглавия и с последней строфой, приведенной в прим. ПСС I. В одной из черновых рукописей заголовков «По поводу *Me eum esse*». В ПСС I дата 1897.

«И в ужасе я оглянулся назад...» (стр. 131) — ПСС I, с датой 1897. В одной из черновых рукописей заголовков «По поводу *Me eum esse*».

«Еще надеяться — безумие...» (стр. 132) — КР. В одной из черновых рукописей под заглавием «По поводу *Me eum esse*».

Обязательства (стр. 132) — КР, без заглавия. В ПСС I с датой 1897. В одной из черновых рукописей подзаголовков «Любовь к себе». 8 мая 1898 г. в *Дневнике*: «Много нужно было борьбы, чтобы понять, что выше всего душа своя. И вот, побеждая все то, что целые годы держало меня в тисках, я достигаю и простоты и искренности, я отдаюсь чувству, я молод... «Бесконечны пути совершенства...» Буду следовать этому новому завету».

Отречение (стр. 133) — МЕЕ. В ПСС I с датой 1897. В рукописи помета: «Пятигорск».

Числа (стр. 133) — КР, без заглавия. В ПСС I с датой 1897. «Я всегда любил непобедимую логику математики...» — писал Брюсов в *Автобиогр.* «Процесс вычисления доставлял ему удовольствие, — вспоминал В. Ф. Ходасевич. — В шестнадцатом году он мно признавался, что иногда «ради развлечения» решает алгебраические и тригонометрические задачи по старому гимназическому задачку. Он любил таблицу логарифмов. Он произнес целое «похвальное слово» той главе в учебнике алгебры, где говорится о перестановках и сочетаниях. В поэзии он любил тоже «перестановки и сочетания» (журн. «Современные записки», Париж, 1925, № 23). *Пифагор* —

древнегреческий философ и математик, обожествлявший числа как символы мирового порядка. *Сибилла* — у древних греков и римлян легендарная пророчица.

Строгое звено (стр. 134) — *ПП I*. В *ПСС I* с датой 1898. *Курский* Александр Антонович (1873—1919) — поэт-символист, близкий друг молодого Брюсова, автор поэтических сборников «Полутени» (М., 1896) и «Сквозь призму души» (М., 1904).

«Я прежде боролся, скорбел...» (стр. 134) — *КР*. В *ПСС I* с датой 1898. В одной из черновых рукописей заголовок «По поводу Me eum esse».

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Идеал (стр. 135) — *Ch II*, со значительными разночтениями, приведенными в прим. *ПСС I*. В *ПСС I* с датой 1896.

Сон пророческий (стр. 137) — *ПСС I*.

TERTIA VIGILIA

Tertia Vigilia — «Третья стража» (лат.): в сторожевой службе римских войск ночь делилась на четыре стражи (смены караула); третья стража приходилась на первые три часа после полуночи — самое глухое время ночи.

С «*Tertia Vigilia*» началось мое «признание» как поэта, — вспоминал Брюсов. — Впервые в рецензиях на эту книгу ко мне отнеслись как к поэту, а не как к «раритету», и впервые в печати я прочел о себе похвалы (М. Горького¹, с которым мне тоже приходилось встречаться лично, И. Ясинского и др.)» (*Автобиограф.*). Об этом сборнике Бунин писал автору 5 февраля 1901: «Вникнув в Вашу книгу, за последнее время отношусь к Вам как к поэту с еще большим уважением, чем прежде» (*ИРЛИ*). На молодого Александра Блока сборник Брюсова также произвел огромное впечатление (*Блок*, т. 7, стр. 20, 34, 40).

В июле 1900 г. в *Дневнике* запись: «Рукопись «*Tertia Vigilia*» побывала в цензуре и подверглась жестоким урезкам...»: вычеркнуты стихотворения «Антихрист», «Рождество Христово», «Ламия», «Я люблю в глазах оплывших...», «Астарта Сидонская», отдельные строфы из «Аганатис», зачеркнуто заглавие раздела: «Книжка для детей». В конце августа там же: «Читаю корректуры «*Tertia Vigilia*». Книга вышла осенью 1900 г. в незадолго до того возникшем издательстве «Скорпион» тиражом 1200 экз. с подзаголовком «Книга новых стихотворений 1897—1900». (Большинство цензурных поправок, перечисленных Брюсовым в *Дневнике*, в тексте не отражено.) В *TV* 115 стихотворений и две поэмы, тексты снабжены небольшими примечаниями автора. Книга открывается предисловием, датированным июлем 1900 г.: «Было бы неверно видеть во мне защитника каких-либо обособленных взглядов на поэзию. Я равно люблю и верные отражения зримой природы у Пушкина или Майкова, и порывания выразить сверхчувственное, сверхземное у Тютчева или Фета, и мыслительные раздумья Баратынского, и страстные речи гражданского поэта, скажем, Некрасова. Я называю все эти созда-

¹ Рецензия М. Горького «Литературные заметки». — В газ. «Нижегородский листок», 1900, 14 ноября, № 313. См. прим. на стр. 590 и 609.

ния одним именем поэзии, ибо конечная цель искусства — выразить полноту души художника. Я полагаю, что задачи «нового искусства», для объяснения которого построено столько теорий, — даровать творчеству полную свободу. Художник самовластен и в форме своих произведений, начиная с размера стиха, и во всем объеме их содержания, кончая своим взглядом на мир, на добро и зло. Попытки установить в новой поэзии неизблемые идеалы и найти общие мерки для оценки — должны погубить ее смысл. То было бы лишь сменой одних уз на новые. Кумир Красоты столь же бездушен, как кумир Пользы». В *ПП I* Брюсов изменил состав сборника (автор называл его вторым изданием): в него включено 97 стихотворений и 5 поэм, сняты все стихотворные переводы. В этом издании книга посвящена двум недавно умершим друзьям поэта — И. Коневскому и Г. Бахману. Под псевдонимом «Иван Коневской» писал поэт Иван Иванович Ореус (1877—1901). Познакомившись с ним 12 декабря 1898 г. на вечере у Ф. Сологуба, Брюсов записал в *Дневнике*: «Самым замечательным было чтение Ореуса, ибо он прекрасный поэт». Через год в *Дневнике*: «Поэзию Ореуса считаю одной из замечательнейших на рубеже двух столетий». Под редакцией Брюсова и с его предисловием «Мудрое дитя» в издательстве «Скорпион» в 1904 г. вышло посмертное собрание сочинений Ив. Коневского «Стихи и проза». Брюсов посвятил другу стихотворения «Памяти И. Коневского» (*УО*) и «На могиле Ив. Коневского» (сб. «Зеркало теней»). О Георге Бахмане см. прим. к стихотворению «Г. Г. Бахману» (стр. 599). Третье издание (*ПСС II*) включает 159 стихотворений и 6 поэм.

Сам автор высоко оценивал *TV*. В письме к неустановленному адресату он сообщил 1 июля 1900 г.: «Это мои лучшие вещи, может быть, лучшее, что я могу написать в стихах...» (*ГБЛ*).

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Раздел впервые в *ПСС II*.

Возвращение (стр. 141) — *TV*. В черновой рукописи *TV* значительные разночтения с последующими изданиями. В *Грж. экз.* строфа 4:

И много зим я был в пустыне
И ждал уставленного дня.
Но был мне глас. И слова ныне
Зрят в шумной суете меня.

Однако эта правка не учтена в *Избр. пр. I. Брашно (церковнослав.)* — пища, кушанье.

Я (стр. 142) — *TV*, без заглавия. К идее этого стихотворения Брюсов возвращался неоднократно и в стихах (см. «З. Н. Гиппиус» — *УО*), и в письмах. В письме к М. В. Самыгину, переписанном в феврале 1899 г. в *Дневник*: «Истинно и то, и это. Истин много, и часто они противоречат друг другу. Это надо принять и понять... Да я и всегда об этом думал... Моей мечтой всегда был Пантеон, храм всех богов. Будем молиться и дню и ночи, и Митре и Адонису, Христу и Дьяволу. «Я» это такое средоточие, где все различия гаснут, все пределы примиряются» (*ГБЛ*). Примерно то же Брюсов писал 28 марта 1899 г. Бунину (*ЦГАЛИ*). «Геката — лунная богиня в греческой мифологии; Астарта — в финикийской». (Прим.

Брюсова в *TV*.) *Лицей*, или *лицей* — философская школа Аристотеля и его преемников, *Академия* — школа Платона и его преемников (основаны в IV в. до н. э.); обе находились в священных рощах близ Афин; преподавание в этих школах происходило во время прогулок в саду.

«Ребенком я, не зная страху...» (стр. 143) — *СЦ 1901*, под заглавием «По поводу *Tertia Vigilia*», в цикле «Осенние стихи». В *ПСС II* с датой 1901.

ЛЮБИМЦЫ ВЕКОВ

В *TV* этот раздел, включавший и несколько переводных стихотворений, посвящен Модесту Дурнову (о нем см. прим. на стр. 598). В рецензии на *TV* М. Горький писал, что Брюсов «во всех стихотворениях этого цикла напоминает почему-то о благополучно здравствующем академике-поэте Хозе Мариа Эредиа» (газ. «Нижегородский листок», 1900, 14 ноября, № 313). В письме к Горькому Брюсов возражал: «...отличие их от сонетов Эредиа важное. У того все изображено со стороны, а у меня везде — и в Скифах, и в Ассаргадоне, и в Данте — везде мое «я». Право же, дьявольская разница!» (*ЛН*, 27-28, стр. 640).

Ассаргадон (стр. 144) — *КР. Ассаргадон*, вернее, Асархадон — ассирийский царь (680—669 гг. до н. э.). В Нар-Эль-Кельбе (Сирия) сохранилась высеченная на скале надпись о его победах. *Сидон* — древний финикийский город, разрушенный Ассаргадоном. *Элам* — древнее государство, расположенное к юго-востоку от Ассирии.

Халдейский пастух (стр. 144) — *TV*. Древние историки называли *халдеями* кочевые племена, обитавшие близ устьев рек Тигра и Евфрата; халдеи считаются основоположниками астрономии.

Рамсес (стр. 145) — *TV*. Судя по положению автографа в тетради стихотворений, написано между 18 и 23 сентября 1899 г. *Рамсес* — имя нескольких египетских фараонов; наиболее известен Рамсес II (1317—1251 до н. э.), знаменитый завоеватель, оставивший гигантские статуи в Абу-Симбеле. Вероятно, это стихотворение навеяно сонетом «Озимандия» английского поэта Шелли (1792—1822) (перевод Брюсова напечатан в журн. «Огонек», 1916, 1 мая, № 18).

Жрец Изиды (стр. 146) — *TV*, под заглавием «Ученик». В черновой рукописи помета: «ночь, среда на 9 марта 1900». В чистовой рукописи вариант конца:

Скорби,— кто носит имя Мудрый
За то, что жизнь его чиста.

В *TV* существенные разночтения, наиболее значительные (в строфах 4—7) приведены в прим. *ПСС II*. *Изида* (египетск. миф.) — богиня плодородия, хранительница сокровенных тайн. *Фта* (египетск. миф.) — бог-творец из триады богов. *Фивы* — столица древнего Египта (XXI—XI вв. до н. э.).

Психея (стр. 147) — *ПСС II*. *Психея* (греч. миф.) — смертная девушка, которую полюбил бог любви *Эрот*, взял в жены и перенес на *Олимп*.

Цирцея (стр. 148) — *ПСС II*. В черновой рукописи помета Брюсова: «недурно». *Цирцея* (греч. миф.) — царица-волшебница, персонаж X песни «Одиссеи».

Кассандра (стр. 148) — *TV*, без строфы 3. Незадолго до смерти поэт правил стихотворение: на последнем автографе, вклеенном в *Авт. экз.*, даты: 1898. (1923); эта правка учтена в *Избр. пр. I*; в наст. изд. печатается этот вариант. *Кассандра* (греч. миф.) — пророчица, дочь царя Приама. *Ида* — гора в Малой Азии, недалеко от Трои. *Скамандр* — река, протекавшая у стен Трои. *Аид* (греч. миф.) — подземное царство мертвых и его владыка. *Феб* (Аполлон) за обещание полюбить его наделил Кассандру даром предвидения, а когда она не выполнила обещания, сделал так, что ее предсказаниям никто не верил. По Гомеру, *ахейцы* — греческое племя, воевавшее с Троей, а *Эней* — троянский герой, после победы ахейцев уплывший с остатками войска, чтобы основать новую Трою. Потомки Энея — римляне — впоследствии покорили Грецию и тем как бы отомстили за гибель Трои.

Моисей (стр. 149) — *ПСС II*. В черновой рукописи помета: «Крым». В Библии (Исход, главы 31—34) рассказывается: Моисей получил на горе Синай от бога десять заповедей, вырезанных на каменных плитах (скрижалях). Когда он принес их соплеменникам, они уже забыли бога и поклонялись золотому тельцу; разгневанный Моисей разбил скрижали. 20 ноября 1900 г. Брюсов писал Перцову: «...разве нельзя пересказать свое настроение, изображая Моисея, разбивающего скрижали?» (*ИМЛИ*). В 1909 г. Брюсов написал еще одно стихотворение о Моисее (см. т. 2 наст. изд.).

Александр Великий (стр. 149) — *TV*. Судя по месту рукописи в тетради стихотворений, написано между 13 и 25 ноября. *Александр* Македонский (356—323 гг. до н. э.), прозванный Великим, — величайший полководец древности. Завоевал Персию, разгромив в битве при Гавгамелах войска царя Дария III Кодомана, и стал царем ее 17 провинций — сатрапий. Завоевал Египет, где оракул бога Аммона назвал его сыном этого божества, подкрепив право Александра на «две короны» — Верхний и Нижний Египет. Совершил поход в «Индию по сю сторону Ганга». После похода македонское войско взбунтовалось, обиженное тем, что Александр стал предпочитать македонцам своих восточных подданных; речь Александра Македонского, обращенная к бунтовщикам, и положена в основу стихотворения. *Сарды*, *Сузы*, *Вавилон* — города древней Персидской империи. *Создана отцом фаланга...* — Отец Александра Великого Филипп II Македонский (382—336 гг. до н. э.) усовершенствовал фалангу, традиционный боевой порядок греческой тяжелой вооруженной пехоты. *Роксана* — дочь Дария, жена Александра Великого. Брюсовым написано еще одно стихотворение о великом полководце — «Смерть Александра» (см. т. 2 наст. изд.).

Ламя (стр. 150) — *TV*. *Ламя* — см. прим. на стр. 581. *Геката* — см. прим. на стр. 589.

Амалтея (стр. 151) — *KP*, под заглавием «Сибилла». В черновой рукописи эпиграф из поэмы Пушкина: «Езерский»: «А плод бросаешь ты || Толпе, рабыне суеты». 12 марта 1898 г. в *Дневнике* запись: «Ко мне как-то вернулась моя энергия. Написал всю Агнатис, написал Амалтею, написал Кассандру — веши замечательные...» *Амалтея* — сибилла (пророчица) из греческого города Кумы. *Аверно* — озеро, испарения которого, согласно преданию, были ядовиты.

Скифы (стр. 152) — *TV*, под заглавием: «К скифам», с эпиграфом: «Скифский рисунок. Моск. Истор. музей, зала 6, № 20». В черновой рукописи помета: «Стихи о былом и будущем». По рассказам И. М. Брюсовой, стихотворение было создано в Историческом музее: поэт долго рассматривал на стене одну картину, затем вышел в соседний зал и ходил по нему, что-то бормоча. Через некоторое время Брюсов вернулся и прочитал только что написанное стихотворение. В *ПСС II* с датой 1900.

Клеопатра (стр. 153) — *TV*. Судя по положению автографа в тетради стихотворений, написано между 13 и 25 ноября 1899 г. В черновой рукописи помета: Rider Haggard. (Подобные пометы Брюсов делал в том случае, когда стихотворение было навеяно тем или иным литературным произведением. У английского писателя Райдера Хаггарда (1856—1925) есть роман под названием «Клеопатра».) Там же приписка: «Je suis Cléopâtre, j'étais la grande reine d'Hémi, d'Egypte» («Я Клеопатра, я была великой царицей Египта» — *франц.*).

Старый викинг (стр. 154) — *ЕС*, 1903, № 1, без строфы 3 (как и в *ПСС II*). Строфа 3 появилась в *Круг.*, есть она в *Авт. экз.* и в *Избр. пр. I*. В черновой рукописи эпиграф из стихотворения Бальмонта «Исландия»: «С именами железными духи морей»; внизу Брюсов написал: «пропуц. 2-ая строфа»:

Хорош океан, небеса для него не граница!
Он в белых наплывах взволнован, зеленый и черный.
Над этими пенами мечется вольная птица,
И в лоно его ударяется яростно ветер упорный».

Стихотворение написано летом в Ревеле. 19 июня 1900 г. поэт сообщал А. А. Цестеркиной: «Я на берегу моря, по которому плавали еще викинги, я на скалах, где еще видны обломки разбойничьих гнезд орденских рыцарей» (*ГБЛ*). *Винландия* — так викинги называли восточный берег Северной Америки, открытой ими еще до Колумба. *Скрелингов остров* — точнее Скрелингерланд — так называли норманны одну из местностей Северной Америки, открытую ими в конце X в.

Данте (стр. 154) — *TV*. В прим. *ПСС II* приведена первоначальная редакция. К образу Данте Брюсов в своем творчестве обращался неоднократно. (Подробнее см.: С. Бэлза. Данте и Брюсов. — В сб.: «Данте и славяне», АН СССР, 1966.) *Гвельфы и гиббелины* — политические группировки в Италии времен Данте: гвельфы — сторонники папы; гиббелины — партия императора.

Данте в Венеции (стр. 155) — *ПСС II*.

Флоренция Декамерона (стр. 156) — *TV*. В черновой рукописи помета: «Ревель».

Астролог (стр. 157) — *TV*. В черновой рукописи помета: «Посв. М. Дурнову» (см. прим. на стр. 598).

Баязет (стр. 157) — *КР*. Судя по положению рукописи в тетради стихотворений, написано между 3 и 17 февраля 1899 г. *Баязет* (1360—1403) — турецкий султан, сын Мурата I. Завоевал Болгарию, Македонию, Фессалию, Боснию. Когда он осадил Константинополь, в его владения вторглись войска Тамерлана (Тимура-хромого). Баязет снял осаду и двинулся навстречу врагу, но в битве при Анкаре был разбит и взят в плен.

Дон Жуан (стр. 158) — *TV*. В черновой рукописи эпиграф: «La lune pleine» («Полная луна» — *исп.*) из поэмы К. Бальмонта «Дон Жуан».

Мария Стюарт (стр. 158) — *ЕС*, 1903, № 4. Судя по положению автографа, стихотворение написано в ноябре или декабре 1901 г. Первоначально входило в *УО*, в *ПСС II* перенесено в *TV*. Шотландская королева Мария Стюарт (1542—1587) была воспитана и жила во Франции, по после смерти мужа вернулась в Шотландию. Изгнанная из Шотландии, искала убежища в Англии. Была заключена английской королевой Елизаветой в тюрьму, осуждена и обезглавлена. В заключении провела 19 лет (у Брюсова ошибочно: 17). *И твой возлюбленный...* — доверенный секретарь Марии Стюарт Давид Риччо был убит заговорщиками на ее глазах.

Разоренный Киев (стр. 159) — *ПСС II*. Орды Батия разрушили Киев в 1240 г. *Золотые ворота* — главные ворота древнего Киева.

О последнем рязанском князе Иване Ивановиче (стр. 159) — *TV*, с подзаголовком «(1517)». Потомки великого киевского князя Ярослава Мудрого (Рюриковичи) разделились на две ветви: старшая — «Святославищи», или «Ольговичи», — враждовала с младшей — «Мономаховичами». В 1520 г. великий князь московский вызвал заподозренного в сношениях с крымскими татарами рязанского князя Ивана Ивановича и заключил его в тюрьму. *Свея* — древнерусское название Швеции. На обороте автографа Брюсов написал: «Народная поэзия — это сокровищница народной души, где хранятся ее лучшие драгоценности, ею самой созданные и ей особенно дорогие» (*ГБЛ*).

Наполеон (стр. 160) — альманах «Гриф», 1903, и в другой редакции — *Б*, 1903, № 10. В черновой рукописи под заглавием «Ода Наполеону». Первоначально входило в раздел «Оды и послания» *УО*, в *TV* включено только в *ПП II*.

У МОРЯ

Раздел впервые — в *TV*, под названием «Картинки Крыма и моря» с посвящением И. Бунину и примечанием: «К Me eum esse, к отделу Скитания». Несколько стихотворений этого раздела были впервые напечатаны в газете «Южное обозрение», при содействии Бунина. В *Дневнике* 22 апреля 1898 г. запись: «Делаю все, что подобает туристу и любителю диких красот: слушаю море, карабкаюсь на скалы, осматриваю разные развалины. Не я буду виноват, если и теперь не сумею «полюбить» природу. Написал «Картинки Крыма», четыре стихотворения, приготовленные со всей возможной благопристойностью». Позже Брюсов вспоминал: «После своей женитьбы два лета я провел с женой в Крыму, в Алушке, 1898 и 1899 гг. Мое пренебрежение к природе с меня, как сказали бы люди положительные, «соскочило», и я уже не мешал своим глазам радоваться всей пестроте далей, растилаемых горными склонами...» (журн. «Новый мир», 1926, № 12). В *Авт. экз.* и *Грж. экз.* первые 16 стихотворений составляют цикл «Черное море», остальные — «Балтика».

«Волны взбегают и пенятся...» (стр. 162) — газ. «Южное обозрение», 1899, 14 февраля, № 727, в цикле «Картинки Крыма. Светопись». В черновой рукописи помета: «Ялта». Имеется более ранний вариант от 14 апреля 1898 г.

«Звезда затеплилась стыдливо...» (стр. 162) — газ. «Южное обозрение», 1899, 14 февраля, № 727. В черновой рукописи помета: «Алупка».

«У перекрестка двух дорог...» (стр. 163) — газ. «Южное обозрение», 1899, 14 февраля, № 727.

«Где подступает к морю сад...» (стр. 163) — газ. «Южное обозрение», 1899, 14 февраля, № 727.

«День растоплен; море синее...» (стр. 163) — газ. «Южное обозрение», 1899, 19 сентября, № 925.

«Весь день был тусклый, бледный и туманный...» (стр. 164) — *TV*. В черновой рукописи помета: «Останкино».

«Месяца свет электрический...» (стр. 164) — *TV*. Во всех изданиях строки 1 и 9: «Месячный свет электрический». Печатаются по *Авт. экз.*, где строки исправлены рукой Брюсова.

«Словно птица большая...» (стр. 164) — *TV*.

«Лежу на камне, солнцем разогретом...» (стр. 165) — *TV*.

«Кипит встревоженное море...» (стр. 165) — газ. «Южное обозрение», 1899, 19 сентября, № 925.

«Волны приходят, и волны уходят...» (стр. 166) — газ. «Южное обозрение», 1899, 19 сентября, № 925. Первая строфа взята из неопубликованного стихотворения «Пифия», написанного 2 мая 1898 г.

«Обошла тропа утес...» (стр. 166) — газ. «Южное обозрение», 1899, 19 сентября, № 925.

«Небо чернело с огнями...» (стр. 166) — *TV*.

«Белый цвет магнолий...» (стр. 167) — *TV*.

«Облака цепляются...» (стр. 167) — *TV*. Судя по положению автографа в тетради стихотворений, написано в конце июля 1896 г. В *ПСС II* дата 1899.

«Мерно вьет дорога...» (стр. 167) — *TV*, с пометой: «Тропа через Яйлу от Косьмо-Дамиановского монастыря». В черновой рукописи помета: «За Четырдагом».

«Ветер с моря волны гонит...» (стр. 168) — *TV*. В черновой рукописи под заглавием «Картинки Ревеля» и с подзаголовком «Светопись».

«Из-за облака скользящий...» (стр. 168) — *TV*. В черновой рукописи под заглавием «Картинки Ревеля».

«Море — в бессильном покое...» (стр. 169) — *TV*.

Закат (стр. 169) — *TV*. В черновой рукописи помета: «Ревель» и эпиграф — неточно цитируемые строки из стихотворения Ф. Тютчева «Летний вечер»: «И пышный вечера пожар! Волна морская поглотила...»

Еще закат (стр. 169) — *TV*. В черновой рукописи помета: «Катериненталь». Эпиграф из стихотворения Ф. Тютчева «Летний вечер».

В СТЕНАХ

Раздел в *TV* назывался «Город» и был посвящен К. Д. Бальмонту. 29 августа 1898 г. поэт записал в *Дневнике*: «Мы в городе. Вернулись сладостные блуждания по узким улицам, у стен недвижных домов, среди почью оживающих скверов... Брожу и слагаю стихи, и вспоминаю Бальмонта». Позднее поэт вспоминал: «Многое, очень многое мне стало понятно, мне открылось только через Бальмонта. Он научил меня понимать других поэтов, научил по-настоя-

щему любить жизнь» (*Автобиограф.*). 28 марта 1899 г. Брюсов писал Бунину: «...мы мало наблюдаем город, мы в нем только живем и почему-то называем природой только дорожки в саду, словно не природа камни тротуаров, узкие дали улиц и светлое небо с очертаниями крыш. Когда-нибудь город будет таким, как я мечтаю, в дни отдаленные, в дни жизни, преисполненные восторга. Тогда найдут и узнают все красоты телеграфных проволок, стройных стен и железных решеток» (*ЦГАЛИ*).

«Люблю я линий верность...» (стр. 171) — *TV*. В черновой рукописи помета: «К городу». В *ПСС II* дата 1899.

«Я люблю большие дома...» (стр. 171) — *TV*. В черновой рукописи помета: «К городу».

«Когда сижу один и в комнате темно...» (стр. 172) — *TV*.

«Когда опускается штора...» (стр. 172) — *TV*.

«Я провижу гордые тени...» (стр. 172) — *TV*. В черновой рукописи помета: «К городу».

«Жадно тобой наслаждаюсь...» (стр. 173) — *TV*. В черновой рукописи помета: «К городу».

«Люблю вечерний свет, и первые огни...» (стр. 173) —

TV, под заглавием «Вечерний свет».

«Мы к ярким краскам не привыкли...» (стр. 174) — *TV*.

«Зодчество церквей старинных...» (стр. 174) — *TV*. В черновой рукописи под заглавием «Прогулка». В период создания *TV* Брюсов увлекался русской стариной и даже собирался составить путеводитель по Москве. Сохранился проект титульного листа: «Москва в начале XX века. Ее святыни, древности и современные картины. Описал Валерий Брюсов» (*ГБЛ*).

«Вы, снежинки, вейте...» (стр. 174) — *TV*. В черновой рукописи помета: «Э» (И. М. Брюсова) (см. прим. к стихотворению «В день святой Агаты», стр. 597). И. М. Брюсова незадолго до смерти рассказала авторам примечания, что это стихотворение, за исключением строк 5—6 (которых нет ни в черновой рукописи, ни в *TV*), написано ею. Поэт без ведома жены включил его в книгу, а когда, по обыкновению, дал ей править верстку, то вынул страницу с этим стихотворением. Только после выхода книги Брюсов и Бальмонт показали И. М. Брюсовой ее напечатанное стихотворение. В 1910 г. положено на музыку А. Т. Гречаниновым.

На даче (стр. 175) — *TV*. Судя по месту в тетради стихотворений, написано в апреле, после 27.

«Церкви, великие грани...» (стр. 175) — *TV*. В черновой рукописи помета: «К городу».

«Облеченные в одежды...» (стр. 175) — *TV*. В черновой рукописи помета: «К городу».

«Улицей сонной и тихой...» (стр. 176) — *TV*.

«Месяц серпом умирающим...» (стр. 176) — *TV*. В *ПСС II* с датой 1900.

«Огни «электрических конок»...» (стр. 176) — *TV*. «Электрическими конками» москвичи называли появившиеся в 1899 г. трамваи.

«Я видел искры от кирки...» (стр. 177) — *TV*.

«Словно пездшие тени...» (стр. 177) — *TV*.

«В борьбе с весной редет зимний холод...» (стр. 178) — *TV*. В *ПСС II* с датой 1900. В черновой рукописи озаглавлено «Шутка».

Впервые отдел в *ПП I*.

Женщине (стр. 179) — *TV*, под заглавием «Сонет о женщине». В *ПСС II* с датой 1900. В черновой рукописи под заглавием «От века» с подзаголовком «Сонет о женщине».

Любовь (стр. 179) — *TV*. В черновой рукописи помета: «Москва» и, как в *TV*, эпиграф из стихотворения Тютчева «Предопределение»: «И поединок роковой».

«Осенний день был тускл и скуден...» (стр. 180) — *СЦ 1901*. В *Грж. экз.* заголовок «Осенняя любовь» и посвящение: А. А. Ш. — Анне Александровне Шестеркиной, жене художника М. И. Шестеркина. В *ПСС II* дата 1899. В *Авт. экз.* в строке 1 слово «осенний» исправлено на «октябрьский».

«Я — мотылек ночной. Послушно...» (стр. 180) — *СЦ 1901*. В рукописи входит в цикл, созданный, в основном, между 3 и 8 сентября 1900 г. и посвященный К. Д. Б. — К. Д. Бальмонту. «По холодным знакомым ступеням...» (стр. 181) — *TV*.

«Да, эту улицу я знаю...» (стр. 181) — *ПСС II*. В черновой рукописи пометы: «плохо» и «переделано. 903».

«Строгий, холодный и властный...» (стр. 182) — *TV*.

«Роскошен лес в огне осеннем...» (стр. 183) — *ПП I*.

«Я помню свет неверно-белый...» (стр. 183) — *ПСС II*.

«В моих словах бесстыдство было...» (стр. 184) — *СЦ 1901*.

«И снова ты, и снова ты...» (стр. 184) — *СЦ 1901*. Здесь Брюсов сравнивает свою борьбу со страстью с поединком между Иаковом и богом: по Библии, Иаков всю ночь боролся с богом, который не смог его одолеть и лишь повредил ему бедро. После этого Иаков получил имя «Израиля», то есть борца с богом. Молодой Блок высоко оценил это стихотворение Брюсова: в его экземпляре *СЦ* оно отмечено тремя крестиками (А. Блок. Записные книжки. М., 1965, стр. 22, 521). См. также прим. к стихотворению «Свидание» (стр. 611).

«Я имени тебе не знаю...» (стр. 185) — *СЦ 1901*. В черновой рукописи под заглавием «Октябрьские стихи». Входило в *УО* под заглавием «У зеркала».

«Мысль о тебе меня весь день ласкает...» (стр. 185) — *ПСС II*.

«Часы прошли, как сон изменчивый...» (стр. 185) — *Б*, 1904, № 1.

«Настал заветный час дремотный...» (стр. 186) — *Б*, 1903, № 12. В *Грж. экз.* под стихотворением помета: «Соколыники».

«Тоска бродячего светила...» (стр. 186) — *ПСС II*.

«О, да! Я — темный мотылек...» (стр. 187) — *ПСС II*. В черновой рукописи без эпиграфа.

«Ты умеешь улыбаться...» (стр. 187) — *ПСС II*.

«Сладко скользить по окраинам бездны...» (стр. 188) — *ПСС II*.

«Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое...» (стр. 188) — *СЦ 1901*. В черновой рукописи без строфы 2. В *УО* под заглавием «Башня любви» (как и в *Грж. экз.*) и в разделе «Элегия». В *ПСС II* дата 1901. Положено на музыку Е. В. Вильбушевичем (мелодекламация).

Впервые отдел в *ПСС II*.

Первая звездочка (стр. 190) — *ПСС II*.

В день святой Агаты (стр. 190) — *ПСС II*. В черновой рукописи пометы: «Ост<анкино>» и «К Эде». 15 июля 1897 г. в *Дневнике* запись: «Читал Жанне «Эду» и с тех пор зову ее Эдой» (*ГБЛ*). «Эда» — поэма Е. Баратынского.

Я люблю... (стр. 191) — *ПСС II*. В черновой рукописи без эпиграфа и с посвящением: «К Эде». В архиве поэта есть автограф-письмо к И. М. Брюсовой, с разночтениями.

Близкой (стр. 191) — *TV*, с посвящением «Э» (И. М. Брюсовой).

Фея фонтанов (стр. 192) — *ПСС II*. В черновой рукописи без заглавия и без строф 2 и 4. В *Грж. экз.* посвящение «Эде» (И. М. Брюсовой). И. М. Брюсова рассказывала, что однажды на юге она как-то договорилась с Валерием Яковлевичем встретиться на одной из любимых ими горных тропинок. Брюсов опаздывал, и она начала делать запруды на ручейке. Подошедший Брюсов застал ее за этим занятием и «присвоил» жене титул феи фонтанов.

«И небо и серое море...» (стр. 192) — *TV*, с посвящением «Э» (И. М. Брюсовой). В *ПСС II* с датой 1898. В рукописи помета: «Ревель».

«Колыбельная песня...» (стр. 193) — *ПСС II*.

«К твоему плечу прижаться...» (стр. 193) — *ПСС II*. В черновой рукописи без строфы 5, под заглавием «Песенка». В *Грж. экз.* заглавие «Близкой» и посвящение «Эде» (И. М. Брюсовой).

БЛИЗКИМ

Впервые отдел в *ПП I*.

К портрету Лейбница (стр. 195) — *KP*, под заглавием «Лейбниц». В черновой рукописи с эпиграфом из Шопенгауэра: «Философия Лейбница — это жабые гнездо, где, как привидения, таятся монады, предустановленная гармония и другие пугалы». Брюсов длительное время проявлял интерес к философии крупнейшего немецкого математика и философа Лейбница (1646—1716). 23 октября 1897 г. он записал в *Дневнике*: «Лейбниц, которым я занимаюсь для семинарских работ, дает много для души». Много позднее Брюсов вспоминал: «...мое «зачетное сочинение» было написано на тему «Теория познания у Лейбница». Лейбниц стал моим любимейшим философом, после того как я разочаровался в Спинозе» (*Автобиогр.*).

К портрету М. Ю. Лермонтова (стр. 195) — *ПП I*. В черновой рукописи помета: «хорошо». 23 мая 1900 г. запись в *Дневнике*: «У Бахмана на вечернем собрании чуть не поссорился с ним <из-> за Лермонтова, которого называл четвертостепенным поэтом и защищал это. Примирился после, написав сонет к Лермонтову». Брюсову принадлежит вступительная статья во втором томе собрания сочинений М. Ю. Лермонтова, изд. «Печатник», М., 1913. См. также «*Из моей жизни*», стр. 74—75.

На смерть И. Лялечкина (стр. 196) — *ПП I*. В *ПСС II* с датой 1898. В марте 1895 г. в *Дневнике*: «Умер Лялечкин. Эта

смерть против ожидания глубоко затронула меня». В это же время в письме Перцову: «Есть... впрочем, увы! — был Лялечкин. Вы, конечно, слышали о его смерти... Мне случалось получать от него стихотворения из подготовленной им к печати книжки. То были прелестные вещи» (*Письма Перцову*, стр. 9—10). Поэт Иван Осипович Лялечкин (1870—1895) после выхода *РС 2* один из первых написал Брюсову приветственное письмо: «Только что познакомился с Вашими выпусками «Русских символистов». Мило и восхитительно. От души желаю примкнуть к Вашему кружку...» (Н. Ашукин. Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях..., М., 1929, стр. 68). Брюсов и Лялечкин лично не встречались, хотя дружески переписывались.

К портрету К. Д. Бальмонта (стр. 197) — *TV*. В черновой рукописи под заглавием «Сонет к Бальмонту» и с подзаголовком «Его портрет 1899 г.». Судя по положению автографа в тетради стихотворений, написано между 29 августа и 5 сентября 1899 г. 1 марта 1900 г. в *Дневнике*: «В субботу был у Бахмана, а после как-то раз у Дурнова. Все вновь им написанное — замечательно, особенно портрет Бальмонта на высоте, над городом, в час луны» (*ГБЛ*).

К. Д. Бальмонту (стр. 197) — *ПСС II*. В *Грж. экз.* эпитафия из стихотворения Бальмонта «Ожесточенному» (сб. «Горящие здания»):

Я связан был с тобой безмолвным договором

С врагами — дерзкий враг, с тобой — я вечно твой.

Судя по месту автографа в тетради, написано в первой половине ноября. Впоследствии Бальмонт вспоминал об этих годах: «Продолжала также тянуться и усложняться многоцветная нить моей дружбы-вражды с Валерием Брюсовым... В то лето, однако, Брюсов представлял для меня мало интереса. Мы с ним скорее встречались тогда — помнится, лишь два-три раза — как встречались когда-то александрийские спорщики: чтобы поиграть рапирами слов и кинжалами понятий, блеснуть, проблистать, переблестеть, завлечь, усмехнуться, уйти» (К. Бальмонт. Морское свечение. СПб.—М., 1910, стр. 197).

Юргису Балтрушайтису (стр. 198) — *ПСС II*. В черновой рукописи написано в третьем лице под заглавием «Сонет к Юргису». С поэтом-символистом и переводчиком *Балтрушайтисом* Юргисом Казимировичем (1873—1944) Брюсов познакомился летом 1899 г. На его книгу «Земные ступени» Брюсовым написана рецензия (сб. «Далекие и близкие»). В письме к Венгерову 27 мая 1914 г. он писал, что ценит стихи Балтрушайтиса «не очень высоко», так как «их напряженная отвлеченность... скорее раздражает, чем привлекает» (*ИРЛИ*).

«Призраки», картина М. Дурнова (стр. 198) — *TV*. 11 марта 1900 г. в *Дневнике*: «Был на выставке акварелистов; недурно, гладко, все импрессионисты, но нет мысли. Дурнов среди них великое исключение; его «Призраки» очень хороши». Дурнов Модест Александрович (1868—1928) — художник, архитектор, поэт; вместе с Брюсовым принимал участие в *КР*. Ему принадлежит рисунок на шмуцтитуле *TV* (см. также прим. к стихотворению «К портрету К. Д. Бальмонта»).

Г. Г. Бахману (стр. 199) — *ПСС II*. В черновой рукописи помета: «Надпись на статье о изданиях Баратынского» (статья

В. Брюсова «О собраниях сочинений Баратынского». — «Русский архив», 1899, № 11). Георг Бахман (1852—1909) — преподаватель немецкого языка и поэт. На его «субботах» собирались молодые поэты-символисты. Через много лет Брюсов вспоминал: «Особенно интимно чувствовали мы себя у Георга Бахмана. Прекрасный поэт, страстный поклонник и тонкий ценитель поэзии всех народов и всех веков, исключительный знаток литературы, которая была доступна ему в подлиннике на всех европейских языках, — Г. Бахман был средоточием маленького кружка друзей, которых умел зажигать своим неистощимым энтузиазмом... все присутствующие знали, что *здесь* каждый стих будет оценен по достоинству, что *здесь* не пройдет незамеченным удачное выражение, меткий эпитет, новая рифма» («Мои воспоминания о Викторе Гофмане». — В кн.: «Виктор Гофман», т. 1. Берлин, 1923, стр. 11—12). В 1907 г. в В № 7 Брюсов поместил статью «Памяти Георга Бахмана».

Случайной (стр. 199) — TV, без заглавия. В черновой рукописи под заглавием «Жрица».

Памяти Е. И. П. (стр. 200) — TV, под заглавием «Памяти Е. И. Павловской». *Евгения Ильинична Павловская* была недолгое время гувернанткой в доме Брюсовых. Из письма Брюсова Бальмонту: «То была лучшая женщина, какую я встречал когда-либо, — единственная...» (*Дневник-ГБЛ*). Заболев туберкулезом, она уехала к себе на родину в Сорочинцы и там умерла. Незадолго до ее смерти Брюсов приезжал к ней проститься. 8 сентября 1897 г. в *Дневнике*: «Одно время мы вспоминали с Женей наше прошлое, наши счастливые часы, лучшие минуты... мы думали только о них, о первых и последних днях. И стало нам так хорошо, и стало нам так печально, что плакать было бы счастье...»

— Не забывай моих последних дней,
Люби меня, когда меня не станет...» (*ГБЛ*).

Ей же (стр. 200) — TV, под заглавием «Лампада». Посвящено Е. И. Павловской. 6 сентября 1897 г. в Сорочинцах поэт записал в *Дневнике*: «Душа ее еще горит светом, но уже погасает. Уже она забывает стихи, уже ее менее волнует поэзия. Она исхудала безумно; кашляет мучительно; в разговоре иногда теряет нить...» (*ГБЛ*).

По поводу сборников «Русские символисты» (стр. 201) — TV. В ПСС II с датой 1899. В РС I—3 были напечатаны первые стихи Брюсова.

По поводу «Me eum esse» (стр. 201) — TV. В ПСС II с датой 1900. В черновой рукописи под заглавием «Искушения».

К самому себе (стр. 202) — ПП I. В черновой рукописи помета: «недушно».

КНИЖКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Раздел в TV посвящен Георгу Бахману (см. прим. на стр. 598—599.)

Зеленый червячок (стр. 203) — TV, без заглавия. В черновой рукописи помета: «Ревель».

Красная шапочка (стр. 204) — TV. В рукописи с пометой: «Полуперевод «Le petit Chaperon Rouge» Tristan Klingsor («Nouv.

Revue», 1898, 1 Janv.). *Тристан Клингсор* — псевдоним французского поэта Леона Леклера (р. 1874).

Дозор (стр. 204) — *TV*, без заглавия и с эпиграфами: «И не знаю внезапной причины». *А. Добролюбов* <«Подражание древним»>; «Времени мы слышим оборот». *Ив. Коневской* <«Праздничная кантата»>.

Рождество Христово (стр. 205) — *TV*. В *Авт. экз.* и в *Грж. экз.* с заглавием «Рабы господни», посвящением «Е. И. П.» (Е. И. Павловской — см. прим. к «Памяти Е. И. П.», стр. 599) и правкой в строфах 1 и 6, причем при правке строфы 1 в изложении библейского мифа допущена неточность: деве Марии сообщил о том, что она станет матерью Христа, не серафим (как исправил Брюсов), а архангел Гавриил. Согласно Евангелию, ангел явился пастухам и поведал, что в палестинском городе *Вифлееме* родился Христос. Жителю Иерусалима *Симеону* было предсказано, что он не умрет до тех пор, пока не увидит Иисуса. Когда младенца Иисуса принесли в храм, Симеон взял его на руки и произнес: «Ныне отпускаешь раба твоего, владыко, по глаголу твоему с миром...» (Лука, глава II, стихи 25—32). *Филипп* — один из двенадцати апостолов, по Евангелию — родился на берегу Генисаретского озера в городе *Вифсаида*, жители которого были рыбаками.

Пасха, праздникам праздник (стр. 206) — *TV*. В *Авт. экз.* и в *Грж. экз.* заглавие «Любовь к земному».

В старинном храме (стр. 207) — *TV*. В черновой рукописи под заглавием «В храме Василия Блаженного».

Слепой (стр. 207) — *TV*.

Мыши (стр. 208) — *TV*. Положено на музыку Ц. А. Кюи.

Демоны пыли (стр. 209) — *КР*. И. М. Брюсова вспоминала, что как-то раз, когда она стирала пыль в кабинете Брюсова, он долго и задумчиво следил, как пылинки плясали в солнечном луче. Когда уборка была закончена, поэт прочитал ей только что созданное стихотворение «Демоны пыли». В марте 1899 г. во время поездки в Петербург Брюсов записал в *Дневнике*: «...просили меня прочесть «Демоны пыли». Я читал, правду сказать, без желания. К удивлению моему, стихи имели громадный успех... Случевский взял у меня эти стихи для «Пушкинского сборника». Это с его стороны неразумно, ибо там немало слишком смелого. Впрочем, кроме Случевского, есть еще два редактора. В конце марта 1899 г. запись: «Случевский прислал мне письмо, что мои «Демоны пыли» «не пойдут», ибо в них «фактура стиха» невозможная. Отвечал ему поучением о том, что такое стих». Из письма Брюсова Случевскому от 26 марта 1899 г.: «Я желал бы сблизить мой стих с истинно русским, с тем, который нашел народ, в течение веков раздумывая, как бы складнее сложить песню» (*ГБЛ*). В *Грж. экз.* посвящено К. Случевскому.

Коляда (стр. 209) — *ПСС II*. В черновой рукописи без заглавия с пометой: «для елки 1900 г.» *Коляда* — старинный рождественский обряд.

Девочка (стр. 211) — *TV*. В *ПСС II* с датой 1900.

Утро (стр. 211) — *TV*. В черновой рукописи без заглавия, с пометами: «Ревель», «Екатериенталь». В *Авт. экз.* эпиграф из стихотворения Ф. Тютчева «Утро в горах»: «Лазурь небесная, || Ночной омытая грозой» (у Тютчева: «Лазурь небесная смеется, ночпой омытая грозой»).

Пред грозой (стр. 211) — *TV*. В черновой рукописи без заглавия.

Раздел впервые в ПСС II.

Глаза (стр. 213) — КР.

К Большой Медведице (стр. 214) — TV. В черновой рукописи помета: «Переделано 1900, июль, Ревель».

Величание (стр. 214) — TV. В черновой рукописи под заглавием «Мария». Два первых стиха — переложение начала одного из церковных песнопений («Песнь пресвятой богородицы»): «Величит душа моя господа, и возрадуется дух мой...»

Тени прошлого (стр. 215) — ПСС II. В черновой рукописи под заглавием «Из венка сонетов. Сонет первый».

Вила (стр. 215) — TV. Вила — в сербском и словенском фольклоре юная дева-волшебница.

Звезда морей (стр. 216) — TV. В ПСС II с датой 1899. Строка 5 печатается по черновой рукописи, так как правка, вероятно, была вызвана цензурными соображениями. В ПСС II эта строка: «И был я, безумный, проклятьем исполнен». Эпиграф из стихотворения П. Верлена «La mer est plus belle...» («Прекраснее море, чем наши соборы...» — ПСС XXI, стр. 99). На стихотворение обратил внимание Блок («Записные книжки». М., 1965, стр. 43).

К металлам (стр. 216) — TV, под заглавием «Металлы». В черновой рукописи помета: «на тему». Осенью 1899 г. в Дневнике: «...поехали еще в Эрмитаж, писали на состязание стихи (я — металлы, соперничая с драгоценными камнями Бальмонта)...» Стихотворение Бальмонта «Драгоценные камни» вошло в сб. «Горящие здания».

За пределами сказок (стр. 217) — ПСС II. В черновой рукописи помета: «недурно».

Случайности (стр. 217) — ПСС II, без заглавия, которое вписано в Грж. экз.

Дачи осенью (стр. 218) — ПСС II, без заглавия, которое вписано в Грж. экз.

Песня (стр. 219) — TV, без заглавия. Положено на музыку И. И. Рачинским.

Папоротник (стр. 219) — TV. В рукописи помета: «июнь — июль». Первоначальный вариант стихотворения, написанный в июне 1900 г., приведен в прим. ПСС II. Н. Я. Брюсова вспоминала: «Грибы собирали, но не все, — от некоторых убегали, как от врагов. Особенно несправедливы оценки. Валерий восклицал: «Надя, убегай!» И мы стремительно убегали. Так же убегали от папоротников, — Валерий их по-настоящему боялся...» (Чтения, 1963, стр. 489).

Жизнь (стр. 220) — ПСС II. Успенев день — христианский праздник, день кончины богородицы, 15 августа по ст. ст.

ПРОЗРЕНИЯ

Раздел впервые в ПП I.

В неконченном здании (стр. 222) — TV. В черновой рукописи без строфы 4.

В дни запустений (стр. 223) — TV.

Братья народов (стр. 224) — *TV*. В черновой рукописи с эпиграфом: «Детупки, антихрист!» из «Трех разговоров» Вл. Соловьева и строфой 5, не вошедшей в печатный текст:

И, вкусив от древа жизни,
Каждый будет, словно бог,
И меж ними царь — не вышний,
А как брат, и добр и строг.

Братьям соблазненным (стр. 225) — *TV*, с эпиграфом из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»: «Великого в человеке то, что он мост, а не цель.— *Заратустра*». В *ПСС II* строфа 5:

Жизнь не счастье, но томления,
Но прозренья, но борьба.
Все вперед — от возрождения
К возрожденью, сквозь гроб!

Каждый миг (стр. 225) — *ПСС II*, без заглавия, которое вписано в *Грж. экз.* В черновой рукописи помета: «Посв. Ю. Барте-неву». Ю. П. Барте-нев (1866—1908) — цензор, разрешивший выпуск *TV*.

Устои (стр. 226) — *TV*, без заглавия. В черновой рукописи с посвящением «К. Д. Бальмонту». *Пифия* — жрица-прорицательница в дельфийском храме в древней Греции.

Проблеск (стр. 227) — *TV*. Судя по месту автографа в тетради стихотворений, написано после 25 января 1900 г. В прим. *ПСС II* Брюсов привел вариант стихотворения, напечатанный в *TV*. Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «Русская география» (у Тютчева: «Как то провидел Дух и Даниил предрек») — намекает на библейское пророчество о царстве, которое «вовек не разрушится» («Книга Даниила»). Стихотворение отражает славянофильские настроения Брюсова этих лет (см. прим. к стихотворению «Июль 1903 года», стр. 618). *Ков* (церковнослав.) — козни, вредный замысел.

Отрады (стр. 228) — *TV*.

мы

Отдел впервые в *ПСС II*.

Мы (стр. 230) — *TV*, без заглавия. В *ПСС II* с опечаткой в строке 1: «В мире широко, в мире шумящем». Исправлено по *TV* (так же в *Авт. экз.*).

Я знаю... (стр. 230) — *КР*. В *TV* под заглавием «Рондо». В черновой рукописи помета: «Петерб<ург>». В *ПСС II* строка 5: «Я в человеке бога прозреваю». «Сущность рондо — трижды повторенный припев: в начале, в середине и в конце стихотворения, причем традиция предпочитает в рондо две рифмы». (Прим. Брюсова. — «Опыты», стр. 192.)

Люцифер (стр. 231) — *ПСС II*. В черновой рукописи помета: «из прежних».

Залог (стр. 231) — *ПСС II*. *Алмаир* — звезда первой величины в созвездии Орла.

Согоня (стр. 231) — *TV*.

Жернова (стр. 232) — *TV*, без заглавия, которое впервые в *ПН I*. В черновой рукописи помета: «Петербург». Судя по месту

автографа в тетради стихотворений, написано между 10 и 17 декабря 1898 г.

Духи земли (стр. 232) — *KP*, с иной последней строфой, приведенной в прим. *ПСС II*.

Золото (стр. 233) — *TV*, без заглавия. В черновой рукописи под заглавием «Из Вьела Гриффена».

«Безмолвные свидетели...» (стр. 234) — *ПСС II*. В рукописи помета: «Плохо (1907)».

Еще «мы» (стр. 235) — *TV*, без заглавия. В черновой рукописи под заглавием «Мы».

«Поклоняются многие мне...» (стр. 235) — *TV*.

«С неустанными молитвами...» (стр. 236) — *TV*. В статье «Торжество победителей» (*B*, 1907, № 9, под псевдонимом: В. Бакулин) Брюсов писал: «...у серьезных деятелей «нового искусства» нет иного отношения к «победе», как то, которое, семь лет назад, было предсказано Вал. Брюсовым (в «*Tertia Vigilia*»)...» (далее процитирована последняя строфа стихотворения).

«Случайность и намеренность...» (стр. 236) — *TV*.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Краски (стр. 237) — *ПСС II*. Брюсов вспоминал: «Каковы были мои взгляды того времени? Воспитание заложило во мне прочные основы материализма. Писарев, а за ним Конт и Спенсер, представляемые смутно, казались мне основами знаний» («*Из моей жизни*», стр. 47).

Сказание о разбойнике (стр. 239) — *TV*, с посвящением С. А. Полякову (см. прим. на стр. 612). В рецензии на *TV* М. Горький писал об этом стихотворении: «...оно очень значительно как по содержанию, так и исполнению. В нем прекрасно выдержан народный склад речи и наивность творчества, оно вполне заслуживает быть отмеченным как вещь оригинальная и даже крупная» (газ. «Нижегородский листок», 1900, 14 ноября, № 313). *Пролог* — сборник притч, назидательных рассказов, житий святых на каждый день года.

Аганат (стр. 241) — *TV*, под заглавием «Аганатис» и посвящением А. Березину (один из псевдонимов А. А. Ланга). В *Авт. экз.*, в *Грж. экз.* и в *Избр. пр. I* Брюсов изменил название поэмы, узнав, что имя Аганатис — мужское, а не женское. По свидетельству И. М. Брюсовой, сюжет поэмы подсказал Брюсову Бальмонт. Вступление к поэме написано 4 октября 1898 г.; глава I — 19 декабря 1897 г.; глава II — 18 сентября 1898 г.; глава III — 17, 18 февраля 1898 г.; главы IV, V — 25 февраля 1898 г. В прим. *ПСС II* напечатан первоначальный вариант глав 2 и 3, которые позднее были объединены в одну. В *ПП I* и в *Грж. экз.* Брюсов снял вступление «Астарта Сидонская». *Истар* — богиня любви древних вавилонян, владычица планеты Венеры. *Ассурбанипал* (669 — ок. 633 гг. до н. э.) — ассирийский царь, владелец огромной библиотеки клинописных книг, найденных в конце XIX в. *Триера* — древнегреческое боевое весельное судно.

Царю Северного полюса (стр. 246) — *TV*, с подзаголовком «Повесть из времен викингов» и посвящением Ивану Коневскому. В черновой рукописи помета: «начато в сентябре 1898, кончено в мае 1900». В *Авт. экз.* и *Грж. экз.* снята глава 2 вступления. *Царю Северного полюса* — так в начале века называли Ф. Нансена.

Скальд — у древних исландцев народный поэт. *Гела* — см. прим. Брюсова к стихотворению «Бальдеру Локи» (стр. 624). *Скредлингс-остров* — см. прим. к стихотворению «Старый викинг» (стр. 592). *Обонежье* — старинное название одной из областей Новгородской земли; название происходит от озера Онега. *Берсеркер* — герой скандинавской мифологии, обладавший нечеловеческой силой и храбростью, берсеркерами стали называть храбрых воинов, жаждущих схваток и битв. *Один (древнегерманск. Votan)* — в мифологии древних скандинавов, верховное божество, бог ветра и бурь, бог войны и покровитель мореплавания. *Валькирии (сканд. миф.)* — девы-богини, помогавшие воинам в битвах и уносившие души убитых героев в Вальгаллу — владения бога Одина, где герои проводили время в пирах и битвах. *Тор* — бог-громовержец, сын Одина и Земли, считался покровителем простого народа.

Предание о луне (стр. 257) — *TV*. В черновой рукописи без эпиграфа. Эпиграф из баллады К. Бальмонта «Замок Джен Вальмор» (сб. «Горящие здания»).

Замкнутые (стр. 259) — *СЦ 1901*, под заглавием «Отрывки из поэмы» и с разночтениями. Наиболее значительные приведены в прим. *ППС II*. Полностью поэма впервые в *УО*. В черновой рукописи помета: «Ревель, 1900. Осень». Поэма привлекла внимание молодого Блока (см. *ЛН*, 27-28, стр. 358). В письме к Ю. Балтрушайтису из Ревеля летом 1900 г. высказаны некоторые настроения поэта, отразившиеся в поэме: «Море, по которому плавали еще варяги. На скалах обломки разбойничьих гнезд рыцарских времен. Соборы, пришедшие из средних веков, и здания времен торжествующего бюргерства 16—17 веков... И во всем этом у моря, у знаменитых развалин, в старых церквах и домах — современный люд... каждое воскресенье едущий погулять in's Grüne, покорно бродящий по указанным дорожкам, съедающий до конца принесенную из дому провизию и в 9 часов отправляющийся домой пешком или на конке...» (Черновик письма, *ГБЛ*). В феврале 1901 г. Брюсов писал М. Горькому: «Давно привык я на все смотреть с точки зрения вечности. Меня тревожат не частные случаи, а условия, их создавшие. Не студенты, отданные в солдаты, а весь строй нашей жизни, всей жизни. Его я ненавижу, ненавижу, презираю! Лучше мои мечты о днях, когда все это будет сокрушено» (далее приведена предпоследняя строфа поэмы «Замкнутые») (*ЛН*, 27-28, стр. 642).

М. Васильев и Р. Щербаков

URBI ET ORBI

«*Urbi et Orbi*» (лат.) — «граду (Риму) и миру» — формула благословения, произносимая римским папой, означающая, что его благословение распространяется на весь мир. «Его заглавием, — писал Брюсов об этом сборнике, — я хотел сказать, что обращаюсь не только к тесному «граду» своих единомышленников, но и ко всему «миру» русских читателей» (*Автобиограф.*). В предисловии к сборнику, датированном: «Старое Село, лето 1903», Брюсов писал: «Книга стихов должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединенным единой

мыслью¹. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связанного рассуждения. Отделы в книге стихов — не более как главы, поясняющие одна другую, которых нельзя переставлять произвольно. В этой книге собраны мои стихи за последние три года (1900—1903). Стихи соединены в ней, по-видимому, по внешним признакам; есть даже такие искусственные подразделения, как «Сонеты и терцины». Но различие формы всегда было вызвано различием содержания. Некоторые названия отделов, напр., «Элегии», «Оды», взяты не в обычном значении этих слов. Но значение, придаваемое им учебниками, идет от времени французского легклясцизма и тоже отличается от их первоначального смысла, какой они имели у античных поэтов. Некоторые стихи необычны по размерам. В частности, в отделе «Песни» я пытался переищать формы современных пародных песен, так называемых «частушек», а в отделе «Искания» — старался усвоить русской литературе некоторые особенности «свободного стиха», *vers libre*, выработанного во Франции Э. Верхарном и Ф. Вьеле-Гриффином и удачно примененного в Германии Р. Дэмелем и Р. Рильке. Стих, как наиболее совершенная форма речи, в отдаленном будущем несомненно вытеснит прозу во многих областях, прежде всего в философии. На современной поэзии лежит между прочим задача — искать более свободного, более гибкого, более вместительного стиха.

Книга была отпечатана без предварительной цензуры в количестве 1200 экземпляров. После рассмотрения ее Московским цензурным комитетом Главный комитет по делам печати вынес решение изъять из нее стихотворения: «Раб», «Пеплум», «В ночном безлюдии», «Сладострастие», «Свидание» (О. В. Пеховидер, Символизм и царская цензура. — «Ученые записки ЛГУ». Серия филологич. наук, вып. 11. Л., 1941, стр. 312). Но издательству удалось договориться с цензурой о выпуске книги с изъятием только одного стихотворения — «Свидание».

Отзывы критики о книге были разнообразны. Часть их наполнена насмешками и над автором, и над «декадентами» вообще. «Г-н Брюсов, — писал В. Буренин, — озаглавливает свои стихотворные кропанья «*Urbi et Orbi*», вероятно, воображая, что он в некотором роде папа новейшей декадентской поэзии...» (газ. «Новое время», 1904, 12 марта, № 10065). Резкостью отличается отзыв Евг. Л<яцкого>. В стихах Брюсова он видит убожество мыслей, «тяжеловесную неуклюжесть», «уродливое копанье в грязи», «жалкие потуги сказать нечто глубокомысленное» и утверждает, что почитателями Брюсова является «класс людей, для которых декадентское *ni foi, ni loi*², возведенное в принцип, как нельзя более по сердцу... Гг. Брюсовы помогают, купно с г. Бальмонтом и прочими присными, предавать и насиловать общественную мысль и совесть, уловляя в сети своего обаяния интеллигентствующее «мещанство», людей равнодушных к достоинству литературы да умственно-незрелых тупиц» (журн. «Вестник Европы», 1904, № 3). Наряду с подобными отзывами были и другие. Например, И<гнатов> писал: «...Брюсов смотрит на труд поэта не как на дань мимолетному настроению, а как на тяжелую и ответственную работу... Брюсов обещает в буду-

¹ В наброске текста титульного листа «*Urbi et Orbi*» подзаголовок: «Книга стихов и мыслей».

² Ни стыда, ни совести (франц.).

щем дальнейшее развитие, потому что он ищет, и сферой его исканий является человеческий мир» (газ. «Русские ведомости», 1903, 25 ноября, № 324). Среди символистов книга Брюсова была встречена «как нечто чрезвычайное» (А. Белый. Воспоминания об Ал. Блоке. — «Записки мечтателей», 1922, VI, стр. 38). Сильнейшее впечатление она произвела на молодого Блока. «Книга совсем тянет, жалит, ласкает, обвивает, — писал он 20 ноября 1903 г. А. Белому. — Внешность, содержание — ряд небывалых откровений, озарений почти геппальных» (Блок, т. 8, стр. 69). В письме Брюсову (26 ноября) он восклицал: «Что же Вы еще сделаете после *этого*? Ничего или — ? У меня в голове груды стихов, по *этим* я никогда не предполагал возможными» (там же, стр. 72). В рецензии на книгу («Новый путь», 1904, № 7) Блок писал: «Книга «Urgi et Orbi», превзошедшая во всех отношениях предыдущие сборники стихов Брюсова, представляет важный и знаменательный литературный факт» (Блок, т. 5, стр. 545). Он называл ее «одной из драгоценнейших книг нашего времени» (там же, стр. 581).

На обороте титульного листа первого издания *УО* помечено: «Это издание повторено не будет». Второе издание, вошедшее в *ПП II*, отличается по своему составу от первого: оно дополнено несколькими стихотворениями, ранее не опубликованными, вместе с тем из него исключено несколько стихотворений, входивших в первое издание. Третье издание (*ПСС III*) дополнено еще девятнадцатью стихотворениями и поэмами, из них одиннадцать напечатаны впервые.

Большинство рукописей *УО* хранится в *ИРЛИ*, незначительная их часть — в *ГБЛ*; при ссылках на рукописи место хранения указывается только для рукописей из *ГБЛ*.

ВСТУПЛЕНИЯ

В *УО* раздел назван: «Думы. Предчувствия».

«По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах, в садах я бродил...» (стр. 269) — *СЦ 1902*, под заглавием «Вступление» в цикле «Мой песенник». Я к новому раю спешу, убегаю... — В наброске предисловия к *УО* Брюсов писал: «Когда поэт от верований и исканий одной поры своей жизни переходит, припужден перейти, к иным признаниям и иным путям, — он начинает новую книгу своих стихов». О новых путях, о том, что он «менее всего склонен повторять самого себя», Брюсов говорит и в предисловии к сб. «Все напевы» (см. стр. 637).

Лестница (стр. 269) — *НП*, 1903, № 4, в цикле «Предчувствия».

Последнее желание (стр. 270) — *НП*, 1903, № 4, в цикле «Предчувствия», со строфой 3:

Иль в городе, где стены давят,
Среди подвалов и палат
Я буду с теми, кто поставят
Векам преграды?..

Многоточие поставлено вместо слова «баррикад», снятого цензурой.

У себя (стр. 271) — *УО*.

Побег (стр. 271) — *УО*. Эпиграф из стихотворения Брюсова «Возвращение».

Работа (стр. 272) — *УО*. В рукописи (*ГБЛ*) не вошедшая в печатный текст строфа:

Мир представший — мне безвестен,
Путь, какой нашел, — мне нов,
Но пришел я с даром песен,
С жаждой трепета и слов!

В рукописи две первые строфы датированы 1900 г. По объяснению Брюсова, возникновение стихотворения связано с тем, что в августе 1900 г. он «вступил в трудовую жизнь», — начал службу в редакции журнала «Русский архив» (*Дневник*, стр. 90). В 1906 г. стихотворение положено на музыку С. В. Панченко.

Мечтание (стр. 273) — *ПСС III*.

Искатель (стр. 274) — *НП*, 1903, № 4, в цикле «Предчувствия». Эпиграф из духовного стиха об Иосафе-царевиче. В *ПСС III* дата 1901. В рукописи не вошедшая в печатный текст строфа 7:

И бегло трепетному люду
Пересказав судьбу мою,
Я, — чтоб опять молиться чуду, —
На волны устремлю ладю!

Нить Ариадны (стр. 275) — *НП*, 1903, № 4, в цикле «Предчувствия», без строфы 4. В рукописи после даты помета: «Москва».

Блудный сын (стр. 276) — *НП*, 1903, № 4, в цикле «Предчувствия», без эпиграфа и строфы 7. В рукописи еще две зачеркнутые строфы:

после строфы 5:

Я понял мудрость в детски чистом
И радость — в ясности семьи
И ужаснулся, что софистам
Доверил помыслы свои.

после строфы 7:

И понял я, что этот пламень
Погас, что силы не вернуть,
И, нищий, пал на голый камень,
Не смея продолжать свой путь.

Дата в *ПСС III* — 1902. В рукописи строфы 1—4 датированы: Пб., ноябрь 1902; строфы 5—7: декабрь 902; строфа 8: Петерб. янв. 903. Эпиграф из стихотворения Пушкина «Воспоминания в Царском Селе». В рукописи он продолжен: «Увидел вдалеке <у Пушкина: наконец> родимую обитель, || Главой поник и зарыдал». Образы стихотворения восходят к евангельской притче о блудном сыне (Лука, 15). *Тирские гетеры и сонм сидонских мудрецов*. — Тир и Сидон — знаменитые в древней Финикии города.

У земли (стр. 277) — *УО*. Эпиграф из стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». В рукописи первоначальной редакции после строфы 3:

Был не раз я обручен
В дни исканий и безумий,
Бросил много дев и жен
В городском бездонном шуме.

Я пришел к тебе, земля,
 И к твоей зеленой сказке!
 Жажду, снов не утоля,
 Жажду новой тихой ласки.
 Жду я девы-тишины,
 Тиховойной, звездоокой,
 Чтоб вдвоем уйти во сны —
 Вольно, сладостно, глубоко...

Бальмонт писал о стихотворении: в его «красиво-покорных строках звучит чувство, слишком больно-знакомое каждому, кто хочет от жизни безмерности. Красоты и вольности, по силе тупого проклятия прикован к навязанной его сознанию убогой действительности» (К. Бальмонт. Белые зарницы. СПб., 1908, стр. 48—49).

В ответ (стр. 278) — *НП*, 1903, № 4, в цикле «Предчувствия», без посвящения и эпиграфа. В рукописи строка 18: «Весенним утром дружно в поле!» Эпиграф из стихотворения А. С. Хомякова «Труженик». В черновой рукописи стихотворение с посвящением Бальмонту и с эпиграфом: «Скоро... Отрешишь волов от плуга || На последней борозде.— Пушкин» (из чернового наброска стихотворения «Родрик» («На Испанию родную...»). *Перцов* Петр Петрович (1868—1947) — литературный и художественный критик, редактор журнала «Новый путь». В январе 1903 г. Брюсов писал ему: «Если Вам на один миг приятно, чтобы «В ответ» было обращено к Вам, — это, конечно, уже решено» (*ЛН*, 27-28, стр. 293); однако посвящение появилось лишь в *УО*. В *ПСС III* датировано годом посвящения — 1903.

ПЕСНИ

«Для этих песен Брюсова бесполезно искать точные фольклорные прототипы. Поэт воспроизводит не определенный образец, а особенности целого жанра, целой группы, объединяет и обобщает образы, вносит свои дополнения... Нельзя не подчеркнуть, что Брюсов был первым поэтом XX в., задолго до Блока, Маяковского, Бедного, осмелившимся обратиться к городскому фольклору...» (Э. С. Литвин. Валерий Брюсов и русское народное творчество. — «Русский фольклор», VII. М. — Л., 1962, стр. 144, 146).

Фабричная («Как пойду я по бульвару...») (стр. 281) — *СЦ* 1902, в цикле «Мой песенник». В *ПСС III* дата 1901.

Фабричная («Есть улица в нашей столице...») (стр. 282) — *СЦ* 1902, в цикле «Мой песенник». В 1906 г. положена на музыку И. И. Рачинским.

Детская (стр. 283) — *СЦ* 1902, в цикле «Мой песенник». Написана в стиле традиционных детских считалок. В 1901 г. положена на музыку В. И. Ребиковым, в 1905 — А. Т. Гречаниповым.

Сборщик (стр. 283) — *КР*, под заглавием, как в рукописях (*ГБЛ*), «На новый колокол». С незначительными изменениями — *СЦ* 1902. В рукописи (*ГБЛ*) под заглавием «Vicisti Galilaeae», то есть «Ты победил, Галилеянин» (*лат.*), восклицание, приписываемое римскому императору Юлиану Отступнику (331—363), пытавшемуся восстановить в империи господствующее положение языческого культа. В легенде, созданной апологетами христианства, эти слова он произнес смертельно раненный в сражении (Христос — по Евангелию — уроженец Галилеи). Написано в стиле выкриков-

молений сборщиков на церковные колокола и построение церквей. Брюсов записал более десяти «голосов сборщиков», предварив свои записи следующей заметкой: «Сборщики произносят свои моления нараспев, речитативом; зачастую их моления сбиваются на правильно мерные стихи. Изучение этих голосов может подвинуть вопрос, далеко не решенный, о истинно русском стихосложении... Обыкновенно <сборщики> говорят речитативом, иные (длинные) стихи выкрикивают скороговоркой, иные (особо важные) протяжно». Первые три строки стихотворения Брюсова — точное повторение одного из записанных им «молений» (*Чтения*, 1963, стр. 535). М. Горький в «Литературных заметках», полностью приведя из *КР* «На новый колокол», писал: «Красота этого стихотворения становится особенно понятна, если прочитать его нараспев, именно так, как просят пожертвование сборщики на колокола» (газ. «Нижегородский листок», 1900, 14 ноября, № 313). Стихотворение положено на музыку в 1905 г. А. Т. Гречапиновым, в 1916 г. — Я. В. Вейнбергом.

Девичья (стр. 284) — *УО*.

Веселая (стр. 285) — *СЦ* 1902, в цикле «Мой песенник».

БАЛЛАДЫ

Ра б (стр. 286) — *УО*. В *ПСС III* дата 1901.

Пеплум (стр. 287) — *ЕС*, 1901, № 4, под заглавием «Из античного сумрака». *Пеплум* (греч.) — просторное женское платье из тонкой ткани. *Лема* — см. прим. на стр. 586. В *ПСС III* дата 1901.

Помпелянка (стр. 289) — *ЕС*, 1903, № 4. Здесь, как и в *УО*:

строка 5:

Была любима я владыкой мира

строка 7:

Не жду над гробом лести univira.

К этому стиху в *ЕС* сделано примечание: «Univira — одномужница, бывшая один раз замужем, высокая похвала на могильном памятнике римской женщины времен императоров». В *ПСС III* дата 1902.

Путник (стр. 289) — *УО*. Образ усталого прохожего у ограды сада, где шумят фонтаны, по-видимому, навеян Брюсову стихотворением Тютчева «Попли, господь, свою отраду...». Письмо Брюсова к Л. Н. Вилькиной (1903 г.) с прозаическим вариантом баллады вскрывает, как указывает М. И. Дикман, «ее субъективно-лирический характер»: «Но разве все дары принимаются? Нищий стоял на солнце. Когда он закрывал глаза, красное солнце проходило сквозь веки. Царевна подала ему золотое вино в золотом сосуде. Ему было надо лишь протянуть руку. Но он засмеялся и сказал: протяни эти золотые края к самым моим устам, и я буду пить. В гневе царевна выплеснула драгоценное вино наземь. Но юноша смеялся, и когда он закрывал глаза, красное солнце проходило сквозь его веки. Ах, с меня довольно меня одного. Я отдаю себя самого — себе. Я не хочу принадлежать никому, и спокойно могу не владеть никем. Пусть шумят камни на взморьях» (*БП*, стр. 753).

Решетка (стр. 291) — *УО*, без строфы 3. Так же в рукописи и в *ПП II*. В *ПСС III* дата 1903.

У моря (стр. 292) — «Литературное приложение к газ. «Русский листок», 1902, 10 февраля, № VI.

В *УО* название раздела: «Думы. Искания».

L'ennui de vivre... (стр. 293) — *СЦ 1903*, в цикле «Мысли». Заглавие — начало первой строки XXIV стихотворения П. Верлена из цикла «*Bonheur*»: «*L'ennui de vivre avec les gens et dans les choses*» («Счастье»: «Скука жизни с людьми и среди вещей...» — *франц.*). В рукописи эта строка поставлена эпиграфом. В прим. *ПСС III* приведены первоначальные варианты. Поэт-рабочий Ф. Е. Поступаев приводит в своих воспоминаниях отзыв Л. Н. Толстого об этом стихотворении: «...глубокое по мысли и настроению, можно уверенно считать поэтическим...» («Лев Николаевич Толстой». Юбилейный сборник. М. — Л., 1928, стр. 240).

Habet illa in alvo (стр. 295) — *СЦ 1903*, в цикле «Мысли». В рукописи: «Посвящено Обри Бердслею» (1872—1898) — английскому художнику-графику. По-видимому, Брюсов имел в виду рисунок Бердслея (1892 г.) — поясное изображение женщины и зародыша ребенка, который указывает на страницу раскрытой книги с надписью: «*Incipit vita nova*» (Начинается новая жизнь — *лат.*). («*A second Book of fifty drawings by Aubrey Beardsley*», London, 1899, p. 87). Заглавие стихотворения — цитата из латинского перевода Евангелия (Матф., 1, 18). В Библии: *Ребекка* — мать близнецов Исава и Иакова; *Лия* — мать шести сыновей.

Искушение (стр. 297) — *УО*. В *ПСС III* дата 1903.

Италия (стр. 300) — *СЦ 1903*, в цикле «Мысли». *Италия! несчастная блудница...* — В ноябре 1902 г. Брюсов писал Чулкову: «Летом уезжали мы в Италию. Страна, которая публично торгует своей красотой, но все же удивительно прекрасная» (Чулков, стр. 318). ...высокие лилии. || Цветы святого Антония. — У католиков лилии — эмблема нравственной чистоты и целомудрия. Св. Антоний Падуанский в живописи и скульптуре старых итальянских мастеров изображался с лилией в руках.

Париж (стр. 302) — *УО*. В прим. *ПСС III* приведен вариант начала. Брюсов впервые был в Париже весной 1903 г. «Париж, — записал он в Дневнике, — мне пришлось очень по сердцу». *Пеан* — восхваление, прославление кого-чего-либо (в древней Греции — гимн в честь богов). ...собор, || Давно прославленный торжественным поэтом. — Собор Парижской богородицы (*Notre-Dame*), описанный в романе Виктора Гюго «*Notre-Dame de Paris*». *Кругообразный храм и в бездне саркофага*. — Собор Дворца инвалидов, увенчанный золоченым куполом; в центре собора под куполом открытый сверху склеп, в котором находится саркофаг Наполеона. *Багряница* — царское одеяние багряно-красного цвета. *Мальстрем* — водоворот у берегов Норвегии. *Феникс* — мифологическая птица, сжигающая себя и возрождающаяся из собственного пепла, символ бессмертия, возрождения.

Мир (стр. 304) — *УО*. В рукописи после строки 20 следует:

За главной комнатой, где сложен был товар,
Таилась меньшая, где стол стоял, два стула
И вечно чайников носился пар.
Там, вдалеке от жизни и от гула,
За чаем, за икрой, за шапками, за водкой
Тянулись медленно хозяйские часы
(Казался долгим день, но жизнь зато — короткой!).

Два развлечения с утра и до росы:
 Читать «Листок», выходя в вести мира
 Из Англии, Уфы и дальних деревень.
 Иль слушать наверху оркестрион трактира...
 Идут, идут часы, и тихо морит лень.
 В нечистом воздухе, удушливо нагретом.
 Ни мысли нет, ни сна, кружится голова...
 И залы помнятся затопленные светом,
 И женщины молодых бесстыдные слова.
 Как соответствие, как верный звук отзвучный
 На эту жизнь в пыли, на этот подвиг скучный —
 Встают разгулы ухарских ночей,
 Свобода пьяная поступков и речей...

В основе поэмы — детские воспоминания Брюсова: у его отца до 90-х годов была торговля пробками, основанная еще дедом. Быт патриархального московского купечества 60-х годов изображен Брюсовым в повести «Обручение Даши», являющейся в значительной мере семейной хроникой (РМ, 1913, № 12; отд. изд. — М., 1915).

In hac lacrimarum valle (стр. 306) — *СЦ 1903*, в цикле «Мысли». В рукописи варианты, приведенные в прим. *ПСС III*. *Силены* (греч. миф.) — сатиры, лесные божества. *Дриады* (греч. миф.) — лесные нимфы. *Гномы* (западноевроп. миф.) — сказочные существа, карлики, охраняющие горные сокровища. *Грааль* — в западноевропейских средневековых легендах таинственный чудодейственный камень, скрытый в горной пещере (см. также прим. на стр. 642). *Рубецаль* — в немецкой народной поэзии дух, охраняющий горные сокровища.

ЭЛЕГИН

Женщинам (стр. 309) — *УО*.

Свидание (стр. 310) — *ПП II*. В *Авт. экз.*, *Грж. экз.* и *Избр. пр.* I вписана вступительная строфа (имеющаяся с разочтениями в рукописи (*ГБЛ*) и приведенная в *ПСС III* в примечаниях), строфа 3 дана в измененной редакции, небольшие изменения внесены и в другие строфы. В наст. изд. печатается этот текст. Стихотворение из *УО* было исключено по требованию цензуры (см. прим. на стр. 605). Для того чтобы не перепечатывать страницу с содержанием, из всех экземпляров *УО* страница с запрещенным стихотворением была вырезана и заменена другой — со стихотворением «И снова ты, и снова ты...», также озаглавленным «Свидание» (в *ПСС III* вошло без заглавия в *TV*, в отдел «Еще сказка»).

В Дамаск (стр. 311) — *ЕС*, 1903, № 4, без заглавия. *Тропарь* — церковное песнопение в честь какого-либо православного праздника или святого. *Путь в Дамаск*. — В христианском предании (Деяния апостолов, 9) иудей Савл, преследовавший христиан, на пути в Дамаск, ослепленный светом с неба, услышал голос Иисуса; придя в Дамаск, он стал проповедником христианства — апостолом Павлом. В стихотворении Брюсова «Путь в Дамаск» — страсть, «священный путь к мистическому прозрению» (Вл. Пяст. Валерий Брюсов. — В «Книге о русских поэтах последнего десятилетия». СПб. — М., 1909, стр. 73).

Гиацинт (стр. 312) — *ЕС*, 1902, № 1, без заглавия. В рукописи (*ГБЛ*) два эпитафия: «И <ошибочно, вместо: Иль> уста во мраке почти || Поцелуют не любя» из стихотворения Пушкина «Талисман» и «Ты — моя надежда, мщенье верной стали» — из стихотворения Брюсова «К металлам» (*ТВ*). В *ПСС III* дата 1901. Поляков Сергей Александрович (1874—1943) — математик, переводчик, основатель издательства «Скорпион», редактор журнала «Весы».

Подражание Гейне (стр. 313) — *Б*, 1904, № 5.

Прощальный взгляд (стр. 313) — *НП*, 1903, № 5, в циклу «Предчувствия». В *ПСС III* дата 1903. Наваяно стихотворением Тютчева: «Она сидела на полу...»

К близкой (стр. 314) — *УО*. В рукописи без даты, с заглавием «Ты» и с зачеркнутыми вариантами строф 6 и 7. Обращено к И. М. Брюсовой.

Пытка (стр. 315) — *УО*. В *ПСС III* дата 1902.

Эпизод (стр. 316) — 1. «Не правда ли: мы в сказке...» — *УО*; 2. «Зачем твое имя Мария...» и 3. «Когда твой поезд, с ровным шумом...» — *ПСС III*. В рукописи (*ГБЛ*) цикл состоит из четырех стихотворений. Второе:

Я хочу тебя обидеть,
Сделать больно, отойти,
Чтоб могла ты ненавидеть
Мной любимые пути.
Ясный взгляд твой слишком манит,
Слишком ласковы глаза,—
Пусть их бегло отуманит
Гнева горькая слеза.
Ты готова улыбаться
Всем, везде и в час любой.
Мне так хочется смеяться
Над собой и над тобой.

«Зачем твое имя Мария...» и «Когда твой поезд, с ровным шумом...» переставлены местами; под последним стихотворением дата 31 июля 1901 г.; под предпоследним — дата июль 1901 зачеркнута и карандашом написано 8 июня 1906 — видимо, дата окончательной обработки.

Таинства ночей (стр. 318) — *УО*. В наброске стихотворения эпитаф: «Воспоминания о таинствах ночей...— Пушкин» (у Пушкина: «Мне вас не жаль, о таинства ночей...») (из стихотворения «Мне вас не жаль, года весны моей...»). В *Грж. экз.* строка 1: «Хранятся в памяти, как в тайной книге» (ср. в рукописном наброске терции без заглавия: «Хранятся в памяти, как в тайном склепе»).

Одиночество (стр. 318) — *УО*. В рукописи заглавие: «К близкой».

СОНЕТЫ И ТЕРЦИНЫ

Отвержение (стр. 320) — *УО*.

Втируша (стр. 320) — *УО*. *Втируша* — перевод заглавия драмы Метерлинка «L'Intruse», в которой так названа смерть. Драма эта переведена Брюсовым в 1892 г.; в 1900 г. он присутствовал на постановке ее на сцене Охотничьего клуба в Москве (*Дневник*). В *ПСС III* дата 1902.

Сопет (стр. 321) — *ПСС III*. В рукописи помета: «Петровское-Разумовское, 6 часов» и строка 14: «Узнать, как пятый акт развяжется с четвертым». В *ПСС III*: «Узнать, как пятый акт развяжется в четвертом». В наст. изд. опечатка исправлена по рукописи.

Хмель иступленья (стр. 321) — *ПСС III*, под заглавием «В моей душе», без строфы 5 и с разночтениями. Печатается с учетом правки в *Авт. экз.*, совпадающей с правой рукой Брюсова на странице со стихотворением, вырванной из *ПСС III (ИРЛИ)*.

Лесная дева (стр. 322) — альманах «Гриф», М., 1903. Вилькина Людмила Николаевна (1873—1920) — поэтесса, жена Н. Минского. В рукописи биографической канвы, составленной Брюсовым в 1918 г., под 1903 г. отмечено: «Увлечение Людмилой» (*ГБЛ*).

Mon rêve familial (стр. 324) — *УО*. В *ПСС III* около даты: Петровское-Разумовское. Заглавие заимствовано у Верлена, стихотворение которого переведено Брюсовым (*ПСС XXI*, стр. 87). Эпиграф из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Как часто пестрою толпою окружен...».

Sancta Agatha (стр. 325) — альманах «Гриф», М., 1903. *Агата* — знатная молодая христианка, жившая в III в. в Сицилии. Она отвергла притязания римского наместника язычника Квинтиана, за что была брошена им в темницу и подвергнута жестоким истязаниям, от которых и умерла 5 февраля 251 г. Христианской церковью причислена к святым и особенно почитается в Италии. Себастьян родился после смерти Агаты. Таким образом, хронологические данные житийной литературы исключают возможность их встречи. По-видимому, сюжет стихотворения принадлежит Брюсову, если только не восходит к позднейшей народной легенде.

Терцины к спискам книг (стр. 326) — Каталог книгоиздательства «Скорпион» к началу 1902 г., М., 1902. ...*Из твоих мечтаний || Я сохранию навек семь-восемь строк.* — В. Ф. Ходасевич вспоминал, что однажды Брюсов сказал ему: «Я хочу жить, чтобы в истории всеобщей литературы обо мне было две строчки. И они будут» (журн. «Современные записки», Париж, 1925, № 23).

КАРТИНЫ

В *УО* раздел назван: «Картины. На улице».

Люблю одно (стр. 328) — «Литературное приложение к газ. «Русский листок», 1902, № LI, 22 декабря, без заглавия. В *ПСС III* дата 1901. В *Авт. экз.* строка 16: «Да уловлю я музы лик!»

Раньше утра (стр. 328) — *УО*, без последней строфы.

Каменщик («Каменщик, каменщик в фартуке белом...») (стр. 329) — *УО*. Литературный источник «Каменщика» — стихотворение П. Л. Лаврова «Новая тюрьма» (сб. «Лютня». Лейпциг, 1879 и три издания 1893—1897). Летом 1901 г. Брюсов жил на даче под Москвой, и ему часто приходилось проезжать мимо Бутырской тюрьмы, где в то время строился или ремонтировался один из корпусов. Видимо, по ассоциации он вспомнил стихотворение Лаврова, но, взяв у него сюжет и форму (диалог прохожего с каменщиком), придал диалогу сжатость и динамичность. Стихотворение обратило на себя внимание критики. А. М. Амфитеатров под псевдонимом Абaddonна в фельетоне «Отклики» писал: «Под «Каменщиком» г. Валерия Брюсова, конечно, Некрасов с радостью подписал бы свое имя:

до такой степени это волнующее, мрачное стихотворение — в духе и тоне «музы мести и печали», с такою силою бьет оно по сердцам и гудит тревожным, вечевым звоном» (газ. «Русь», 1904, 15 мая, № 152). Л. Н. Толстой, когда ему был прочитан «Каменщик», сказал: «Сильное, но прозаическое стихотворение» (Н. Н. Гусев. Два года с Толстым. М., 1928, стр. 16). В 1906 г. положено на музыку Ю. Д. Энгелем, в 1907 г. В. Толоконниковым. Вошло в народный песенный репертуар («Библиография Валерия Брюсова». М., 1913, стр. 43). В 1906 г. исполнение «Каменщика» в публичных концертах было запрещено (газ. «Русские ведомости», 1906, 22 февраля, № 51).

Мальчик (стр. 330) — «Литературное приложение к газ. «Русский листок», 1901, 15 февраля, № VII. В 1906 г. положено на музыку С. В. Панченко.

Царица (стр. 330) — *УО*.

Прохожей (стр. 331) — *УО*. В рукописи эпиграф из стихотворения Бодлера «A une passante»: «O toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais» («Прошедшей мимо»: «O ты, которую я мог бы полюбить, о ты, которая это знала» — *франц.*). В *ПСС III* дата 1901.

Голос часов (стр. 331) — *УО*. В рукописи помета: «Sancta Margherita, Ligure. Ночь» (С. Маргерита — городок на берегу Генуэзского залива).

На скачках (стр. 332) — *УО*. Брюсов еще в ранней юности «пристрастился к скачкам». «...мне нравилась, — вспоминал он, — эта борьба лошадей и жокеев за первенство, борьба конюшен за выигрыш. Я следил день за днем за тем, кто кого опережает в числе первого приза и в сумме выигранных денег... Я в стихах излагал отчеты скачек» («Из моей жизни», стр. 37—38).

Чудовища (стр. 333) — *УО*, без эпиграфа из стихотворения К. М. Фофанова «Чудовище». В 1906 г. положено на музыку И. И. Рачинским.

Зимние дымы (стр. 333) — *УО*. В 1903 г. положено на музыку И. И. Рачинским. В *ПСС III* дата 1901.

Оклик демонов (стр. 334) — *УО*. В *Авт. экз.* и в *Грж. экз.* посвящение — А. А. Шестеркиной (см. прим. на стр. 596). В *ПСС III* дата 1902.

Ночь (стр. 335) — *УО*.

Зимняя красота (стр. 336) — *УО*. В рукописи без заглавия. В *ПСС III* дата 1903.

Прелести земли (стр. 336) — *УО*. Датируется по положению автографа в тетради стихотворений (*ГБЛ*). В *ПСС III* дата 1902.

АНТОЛОГИЯ

Яростные птицы (стр. 338) — *СЦ 1903*, без заглавия, под псевдонимом «Аврелий». В 1906 г. положено на музыку С. В. Панченко.

Сладострастие (стр. 338) — *УО*. *Ф. Сологуб* (псевдоним Федора Кузьмича Тетерникова, 1863—1927) — видный представитель символизма, поэт, беллетрист, драматург. Об отношении Брюсова к поэзии Сологуба см. в книге Брюсова «Далекое и близкое». М., 1912.

В раю (стр. 339) — *УО*. *Шик* Максимилиан Яковлевич (1884—1968) — переводчик, сотрудник журнала «Весы»; перевел на немецкий язык несколько стихотворений и рассказов Брюсова. В стихотворении, как отмечает М. И. Дикман, имеются общие мотивы с кар-

типой «золотого века» из рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» (БП, стр. 759). В ПСС III дата 1902.

Сон (стр. 340) — УО, без строфы 3. В ПСС III дата 1902.

Лед и уголь (стр. 340) — УО. Дата в ПСС III 1902.

Знойный день (стр. 341) — УО. В рукописи заглавие «День».

Облака (стр. 341) — УО. В рукописи помета: «Старое Село». В ПСС III дата 1902.

На песке (стр. 342) — УО.

Колыбельная песня (стр. 343) — УО. В 1915 г. положено на музыку Р. М. Глиером.

Терем (стр. 343) — УО. Написано, по-видимому, под впечатлением посещения Брюсовым «царских теремов» в Кремле (Дневник-ГБЛ, запись от 2 декабря 1899 г.; Чтения, 1963, стр. 532—535). Посвящено И. М. Брюсовой. В ПСС III дата 1903.

Витязь (стр. 344) — ПСС III.

Камни (стр. 345) — УО, с посвящением А. Добролюбову. В Авт. экз. и в Грж. экз. эпиграф из его «Собрания стихов». М., 1900:

На каждой ступени мы нашли совершенство,
Мы когда-то молчали в мертворожденных камнях.

Добролюбов Александр Михайлович (1876—1944?) — поэт-декадент. В конце 1890-х гг. обратился к религиозному аскетизму, был послушником в Соловецком монастыре, организовал в Поволжье секту «свободных христиан» («добролюбовцев»). Брюсов познакомился с ним в 1894 г. я, как писал он в Автобиогр., многое вынес из этого знакомства: «Истинную любовь к слову, как к слову, к стиху, как к стиху, показал мне именно Добролюбов». Привлекала внимание Брюсова и необычность жизненного пути Добролюбова. Нечастые встречи их сначала были дружескими, но впоследствии Брюсов тяготился ими (Дневник-ГБЛ; А. Белый. Начало века. М.— Л., 1933, стр. 363—364; П. Перцов. Литературные воспоминания. М.— Л., 1933, стр. 237—240).

Презрение (стр. 346) — УО. В ПСС III дата 1903.

К устью! (стр. 346) — газ. «Русский листок», 1904, 1 января, № 1, под заглавием «Новый год».

ОДЫ И ПОСЛАНИЯ

К. Д. Бальмонту (стр. 348) — УО. Послание Брюсова — отклик на посвященное ему стихотворение Бальмонта «Воля» в книге «Будем как солнце» (впервые напечатано в СЦ 1902, без посвящения). Брюсов использовал некоторые образные выражения из стихотворений Бальмонта: «Вечно юный» (из стихотворения «Я изысканность русской медлительной речи...»), «Высшим знаком я отмечен...» (из стихотворения «Воля»), «О, да, я избранный, я Мудрый, Посвященный...» (из стихотворения «Избранный»). 31 августа 1902 г. Бальмонт писал Брюсову из Оксфорда: «Ваше стихотворение ко мне прекрасно, и я желал бы быть таким, каким Вы меня в нем рисуете, по это, к сожалению, не я. Нет, я тоже не май, а «целый год», и чем дальше идет время, тем далее я от того образа, который живет в Вашем стихотворении. Я мог бы быть таким, если бы моя внешняя жизнь не сложилась так неудачно и если бы я не был «гражданином» столь мучительной страны, как Россия. Я буду все больше

и больше уходить от «беспечности», и буду ли я сильным в Вашей силе, не знаю, но желание «забот» неизбежно. Хотя... Иногда я чувствую в себе такую легкость, воздушность и прозрачность, ощущаю такую гармонию и мировую ненарушимость, полную красоты изваяния, как будто я счастливый эллин выдуманной нами беспечной Эллады» (ГБЛ). В ПСС III дата 1903.

Ему же (стр. 349) — УО. В рукописи помета: «На пути в Веррею около Ратова». *Прозерпина* (римск. миф.) — богиня, владычица преисподней, где пребывают души умерших.

Лев святого Марка (стр. 350) — ЕС, 1902, № 9. Брюсов провел в Италии май — июнь 1902 г. В письме Бахману 23 мая он писал: «Гондолы, базилики, итальянская речь и итальянское небо — хорошо! Но лев святого Марка — лучше всего» (БП, стр. 761). *Лев святого Марка* — памятник на площади св. Марка в Венеции: гранитная колонна, на которой бронзовый лев с раскрытой книгой (лев — эмблема евангелиста Марка, считающегося покровителем Венеции). *Пять веков морей царица* — XI—XVI вв. — время наибольшего могущества Венецианской республики, когда она вела обширную морскую торговлю. *Созерцали крыл державных возрастающую тень...* — реминисценция стихов Тютчева: «Разрасталась в целом мире || Тень от лвиного крыла» («Венеция»). *Беллини* — семья знаменитых венецианских художников: Якопо Беллини (1400—1470) и его сыновья — Джентиле (1429—1507) и Джованни (1430—1516). *Дожи* — выборные правители Венецианской республики. *Тасса медленный напев.* — Торквато Тассо (1544—1595), итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим». В XVIII в. итальянские гондольеры пели октавы из этой поэмы. В 1906 г. положено на музыку И. И. Рачинским.

Венеция (стр. 351) — УО. В рукописи первоначальный вариант озаглавлен «Лев святого Марка». 12 мая 1902 г. Брюсов писал Бахману: «Венеция — город единственный и пастоящий. Буду жить в ней месяц, два и вообще пока не надоест, может быть, всю жизнь» (ГБЛ). В прим. ПСС III приведен вариант стихотворения. *Сделал дожем рыбака.* — В V в. население западного побережья Адриатического моря, спасаясь от нашествия варваров, нашло пристанище на островах в лагунах Адриатики; переселенцы прочно обосновались и занялись рыбной ловлей. Жители со временем образовавшейся здесь Венецианской республики, возглавляемой дожами, были потомками этих рыбаков. *Феодор.* — На южной стороне венецианской площади (Пьяцетта) высится гранитная колонна, на которой установлена мраморная статуя св. Феодора, считавшегося первым покровителем Венеции.

Памяти И. Коневского (стр. 352) — «Лествица», поэма в VII главах А. Л. Мировпольского, Книгоизд. «Скорпион» (М., 1902); после посвящения Коневскому напечатано стихотворение Брюсова под заглавием «Ивану Коневскому». Эпиграф из стихотворения В. К. Кюхельбекера «19 октября», где строка 3: «В средине поприща побед и славы». Коневской утонул 8 июля 1901 г. в реке Аа (см. т. 2 наст. изд., прим. к стихотворению «На могиле Ивана Коневского»).

Андрею Белому (стр. 353) — УО. Брюсов познакомился с А. Белым (Б. Н. Бугаевым) 5 декабря 1901 г. (А. Белый. Начало века. М. — Л., 1933, стр. 153). Записи в *Дневнике* (в июне и декабре 1902 г. — ГБЛ) свидетельствуют об увлечении его Белым. «Он очень настоящий человек. У меня душа успокаивается, когда я ду-

маю, что он существует», — писал Брюсов Перцову в октябре 1902 г. (журн. «30 дней». М., 1939 г., № 10—11, стр. 127). Брюсов ценил его как поэта. Первый сборник стихов Белого был принят им для издания в «Скорпионе». Однако мистические идеи Белого были чужды Брюсову. «...было ясно, что мы, — вспоминал Белый, — суть идейные антиподы...» (журн. «Россия». М. — Л., 1925, № 4, стр. 276). В *силыи небо — вино и золото* — образы из стихов Белого. В сб. «Золото в лазури» Брюсову посвящено: «Маг» и цикл из шести стихотворений, озаглавленный «Не тот». Стихотворение «Свидание» имеет подзаголовок: «На мотив Брюсова», как навеянное его стихотворением «Фабричная» («Есть улица в нашей столице...»).

Младшим (стр. 353) — *ЕС*, 1903, № 4, под заглавием «За оградой (Младшим)», с эпитафией: «Там я жду прекрасной дамы. — А. Блок» (из стихотворения «Вхожу я в темные храмы...»; у Блока: «Там жду я...»). По воспоминаниям Перцова, написано в вагоне, ночью, после его беседы с Брюсовым о стихах Блока, который тогда «был еще Блоком «Прекрасной Дамы» и его поэзия — отзвуком вечно романтического стремления «по ту сторону». Под особым впечатлением только что усвоенных его стихов находились мы оба в тот момент, и стихи эти выдвигались на первое место в нашей беседе» (журн. «30 дней». М., 1939, № 10-11, стр. 127). *Младшие* — символы второго поколения — Блок, Белый, С. Соловьев. Брюсов, утверждавший символизм в чисто эстетическом плане, как литературную школу, считал недопустимым смешение искусства с мистикой и возражал против стремления «младших» сделать поэзию «служанкой» мистической философии В. Соловьева. А. Белый по поводу стихотворения, обращенного к «младшим», писал: «Да, тут смесь подозрения, недоверия, страха ко всей нашей линии, чуждой для Брюсова...» (журн. «Эпопея». Москва — Берлин, 1922, № 1, стр. 185). Ответом Блока Брюсову было стихотворение «Тебе, Чей Сумрак был так ярок...»; написанное в 1904 г., оно было опубликовано только в 1907 (в цикле «Молитвы» («Ночная»); это стихотворение, по выражению В. Н. Орлова, «связано с негласной полемикой, развернувшейся в 1903—1904 гг. между... вождем символистской школы и «младшими» символистами-мистиками...» (Блок, т. 1, стр. 628). Не приема мистических, иррациональных элементов в творчестве Блока, Брюсов высоко ценил его поэзию, и его творческий путь определял как «путь от одинокого созерцания к слиянию с жизнью, от попыток силой мечты проникнуть в тайну мира к спокойному и трезвому наблюдению действительности, от мистики к реализму» (В. Брюсов. А. А. Блок. — «Русская литература XX в.». Под ред. С. А. Венгерова. Т. II, ч. 2, М., 1915, стр. 320).

Юргису Балтрушайтису (стр. 354) — *УО*. Эпиграф из стихотворения Балтрушайтиса «Сон». В *Грж. экз.* рукой Брюсова вписан и зачеркнут второй эпиграф: «Будем как солнце, всегда молодое! — К. Бэальмонт, «Будем как Солнце! Забудем о том...»)» (О Балтрушайтисе см. прим. на стр. 598).

З. Н. Гиппиус («Неколебимой истине...») (стр. 354) — *УО*, под заглавием «Неколебимой истине», в разделе «Антология». *Гиппиус* Зинаида Николаевна (1869—1945) — жена Д. С. Мережковского, представительница символизма, поэт, беллетрист, литературный критик (псевдоним «Антон Крайний»), после Октябрьской революции — эмигрантка. Стихотворение возникло в связи с теми беседами о неохристианстве, которые Мережковские вели с Брюсовым в 1901 г. в свой приезд в Москву. Тогда же, как вспоминала

Гиппиус, Брюсов много говорил с ней о рифмах: «Мы подбирали «одинокие» слова. Их очень много. Ведь нет даже рифмы на «истину»! Мы, впрочем, оба решили поискать и подумать. У меня ничего путного не вышло... А Брюсов написал поразительно характерное стихотворение...» (З. Н. Гиппиус. Живые лица, вып. I, Прага, 1925, стр. 89). В рукописи другая редакция восьмистишия с рифмой на «истину»:

И плачем мы, и стонем мы,
Чтоб внешний мир исчез,
И все ж мы все анонимы
Пред вечностью небес.
Неколебимым истинам
И места нет в судьбе,
Но выплачем, но выстонем
Бессмертие себе.

Множество истин — утверждение, характерное для Брюсова 90-х — начала 900-х годов. См. в *TV* стихотворение «Я» («Мой дух не изнемог во мгле противоречий...»). В 1906 г. «Неколебимой истине» помещено на музыку С. В. Панченко.

В. И. Прибыткову (стр. 355) — журп. «Ребус», 1901, № 16, под заглавием «В. И. Прибыткову, 2-го апреля». *Прибытков* Виктор Иванович — редактор-издатель журнала «Ребус», посвященного вопросам спиритизма, телепатии, сомнамбулизма и т. п. Брюсов поместил в нем в 1900—1902 гг. несколько стихотворений и статей, а также перевод рассказа А. Стриндберга «Чудо». Стихотворение было прочитано Брюсовым на чествовании Прибыткова по случаю выхода тысячного номера журнала.

Июль 1903 (стр. 356) — газ. «Русский листок», 1903, 3 августа, № 210, под заглавием «Двенадцатый час», с эпитафией: «Настал последний, двенадцатый час... С.-Петерб. ведомости 29-го июля» и со строкой 12: «Великий и строгий». Эпитафия взята из передовой статьи газеты «С.-Петербургские ведомости», посвященной убийству русского консула в Битолии. В статье говорилось: несмотря на то, что турецкий «султан поспешил извиниться», Россия требует «полного удовлетворения... Слишком давно Святая София тоскует о русском кресте, который оградит святыню и от мерзости Магометовой, и от недостойных посягательств продажных греков; а славянские народы стоят на распутье: настал последний, двенадцатый час, и нужно выбирать между светлым будущим могучей федерации свободных братских народов, отдыхающих под сенью русского щита, или бессильным поникновением пред всенемецкой волной... она поднялась, она грозит, — завтра она все захлестнет и смое!» 2 августа Брюсов писал Перцову: «А какие события на Балканах! Какие темы для политик!! Я же написал пока только стихи в духе Тютчева»¹ (*ЛН*, 27-28, стр. 294). «Славянофильское» стихотворение Брюсова вызвало иронический отклик в газете «Курьер» (1903, № 165, 12 августа. — Досужий обыватель, «Начало конца»). Стихотворение не было включено Брюсовым в *ПП II*, так как перепечатывать его в 1908 г. он «нашел несвоевременным» (*ПП II*, стр. VIII). *Айя-София* — мечеть в Константинополе, бывшая до завоевания его турками в 1453 г. христианским храмом; крест на куполе был заменен полумесяцем — эмблемой магометанства.

¹ Имеются в виду стихотворения Тютчева: «Русская география», «Пророчество», «Рассвет».

В *УО* этот раздел назван «Поэмы».

Город женщины (стр. 357) — *УО*. В рукописи зачеркнуто: «Посвящаю с восторженным поклонением Теннисону». А. Теннисон (1809—1892) — английский поэт. Стихотворение развивает один из эпизодов поэмы Теннисона «Плавание Мальдуна».

Последний день (стр. 359) — *УО*. В рукописи зачеркнуто заглавие «Обезумевший мир». *Астрейя* (греч. миф.) — богиня справедливости, жившая на земле в золотом веке. Когда нравы людей испортились, Астрейя вернулась на небо.

Во храме Бэла (стр. 362) — *ПСС III*. Рукопись первой главы датирована: «17 августа 1903. Старое Село». *Ассур* — верховный бог у древних ассирийцев, покровитель Ассирии.

Н. А шукин

STEPHANOS

Stephanos (греч.) — венок. О времени, когда создавался *St* (1904—1905), Брюсов вспоминал: «Для меня это был год бури, водоворота. Никогда не переживал я таких страстей, таких мучительств, таких радостей. Большая часть переживаний воплощена в стихах моей книги «Stephanos»... Временами я вполне искренно готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь сызнова», «...то были годы очень интересные и очень остро пережитые мною» (*Дневник*, стр. 136). «...когда я закончил *Urbi et Oghi*, — писал Брюсов Н. И. Петровской (1884—1930), писательнице-символистке, героине стихов *St*, — что-то было изжито, какой-то рудник, который другим мог хватить надолго, был мною исчерпан, потому что я не разрабатывал его, а грабил. Я выхватывал из него слитки и губил золотоносные жилы. И вот слитков более не оказалось. Оставалось искать цовой шахты или заняться пересмотром ранее брошенного, ранее отвергнутого как менее богатого... И вдруг пришла — Ты, как что-то новое, неожиданное, несбыточное, о чем мечталось давно и что вдруг осуществилось. Пришла любовь, о которой я только писал в стихах, но которой не знал никогда, пришла женщина, о которой я только читал в книгах (в твоём Пшибышевском), но не видал никогда... У меня вдруг открылись глаза, сделалась в сто раз более зоркими; в руках я почувствовал новую силу. Я вдруг увидел вокруг вновь сокровища, которых мой прежний взор не различал, получил возможность разбивать такие, таящие золото, камни, на которые прежде не смел поднять руки. Я сказал себе: «Безумец! ты считал себя нищим? Но смотри! видишь! Твой рудник еще полон богатством! бери лом, заступ, добывай, торжествуй!» Ты знаешь, что я это сделал. Я собрал снова целую книгу золотых слитков, там, где, казалось, не было ничего, кроме песку и осколков камней... Но я ошибся. Рудник мой был все же уже опустошен. Скоро, очень скоро поднял я последнюю блестящую — и вот опять стою в пустоте в разоренной опустошенной шахте» (письмо в ночь с 13 на 14 июля 1906 г. — *ЦГАЛИ*).

Книга *St* вышла в 1906 г., в «самый разгар декабрьского восстания в Москве». В *Автобиограф.* Брюсов упоминал, что: «К «Венку»... первоначально написал совершенно другое предисловие (опубликовано под заглавием «Современные соображения» в журнале «Искусство» (1905, № 8)), в котором говорил о «свободе искусства в свободной стране», и лишь по настоянию Вячеслава Иванова... изменил намерение, о чем теперь жалею...» Под «свободой искусства» он подразумевал свободу от «прямого служения вопросам общности». В предисловии к первому изданию *St*, датированном 21 ноября 1905 г., Брюсов с горечью писал о его несвоевременности:

«Бедная моя книга! Я отдаю тебя читателям, в дни, когда им нужен не голос спокойных раздумий, не пафосы извечных радостей и извечных страданий, но гимны борьбы и бой барабанов. Ты будешь похожа, моя книга, на безумного певца, который вышел на поле битвы, в дым, под выстрелы, — только с арфой. Одни, пробегаая, не заметят тебя, другие оттолкнут со словами: «не время!», третьи проклянут за то, что в руках у тебя не оружие. Не отвечай на эти упреки. Они правы: ты не для сегодняшнего дня. Проходи мимо, чтобы спокойно ждать своего часа.

Прощай, моя бедная книга! Ты уже далека и от меня. Да, настало время военных труб и песен сражений.

Предисловию предшествовал эпитаф: первые строки стихотворения Ф. Тютчева: «Теперь тебе не до стихов, // О слово русское, родное!» Однако опасения поэта не оправдались: «Венок» был моим первым, сравнительно крупным успехом. Издание (2000 экз.) разошлось в полтора года, тогда как прежние мои книги едва расходились в пять лет», — отметил он в *Автобиограф.* В статьях-рецензиях на *St* А. Белый (*ЗР*, 1906, № 5) и Ал. Блок (*ЗР*, 1906, № 1; газ. «Слово», 1906, 12 февраля, № 386, «Литературное приложение» № 2. — *Блок*, т. 5, стр. 600—606 и стр. 615—617) указывали на его «художественную цельность» (Белый), «классический стиль» (Блок); подчеркивали обращение Брюсова к традиции: «поэт, рукоположенный лучшим прошлым» (Белый), «Венок» «уже окончательно определяет и то, как связан Брюсов с русской поэзией XIX века. Ясно, что он «рукоположен» Пушкиным. Это — поэт «пушкинской плеяды» (Блок). Позднее Белый отмечал связь четырехстопного ямба Брюсова эпохи *St* с ритмом лицейских стихотворений Пушкина, которые Брюсов комментировал одновременно с работой над этой книгой (см.: А. Белый. Символизм. М., 1910, стр. 276).

Из 67 стихотворений и 3 поэм первого издания *St* 41 стихотворение и 1 поэма публиковались ранее в повременных изданиях, остальные появились впервые. В 1908 г. *St* был переиздан в *III II* вместе с *УО*. «Критика, как дружественная, так и враждебная, всегда указывала на эти два сборника как на особенно характерные для моей поэзии, — писал Брюсов в предисловии к тому. — Кроме того, по самому замыслу, каждая из этих книг представляет нечто цельное, не позволяющее безнаказанно видоизменять в ней расположение частей или пропускать отдельные страницы. Потому, перепечатывая «*Urbi et Orbi*» и «*Stephanos*», я не сделал почти никаких изменений ни в выборе стихотворений, ни в порядке их».

Изменения в *III II* свелись к следующему: Брюсов исключил 4 стихотворения, входившие в первое издание, циклы «На Сайме», «Мгновения» выделил как отдельные разделы, поэмы образовали особый раздел «Поэмы»; «Заключение» было упразднено. Как и другие сборники в *III*, *St* открывался стихотворением — посвящением

«Как страстно ты ждала ответа...», обращенным к Н. И. Петровской (1907; впоследствии включено в сб. «Все напевы»). В третий раз *St* был переиздан в 1914 г. в составе *ПСС IV*, при этом были включены 3 стихотворения, выпущенные в *ПП II*, а также 4, не напечатанные раньше, как указывал Брюсов, «по причинам случайным» (предисловие к *ПСС IV*); было снято стихотворение 1907 г., раздел «Поэмы» стал называться «Лирические поэмы».

Во всех изданиях сохранялось посвящение В. И. Иванову. Вячеслав Иванович *Иванов* (1866—1949) — поэт и теоретик символизма, долгое время изучал и преп. давал античную философию, историю и филологию. Иванов познакомился с Брюсовым в Париже 6 апреля 1903 г. и произвел на него большое впечатление (см. *Диссидент*, стр. 132). Уже в 1904 г., вспоминал Иванов, Брюсов и другие московские символисты «признали меня торжественно «настоящим», и торжественно же мы побратались» («Русская литература XX в.», т. III. М., 1916, стр. 95). В период создания *St* Брюсов был близок с Ивановым — «очень дружил». Его привлекали искания Иванова в области поэтики, широта тем и традиций, пафос «античной глубины жизни» в его творчестве; он писал рецензии на все сборники с его Ивана (см. «Далекое и близкое»). Но мистицизм Иванова, стремление подчинить искусство религии были для Брюсова неприемлемы, что привело к столкновениям и в дальнейшем к расхождению.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вячеславу Иванову (стр. 369) — *St*. В *ПСС IV* дата 1904. В авторизованной копии после строфы 6 зачеркнуто:

Ты — гость из благодетных столетий,
Что нашим буйствам — лишь мираж,
Но ты воспринял буйства эти,
И, сопросник Дельф, ты — наш!

На посвящение Иванов ответил сонетом «Венок» (см. «*Cor ardens*», ч. I, М., 1911). *Архипелаг*. — Имеется в виду греческий архипелаг, острова которого были одним из центров древнегреческой культуры. *Скамандр* — см. прим. на стр. 591. *Рать, мутивша* *Скамандр*. — Имеются в виду греки, осаждавшие Трою. *И дерзкий вскормленник Перикла*. — Имеется в виду Алкивиад (450—404 гг. до н. э.), греческий полководец и государственный деятель, воспитывавшийся в доме Перикла, знаменитого афинского государственного деятеля. *Александр* — см. прим. на стр. 591. *В столице жизни новой*. — Имеется в виду Париж. *Тирсофор* — несущий тирс — жезл бога Диониса на празднествах в его честь. Намек на увлечение Иванова эллинским культом Диониса. В 1903 г. Иванов читал в Париже лекции о Дионисе (см.: Вяч. Иванов. Эллинская религия страдающего бога. — *НП*, 1904, № 1—3, 5, 8—9). *Сведя на эолийский звон*. — Реминисценция из Оды Горация, кн. I, 30 («Памятник»), где стих. 13—14: «Эолийский напев в песнь италийскую перелив». В. Иванов использовал в своей лирике античные размеры, в частности, созданные древнегреческими поэтами — эолийцами Алкеем и Сапфо (VII—VI вв. до н. э.) алкееву и сапфическую строфы. Ему принадлежат и переводы стихов этих поэтов.

Эпиграф из стихотворения «Art poétique» («Искусство поэзии» — *франц.*). Как вспоминала Н. Я. Брюсова, сестра поэта, Брюсов говорил о «Вечеровых песнях»: «...они — настоящее выражение музыки в стихах — доказательство того, что музыка есть в самой поэзии, что иной связи с музыкой ей и не нужно» (Н. Брюсова. Музыка в творчестве Валерия Брюсова. — Журн. «Искусство», 1929, № 3—4, стр. 125).

Приветствие (стр. 371) — *ЖДВ*, 1904, № 5, без заглавия, в цикле «Вечеровые песни». В рукописи зачеркнуто первоначальное название цикла «Ночные песни».

«Воздух становится синим...» (стр. 372) — *ЖДВ*, 1904, № 5, в цикле «Вечеровые песни». На странице из *III II* рукой Брюсова название: «3. Ночь».

«Помню вечер, помню лето...» (стр. 372) — *ЖДВ*, 1904, № 5, в цикле «Вечеровые песни», без эпиграфа. Эпиграф из стихотворения Тютчева «Я помню время золотое...». Обращено к И. М. Брюсовой (письмо А. А. Шестеркиной от 8 марта 1904 г. — *ГБЛ*). Кельн. — В. Я. и И. М. Брюсовы останавливались в Кельне в мае 1903 г. на пути в Париж. *Но когда-то Heinrich Heine в стройных строках пел про нас!* — Ряд стихотворений Генриха Гейне (1797—1856) связан с его родиной — Рейнской провинцией.

Туман (стр. 373) — *Б*, 1904, № 1.

Голос прошлого (стр. 373) — *Б*, 1905, № 12.

Охотник (стр. 374) — *Б*, 1904, № 9, под заглавием «Из вечерних песен». И. Поступальский указывал на определенную зависимость образов этого стихотворения от стихотворения «Un coucher de soleil» («Закат солнца» — *франц.*) Леконта де Лиля (Брюсов. Избр. стихи. М., «Academia», 1933, стр. 674).

Целение (стр. 375) — *St*.

Тишина (стр. 375) — *St*. В рукописях, датированных 4—6 февраля 1905 г. и 1905 г., строка 13: «Как серебряные нити», строфа 4:

Сердце миром мы обманем,
Успокоим трепет свой,
И на край небес не взглянем,
Где встает, грозя, в тумане,
Призрак тучи грозовой.

Первые встречи (стр. 376) — *Б*, 1906, № 1, под названием «Пастораль».

Вечер после дождя (стр. 377) — *ВЖ*, 1905, № 7, в цикле «Озимья».

НА САЙМЕ

Эпиграф — первая строка стихотворения Вл. Соловьева 1894 г., в издании его стихов 1915 г. оно озаглавлено «Последняя любовь». *Сайма* — озеро в юго-восточной Финляндии, на берегу которого Брюсов провел весну 1905 г. *Rauha* — название пансионата, где жил Брюсов. В письмах к Н. И. Петровской (август — сентябрь 1905 г.) он вспоминал «дни несбыточного счастья там, на Сайме» (*ЦГАЛИ*).

«Меня, искавшего безумий...» (стр. 378) — *St.*
 «Желтым шелком, желтым шелком...» (стр. 378) — *St.*
 «В дали, благостно сверкающей...» (стр. 379) — *St.*
 В рукописи строка 2: «Море белый бисер нижет».
 «Мох, да вереск, да граниты...» (стр. 379) — *St.*
 «Я — упоен! мне ничего не надо...» (стр. 380) — *St.*
 «Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна...» (стр. 380) — *St.* «Ато, по финской мифологии, — водяной царь; сампо — в Калевале — волшебная мельница; Суоми — Финляндия». (Прим. Брюсова в *St.*)
 «Голубое, голубое...» (стр. 381) — *St.*
 «Воздух живительный, воздух смолистый...» (стр. 381) — *ПСС IV*. В рукописи окончательной редакции помета: «*Amias*, 1906. Испр. 1908», здесь же заглавие предполагавшегося цикла «Отражения. 2. *Amias*».

ПРАВДА ВЕЧНАЯ КУМИРОВ

Эпиграф из стихотворения Ив. Коневского «К пластику». Предлагаемая Чулкову стихотворения этого отдела для *ВЖ*, Брюсов подчеркивал: «Это античные образы, оживленные, однако, современной душой. Все говорит о любви» (*Чулков*, стр. 324). «Конечно, события дня — современность, но и вопросы любви, смерти, цели жизни, Добра и Зла — тоже современность для наших дней, как для времен Орфея», — замечал он в первоначальном предисловии к *St* (журн. «Искусство», 1905, № 8). Блок в рецензии на *St* назвал «Правду вечную кумиров» одним из самых совершенных его отделов (*Блок*, т. 5, стр. 617). В рецензии на *St* Белый писал: «...простота особенно пленяет нас в отделе «Правда кумиров». Точно перед нами строгие образы, начертанные желтой и коричневой краской по черному фону древнегреческих ваз». «Брюсов первый из современных поэтов сумел изгнать из стиха лишние пустые слова... Поражает его ясная, простая, короткая речь» (*ЗР*, 1906, № 5).

К Деметре (стр. 383) — *ВЖ*, 1905, № 7, в цикле «Озия». *Деметра* (греч. миф.) — богиня плодородия.

Адам и Ева (стр. 384) — *СЦА*, в цикле «В провалах».

Орфей и Эвридика (стр. 385) — *НП*, 1904, № 8. По словам А. Белого, образ Эвридики навеян Н. И. Петровской (см.: А. Белый. Начало века. М. — Л., 1933, стр. 281—282). «Орфей очаровал своей лирой бога подземного царства, и тот возвратил ему Эвридику, но с условием, что Орфей ни разу не оглянется на нее, пока будет вести ее из мира мертвых в мир живых». (Прим. Брюсова в *St.*) *Асфоделева страна* — загробный мир (асфодели — см. прим. на стр. 586).

Медeia (стр. 387) — *ЖДВ*, 1904, № 9. Черновой вариант см. *БП*, стр. 767—768. «Волшебница Медeia, дочь колхидского царя Ээта, помогла Язону овладеть золотым руном. Язон увез Медею с собою в Коринф. Позднее, однако, Язон задумал жениться на Креузе, дочери царя Креона. Медeia умертвила Креузу, послав ей в подарок отравленную одежду, убила своих детей, рожденных от Язона, и бежала из Коринфа на колеснице, запряженной крылатыми драконами». (Прим. Брюсова в *St.*) *Стола* — одежда римских матрон, символ законного брака.

Бальдеру Локи (стр. 388) — *СЦА*, в цикле «В провалах», с посвящением Андрею Белому. В черновой рукописи: после строки 4:

Всеми, отрок светлоокый,
Ты, как ясный день, любим;
Я же — злой и хитрый Локи
Застилаю даль, как дым.

Другие варианты см. *БЛ*, стр. 768—769.

В белой рукописи зачеркнуто: после строки 16:

Ты, как все, сойдешь под кровлю
Грез зловещих, грешных мук:
Я в тиши давно готовлю
Из ольхи волшебный лук.

после строки 24:

Боги света — вы далеки!
Ваших радостей не счесть!
Но одно блаженство Локи
Не уступит асам — мести!

С осени 1903 г. между Белым и Брюсовым сложились тяжелые, напряженные отношения. «Эпохой горестной путаницы между нею <Н. И. Петровской>, Брюсовым и мною» назвал впоследствии 1903—1905 гг. Белый («Начало века», стр. 279. См. там же, стр. 284). Эти взаимоотношения отразились в романе Брюсова «Огненный ангел» и послужили основой для стихотворений «Бальдеру Локи», «Бальдеру II». «Осенью 904 года углубилась трагедия между мною и Валерием Брюсовым максимально...» — вспоминал Белый. «А бумажку со стихами сложил он стрелой, посылая их мне...» (там же, стр. 296 и 352; см. также письмо Белого Блоку 18 и 19 декабря 1904 г. — в кн.: А. Блок и А. Белый. Переписка. М., 1940, стр. 113—117). В основе конфликта между Белым и Брюсовым лежали не только личные отношения: «с особенной остротой вычерчивалась наша прямая противоположность во всем, — писал Белый. — Весь стиль наших встреч — откровенное, иступленное нападение Брюсова на устои моего морального мира... между нами господствовал как бы вызов друг другу на умственную дуэль...» (журн. «Эпопея», Москва — Берлин, 1922, № 2, стр. 158; см. также альм. «Записки мечтателей», 1922, № 6, стр. 95). «Бальдеру Локи» — своего рода полемика с «Северной симфонией (1-й героической)» Белого, центральная тема которой — борьба «мрака со светом». Белый ответил Брюсову стихотворением «Старинному врагу» (*ВЖ*, 1905, № 3). Стихотворение «Бальдеру II», обнажившее личную сторону конфликта, Брюсовым опубликовано не было. «По скандинавской мифологии, светлый бог Бальдер погиб от коварства злого Локи, направившего, во время игр, стрелу слепого Гаду. В наказание боги приковали Локи к скале, а над ним повесили ядовитую змею, жгучий яд которой падал на его лицо. Верная жена Локи, Сигина, сидела подле и держала над ним чашу, перехватывая капли яда. Эдда предсказывает, однако, грядущее торжество Локи. Боги мрака и огня начнут войну со светлыми асами, одолеют их, и вся вселенная сгорит. Чертоги Одина, Гладсгейм, стоят в середине Асгарда, царства асов; Нерта — богиня земли; Гела — богиня мертвых; Игдра-

зил — исполинское дерево, соединяющее все восемь миров, корни его в аду, ствол на земле, вершина в небе». (Прим. Брюсова в *St.*)

Тезей Ариадне (стр. 389) — *В*, 1905, № 1. В рукописи зачеркнуто заглавие «Ариадна». «Критский лабиринт, где заключен был Минотавр, был построен Дедалом. Ариадна, дочь критского царя, научила Тезея, как выйти из лабиринта с помощью клубка ниток, разматываемых по пути. Уезжая с Крита, Тезей взял Ариадну с собой, но бросил ее на острове Наксосе, где встретил ее бог Дионис. Тезей не переменял траурной оснастки корабля на белую, что было знаком успеха. Отец Тезея, Эгей, видя приближающиеся черные паруса, бросился в море». (Прим. Брюсова в *St.*)

Ахиллес у алтаря (стр. 390) — *ВЖ*, 1905, № 3. «Пока предлагаю Вам одно из классических стихотворений, в духе шиллеровских баллад, сколько могу судить, безукоризненное по форме, но несколько холодное и отрешенное от жизни», — писал Брюсов в феврале 1905 г. Чулкову, посылая это стихотворение (*Чулков*, стр. 322—323). Белый, описывая эпизод вызова его Брюсовым на дуэль в начале 1905 г., замечает: «...в те дни клекотал Соловьеву, что хочется очень ему, «просияв», умереть. В эти месяцы лучшие стихотворения сборника «Стефанос» им написаны; в них — отражения его издержков с Н*** <Н. И. Петровской>» (А. Белый. Начало века. М. — Л., 1933, стр. 469). *Ахиллес* — легендарный греческий герой, прославленный Гомером, участник похода против Трои. «По одной версии сказаний, греки и трояне, в конце войны, думали заключить мир, сочетав браком Ахиллеса и Поликсену, дочь Приама <троянского царя>». Но Ахиллес был убит стрелой, пущенной Парисом и направленной самим Аполлоном». (Прим. Брюсова в *St.*) *Эреб* (греч. миф.) — преисподняя.

Клеопатра (стр. 391) — *СЦА*, в цикле «В провалах». *Клеопатра* после победы римского триумвира Октавиана покончила с собой, приложив к груди ядовитую змею (*аспид*). (См. прим. на стр. 592.)

Антоний (стр. 392) — *ВЖ*, 1905, № 7, в цикле «Озимья». Первоначальные наброски первых строф:

Ты был прав, Антоний! царства и державы
На всах души — как перелетный пух!
Мы любви безумцы, пред Всезрящим — правы,
В мире тот лишь мудр, — кто страсти предал дух.

Антоний! Антоний! безумец блаженный!
О, как мне понятна твоя слепота!
Что миродержавство, что судьбы вселенной —
Ты их променял на уста!

Образ Антония привлек внимание Брюсова еще в юности; сохранилась рукопись стихотворения «Антоний», 1894 г. *Антоний* Марк (83—30 гг. до н. э.) — один из триумвиров, разделивших после смерти Цезаря управление всей римской державой. Влюбленный в египетскую царицу Клеопатру, Антоний большую часть времени проводил в Азии, пренебрегая государственными делами и интересами. В морской битве у мыса Акций (31 г. до н. э.), в которой решался вопрос о мировом господстве, Антоний бросил на произвол судьбы свой флот и войско и последовал за кораблями Клеопатры, обратившейся в бегство.

Патмос (стр. 393) — *ПСС IV*, с датой 1904. В рукописи окопательной редакции, датированной 1902 г., строка 17: «Все было веком или мигом», после строфы 4 зачеркнута строфа:

Быть может, время онемело,
Застыли солнце и луна.
И этот час <?> в природе целой
Остался без мечты и сна.

Согласно Евангелию (Апокалипсис), апостолу *Иоанну* Богослову, сосланному римлянами на *Патмос* (остров в Эгейском море), предстало видение конца света.

Орфей и аргонавты (стр. 394) — *НП*, 1904, № 11, где строка 18 как и в рукописи: «Душами темных гребцов овладей». В тексте *St* эта строка изменена, там же примечание: «Целью плаванья героев на корабле Арго было золотое руно, издавна похищенное у минийцев. Язон был предводителем всего похода; Тифис кормщиком; Линкей славился зоркостью, Геракл — силой. Нелей — отец Нестора, Менотий — отец Патрокла. Симплегады — вечно движущиеся скалы, которые раздавливали корабли, проходящие между ними».

ИЗ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ

Эпиграф из ассирийского эпоса «Схождение Истар в ад» (см. прим. Брюсова на стр. 628).

В полдень (стр. 396) — *St*. В рукописи первоначальная редакция под заглавием «К молодости», с датой «Ночь с 13 на 14 сентября 1903»:

Свершилось! молодость окончена!
Ее прошел я торопясь.
Так жизни нить была утончена
И вот внезапно порвалась.
Вот в безымерностях я падаю,
И прежних, легких, крыльев нет.
И не мерцают мне отрадою
Лучи неведомых планет.
И где очнусь я, властно кинутый,
На рубеже каких дорог?
Увижу ль небосвод раздвинутый,
Иль только сумрак будет строг, —
Но свергнут я с высот свежительных,
Окончен праздник первых встреч,
Пора пришла трудов свершительных...
О сердце! научись беречь!
Дары отныне станут скудными,
Осталось только расточать...
И мы пойдем путями трудными,
Уже давать — не собирать!
Мой дух! ты, бывший небожителем,
Ты, знавший горные стези,
Теперь иди к земным обителям,
[Заброшен к низменным обителям]
В долинах стяг свой водрузи!

И неизбежному усердствуя
 [Судьбе как истине усердствуя],
 Свершай тяжелый подвиг свой
 [Люби случайный жребий свой],
 И эта бездна, нам отверстай,
 Да будет для тебя святой!
 Но, видя выси озаренные,
 О, помни светлые пути
 И миги, миги окрыленные...
 О молодость! прости! прости!

В рукописи этой редакции карандашом помета: «Сильно изменено», вычеркнуты строфы 5 и 8, исправлены строки 23, 25, 26 (см. выше в скобках). В сохранившемся листе рукописи последней редакции — эпитафия: «Из жизни бледной и случайной || Я сделал трепет без конца. *Tertia Vigilia* <стих. «Золото»».

Портрет (стр. 397) — *ЖДВ*, 1905, № 4, без строфы 4, с перестановкой строк 2 и 3. Стихотворение воссоздает облик Н. И. Петровской.

Жрице Луны («По твоей улыбке сонной...») (стр. 398) — *Б*, 1905, № 4. «Геката — лунная богиня в греческой мифологии; Астарта — в финикийской... В то же время Геката — богиня волшебства». (Прим. Брюсова в *St.*)

Жрице Луны («Владыка слов небесных, Тот...») (стр. 398) — *Б*, 1905, № 4. В рукописи эпитафия: «Тот (Thot), лунный бог, создатель чисел, «писец богов». Но его лучи светили в ночь, когда Сет нашел скрытое Изидой тело Озириса и разорвал его на части. *Изида* (*египетск. миф.*) — «жена Озириса, бога света и дня». (Прим. Брюсова в *St.*)

Кубок (стр. 399) — *St.* Эпитафия из стихотворения Брюсова «Любовь» (*TV*). В рукописи еще два эпитафия: «Но пьющий пламя подавляет крик. *Tertia Vigilia* <стих. «Женщине»> и «*Ἔρως ἀνίκητ' μάχαν*» <Ἔρως, непобедимый в битве — *греч.*>. Софокл <трагедия «Антигона»>. Первоначальную редакцию стихотворения см. *БП*, стр. 772. В *ПСС IV* дата 1904.

Молния (стр. 400) — *СЦА*, в цикле «В провалах». Посылал это стихотворение Л. Н. Вилькиной в ноябре 1904 г., Брюсов писал: «...Вы найдете здесь стихи, на которые смотрите не как на стихи (ибо, разумеется, у меня есть лучшие), но как на фотографию моей сегодняшней души» (*ИРЛИ*). *Лемуры* — см. прим. на стр. 587.

В застенке (стр. 400) — *СЦА*, в цикле «В провалах», под названием «Пытка». В рукописи название «В пытке». В *ПСС IV* дата 1905. Брюсов писал 20 декабря 1904 г. Л. Н. Вилькиной: «...завтра... пришлю Вам, вместо письма, последние свои стихи. Им верьте. А «Книжалу» не верьте. Он напечатан без моей воли и написан несколько лет назад» (*ИРЛИ*).

Видение крыльев (стр. 401) — *St.* В *ПСС IV* дата 1905.

В трюме (стр. 402) — *St.* В *Грж. экз.* эпитафия: «...и тогда в мое воображение, подобно богатой музыкальной ноте, прокралась мысль о том, как, должно быть, сладко отдохнуть в могиле. — *Эдгар По*». В рукописи после строфы 3 зачеркнутая строфа:

Что свершилось — то пойми,
 И встречу — что неизбежно — с твердостью,
 Свой взор, всегда сверкавший гордостью,
 Не преклони перед людьми.

Последний пир (стр. 403) — ВЖ, 1905, № 7, в цикле «Озимья».

В склепе (стр. 404) — St. Стихотворение положено на музыку С. Н. Василенко в 1908 г.

Два голоса (стр. 404) — St. В рукописи эпиграф: «Est-ce que je crois. — *Verlaine*» («Верю ли я. — *Верлен*. — франц.) и зачеркнут вариант строк 25—32:

Призраки гробницы
Были беглый сон!
Торжеством зарницы
Вспыхнул небосклон.
Милый! в радость эту
Бросься, как и я.
Отдадимся свету!
Другой
Разве ж ты моя?
[Как? так ты моя?]

Из ада изведенные (стр. 406) — St. «По халдейской мифологии, богиня Истар (*Астарт*) сошла в подземное царство, в жилище *Иркаллы* и вывела мертвых к жизни. Истар в то же время богиня любви: ей была посвящена утренняя звезда (Венера)». (Прим. Брюсова в St.) *Гефестова сеть* (греч. миф.) — сеть, скованная Гефестом, богом огня, в которую он поймал свою неверную жену Афродиту и бога войны Арея. В строфе 3 — ассоциации с евангельским мифом о воскресении распятого Христа.

Маргерит (стр. 406) — ВЖ, 1905, № 7, в цикле «Озимья». *Маргерит* (точнее: Маргарит — греч.) — жемчужина, так назывался византийский и древнерусский сборник «слов» (проповедей) Иоанна Златоуста, в него входили шесть «слов» «О непостижимом». Пролог — см. прим. на стр. 603.

МГНОВЕНИЯ

Эпиграф из стихотворения Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...».

«Костра расторгнутая сила...» (стр. 408) — St. В ПСС IV дата 1905. В Грж. экз. дата 1905 зачеркнута.

«Серафимов вереницы...» (стр. 408) — St, под названием «Чьих-то ликом вереницы...» В Грж. экз. дата 1905 зачеркнута.

«Когда мы бывали...» (стр. 409) — St. В Грж. экз. дата 1903.

«Дай устам моим приникнуть...» (стр. 409) — St. В Грж. экз. название «Тайный храм», эпиграф: «[Я увижу волны, блеск зари.] Я — прижав к тебе уста мои, || На коленях, в чувственном тумане. — *К. Бальмонт* <«Мы с тобой сплетемся в забыты...»>» и дата 1903.

Из песен Мальдуна (стр. 410) — St, где образует раздел «Заключение». В Грж. экз. с эпиграфом: «Я созвал товарищей верных || И поклялся мстить до конца. — *Тэннисон* <«Странствия Мальдуна»>» и датой 1903. В рукописи зачеркнутое заглавие «Плаванье. 1. Плаванье нового Мальдуна». *Мальдун* (точнее: Майль-

Дуйн) — герой ирландской саги, на тему которой написана поэма Теннисона «Странствия Мальдуна».

Прощание (стр. 411) — *St*, в цикле «Вечеровые песни». В рукописи зачеркнутое заглавие «Прощальные тепы. I» и помета: «Послано в Ж для всех, отвергнуто».

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Эпиграф из стихотворения Брюсова «К портрету К. Д. Бальмонта» (*TV*).

Встреча (стр. 412) — *St*, без заглавия, в цикле «Встречи». В рукописи второе заглавие — «На улице». На мотивы стихотворений Бодлера написано несколько стихотворений Брюсова (см. «Прохожей» (*UO*), «На улице»).

На улице (стр. 413) — *B*, 1904, № 5, под заглавием «Встреча». В рукописи помета: «Тихо, одиночество, молчание; мир!»

В публичном доме (стр. 413) — *St*. В рукописи подзаголовок «Афродита $\pi\alpha\upsilon\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ <публичная — греч.>». *Андиомена* (обычно Анадиомена, греч.) — пенирожденная — прозвище Афродиты, согласно мифу, возникшей из морской пены.

В ресторане (стр. 414) — *St*. В рукописи зачеркнуты посвящение «Н. П.» (Нине Петровской) и заглавие «В аду».

Каменщик («Камни, полдень, пыль и молот...») (стр. 415) — *St*. В *ПСС III* дата 1904 и опечатка в строке 6: «И нужна — как плеть».

В игорном доме (стр. 416) — *St*. В *ПСС IV* дата 1905.

В вагоне (стр. 417) — *B*, 1904, № 9, без строфы 5, под заглавием «Той, чье имя мне осталось неизвестно».

Крысолов (стр. 417) — *St*. В основе стихотворения — немецкая легенда: некий юноша волшебной игрой на флейте увлек крыс и вывел их из города Гаммельна, когда же жители отказались дать ему за это ранее обещанное вознаграждение, он тем же способом увел всех детей (по другой версии — женщин), и больше их никто не видел. В 1916 г. положено на музыку С. В. Рахманиновым.

После пира (стр. 418) — *St*.

Гребцы триремы (стр. 419) — *HP*, 1904, № 11. В *ПСС IV* дата 1905. В рукописи после строфы 8 зачеркнуто:

Эх, если б, цепи сорвав,
Вываться к свету и буре,
К миру борьбы и забав,
К миру восторгов и фурий!

Что, если б, цепи сорвав,
Вдруг мы пред ними предстали?

Цезарь! блудница! герой!
Ваша свободная дума
Бродит ли робко порой
В сумраке затхлого трюма?

Трирема — римское судно с тремя ярусами весел, гребцами на котором обычно были пленные — рабы. *Фризская тина* — от фризы — древнегерманское племя, которое занимало побережье Северного моря (территория современной Голландии). *Пазин* — древнее название мыса на юге Сицилии.

К олимпийцам (стр. 420) — *St*, со строкой 7: «Возносились в бездну стоны». В рукописи этой редакции в конце имеется еще одна (позже зачеркнутая) строфа:

Так все было, так все будет:
Победил — и побежден,
Кто же пас с тобой рассудит,
Бесконечный небосклон!

В *ПСС IV* дата 1905. *Олимпийцы* (греч. миф.) — боги, обитавшие на священной горе Олимп. *Олимпиец*. — Имеется в виду Зевс.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Эпиграф из стихотворения Ф. Тютчева «Цицерон». Стихотворения раздела «Современность» связаны с событиями периода русско-японской войны и первой русской революции. В них отразилась эволюция политических взглядов поэта, его сложная и противоречивая позиция тех лет, стремление определить свое место в «великие дни» (см. письмо Перцову от 24 сентября 1905 г. — *ПР*, 1926, № 7). Брюсов придавал большое значение непосредственной связи стихов этого раздела с текущими политическими событиями. Посылая 24 августа 1905 г. стихи и переводы Чулкову, он писал: «...современность через несколько месяцев перестанет быть современностью, и для меня лично гораздо важнее напечатать свои оригинальные стихи, чем переводы» (*Чулков*, стр. 329). По той же причине Брюсов уделял особое внимание точной датировке стихотворений раздела. Однако это не значило, что для него они были лишь злободневным откликом: Брюсов неоднократно указывал, что общественно-политические события и вопросы являются полноправной поэтической темой. В наброске предисловия к *St* он подчеркивал, что писал стихи о современности «с той же любовью, с тем же одушевлением, как и все другие» (*ГБЛ*).

Часть стихов этого раздела первоначально была запрещена цензурой, в других были сделаны цензурные изъятия. Брюсов писал С. А. Венгерову 13 сентября 1905 г.: «Если я и высказывал когда, устно или печатно, взгляды, за которые меня причисляют к «правой», то как парадокс, в ряду других парадоксов, которые меня когда-то забавляли. Теперь замечая, что у нас куда легче приобрести такую «худую» славу, чем от нее освободиться. Цикл моих стихотворений «Из современности» (который, может быть, разубедил кого-нибудь в этом моем реакционерстве), предложенный мною «Вопросам жизни», был весь зачеркнут цензором. Молчишь не по воле, а по неволе» (*ИРЛИ*; см. также письма к Чулкову. — *Чулков*, стр. 332—333).

К и н ж а л (стр. 422) — *НП*, 1904, № 10, без эпиграфа, со строфой 4:

Но чуть слышавши призывный первый гром,
Я отзыв вам кричу, я ваш слуга сегодня;
И чем опасней час, и чем темней кругом,
Тем в песнях я свободней.

Эпиграф из стихотворения Лермонтова «Поэт». По свидетельству Чулкова, стихотворение написано Брюсовым в 1901 г. после их беседы о революции и ее реальных силах и предназначалось для нелегального революционного сборника, который не увидел света. Стро-

фа 4, по мнению Чулкова, — прямой ответ на эту беседу (Чулков, стр. 101—103). Брюсов был очень недоволен, что при публикации стихотворения в *III* не была указана дата написания. «Обидно, если читатели отнесут его к теперешней «осенней весне», — писал он 10 мая 1904 г. Перцову. — ...а потом «сегодня» и «свободней»! — Ах, я не срифмовал бы этих слов сегодня» (*ИМЛИ*). В *St* Брюсов дал примечание: «Стихи эти были написаны в 1903 г. при обстоятельствах, объяснять которые здесь не место. По цензурным условиям стихотворение в свое время не могло быть напечатано и появилось лишь в № 10 «Нового пути» за 1904 г., в эпоху так называемой «весны», обратив на себя неожиданное для меня внимание печати (см., напр., «Русь» от 13 ноября и от 11 дек. 1904 г., «Русс. ведомости» от 16 ноября 1904, «Новости» от 16 ноября 1904 г., «Вестник юга» от 3 декабря 1904, «Правда», май 1905, «Голос жизни», июнь 1905 г.)».

К Тихому океану (стр. 423) — газ. «Русский листок», 1904, 29 января, № 28 (5088). «Примите мое «патриотическое» стихотворение», — писал Брюсов 30 января 1904 г. А. А. Шестеркиной, посылая ей «К Тихому океану», вырезанное из газеты (*ГБЛ*). В *St* Брюсов дал примечание: «Будущее, уже пережитое нами, жестоко опровергло последние слова стихотворения. Я не считал, однако, необходимым исключить его из сборника, и должен сознаться, что, подобно многим, ошибался, ожидая конечного торжества России в начинавшейся войне». «К Тихому океану» Брюсов не включил в *III II*, считая его «несвоевременным» (см. *III II*, стр. VIII).

Война (стр. 423) — *St*. В *Избр. пр. II* эпиграф: «Беллона, со змеинными волосами, в кровавой одежде, с мечом и бичом в руках. Римское изображение».

На новый 1905 год (стр. 424) — впервые в другой редакции — журн. «Дело и отдых», 1905, № 1, где строки 8—20:

Россия, нить твоих судеб.
 Нет, нет! Не надо поздравлений,
 Веселых слов в заветный час:
 Быть может, наших братьев теи
 Сидят, незримые, меж нас.
 Беспечный пир теперь — измена!
 Гремит над всеми нами гром,
 Поля угрюмые Мукдена
 У всех простерты за окном!
 Не звоном ценного бокала,
 Как много радостных годин,
 А древней клятвой Ганнибала
 Тебя мы встретим, исполин!

Окончательная редакция в *St*, где строфы 3—5 — новая редакция стихотворения «Весы качнулись мировые...» (*Неизд. 1935*, стр. 181). Эпиграф из стихотворения Ф. Тютчева «1856».

К согражданам (стр. 425) — газ. «Слово», 1904, 22 декабря, № 22. «Очень спасибо за напечатание стихов к неистовому трибуну. Мне это очень важно и дорого», — писал Брюсов Перцову в январе 1905 г. (журн. «Знамя», 1940, № 3). В конце 1904 г. по России прокатилась волна демонстраций и массовых митингов с требованием созыва учредительного собрания, амнистии и прекращения войны. Мукден, Артур (Порт-Артур) — места военных действий во время русско-японской войны 1904—1905 гг. Азраил — ангел

смерти у мусульман. *Ликторы* — почетные стражи при высших должностных лицах в Римской республике. *Форум* — площадь в древнем Риме, средоточие общественной жизни города. *Вей* (Вейи) — город в древней Этрурии, расположенный на скале; пал после десятилетней осады римлянами (V в. до н. э.). *Авентин* — Авентинский холм, куда в 449 г. до н. э. удалились из Рима плебеи, отказавшиеся участвовать в военных действиях и требовавшие политических прав. Об аналогичном уходе плебеев на Священную гору в 494 г. до н. э. Брюсов писал: «...в истории можно подыскать только один пример, напоминающий наши октябрьские события: это отход плебеев на Священную гору. Вот истинно первая «всеобщая забастовка»...» (*В*, 1905, № 11, стр. 62). *Исаа* (*библейск.*) — старший сын патриарха Исаака, продавший право первородства брату Иакову за чечевичную похлебку.

Цусима (стр. 426) — *St*, с датой июнь 1905. Эпиграф — из стихотворения Пушкина «Наполеон». Цусимская катастрофа ощущалась Брюсовым как исторический рубеж. Он писал Чулкову 18 мая 1905 г., что с гибелью Тихоокеанской эскадры «пошла ко дну и вся старая Россия (ныне и я *должен* признать это)» (*Чулков*, стр. 324). «Шестнадцатидневный бой под Мукденом и гибель целой армады у китайских берегов — эти беспрецедентные события только потому, как неотступная галлюцинация, не овладели воображением всех, что у «всех» этого самого воображения давно нет. У меня же, что бы ни говорили злорадствующие мои критики, причисляющие меня к поэтам-александрийцам, доля этой способности есть, и до сих пор я не могу освободиться от бреда, от кошмара нашей войны. Мне все снится, что рубеж был, что новая эпоха истории настала...» (письмо Перцову 24 сентября 1905 г. — *ПР*, 1926, № 7). *И Рима Третьего венец!* — Согласно политическим теориям московских идеологов XVI в., после падения «ветхого» Рима — Римской империи, нового Рима — Византии, мировым царством становится третий и последний Рим — православная Москва.

Юлий Цезарь (стр. 427) — *St*. В примечании в *St* к этому стихотворению Брюсов отметил, что оно написано «до октябрьских событий» 1905 г. 23 августа 1905 г. был заключен мирный договор с Японией. *Юлий Цезарь* (100—44 гг. до н. э.) — знаменитый римский государственный деятель и полководец. После жестокого поражения, нанесенного римскому войску парфянами при Каррах (53 г. до н. э.), и анархических беспорядков в Риме, вызванных беспрестанными столкновениями трибунов-демагогов Клодия и Миллона, сенат передал всю власть *Помпею*, в руках которого была военная сила. Цезарь восстал против сената, в 49 г. до н. э. он перешел границу своей провинции — реку *Рубикон* и вступил на территорию Италии, начав так называемую вторую междоусобную войну. *Эреб* — см. прим. на стр. 625. «*Брошен жребий*» — слова Цезаря при переходе через Рубикон.

Одному из братьев (стр. 428) — *ВЖ*, 1905, № 9, в цикле «Из современности». В рукописи первоначальной редакции («июль 15—16 905») подзаголовок «Упрекнувшему меня, что мои стихи лишены общественного значения», строфы 3—6:

Но ты пошел на труд суровый,
Долбишь упорный камень степ,—
А я хочу сломать оковы,
Какими дух запечатлен!

В моих напевах — яд палящий,
Вливаю тайно я в сердца:
Мысль о свободе настоящей,
Мечту о воле без конца!

И в день, когда моей отравы
Бокалы в душах забродят,
Какие стены и заставы
Свободный путь загородят.

Что добыто в кровавом споре?
Все тот же бледный свет вдали.
Я жду на благодном Фаворе
Преображенья всей земли.

Имеется рукопись промежуточной редакции, где строфы 3—4:

Но, узник, ты поднял секиру,
Со стражей поединку рад;
А я, таясь, готовлю миру
Все рабское мертвящий яд.

Твоя свобода сбросит цепи
С покорных рук, с усталых ног;
Моя — душе откроет степи,
Сердцам — просторы всех дорог.

На рукописи помета: «Ты призывал к единоборству. Не уклоняйся, не покорствуй». Стихотворение развивает взгляды, высказанные Брюсовым в статье о назначении искусства «Ключи тайн» (*В*, 1904, № 1) и обращено к брату поэта А. Я. Брюсову: прочтя «К согражданам», он написал Брюсову стихотворное послание на латинском языке, в котором упрекал его за призывы уйти от общественной борьбы, от борьбы за «права народа» (*Чтения*, 1962, стр. 299—301).

Знакомая песнь (стр. 428) — *ВЖ*, 1905, № 10—11. Первоначально было запрещено цензурой. *Гармодий* (VI в. до н. э.) — афинский юноша, участник заговора против тиранов Гиппарха и Гиппия. *Брут* Марк Юний (85—42 гг. до н. э.) — глава республиканского заговора против Юлия Цезаря и его убийца. *Робеспьер* Максимилиен (1758—1794), *Мара* (Марат) Жан-Поль (1743—1793) — деятели французской буржуазной революции 1789 г. *Неискусных звонарей*. — В письме к Чулкову 1 ноября 1905 г. Брюсов просил поставить внизу стихотворения дату: «...Август 1905 (показывающую, что стихи написаны до революционного октябрьского взрыва, когда «звонари» показали гораздо больше искусства)...» (*Чулков*, стр. 339).

Цепи (стр. 429) — *ПСС IV*, без заглавия. Эпиграф из стихотворения Пушкина «Наполеон». В рукописи приписка: «К ним. По поводу заключения мира с Японией и по другим поводам». Первоначально было запрещено цензурой.

Паломникам свободы (стр. 430) — *ПСС IV*. В черновой рукописи заглавие «Скромным паломникам», зачеркнуты заглавия: «*Vae victis*» («Горе побежденным» — лат.), «Храм свободы», «Русс. либералам?»; за строфой 3 следует:

Но иступленный, оьянелый
Дорогой той [по их следам] пришел народ,
И руки яростные смело
Ударили в чугун ворот

после строфы 4 зачеркнуто:

От века горе побежденным,
От века победитель прав!
Он твой, народ, он добыт с бою.

Уличный митинг (стр. 430) — *St.* В рукописи строка 2: «Не ты ли, Грозный Дух [Дух вражды], с мечом». Сохранились два черновых наброска: прозаический (озаглавленный «Уличный митинг») и стихотворный:

Что там за люди, угрюмые, темные,
Гул их — угроза векам.
Что поднимают их руки огромные
Ввысь — к облакам?
Что поднимают под вечные своды
Темные дети труда

— Идол свободы.
Им ли пезванным, им ли безвестным,
Дерзко касаться до вечных святынь?
Все мы молились пред ликом небесным
Как путники знойных пустынь,
Ждали мы все <вычерк> знака
<прзб.>
Но им не под силу страшная тяжесть
<прзб.> раздавит их всех
Что ж
Их сражают камни и пули
И лучше пасть от кумира свободы,
Чем

Лик Медузы (стр. 431) — *ВЖ*, 1905, № 10-11, без строфы 6, изъятой по цензурным соображениям. В полном виде — *St. Медуза* (греч. миф.) — женщина-чудовище со змеями вместо волос; смотревшие на нее обращались в камень.

Довольным (стр. 432) — *St.* Отклик на царский манифест 17 октября о «даровании» конституции, восторженно встреченный либеральной буржуазией. Враждебность, неприязнь, презрение к либералам, нарочитый их эпатаж — характерны для Брюсова 900-х годов. «Приветствую Вас в дни революции. Насколько мне всегда была (и остается теперь) противна либеральная болтовня, настолько мне по душе революционное действие», — заявлял он в письме от октября 1905 г. Чулкову (Чулков, стр. 335—336). *Ас-саргадон* — см. прим. на стр. 590. *Агора* (древнегреч.) — название народных собраний и площади, где они происходили.

Грядущие гуны (стр. 433) — *ВЖ*, 1905, № 9, в цикле «Из современности», по цензурным соображениям со строкой 12: «На месте пышного зала». Эпиграф из стихотворения Вяч. Иванова «Кочевники красоты» (книга «Прозрачность», 1904). Черновой набросок датирован февралем 1904 г. Приветствуя революцию, Брюсов не мог найти в ней своего места — места поэта. «Революцией интересуюсь лишь как зритель (хотя и попал под казачьи пули в Гнездицком пер.). А живу своей жизнью, сгораю на вечном костре...» — писал он Шестеркиной 1 ноября 1905 г. — Останусь собой, хотя бы, как Андре Шенье, мне суждено было взойти на гильотину. Буду поэтом и при терроре, и в те дни, когда будут разбивать музеи и жечь книги, — это будет неизбежно. Революция красива и как историче-

ское явление величественно, но плохо жить в ней бедным поэтам. Они — не нужны» (*ГБЛ*). Стихотворение «Грядущие гунны» в известной мере повторяет концепцию революционного социалистического движения как разрушительной варварской стихии, высказанную Брюсовым в неопубликованной статье «Торжество социализма» (1903 г. — *ГПБ*; см. также: Д. Максимов. Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940, стр. 186—188). По поводу этой статьи Брюсов писал Перцову 2 августа 1903 г.: «Только бычацье тупоумие... могло принять ее за статью, враждебную социализму. Она его осуждает, да! но с высшей точки зрения... признавая его необходимость и неизбежность» (*ЛН*, 27-28, стр. 295). Тему «Грядущих гуннов» Брюсов разработал в рассказе «Последние мученики» (кн. «Земная ось», 1906. — см.: *ЛН*, 15, стр. 206). *Аттила* — вождь гуннов, правил в 434—453 гг.

К счастливым (стр. 434) — *ВЖ*, 1905, № 9, в цикле «Из современности», с последней строкой: «Я в нем, я с ним, мне вечно-сти не надое». На замысле стихотворения сказалось влияние Верхарна, которого в это время переводил Брюсов. У Верхарна он впоследствии отмечал «изображение, в поэмах и в драматической форме, утопического лучшего будущего...» (статья «Данте современности». — *Избр. соч. II*, стр. 239). Сохранился авторизованный список с пометой Брюсова: «К Венку; К счастливым»:

1

Великие исчезли города,
 Безумные погибли поколения,
 Исчерпана ненужная вражда.
 Настало всех народов единенье.
 Над глубиью моря, над хребтами гор
 Единый город выступил, как плесень,
 И щупальцы по всей земле простер
 И вырос ввысь, когда простор стал тесен.
 Закрыв шарообразно шар земной,
 Горят под солнцем кровельные стекла,
 Чтоб возрождений не было весной,
 Чтоб зелень осенью без сил поблекла.
 Однообразна года теплота,
 Круг суточный определенно светел,
 Побуждены зима и темнота,
 Все опыт усмотрел и все разметил.
 От полюсов и вокруг земли лежат
 Размеченными кольцами дороги:
 Здесь храм, здесь рынок, здесь театр, здесь сад,
 Как безошибочны углы и строги!
 И миллиарды мыслящих существ,
 Любимые последыши творенья,
 Цари всех сил, владыки всех естеств,
 Пришли во всем вкусить осуществленье.

2

Великие исчезли города,
 Безумные погибли поколения.
 Была торжеств и бедствий череда,
 Свершалось новое и повторенье.

Все, все, что мыслимо, что быть могло,
 Воочию осуществило время.
 Все облики свои явило зло,
 Взросло как хлеб веков бессчетных семя.
 Изведаны душой все тайны слов
 От стройности священной до хаоса.
 Нет больше новых сочетаний слов,
 Истерлись мысли ржавые колеса.
 Дух в яростных исканьях изнемог,
 В безумных поклоненьях обессилел,
 И эхо в храмах гулко. Людям бог
 Всю чашу веры до подонков вылил.
 Идти, куда? Истопнаны тропы,
 Об стены кирпичи подвигов избиты.
 Ответы все, как древние столпы,
 В былом стоят, не пужны и забыты.

Фонарики (стр. 435) — *St.* В *ПСС IV* с датой 1905. По форме — подражание популярному стихотворению И. П. Мятлева «Фонарики». *Периклов век* — V в. до н. э. — время политического и культурного расцвета Афинского государства. *Век Данте* — XIII в., конец средневековья. *«Век» Леонардо да Винчи* — конец XV в. — начало XVI в., эпоха Возрождения. *Лютер Мартин* (1483—1546) — немецкий религиозный реформатор, основоположник протестантского вероисповедания. *...век суетных маркиз...* — XVIII в., канун французской буржуазной революции. *Революция*. — Имеется в виду французская буржуазная революция 1789 г.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

М. Волошин в своей статье «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов» (*В*, 1907, № 2) писал: «Связь между Брюсовым и Верхарном не в переводах. Переводы Брюсова из Верхарна лишь дань уважения тому поэту, который был для него, может быть, самым драгоценным из всех откровений в области поэзии... Истинного Верхарна я вижу в тех поэмах Брюсова, которые он зачал от Верхарна. Таковы, например, «Конь блед», «Слава толпе». Это — настоящий Верхарн и, в то же время, настоящий Брюсов. Размер носит печать верхарновского размаха, хотя Верхарн никогда не писал таким ритмом. Эти стихотворения Брюсова мне кажутся лучшим воплощением Верхарна на русском языке». Брюсов писал Верхарну 18 марта 1906 г.: «Мне льстит казаться Вашим учеником в искусстве» (черновик письма на франц. яз. — *ГБЛ*).

Слава толпе (стр. 437) — *St.* Стихотворение написано под влиянием стихотворения Верхарна «La révolte» («Мятеж» — *франц.*), которое Брюсов переводил в это время.

Духи огня (стр. 439) — *St.*

В сквере (стр. 441) — *St.* *Лесной царь* — герой немецких баллад, завлекающий людей в свое царство. (Ср. Гете «Лесной царь».)

Конь блед (стр. 442) — *НП*, 1904, № 5, без эпиграфа. В рукописи — зачеркнутый подзаголовок «На улице». Эпиграф — из Апокалипсиса. По словам И. М. Брюсовой, написано под впечатлением несчастного случая, который произошел на глазах поэта в Па-

риже (черновой набросок сделан там же) (Д. Максимов. Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940, стр. 291). Подчеркивая философско-исторический смысл поэмы, Брюсов писал К. И. Чуковскому: «Это — не Париж, не Лондон, не Нью-Йорк: это город Будущего, город «Земли» <название трагедии Брюсова>» (К. Чуковский. Из воспоминаний. М., 1959, стр. 444). В письме Перцову 1 апреля 1904 г. Брюсов писал: «...апокалипсическое стихотворение, лучшее, что мной пока написано (А. Белый и юный С. М. Соловьев, когда я им его прочел, повскакали со стульев)...» (ЛР, 1926, № 7). В примечании к своему стихотворению «Последний день» Блок отмечал «влияние «Коня бледа» В. Брюсова» (А. Блок. Собр. стих., кн. II, М., «Мусагет», 1912).

М. Дикман

ВСЕ НАПЕВЫ

В 1909 г. тиражом 2000 экз. вышел ПП III. Этот том составил новый сборник стихов «Все напевы». Книга открывалась предисловием Брюсова, датированным февралем 1909 г.:

«И все мои напевы еще подвластны мне.

«*Urbi et Orbi*»

В этом томе собраны мои стихи, написанные — за немногими исключениями — в 1906, 1907, 1908 году и в первые дни 1909 года. Я нашел возможным соединить их, вместе со стихами, написанными до 1906 года, в одно собрание под общим заглавием «Пути и перепутья». В стихотворениях этого тома — те же приемы работы, может быть, несколько усовершенствованные, тот же круг внимания, может быть, несколько расширенный, как и в стихах двух предыдущих томов. Я решился даже сохранить для некоторых циклов стихотворений заглавия, уже знакомые моим читателям: «Вечеровые песни», «Правда вечная кумиров», «Современность», «Видения». Этим я хотел указать, что во многом этот сборник завершает мои прежние начинания, или, вернее, что он лучше разрешает те же задачи, за которые, без достаточной подготовки, я брался и раньше. Но, конечно, другие отделы этой книги уже намечают то направление, по которому теперь, по выражению А. Фета, порывается моя Муза. Во всяком случае, III том я считаю *последним* томом «Путей и перепутий». Эти «пути» пройдены мною до конца, и менее всего склонен я повторять самого себя. Я уверен, что в поэзии, и не только русской поэзии, есть еще бесконечное число задач, никем не решенных, тем, почти никем не затронутых, и средств, совершенно не использованных.

Мне остается сказать, что целый ряд стихотворений в этом сборнике появляется в печати впервые. Многие стихи я не считал возможным печатать отдельно, вне их связи с целым циклом или даже со всей книгой. Только на своем месте, рядом с другими, эти стихотворения получают свой истинный смысл. Особенно это относится к стихотворениям, собранным в отделе, которому я должен был дать название «Эротика», возвращая этому слову его первоначальное значение. Впрочем, распределение стихов по отделам несколько зыбко и часто основано не на внутренних особенностях стихотворения, а на обстоятельствах, вызвавших его создание. Иначе вряд ли и может быть в сборнике лирических стихотворений, из ко-

торых каждое, в какую бы форму оно ни было облечено, говорит, в конце концов, лишь о том, что лично пережито написавшим его».

В ПСС IV вошла первая половина ВП из ПП III и еще четыре стихотворения.

В рецензии на сборник С. Соловьев писал: «В новой книге Брюсова мы находим все дорогие нам черты его поэзии: 1) математическую точность слова. Его строфы замкнуты, как алгебраические формулы. Это свойство Брюсов заимствовал у Баратынского, видоизменив и развил его; 2) гармоничность стиха, искусное пользование рифмами и аллитерациями, что сближает его с Пушкиным; 3) романтическую нежность чувства, общую с Жуковским; 4) исключительную пламенность и страстность, которым трудно приискать аналогию в прошлом нашей поэзии» (В, 1909, № 5). Сам автор так оценивал стихи этого сборника: «...в них меньше повизны, чем в других моих книгах, но больше искусства, совершенства... Смотрю на свое прошлое исторически, еще раз «меняю кожу» и намерен появиться (если не умру) в образе новом и неожиданным» (К. Чуковский. Из воспоминаний. М., 1959, стр. 452—453).

Поэту (стр. 447) — В, 1908, № 1, в цикле «Обреченный». В рукописи приписка: «Пропущенная строфа:

Не будет ни счастья, ни страсти
В твоей обреченной судьбе,
И знай: ты навеки во власти
У Тайны, безвестной тебе!»

В ПСС IV дата 1908. Как Данту подземное пламя... — В «Божественной комедии» Данте рассказывает о странствии поэта по девяти-кругам ада, пламя которого обожгло ему лицо.

Близкой (стр. 448) — под заглавием «Дар поэта» напечатано сразу в нескольких провинциальных газетах, в частности: «Вестник Либавы», 1908, 18 января № 15. В ПП II напечатано на оборотной стороне титульного листа St курсивом как посвящение (см. прим. на стр. 621). В рукописи первоначальный вариант под заглавием «Венок» с эпиграфом из Ф. Тютчева: «Не верь, не верь поэту, дева» и с датой январь 1906 (в *Неизд. 1935*, стр. 26, опубликовано с датой 1908). В ПСС IV с датой 1907. Написано на следующий день после получения от В. Ф. Комиссаржевской записки: «Милый, милый, бедный, я зову, я жду, я жду, я верна. Я». «Актрисе принесен в дар «венки из ярко-красных роз». Эта фраза не случайна. Комиссаржевская называла розы своими «неизменными любимцами» («О Комиссаржевской. Забытое и новое». М., ВТО, 1965).

Элегии и буколики

Одиночество (стр. 449) — альманах «Цветник Ор». Копица первая, 1907. В рукописи зачеркнут первоначальный вариант начала:

Покорно я живу с друзьями и с глупцами.
То дорог мне один, то мне смешон другой,
Но с детства счастлив я лишь с милыми тенями,
Лишь с ними у себя, лишь между них — я свой!

8 марта 1907 г. Брюсов писал К. И. Чуковскому: «Одиночество» отдаю <в журн. «Нива»> не без сожаления, ибо люблю его» (К. Чу-

ковский. Из воспоминаний. М., 1959, стр. 447). В «Ниве» напечатано не было.

ВЕЧЕРОВЫЕ ПЕСНИ

Сумерки (стр. 450) — *ЗР*, 1906, № 7-9, без заглавия. В *Круг* под заглавием «Сумерки в городе».

Февраль (стр. 450) — *РМ*, 1907, № 3.

У гроба дня (стр. 451) — журн. «В мире искусств», 1907, № 11-12, без заглавия и строфы 3.

Вечер среди снегов (стр. 452) — *СМ*, 1907, № 12, без заглавия. В *ПСС IV* с датой 1908.

Быть без людей (стр. 452) — газ. «Столичное утро», 1907, 29 августа, № 76, без заглавия. В черновой рукописи зачеркнутая строфа 2:

Чего душа навек желала бы,
На краткий миг дается мне.
Брожу один по доскам палубы
При кротко-царственной луне.

В рукописи вместе с «Над водой поникли ивы...» и «Жигули» (напечатаны: «Столичное утро», 1907, 4 октября, № 105) входит в цикл «Над Волгой». В *ПСС IV* с датой 1908.

НА ГРАНИТАХ

В *Дневнике* за 1906 г. запись: «Летом полтора месяца мы про-
вели в Швеции... Жили сначала в Стокгольме, потом в Висби на Гот-
ланде, потом в Нюнесхэмне, близ Стокгольма... Швеция — ориги-
нал, с которого Финляндия — список. Миры шхер и озер — очар-
вательны. Я полюбил север, граниты, мох, сосны».

К Швеции (стр. 453) — *В*, 1906, № 9, в цикле «В Швеции» (по
составу «В Швеции» совпадает с «На гранитах», только вместо «Угрю-
мый час» в журнале напечатан «Карл XII»).

На Мэларе (стр. 454) — *В*, 1906, № 9, в цикле «В Швеции».
Мэлар — озеро в Швеции, на берегу которого расположен Сток-
гольм. В 1913 г. в стихотворении «По маленькой Европе (наброски)»
Брюсов вспоминал:

Громады пенные Атлантика надменно
Бросала предо мной на груды смуглых скал;
Но так был сладостен поющий неизменно
Над тихим Мэларом чужих наяд хорал...

(*Неизд. 1935, стр. 213*)

Стокгольм (стр. 454) — *В*, 1906, № 9, в цикле «В Швеции».
Далекарлия (точнее Даларне) — гористая и лесистая местность
в средней Швеции.

На гранитах (стр. 455) — *В*, 1906, № 9, в цикле «В
Швеции».

В море (стр. 455) — *В*, 1906, № 9, в цикле «В Швеции».
В черновой рукописи заглавие «Мэлар».

Угрюмый час (стр. 456) — *ПП III*. Рукопись не обнару-
жена: датируется по *Избр. соч. I*.

На Готланде (стр. 456) — *В*, 1906, № 9, в цикле «В Шве-
ции». На черновой рукописи помета: «Wysbi, 8 июля 906». Сохра-

нился прозаический отрывок под заглавием «На Готланде» и с пометой: «Программа стихотв.»:

Мох чахлый, скудные побеги травы,
Кустарник можжевельника,
Искривленные сосны из расщелин камня,
Словно лавой залитая поляна,
Облака белой известковой пыли,
Поседевшая (от нее) хвоя.
И вдруг
За стремительным обрывом
Простор бесконечного моря, пенного,
И узкая полоса,
Где нежная зелень,
Где стройные ели, гордые каштаны,
И робко изгибается маслина.

Готланд — остров в Балтийском море.

Висби (стр. 457) — *В*, 1906, № 9, в цикле «В Швеции». В рукописи помета: «Переделано сент. 1906, набросано июль 1906». *Висби* — город на о. Готланд; в XIV—XV вв. принадлежал торговому союзу купеческих городов Ганзы. В письме к Г. Бахману 4 июля 1906 г. Брюсов писал: «Здесь не очень хорошо. Правда, есть море, открытое, часто бурное, и есть развалины древнего ганзейского Висби, но это и все... Из 12 средневековых церквей от 11 уцелели только жалостные руины; одну безобразно перестроили... Думаю, здесь было лучше, веселее, живее и торжественнее, когда Висби был главою Ганзы, когда женщины одевались в национальные многокрасочные одежды, когда у пристани толпились корабли со всего балтийского побережья» (*ГБЛ*, черновик).

Прибой (стр. 458) — *В*, 1906, № 9, в цикле «В Швеции». В рукописи помета: «Висби». В *ПСС IV* опечатка в последней строке: «Толпы» вместо «Волны». Исправлено по рукописи.

Эхо (стр. 458) — *В*, 1906, № 9, в цикле «В Швеции».

В шхерах (стр. 458) — *В*, 1906, № 9, в цикле «В Швеции». На рукописи помета: «10—23 июля 1906». Посылая это стихотворение Н. Петровской, поэт писал: «Эти стихи скажут тебе лучше письма все, что сейчас в моей душе» (*ЦГАЛИ*).

В ПОЛЕ

Век за веком (стр. 460) — журн. «Образование», 1907, № 2а.

Весенний дождь (стр. 461) — *ПП III*. В *ПСС IV* с датой 1907.

Август (стр. 461) — журн. «Образование», 1908, № 5а, без эпиграфа. Эпиграф из стихотворения Вяч. Иванова «Вчера во мгле неслись туманы...».

В лугах (стр. 462) — журн. «Образование», 1907, № 9.

Осеннее прощание эльфа (стр. 463) — журн. «Трудовой путь», 1907, № 7. В *ПСС IV* с датой 1908. *Эльфы* — в древнегерманской мифологии духи природы, веселые, любящие пляски и хоро-воды существа.

«Закат спокойный и огнистый...» (стр. 464) — *ПСС IV*.

Радуга (стр. 464) — журн. «Образование», 1907, № 8. *Ирида*

(греч. миф.) — богиня радуги, посланница богини Геры: обычно Ирида изображалась в виде крылатой девушки с чашей, в которой она доставляла воду облакам. В *Miscellanea* Брюсов писал: «У меня есть стихотворение о радуге, в котором я, между прочим, признаюсь, что знаю, как объясняет этот феномен современная наука: Знаю, — ты мечта моя! Нашелся критик, который яростно разбранил меня за это скромное познание, объявив, что, обладая им, нельзя быть поэтом. Такое откровенное требование, чтобы поэт был непременно невеждою, столь примечательно, что имя критика стоит сохранить: это — Ю. И. Айхенвальд <«Валерий Брюсов». М., 1910>». В 1916 г. Брюсов написал эпиграмму на Айхенвальда.

МГНОВЕНИЯ

Час воспоминаний (стр. 466) — В, 1909, № 1. В *ПСС IV* с датой 1906.

Который раз (стр. 467) — журп. «Нива», 1907, 14 апреля, № 15. Черновая рукопись датирована февралем 1906.

Грустный вечер (стр. 467) — газ. «Современная Русь», 1907, 3 декабря, № 24. В *Авт. экз. ПП III* вписана предпоследняя строфа, представляющая собой слегка переделанную строфу из стихотворения «Сны»:

Мрак все глуше; ночь уносит в мир иной мечты,
Но луна сияньем косит звездные цветы.

Сны (стр. 468) — газ. «Утро», Харьков, 1908, 20 апреля, № 420, а также одновременно в нескольких провинциальных изданиях. В белой рукописи без эпиграфа. Эпиграф из стихотворения Тютчева «Плавание». В *ПСС IV* дата 1907.

Усталость (стр. 469) — *ПП III*.

Ангел благого молчания (стр. 469) — *ПП III*. В рукописи без строф 2 и 5, с эпиграфом из стихотворения Ф. Тютчева «Silentium!»: «Молчи, скрывайся и таи...», с зачеркнутым посвящением Ф. Сологубу и пометой: «Им написан «Гений Вечного Покоя». Стихотворение Брюсова очень близко по форме и по содержанию стихотворению Ф. Сологуба с тем же названием (1900). И. М. Брюсова вспоминала: «Звальный вечер у Балтрушайтис — Марии Ивановны и Юргиса Казимировича. Разговор о художественной работе висящей здесь иконы «благого молчания». Брюсов, в восторге от идеи иконы, на возвратном пути, шутя, заявил: «На меня спизопел ангел благого молчания», а придя домой, записал стихотв., напечатанное во «Всех напевах» (*ЦГАЛИ*).

Ликори (стр. 470) — *ПП III*. Ликори — мифический единокор с телом лошади. Норны (скандинавск. миф.) — богини судьбы.

ЭРОТИКА

Отречение (стр. 472) — *РМ*, 1909, № 1, с эпиграфом из стихотворения Лермонтова «И скушно, и грустно...»: «А вечно любить невозможно». «Секстина» — стихотворение из 6 строф по 6 стихов каждая, причем конечные слова 1-й строфы (которые могут между собою рифмовать, но могут и не рифмовать) повторяются во всех строфах на заранее определенных местах, осуществляя все возможные алгебраические «перемещения» 6 элементов. Достоинство сек-

стины — в естественности этих повторений и в том, чтобы повторяющиеся слова появлялись каждый раз в видоизмененном значении». (Прим. Брюсова. — «Опыты», стр. 194.)

ἩΡΩΣ ἈΝΙΚΑΤΕ ΜΑΧΑΝ

Заглавие раздела — стих из «Антигоны» Софокла.

Встреча (стр. 474) — В, 1907, № 5. В картотеке И. М. Брюсовой дата 23 сентября 1907, на наброске с пометой: «плохо», дата 1906. *Мерида озеро* — находится в средней части Египта. *Ра* (египетск. миф.) — бог Солнца. *Озирис* — см. прим. Брюсова на стр. 627. *Кимвал* — древний ударный музыкальный инструмент.

Неизбежность (стр. 475) — ПП III. В ППС IV с датой 1908.

Ее колеса... (стр. 475) — ПП III. Вошло в «Опыты», как образец рондо. С. Соловьев писал в рецензии на ПП III: «Интересны в новой книге Брюсова попытки воспроизвести сложные стихотворные формы старой французской поэзии: секстину, рондо и т. д. С несравненным искусством Брюсов совершает здесь подвиги, на которые не решились до сих пор наши поэты» (В, 1909, № 5). *Рондо* — см. прим. Брюсова на стр. 602. *Суламифь* (библейск.) — возлюбленная царя Соломона, воспетая им в «Песни песней». *Александр* (то есть отражающий мужей) — прозвище Париса, сына царя Трои Приама, похитившего Елену, жену спартанского царя Менелая.

Лишь одного! (стр. 476) — В, 1907, № 5, под заглавием «Газелла». В ППС IV с датой 1908. В черновой рукописи с датой сентябрь 1905, заглавием «К женщине» и эпиграфом: «Ты женщина, ты ведьмовский напиток» («Женщине», TV). Окончательный текст датирован февралем 1907. «Газелла — двустишие персидской поэзии, где особенности этой формы были вызваны свойствами языка. Сущность газеллы (правильнее — газели) — в повторении заключительных слов 1-го стиха в конце 2-го стиха и в конце каждого двустишия; все остальное — украшения, которые для данной формы не обязательны». (Прим. Брюсова. — «Опыты», стр. 194.)

К Пасифае (стр. 476) — В, 1907, № 5. В ГБЛ сохранились гранки стихотворения под заглавием «Ласкаемой» и с строкой 12, такой же, как и в рукописи: «В сияньи кротком, в ночи всех позоров...» *Пасифая* (греч. миф.) — супруга царя Крита Миноса, мать Минотавра — отличалась неумеренной чувственностью. *Грааль* — разнообразные легенды о Граале — чудодейственном камне (см. прим. на стр. 611) — слились с христианскими апокрифами, в которых Грааль — чаша с кровью, собранной из ран распятого Христа. Эта чаша — Святой Грааль — охраняется рыцарями в таинственном замке, путь в который открыт только тем, кто чист душой и сердцем.

Ночные цветы (стр. 477) — ПСС IV. В Авт. экз. ПСС IV рукой И. М. Брюсовой: «Позднейшая приписка Брюсова:

И днем опять, в тоске бессилья,
Забыв о радостях во мгле,
Цветы, как сломанные крылья,
Лежат, прижатые к земле»

Эпиграф на стихотворения Фета «Я тебе ничего не скажу...».

Призрак неизбежный (стр. 477) — *ПП III*. «Достоинство триолета... в том, чтобы повторяющиеся стихи (два первых в конце, как 7-й и 8-й, и первый еще, как 4-й) не были только припевом, но появлялись каждый раз с видоизмененным значением». (Прим. Брюсова. — *Опыты*, стр. 193.)

В потоке (стр. 478) — *ПП III*. В *ПСС IV* с датой 1908. Благословение (стр. 479) — *В*, 1909, № 1, без эпиграфа. Эпиграф из стихотворения Реми де Гурмона «Дурные молитвы».

Потомок (стр. 479) — *ПСС IV*.

МЕРТВАЯ ЛЮБОВЬ

Ранняя осень (стр. 481) — *St*, под заглавием, как в рукописи и в *Круг*, «Умирание любви».

Снова (стр. 482) — *ПП III*. В рукописи без заглавия, с пометой: «К циклу «Из ада изведенные». В *ПСС IV* с датой 1908.

Холод (стр. 482) — *ЗР*, 1906, № 11-12, без заглавия, в цикле «Две песни о погибшей любви». В *ПСС IV* с датой 1908. В рукописи зачеркнуто название «Обманувшаяся любовь». Вошло в *Опыты* как образец стихотворения с пятисложными рифмами.

В полночь (стр. 483) — *ПП III*. Эпиграф из стихотворения Брюсова «Два голоса».

Умирающий костер (стр. 484) — журн. «Наш журнал», 1908, № 1, под заглавием «Умирающая любовь». В рукописи под заглавием «Наша любовь» с зачеркнутой строфой 2:

Взлетают искры в сумрак белый
С последней черной головки,
И так бессильны, так несмелы
Под снегом и во мгле огни!

В *ПСС IV* с датой 1908.

Из тихих бездн (стр. 484) — *ЗР*, 1906, № 11-12, без заглавия, в цикле «Две песни о погибшей любви». В *ПСС IV* с датой 1907. Вероятно, некоторые образы этого стихотворения навеяны обстановкой ресторана «Метрополь» (см. прим. к стихотворению «Обряд ночи», стр. 644).

ОБРЕЧЕННЫЙ

Голос (стр. 486) — *В*, 1908, № 1, в цикле «Обреченный». В белой рукописи помета: «Петербург» и зачеркнутое название «Обреченному». Стихотворение передает настроение писем В. Ф. Комиссаржевской к В. Я. Брюсову, возможно, поэтому взято в кавычки («О Комиссаржевской. Забытое и новое». М., ВТО, 1965).

Ответ (стр. 487) — *В*, 1908, № 1, в цикле «Обреченный».

Осенью (стр. 487) — *В*, 1908, № 1, в цикле «Обреченный», под заглавием «Осень». Написано в ответ на записку В. Ф. Комиссаржевской от 27 сентября 1907 г., часто подписывающейся в письмах к Брюсову «Беатрисой» или «Мелизандой»: «Думали ли Вы эти дни о Мелизанде? Думали ли Вы эти дни о Беатрисе? Если да, что Вы думали? Если нет, почему Вы не думали? Я хочу Вашего ответа таким... как он звучит в Вас, пока Вы читаете эти строки» («О Комиссаржевской. Забытое и новое». М., ВТО, 1965).

Себастьян (стр. 488) — В, 1908, № 1, в цикле «Обреченный», под заглавием «На медленном огне». На рукописи помета: «Петербург». Написано на следующий день после провала премьеры «Пеллеаса и Мелизанды» Метерлинка в переводе Брюсова. *Себастьян* — римский военачальник, которого император Диоклетиан (284—305), узнав, что он принял христианство, приказал расстрелять из лука.

Видение (стр. 489) — В, 1908, № 1, в цикле «Обреченный». В ПСС IV с датой 1907.

Бой (стр. 489) — ПП III.

Лупный дьявол (стр. 490) — В, 1908, № 1, в цикле «Обреченный». В 1911 г. положено на музыку Б. М. Яворским.

La belle dame sans merci (стр. 491) — В, 1908, № 1, в цикле «Обреченный».

СОНАТЫ

Придавая огромное значение музыке стиха, поэты-символисты часто называли стихотворения как музыкальные произведения. Например, «Симфония первая патетическая в 4 частях со вступлением и заключением» у Брюсова (ГБЛ), «Весенняя мелодия (мандолина)» у А. Белого. *Соната* — музыкальный камерный жанр, обычно в ней развиваются и противопоставляются две темы.

Обряд ночи (стр. 492) — В, 1907, № 1, с датой 1905 и без строк 41—46. В одной из черновых рукописей под названием «Вавилон». В другой рукописи зачеркнуты первоначальные названия «Ночь» и «Палач». Брюсов начал писать сонату в марте 1905 г., затем продолжил работу над ней 5 января 1906 г. и закончил 7 января 1907 г. В ПСС IV с датой 1906, 1908. В своих воспоминаниях Н. Петровская пишет: «...в «Метрополе» помню наш столик... Он стоял около внутренней подъемной машины. Стекланный высокий ящик, разрисованный по изумрудно-морскому фону какими-то подводными цветами, медленно поднимался и опускался каждые пять минут. В нем просто-напросто возили пустые тарелки и привозили кушанья. Но в слегка затуманенном вином и музыкой мозгу возникали причудливые грезы о подводном морском дне, — качались полумертвые водоросли, они словно ждали утопленников, чтобы оплести их тела цепкими зелеными волосами, таращили глаза морские рыбы, шевелили радужными вуалевыми хвостами, дышали ядовито-жгучие подводные цветы... Красный фрак дирижера неаполитанского оркестра развеивался узкими фалдочками в синеватой ресторанной мгле. Об этих ночах В. Брюсов писал:

Словно в огненном дыме и лица и вещи...
Как хорош озаренный бессонный хрусталь.
За плечом у тебя чей-то призрак злоедей».

(ЦГАЛИ)

Возвращение (стр. 494) — ПП III. В черновой рукописи под заглавием «Встреча».

В эпическом роде

Жизнь (стр. 497) — журн. «Образование», 1907, № 4. Рукопись не датирована, но, судя по дате другого стихотворения на этом же

листе рукописи, написано в марте 1907 г. В той же рукописи с пометой «выпущенная строфа» (третья):

Прильну ли к толще скал, к потокам припаду ли,
В земле и в воздухе, как стуком молотков,
Мне отвечает жизнь! И в неумолчном гуле
Ее живых работ мир неизменно нов!

НАДПИСИ К ГРАВЮРАМ

За утесом (стр. 498) — *ЗР*, 1906, № 3, в цикле «Надписи к картинам», с прозаическим переводом этого стихотворения на французский язык, сделанным Брюсовым. В рукописи приклеен рисунок, на тему которого написано стихотворение, с надписью: «Рисунок И. Заттлера. Из «Истории прирейнских городов». Репродукции с гравюр Иосифа Заттлера (р. 1867) и небольшая статья Брюсова о нем помещены в *В*, 1906, № 2.

Освобождение (стр. 499) — *ЗР*, 1906, № 3, в цикле «Надписи к картинам», с прозаическим переводом на французский язык. В рукописи помета Брюсова: «По желанию автора стихи даны в прозаическом переводе, сделанном им самим. Вероятно, написано под впечатлением от гравюры с картины Тинторетто (1518—1594) «Спасение Арсипои», хранящейся в Дрезденской галерее.

Встреча (стр. 499) — *ЗР*, 1906, № 3, без эпиграфа, в цикле «Надписи к картинам», с прозаическим переводом Брюсова на французский язык. Эпиграф из стихотворения Пушкина «Цветок».

Монах (стр. 500) — «Понедельники газеты «Слово» (Литературное приложение к газ.), 1906, 29 мая, № 15. В рукописи подзаголовок: «Из надписей к гравюре XVI века».

«*Noli me tangere, Maria*» (стр. 501) — альманах «Корабли», 1907, с подзаголовком: «К циклу «Надписи к картинкам»; первоначальное заглавие «Магдалина» в рукописи зачеркнуто. Датируется по *Авт. экз. ПП III*. *Noli me tangere, Maria* — в латинском переводе Евангелия (Иоанн, 20, 17) слова Христа, обращенные к Марии Магдалине, которая хотела убедиться, не видение ли он.

ВИДЕНИЯ

Повольник (стр. 502) — *СМ*, 1908, № 1. *Повольники* — в древнем Новгороде разбойники, ходившие на стругах по Волге.

Русалка (стр. 502) — *ПП III*. В рукописи зачеркнуто первоначальное заглавие «Наяда» и поставлено «Русалка». Датируется по *Авт. экз. ПП III*.

Самоубийца (стр. 503) — журн. «Образование», 1908, № 1. В чистовой рукописи под заглавием «Синематограф» и с подзаголовком: «Картина I. Самоубийца». *Лорелея* — в немецких народных песнях сирена, пением завлекающая путешественников в пучину.

Голос мертвого (стр. 504) — *ПП III*.

Побег пастуха (стр. 505) — *ПП III*. В рукописи под названием «Голос пастуха».

Стихи на изразцах (стр. 505) — *ПП III*. В рукописи примечание Брюсова, более полное, чем в *ПП III*: «Старинные изразцы, которые теперь можно видеть в музеях, нередко украшались разными наивными рисунками. Под этими рисунками обычно ставились подписи в стихах. Я сделал попытку связать отдельные

стихи этих подписей, оди с другим, и, довольно неожиданно для меня самого, из этого получилось нечто целое».

Жалоба героя (стр. 506) — *ПП III*. Датируется по *Авт. экз. ПП III*. Царь Микен и вождь осаждавших Трою греков *Агамемнон* после возвращения на родину был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгистом. *Оилеев Аянт* (или Аякс Оиллпд), сын локридского царя Оилея, утонул, возвращаясь после победы над Троей. *Теламонид* — Великий Аякс, сын саламинского царя Теламона, покончил жизнь самоубийством, бросившись на меч, после припадка безумия, которым поразила его Афина Паллада. *Патрокл* и *Ахилл*, два друга, греческие герои, погибшие под стенами Трои. *Тевкр*, сводный брат Аякса, был изгнан отцом за то, что не уберег брата от гибели и не отомстил за него. *Сын Тидея* — Диомед, участник Троянской войны, после возвращения на родину вынужден был бежать из дому в Италию.

Триумфатор (стр. 507) — *ПП III*. Черновая рукопись без заглавия, с пометой: «начато 1907, копчено 3 янв. 1908». Сохранилось несколько рукописей с разночтениями. Особенно значительным изменениям в процессе работы подверглась строфа 2. Сначала было:

За мною пленные владыки
В цепях влачилися золотых,
Рабы несли богатства их;
Зверей чудесных, птиц чужих
Встречали радостные клики.

Затем:

За мной тянулись длинным рядом
Богатства сверженных столиц,
Вели слонов, тащили птиц,
И чернь — двух скованных царниц
Встречала любопытным взглядом.

И, наконец, появился печатный вариант. *Via Sacra* — священная дорога, ведущая к храму Сатурна; по ней в Древнем Риме проходили торжественные процессии. *Капитолий* — храм Юпитера на Капитолийском холме. *Нике* (греч. миф.) — крылатая богиня победы.

ЖЕНЩИНЫ

Закливание (стр. 508) — *В*, 1908, № 1, в цикле «Обреченный». В 1911 г. положено на музыку С. Н. Василенко.

Ожидание (стр. 509) — *В*, 1909, № 1. В черновой рукописи вместо первого и второго голоса первый и второй хор.

Весенняя песня девушек (стр. 510) — сб. «Жизнь», 1908, т. I.

Уголек (стр. 511) — *ПП III*.

Наша тень (стр. 511) — *ПП III*. Сохранилась рукопись под заглавием «Их тень», в которой стихотворение написано в третьем лице.

В том же парке (стр. 512) — *ЗР*, 1906, № 7, без заглавия и строф 4 и 6. В черновой рукописи с пометой «Стихи о умершей любви» эпиграф: «...снеговой серп || Повис, грустя, в пустыне синей». В другой, неозаглавленной, рукописи иной эпиграф: «Одна, грустна, меж вешних верб». Оба эпиграфа из стихотворения А. Белого «Весенняя грусть» (сб. «Пепел»).

В ГОРОДЕ

Голос города (стр. 513) — *ПП III*.

Городу (стр. 514) — альманах «Шиповник», 1907, кн. 1, под названием «Город». Датируется по *Авт. экз. ПП III*.

Бал (стр. 515) — *ПП III*.

Уличная (стр. 516) — сб. «Жизнь», 1908, т. 1.

Вечерний прилив (стр. 516) — *СМ*, 1907, № 2. Первоначальная редакция написана 10 апреля 1906 г. и озаглавлена «По улице».

Оды и послания

Хвала Человеку (стр. 518) — *СМ*, 1907, № 2, с эпиграфом из трагедии Софокла «Антигона»: «В мире много сил великих, || Но сильнее человека || Нет в природе ничего».

Строфа 1 под названием «Гимн человеку» написана 5 мая 1906 г. 1 декабря 1906 г. стихотворение было закончено. В черновых рукописях варианты строф 9 и 11:

Недовольный, ненасытный,
Ты всегда мечтой вдали,
Взор воззая любопытный
В свету звезд и в прах Земли.
Ты когда-нибудь поставишь
Новый парус над Землей
И в пространстве путь направишь
С верной спутницей Луной.

Печатается по *Авт. экз. ПП III*. По свидетельству З. И. Яспиской, Брюсов очень любил это стихотворение и охотно читал его. *Левиафан* (библейск.) — огромное морское чудовище.

ПРАВДА ВЕЧНАЯ КУМИРОВ

Оры (стр. 520) — *ЗР*, 1906, № 10, в цикле «Отзвуки античного». Первоначальный вариант под названием «Горы» написан в 1905 г. В рукописи с пометой «Отделано 28 авг. 1906» зачеркнута строфа 5:

Труд и дума, меч и лира,
Жизнь с любовью и враждой —
Все кует над горном мира
Миг за мигом чередой.

Оры, или *Горы* (греч. миф.) — богины, управляющие сменой времени года и устанавливающие порядок в природе.

Геспериодовы сады (стр. 521) — *ЗР*, 1906, № 10, в цикле «Отзвуки античного». На рукописи помета: «Геспериды. Ганс фон Марэ». Имеется в виду триптих на дереве «Геспериды» немецкого художника Ганса фон Маре (1837—1887), находящийся в Государственной галерее живописи в Мюнхене. *Геспериды* (античная миф.) — дочери титана Атласа, в их садах на Счастливых островах росли золотые яблоки.

Дедал и Икар (стр. 522) — В, 1908, № 10. В рукописи строфа 6:

Отец! того не будет дважды,
Что пустили боги раз!
Моя душа умрет от жажды,
Когда утрачу этот час.

Кумы — см. прим. на стр. 591. Эреб (греч. миф.) — преисподняя.

Одиссей (стр. 524) — В, 1908, № 10. Датируется предположительно 1907 г., по отрывку под названием «Одиссей и сирены», записанному на обороте автографа «Одиссея». Одно из начал этого отрывка:

Я — Одиссей, сын Лаэрта, я царь и герой хитроумный,
Гулкий мир я наполнил молвой о себе многошумной,
Подвиги славят мои певцы на пирах златоблюдных.
Сохранилась корректура «Весов» (ГБЛ), в которой, как и в одной из черновых рукописей, строки 13—28:

Но, чтобы песни дивно-нежной
Соблазн опасный испытать,
Я приказал себя надежно
К высокой мачте привязать.

И вот над миром корабельным,
Как чудо средь морских пустынь,
В напеве мирном и свирельном
Песнь разлилась полубогинь.

Все позабыл я, очарован.
Рвалась душа на властный зов,
Как пламя ввысь. Но был окован
Я — добровольец меж рабов.

... И стала песнь сирен певнятной,
Их остров скрылся вдалеке,
И не посмел я плыть обратно...
Но нет конца моей тоске!

В стихотворении передан эпизод из «Одиссеи» (песня 12). *Калипсо* — нимфа, влюбившаяся в Одиссея и державшая его восемь лет в плену.

Эней (стр. 525) — *ПП III*. Датируется по *Избр. соч. I*. В основу стихотворения положена четвертая песня «Энеиды» Вергилия: корабль легендарного героя Энея прибила к берегу Карфагена буря, поднятая богом моря Нептуном. Энея полюбила царица Карфагена Дидона. Но Юпитер через вестника богов Меркурия (Цилления) приказал ему отправиться «к пределам Итала» (в Италию) и основать «Новую Трою» (Рим).

ПРИВЕТСТВИЯ

К Медному всаднику (стр. 527) — газ. «Слово», 1906, 29 января, № 368. В рукописи под заглавием «К кумиру» и с пометой «Петербург». В *ПП III* дата 1905 и примечание автора: «Для понимания некоторых выражений в этом стихотворении надо возобновить в памяти «петербургскую повесть» Пушкина о «бедном Евгении» <«Медный всадник»> и стихи Тютчева «Декабристам»¹:

¹ Точное название «14 декабря 1825».

... о жертвы мысли безрассудной!
 Вы уповали, может быть,
 Что станет вашей крови скудной,
 Чтоб вечный полюс растопить!
 Едва дымясь, она сверкнула
 На вековой громаде льдов:
 Зима железная дохнула,
 И не осталось и следов.

(Курсив Брюсова; ср. эти выражения в его стихотворении).

Карл XII (стр. 528) — В, 1906, № 9, в цикле «В Швеции». Памятник шведскому королю *Карлу XII* (1682—1718), работы скульптора Мулина, поставлен в 1868 г. *Конунг* — военный вождь у скандинавских племен.

К собору Кемпера (стр. 528) — В, 1908, № 10. Двубашенный готический собор св. Корэнтина, построенный в XIII—XV вв. в старинном городе Кэмпере (Бретань), на Блока произвел совсем другое впечатление: «Стихотворение Брюсова «К собору Кэмпера» могло бы относиться к десятку европейских соборов, но никак не к этому. Он не очень велик и именно не «безгласен». Все его очарование — в интимности и в запахе, которого я не встречал еще ни в одной церкви: пахнет теплицей от множества цветов...» (*Блок*, т. 8, стр. 365).

Опять в Венеции (стр. 529) — В, 1909, № 1, с датой: Venezia, 1908. В *Дневнике* за 1908 г. запись: «Сначала Вена. Летний сад «Венеция в Вене». Потом подлинная Венеция. «Опять в Венеции». Люблю Венецию любовью не стареющей. Все мило в этих мраморах, самая пошлость и грязь». *И над руиной Кампаниле*. — Имеется в виду венецианская колокольня, упавшая в 1902 г. во время первого посещения Брюсовым Венеции. «Узнав о падении колокольни, — вспоминал Брюсов, — мы опять поехали туда, провели там сутки, почти плакали на развалинах. Без *campanile piazza* потеряла единство, — задний план был декорацией, фасадом S. Марсо; теперь впечатление дробится, ибо виден и дворец дождей. С моря Венеция принизилась, словно изувечена» (*Дневник*). Венеции посвящено еще одно стихотворение — в УО.

На форуме (стр. 530) — ПП III. Рукопись датирована августом 1908 г.; автограф — на оборотной стороне письма Н. Петровской с датой 7 августа 1908. «Во вторую поездку в Италию... — вспоминал Брюсов, — меня увлек античный мир. В Риме и в Неаполе я неизменно обращался к остаткам классической древности, долгие часы всматривался я в мраморные портреты императоров, стараясь угадать душу этих восторжествовавших над временем лиц; на римском форуме и в подземельях Палатинских дворцов я явно ощущал веянье давно исчезнувшей жизни; на Аппиевой дороге сам чувствовал себя римским гражданином, как если бы не было двух тысячелетий, отделявших меня от эпохи Цицерона...» («За моим окном». М., 1913, стр. 33—34). В стихотворении «По маленькой Европе (наброски)» Брюсов писал:

Страна Вергилия была желанна взорам:
 В Помпеи я вступал, как странник в отчий дом,
 Был снова римлянин, сходя на римский форум,
 Венецианский сон шептал мне о былом.

(*Неизд. 1935*)

Базилики — в древнем Риме судебные и торговые здания. *Арки Константина* — триумфальные арки императора IV в. Константина Великого. Во время правления императора Траяна (98—117) в Риме было построено много дорог и зданий, в частности и форум — главная площадь древнего города.

Над океаном (стр. 531) — В, 1908, № 10. *Saint Jean de Luz* — прибрежный город на юге Франции, в котором Брюсов пролежал август и сентябрь 1908 г.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Служителю муз (стр. 533) — СМ, 1907, № 12. В ПП III с датой 1905. В рукописи помета: «ночь на 1 сент., 1907». *Архимед* (287—212 гг. до н. э.), согласно легенде, во время осады римлянами Сиракуз создал целый ряд военных машин: метательные орудия, зажигательные снаряды и др., при взятии Сиракуз Архимед погиб. *Рамена* (церковнославянск.) — плечи. *Урания* (греч. миф.) — муза, покровительница астрономии; здесь: наука.

Флореаль 3 года (стр. 534) — РМ, 1907, № 3. В ПП III с датой 1906. *Флореаль* — по французскому республиканскому календарю восьмой месяц года (начинался в апреле); *Флореаль 3 года* — весна 1796 г., когда генерал Бонапарт начал свою первую крупную кампанию — победоносный Итальянский поход.

Ду х З е м л и (стр. 535) — сб. «Италии», 1909. Первоначальное заглавие белой рукописи: «Революция». Эпиграф из «Фауста» Гете (ч. I, ст. 1).

Наш демон (стр. 536) — Сб. «Италии», 1909. Эпиграф из комедии Менаандра «Третьейский суд». Сохранилось четыре рукописи этого стихотворения. В одной из них вариант строфы 2:

Узнай его, когда предстанет,
И, с Роком не вступая в спор,
Иди за ним, куда он манит:
На пьедестал иль на позор!

На другой рукописи помета: «В альбом Г. Л. Гиришман». *У каждого свой тайный демон.* — Древние греки считали, что при рождении человека ему на всю жизнь дается демон, определяющий его судьбу. Эти представления получили отражение в учении пифагорийцев и Платона. *Наполеона через Неман...* — Имеется в виду нашествие Наполеона на Россию, начавшееся с перехода Немана. *На берег Сити.* — На реке Сити 4 марта 1238 г. произошло сражение между войсками Батия и князя Юрия Всеволодовича, когда были разбиты русские войска. *На берег Дона при Донском...* — Имеется в виду битва 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле. *Дни Тильзита.* — 8 июля 1807 г. между Россией и Францией был заключен тяжелый для России Тильзитский мир. *Декабрьские дни* — разгром декабрьского восстания в 1905 г.

Кому-то (стр. 537) — В, 1908, № 10, с заглавием «К кому-то». В Круг. под заглавием «Первым авиаторам». В рукописи строфа 2:

Довольно мы бессильным оком
Следили вольных птиц полет,
В просторе полном и широком
Пора направить смелый флот.

В *ПП III* рядом с датой помета: «Brest» (Брест), в рукописи — «Vannes» (Ванн — город в Западной Бретани), а в *Круг*. — «Juvisy» (Жювизи — город близ Парижа). «Я присутствовал на одном из первых полетов в мире (под Парижем, в Жювизи, в 1906 г.), и один старик француз, стоявший рядом со мною, в буквальном смысле слова заплакал и, глядя на искусный вираж какого-то «Фармана», сказал мне: «Теперь я могу умереть спокойно! Я с юности мечтал об одном: дожить до дня, когда французы научатся летать» (Брюсов. Эпоха чудес. — «Новая жизнь». М., 1918, 1 июня, № 1). «Поэзия борьбы со стихиями, поэзия строительства, «техники» — у нас и не зарождалась еще... — писал К. И. Чуковский в статье «Авиация и поэзия». — И потому так одиноко прозвучал у нас в литературе нашей тот гордый и торжественный гимн, который спет аэроплану Брюсовым... характерно, что из русских поэтов один только Брюсов ощутил одоление воздуха *как свою, как личную победу*, как приобщение к общечеловеческой славе...» («Речь», 1911, 8 мая, № 124). (Ср. В. Ходасевич «Авиатору» и А. Блок «В неуверенном зыбком полете...»). *Фарман Анри* (р. 1874) — один из первых французских авиаконструкторов и летчиков. *Райт* — братья Уильбур (1867—1912) и Орвилл (1871—1948), американские авиаконструкторы. *Мы зерна древние лелеем, || Мы урожай столетий жнем...* — вольное переложение строк из книги Г. Тиссандье «Мученики науки»: «герои труда» и «работники науки», «оставили нам в наследие вертоград, который возделывался ими в течение многих веков, — мы собираем плоды, семена которых были брошены ими» (Н. Ашуккин. Литературная мозаика. М., 1931, стр. 205).

ПОСЛАНИЯ

В *ПП III* прим.: «Автор извиняется перед читателями, сознавая, что для них могут быть непонятны отдельные намеки в стихотворениях этого отдела. Для объяснения их потребовался бы комментарий, в наше время еще неуместный».

М. А. Врубелью (стр. 538) — *ЗР*, 1906, № 1. В *Дневнике* за 1906 г. запись: «Весною я познакомился с М. А. Врубелем, который писал с меня портрет. В другом месте я описал подробнее эти сеансы, очень замечательные, производившие на меня впечатление сильнейшее. Свою встречу с Врубелем считаю в числе удач жизни» (очерк Брюсова «Последняя работа Врубеля». — Сб. «За моим окном». М., 1912). В стихотворении содержатся намеки на картины художника: «Шестикрылый Серафим», «Жемчужина», «Демон поверженный». В 1911 г. положено на музыку М. Ф. Гнесиным.

З. Н. Гиппиус (стр. 539) — *ПП III*. В белой рукописи вариант строфы 4:

Не всем нам слышен мерный ропот
Ручья меж тихих берегов,
Под грохот дум, под жизни топот,
Под крики битв, под стук стапков.

В *Грж. экз.* эпиграф из стихотворения З. Н. Гиппиус «Водоскат»: «Я — черная вода, пеноморозная, меж ледяных берегов». В своих воспоминаниях Гиппиус пишет: «Между нами никогда не было ни дружбы, в настоящем смысле слова, ни внутренней близости. Види-

мость, тень всего этого — была» (З. Н. Гиппиус, Живые лица, вып. 1. Прага, 1925, стр. 75).

Андрею Белому (стр. 540) — *ПП III*. Сохранился набросок другой редакции:

Уже не раз огнем сражений
Дышал я, воин молодой,
Когда впервые, светлый гений,
Ты промелькнул передо мной.
Я помню, как в дыму угарном,
Скользя в бою, сквозь крик и гул,
Ты в кубке чистом и янтарном
И мне свой нектар протянул.
Сменялись годы. Жизни нашей
Пути — разъединили нас.
Мы шли не часто к общей чаше,
Но в станы чуждые не раз.
Порою страсти и страданья
Нам на душу кидали тень, —
И как клеймо воспоминанья
В моем мозгу пылает день,
Когда, скрывая в сердце муку,
Как тайно впившийся кишкал,
Братоубийственную руку
Я на поэта подымал.

В черновой рукописи вычеркнуто пное начало стихотворения:

Мы две души из двух вселенных.
Я — здесь на родине, а ты —
Случайный гость из стран блаженных
Едва мерцающей мечты.

Рассказывая в своих воспоминаниях («Начало века». М.— Л., 1933, стр. 471) о сложных отношениях с Брюсовым, Белый писал: «В девятьсот лишь девятом году неожиданно он мне напомнил ненужное прошлое наше в стихах, посвященных мне, где он описывал, как он свой жезл поднимал на меня... Я ответил стихами, в которых ссть строки:

Высоких искусов науку
И марево пустынных скал
Мы поняли — ты мне сказал:
Братоубийственную руку
Я радостно к груди прижал.

Ответное стихотворение Белого под названием «Встреча» включено в сборник «Урна» (1909). *Нас не призвал посланник божий.* — Имеется в виду евангельский рассказ (Матф., 4) о том, как Иисус, увидев братьев, закидывающих в море сети, предложил им стать апостолами, «ловцами человеков». *Фавор* — гора близ Назарета, на которую, по евангельскому сказанию, вззошел Иисус с тремя своими учениками и преобразился перед ними в божество (Матф., 17, 1—8; Марк, 9, 1—10). *Как Данте, яростной пантерой...* — Имеется в виду эпизод из «Божественной комедии» (Ад, песнь I). *Братоубийственную руку* || *Я на поэта подымал...* — Имеется в виду несостоявшаяся дуэль между Белым и Брюсовым в феврале 1905 г. (см. Андрей Белый).

Начало века, стр. 352). См. также прим. к стихотворению «Бальдеру Локи», стр. 624.

М. А. Кузмину (стр. 541) — В, 1909, № 2. Михаил Алексеевич *Кузмин* (1875—1936) — поэт, беллетрист, переводчик и композитор, сотрудник «Весов». «М. Кузмин сделал мне драгоценный подарок: посвятил мне свою повесть «Подвиги Александра», — писал Брюсов. — Читатели «Весов» помнят, что посвящение было сделано в форме сонета-акростиха. Я постарался, насколько сумел, ответить М. Кузмину, в той же форме сонета-акростиха» (В, 1909, № 6) (стихотворное посвящение М. Кузмина помещено в В, 1909, № 1). Обмен сонетами вызвал неодобрительную статью Л. Мовича (журн. «Образование», 1909, № 5), на которую Брюсов ответил заметкой «О дикарях» (В, 1909, № 6). *Акростих* — стихотворение, начальные буквы строк которого составляют имя или слово. *Мусает* — вокальный муз, одно из прозвищ Аполлона.

Равному (стр. 541) — ПП III. Эпиграф из стихотворения Баратынского «А. М. Н.» В рукописи и *Грж. экз.* заглавие «К. Д. Бальмонту».

Воссоздателю (стр. 542) — ПП III. Датируется по первой публикации. О Вяч. Иванове см. прим. на стр. 621. *Друиды* — жрецы у древних кельтов.

Встречной (стр. 542) — газ. «Живописная неделя», пробный номер за 1907, под заглавием «Из встреч». Эпиграф из «Демона» Лермонтова (ч. II). В рукописи помета: «плохо». В *Грж. экз.* заглавие «В. Ф. К.» — вероятно, Вере Федоровне Комиссаржевской (см. прим. к стихотворению «Памяти В. Ф. Комиссаржевской» — т. 2 наст. изд.).

Е. Т. (стр. 543) — ПП III. В *Грж. экз.* уточнено заглавие «Е. С. Т-ой». К кому обращено стихотворение, установить не удалось. Датируется по первой публикации. В греческой мифологии *дриады* — лесные нимфы.

Начинающему (стр. 544) — ПП III. В рукописи зачеркнут подзаголовок «В альбом к поэту». В *Избр. соч.* I дата 1906 г. Эпиграф из стихотворения А. Пушкина «Памятник». *Пиндар* (521—441 гг. до н. э.) — древнегреч. поэт-лирик. *Вергилий* (70—19 гг. до н. э.) — римский поэт, автор «Энеиды». *Полигимния* (греч. миф.) — муза лирической поэзии.

Исполненное обещание (стр. 545) — альманах «Шиповник», 1908, кн. 4. В черновой рукописи помета: «начерпю кончено 23 октября 1906, а начато впервые в 1901»; зачеркнуты первоначальные заглавия «Скоропослушница» и «Исполненная молитва» и посвящение: «Посвящаю В. А. Жуковскому, поэту нашей детской мечты, сказочнику, которому мы все обязаны лучшими часами наших ранних лет». В *Грж. экз.* внесены исправления, видимо, некоторые из них сделаны не без влияния критики, писавшей о слишком явном подражании «Полтаве» Пушкина, стихам Лермонтова и т. п. (напр., Ю. Александрович, Судьба альманаха. — Газ. «Раннее утро», 1908, 11 апреля, № 120).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оправдание земного (стр. 555) — РМ, 1907, № 3.

Сеятель (стр. 556) — СМ, 1908, № 1. В рукописи без даты и с эпиграфом: последней строфой стихотворения Брюсова «С неустанными молитвами...» (TV). Датируется по Авт. экз. ПП III.

Звезда (стр. 556) — *ПН III*. В *Избр. соч. I* в тексте дата 1906 г., в примечаниях — 1907 г. *Я грустной повести Франчески...* — В «Божественной комедии» Данте рассказывает о том, как в одном из кругов ада Франческа да Римини поведала ему о своей трагической любви к Паоло Малатеста. *Вифлеем* — см. прим. на стр. 600.

Фаэтон (стр. 557) — *ЗР*, 1906, № 10, в цикле «Отзвуки античного». В рукописи, датированной 7 июня 1905, строфа 4:

Тогда последний суд исполни
Над дерзким выходцем, Зевес!
Спали меня огнями молний
И свергны с пламенных небес.

4 апреля 1906 г. она была переделана:

Тогда верховный суд исполни
Над гостем не своей стези,
О Зевс! и остриями молний
Меня, безумного, срази!

Печатную редакцию строфа получила в августе 1906 г. *Фаэтон* (*греч. миф.*) — сын Гелиоса (Феба), бога Солнца — упросил отца разрешить ему провести по небу солнечную колесницу, но не сдержал коней и чуть не сжег землю. Зевс (Кронион) вынужден был поразить Фаэтона молнией. Тело юноши упало в реку. *Океаниды* (*греч. миф.*) — дочери Океана, нимфы вод — оплакали Фаэтона.

М. Васильев и Р. Щербakov

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фронтиспис. В. Я. Брюсов.

Между стр. 64—65. Портрет В. Я. Брюсова, открывающий «Полное собрание сочинений и переводов», т. I. М., 1913. Стр. 43. Обложка сборника «Русские символисты», выпуск I.

Между стр. 96—97. Автограф стихотворения Брюсова «На журчащей Годавери» из его первой поэтической тетради «Мои стихи».

Между стр. 192—193. Титульный лист четвертой поэтической тетради Брюсова «Мои стихи».

Между стр. 224—225. Автограф стихотворения Брюсова «К Большой Медведице» из его девятой поэтической тетради «Мои стихи».

Стр. 280. Автограф стихотворения Брюсова «В ответ».

Между стр. 320—321. Обложка сборника Брюсова «Urbi et Orbi», сделанная по его рисунку.

Между стр. 352—353. Портрет В. Я. Брюсова, открывающий «Избранные произведения», т. I. М., 1925.

СОДЕРЖАНИЕ ¹

От издательства	5
<i>Павел Антокольский, Валерий Брюсов</i>	<i>7</i>

СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ

JUVENILIA

ПРОЛОГ

Сонет к форме	33	<i>566</i>
Осеннее чувство	33	<i>567</i>
Самоуверенность	34	<i>567</i>
Уныние	35	<i>567</i>
Творчество	35	<i>567</i>
«О, закрой свои бледные поги»	36	<i>568</i>
«Она в густой траве запряталась ничком...»	36	<i>568</i>
Ученый	36	<i>569</i>
Отверженный герой	37	<i>569</i>
«Господи! Господи!..»	37	<i>569</i>

ПЕРВЫЕ МЕЧТЫ

«Мы встретились с нею случайно...»	38	<i>569</i>
«Это было? Неужели?...»	38	<i>569</i>
«Полутемное окошко...»	39	<i>569</i>
«Мечты, как лептами, словами...»	40	<i>570</i>
Заветный сон	40	<i>570</i>
Из письма	40	<i>570</i>
Вечером перед церковью	41	<i>570</i>

НОВЫЕ ГРЕЗЫ

«Мрачной повликой...»	42	<i>570</i>
«Беспощадною орбитой...»	42	<i>570</i>
«В типпи задремавшего парка...»	44	<i>570</i>
«Звездное небо бесстрастное...»	44	<i>570</i>

¹ Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

«Звезды тихонько шептались...»	45	570
«Звезды закрыли ресницы...»	45	570
«Слезами блестящие глазки...»	45	570
Мечты о померкшем	46	570
Змеи	46	571
В саду	47	571

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Встреча после разлуки	48	571
Осенний день	49	571

CHEFS D'ŒUVRE

СТИХИ О ЛЮБВИ

Полдень Явы

Предчувствие	57	574
Перед темной завесой	57	574
Измена	58	574
Тени	59	574
Все кончено...	59	574

К моей Миньоне

«Знаешь, Миньона, один только раз...»	60	574
---	----	-----

Глуное сердце

«Глуное сердце, о чем же печалиться!..»	61	574
Поцелуй	61	574
Во мгле	62	574
Утренняя звезда	62	574

Воспоминание о малютке Боре

«Умереть, умереть, умереть!..»	63	575
«Черные тени узорной решетки...»	64	575

КРИПТОМЕРИИ

В ночной полумгле	65	575
Опять сон	66	575
Ожидание	66	575
На журчащей Годавери	67	575
На острове Пасхи	68	576
Прокаженный	69	576
С кометы	70	577

ХОЛМ ПОКИНУТЫХ СВЯТЫНЬ

Моя мечта	71	577
Львица среди развалин	71	577
Жрец	72	577
К монахине	72	577
В старом Париже	73	577
Анатолий	74	577
В прошлом	74	577
В будущем	75	577
Беглец	75	577
В магическом саду	76	577

БУДНИ

Туманные ночи	78	577
Подруги	78	578
Первый снег	79	578
Одна («В этот светлый вечер мая...»)	79	578
Одна («Нет мне в молитве отрады...»)	80	578
В вертепе	81	578
Летучая мышь	82	578
Ночью	82	578
В камышах	83	578
Сумасшедший	83	578
Пурпур бледнеющих губ	84	578

ЧАСЫ ДНЕЙ

Совет к мечте	85	578
Мечта	85	579
После грез	86	579
«Когда былые дни я вижу сквозь туман...»	86	579

MÉDITATIONS

«Хорошо одному у окна!..»	87	579
«Тонкой, но частою сеткой...»	87	579
«Облегчи нам страдания, боже!..»	88	579
«Свиваются бледные тени...»	88	579
«Скала к скале; безмолвие пустыни...»	89	579

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Свега	90	579
Три свидания	92	580
Белые клавиши	94	580

ME EUM ESSE

НОВЫЕ ЗАВЕТЫ

«Как царство белого снега...»	99	581
Юному поэту	99	581
«... и, покинув людей, я ушел в тишину...»	100	581

«Я действительности нашей не вижу...»	100	581
Мучительный дар	101	581
«Давно ушел я в мир, где думы...»	101	581
Il basio	101	581
По поводу Chefs d'œuvre	102	581
«Отреченного веселья...»	103	582

ВИДЕНИЯ

Весна	104	582
На бульваре	104	582
Мгновение	105	582
«И он взглянул, и ты уснула, и он ушел, и умер день...»	105	582
В трауре	105	582
Позор	106	582
Ветви	106	582

МГНОВЕНИЯ

«И снова бредешь ты в толпе неизменной...»	107	582
Туман	107	582
Продажная	108	582
Рассвет	108	582
«Эту ночь я дышал тишиной...»	108	582
«Стаял снег... земля, камня...»	109	582
«Холод ночи; смерзлась лужи...»	109	582
«Звон отдаленный, пасхальный...»	109	582

СКИТАНИЯ

«Мерный шум колес...»	110	583
«Месяц бледный, словно облако...»	110	583
«Четкие линии гор...»	111	583
«О, плачьте, о, плачьте...»	111	583
Вечер	111	583
«Есть что-то позорное в мощи природы...»	112	584
«Спит вагон, мерцает газ...»	112	584
Софии С., подарившей мне лепесток розы	113	584
«Поезд врывается в древние скалы...»	113	584
«Мы ехали долго, без цели, куда-то...»	113	584

ПЕНУЖНАЯ ЛЮБОВЬ

«И снова дрожат они, грезы бессильные...»	115	584
«Сквозь туман таинственный...»	115	584
«В лабиринте аллеи...»	116	584
«Я помню вечер, бледно-скромный...»	116	585
«Побледневшие звезды дрожали...»	116	585
«Почему я только мальчик...»	117	585
«Меж скал разбитых...»	117	585
«Это было безумие грезы...»	118	585
Ангел бледный	119	585
«Мы бродили, вдвоем и печальны...»	119	585
«Это матовым вечером мая...»	120	585

ВЕЯНИЕ СМЕРТИ

«И ночи и дни примелькались...»	121	585
«После ночи бессонной...»	121	585
Последние слова	122	586
Посв.***	123	586
Записка самоубийцы	123	586
«Кончено, кончено! Я побежден...»	123	586
«... я вернулся на яркую землю...»	124	586
«Я бы умер с тайпой радостью...»	124	586
«Ни красок, ни лучей, ни аромата...»	125	586

В ПУТИ

«Сумрак за черным окном...»	126	586
«Тайны мрака побледнели...»	127	587
«Прохлада утренней весны...»	127	587
«Из бездны ужасов и слез...»	128	587
«Последние думы...»	128	587
«Не плачь и не думай...»	129	587
«В час, когда гений вечерней прохлады...»	129	587
«О, когда бы я назвал всею...»	130	587

ЗАВЕРШЕНИЕ

Годы молчания	131	587
«И в ужасе я оглянулся назад...»	131	587
«Еще надеяться — безумие...»	132	587
Обязательства	132	587
Отречение	133	587
Числа	133	587
Строгое зveno	134	588
«Я прежде боролся, скорбел...»	134	588

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Идеал	135	588
Сон пророческий	137	588

TERTIA VIGILIA

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвращение	141	589
Я	142	589
«Ребенком я, не зная страху...»	143	590

ЛЮБИМЦЫ ВЕКОВ

Ассаргадон	144	590
Халдейский пастух	144	590
Рамсес	145	590
Жрец Изиды	146	590
Психея	147	590
Цирцея	148	591

Кассандра	148	591
Моисей	149	591
Александр Великий	149	591
Ламия	150	591
Амалтея	151	591
Скифы	152	592
Клеопатра	153	592
Старый викинг	154	592
Данте	154	592
Данте в Венеции	155	592
Флоренция Декамерона	156	592
Астролог	157	592
Балзет	157	592
Дон Жуан	158	593
Мария Стюарт	158	593
Разоренный Киев	159	593
О последнем рязанском князе Иване Ивановиче	159	593
Наполеон	160	593

У МОРЯ

«Волны взбегают и поются...»	162	593
«Звезда затеплилась стыдливо...»	162	594
«У перекрестка двух дорог...»	163	594
«Где подступает к морю сад...»	163	594
«День растоплен; море синее...»	163	594
«Весь день был тусклый, бледный и туманный...»	164	594
«Месяца свет электрический...»	164	594
«Словно птица большая...»	164	594
«Лежу на камне, солнцем разогретом...»	165	594
«Кипит встревоженное море...»	165	594
«Волны приходят, и волны уходят...»	166	594
«Обошла тропа утес...»	166	594
«Небо чернело с огнями...»	166	594
«Белый цвет магнолий...»	167	594
«Облака цепляются...»	167	594
«Мерно вьет дорога...»	167	594
«Ветер с моря волны гонит...»	168	594
«Из-за облака скользящий...»	168	594
«Море — в бессильном покое...»	169	594
Закат	169	594
Еще закат	169	594

В СТЕНАХ

«Люблю я ливней верность...»	171	595
«Я люблю большие дома...»	171	595
«Когда сижу один и в комнате темно...»	172	595
«Когда опускается штора...»	172	595
«Я провижу гордые тени...»	172	595
«Жадно тобой наслаждаюсь...»	173	595
«Люблю вечерний свет, и первые огни...»	173	595
«Мы к ярким краскам не привыкли...»	174	595
«Зодчество церквей старинных...»	174	595
«Вы, снежинки, войте...»	174	595
На даче	175	595

«Церкви, великие грани...»	175	595
«Облеченные в одежды...»	175	595
«Улицей сонной и тихой...»	176	595
«Месяц серпом умирающим...»	176	595
«Огни «электрических конок»...»	176	595
«Я видел искры от кирпичи...»	177	595
«Словно нездепные тени...»	177	595
«В борьбе с весной редет зимний холод...»	178	595

ЕЩЕ СКАЗКА

Женщине	179	596
Любовь	179	596
«Осенний день был тускл и скуден...»	180	596
«Я — мотылек ночной. Послушно...»	180	596
«По холодным знакомым ступеням...»	181	596
«Да, эту улицу я знаю...»	181	596
«Строгий, холодный и властный...»	182	596
«Роскошен лес в огне осеннем...»	183	596
«Я помню свет неверно-белый...»	183	596
«В моих словах бесстыдство было...»	184	596
«И снова ты, и снова ты...»	184	596
«Я имени тебе не знаю...»	185	596
«Мысль о тебе меня весь день ласкает...»	185	596
«Часы прошли, как сон изменчивый...»	185	596
«Настал заветный час дремотный...»	186	596
«Тоска бродячего светила...»	186	596
«О да! Я — темный мотылек...»	187	596
«Ты умеешь улыбаться...»	187	596
«Сладко скользить по окраинам бездны...»	188	596
«Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое...»	188	596

МИЛАЯ ПРАВДА

Первая звездочка	190	597
В день святой Агаты	190	597
Я люблю...	191	597
Близкой	191	597
Фея фонтанов	192	597
«И небо и серое море...»	192	597
Колыбельная песня	193	597
«К твоему плечу прижаться...»	193	597

БЛИЗКИМ

К портрету Лейбница	195	597
К портрету М. Ю. Лермонтова	195	597
На смерть И. Лялечкина	196	597
К портрету К. Д. Бальмонта	197	598
К. Д. Бальмонту	197	598
Юргису Балтрушайтису	198	598
«Призраки», картина М. Дурнова	198	598
Г. Г. Бахману	199	598
Случайной	199	599
Памяти Е. И. П.	200	599

Ей же	200	599
По поводу сборников «Русские символисты»	201	599
По поводу «Me eum esse»	201	599
К самому себе	202	599

КНИЖКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Зеленый червячок	203	599
Красная шапочка	204	599
Дозор	204	600
Рождество Христово	205	600
Пасха, праздникам праздник	206	600
В старинном храме	207	600
Слепой	207	600
Мыши	208	600
Демоны пыли	209	600
Коляда	209	600
Девочка	211	600
Утро	211	600
Пред грозой	211	600

ИЗ ДНЕВНИКА

Глаза	213	601
К Большой Медведице	214	601
Величание	214	601
Тени прошлого	215	601
Вила	215	601
Звезда морей	216	601
К металлам	216	601
За пределами сказок	217	601
Случайности	217	601
Дачи осенью	218	601
Песня	219	601
Папоротник	219	601
Жизнь	220	601

ПРОЗРЕНИЯ

В неконченном здании	222	601
В дни заустений	223	601
Брань народов	224	602
Братьям соблазненным	225	602
Каждый миг	225	602
Устой	226	602
Проблеск	227	602
Отрады	228	602

МЫ

Мы	230	602
Я знаю...	230	602
Люцифер	231	602
Залог	231	602
Согора	231	602

Жернова	232	602
Духи земли	232	603
Золото	233	603
«Безмолвные свидетели...»	234	603
Еще «мы»	235	603
«Поклоняются многие мне...»	235	603
«С неустанными молитвами...»	236	603
«Случайность и намеренность...»	236	603

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Краски	237	603
Сказание о разбойнике	239	603
Аганат	241	603
Царю Северного полюса	246	603
Предание о луне	257	604
Замкнутые	259	604

URBI ET ORBI

ВСТУПЛЕНИЯ

«По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах, в садах я бродил...»	269	606
Лестница	269	606
Последнее желание	270	606
У себя	271	606
Побег	271	606
Работа	272	607
Мечтанье	273	607
Искатель	274	607
Нить Арнадны	275	607
Блудный сын	276	607
У земли	277	607
В ответ	278	608

ПЕСНИ

Фабричная («Как пойду я по бульвару...»)	281	608
Фабричная («Есть улица в нашей столице...»)	282	608
Детская	283	608
Сборщиков	283	608
Девичья	284	609
Веселая	285	609

БАЛЛАДЫ

Раб	286	609
Пеплум	287	609
Помпеянка	289	609
Путник	289	609
Решетка	291	609
У моря	292	609

ДУМЫ

L'ennui de vivre	293	610
Habet illa in alvo	295	610
Искушение	297	610
Италия	300	610
Париж	302	610
Мир	304	610
In hac lacrimarum valle	306	611

ЭЛЕГИИ

Женщинам	309	611
Свидание	310	611
В Дамаск	311	611
Гиацинт	312	612
Подражание Гейне	313	612
Прощальный взгляд	313	612
К близкой	314	612
Пытка	315	612
Эпизод		
«Не правда ли: мы в сказке...»	316	612
«Зачем твое имя Мария...»	317	612
«Когда твой поезд, с ровным шумом...»	317	612
Таинства ночей	318	612
Одиночество	318	612

СОНЕТЫ И ТЕРЦИНЫ

Отвержение	320	612
Втируша	320	612
Сонет	321	613
Хмель иступленья	321	613
Лесная дева	322	613
Mon rêve familier	324	613
Sancta Agatha	325	613
Терцины к спискам книг	326	613

КАРИТИНЫ

Люблю одно	328	613
Раньше утра	328	613
Каменщик («Каменщик, каменщик в фартуке белом...»)	329	613
Мальчик	330	614
Царяца	330	614
Прохожей	331	614
Голос часов	331	614
На скачках	332	614
Чудовища	333	614
Зимние дымы	333	614
Оклик демонов	334	614
Ночь	335	614
Зимняя красота	336	614
Прелести земли	336	614

АНТОЛОГИЯ

Яростные птицы	338	614
Сладострастие	338	614
В раю	339	614
Сон	340	615
Лед и уголь	340	615
Знойный день	341	615
Облака	341	615
На песке	342	615
Колыбельная песня	343	615
Терем	343	615
Витязь	344	615
Камни	345	615
Презрение	346	615
К устью!	346	615

ОДЫ И ПОСЛАНИЯ

К. Д. Бальмонту	348	615
Ему же	349	616
Лев святого Марка	350	616
Венеция	351	616
Памяти И. Коневского	352	616
Андрею Белому	353	616
Младшим	353	617
Юргису Балтрушайтису	354	617
З. Н. Гиппиус	354	617
В. И. Прибыткову	355	618
Июль 1903	356	618

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Город женщин	357	619
Последний день	359	619
Во храме Бэла	362	619

STEPHANOS

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вячеславу Иванову	369	621
-----------------------------	-----	-----

ВЕЧЕРОВЫЕ ПЕСНИ

Приветствие	371	622
«Воздух становится синим...»	372	622
«Помню вечер, помню лето...»	372	622
Туман	373	622
Голос прошлого	373	622
Охотник	374	622
Целение	375	622
Тишина	375	622
Первые встречи	376	622
Вечер после дождя	377	622

НА САЙМЕ

«Меня, искавшего безумий...»	378	623
«Желтым шелком, желтым шелком...»	378	623
«В дали, благостно сверкающей...»	379	623
«Мох, да вереск, да граниты...»	379	623
«Я — упоен! мне ничего не надо...»	380	623
«Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна...»	380	623
«Голубое, голубое...»	381	623
«Воздух живительный, воздух смолистый...»	381	623

ПРАВДА ВЕЧНАЯ КУМИРОВ

К Деметре	383	623
Адам и Ева	384	623
Орфей и Эвридика	385	623
Медея	387	623
Бальдеру Локн	388	624
Тезей Арпадне	389	625
Ахиллес у алтаря	390	625
Клеопатра	391	625
Антоний	392	625
Патмос	393	626
Орфей и аргонавты	394	626

ИЗ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ

В полдень	396	626
Портрет	397	627
Жрице Луны («По твоей улыбке сонной...»)	398	627
Жрице Луны («Владыка слов небесных, Тот...»)	398	627
Кубок	399	627
Молния	400	627
В застенке	400	627
Видение крыльев	401	627
В трюме	402	627
Последний пир	403	628
В склепе	404	628
Два голоса	404	628
Из ада изведенные	406	628
Маргерит	406	628

МГНОВЕНИЯ

«Костра расторгнутая сила...»	408	628
«Серафимов вереницы...»	408	628
«Когда мы бывали...»	409	628
«Дай устам моим прикинуть...»	409	628
Из песен Мальдуна	410	628
Прощание	411	629

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Встреча	412	629
На улице	413	629
В публичном доме	413	629

В ресторане	414	629
Каменщик («Камни, полдень, пыль и молот...»)	415	629
В игорном доме	416	629
В вагоне	417	629
Крысолов	417	629
После пира	418	629
Гребцы триремы	419	629
К олимпийцам	420	630

СОВРЕМЕННОСТЬ

Книжал	422	630
К Тихому океану	423	631
Война	423	631
На новый 1905 год	424	631
К согражданам	425	631
Цуспма	426	632
Юлий Цезарь	427	632
Одному из братьев	428	632
Знакомая песнь	428	633
Цепи	429	633
Паломникам свободы	430	633
Уличный митинг	430	634
Лик Медузы	431	634
Довольным	432	634
Грядущие гунны	433	634
К счастливым	434	635
Фонарики	435	636

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Слава толпе	437	636
Духи огня	439	636
В сквере	441	636
Конь блед	442	636

ВСЕ НАПЕВЫ

Поэту	447	638
Близкой	448	638

Элегии и буколички

Одиночество	449	638
-----------------------	-----	-----

ВЕЧЕРОВЫЕ ПЕСНИ

Сумерки	450	639
Февраль	450	639
У гроба дня	451	639
Вечер среди снегов	452	639
Быть без людей	452	639

НА ГРАНИТАХ

К Швеции	453	639
На Мэларе	454	639
Стокгольм	454	639
На гранитах	455	639
В море	455	639
Угрюмый час	456	639
На Готланде	456	639
Висби	457	640
Прибой	458	640
Эхо	458	640
В шхерах	458	640

В ПОЛЕ

Век за веком	460	640
Весенний дождь	461	640
Август	461	640
В лугах	462	640
Осеннее прощание эльфа	463	640
«Закат спокойный и огнистый...»	464	640
Радуга	464	640

МГНОВЕНИЯ

Час воспоминаний	466	641
Который раз	467	641
Грустный вечер	467	641
Сны	468	641
Усталость	469	641
Ангел благого молчания	469	641
Ликорн	470	641

ЭРОТИКА

Отречение	472	641
---------------------	-----	-----

“ΕΡΩΣ ΉΑΝΙΚΑΤΕ ΜΑΧΑΝ

Встреча	474	642
Неизбежность	475	642
Ее колени...	475	642
Лишь одного!	476	642
К Пасифае	476	642
Ночные цветы	477	642
Призрак неизбежный	477	643
В потоке	478	643
Благословение	479	643
Потомок	479	643

МЕРТВАЯ ЛЮБОВЬ

Ранняя осень	481	643
Снова	482	643
Холод	482	643
В полночь	483	643

Умирающий костер	484	643
Из тихих бездн	484	643

ОБРЕЧЕННЫЙ

Голос	486	643
Ответ	487	643
Осенью	487	643
Себастьян	488	644
Видение	489	644
Бой	489	644
Лунный дьявол	490	644
La belle dame sans merci	491	644

СОНАТЫ

Обряд почи	492	644
Возвращение	494	644

В эпическом роде

Жизнь	497	644
-----------------	-----	-----

НАДПИСИ К ГРАВИОРАМ

За утесом	498	645
Освобождение	499	645
Встреча	499	645
Монах	500	645
«Noli me tangere, Maria»	501	645

ВИДЕНИЯ

Повольник	502	645
Русалка	502	645
Самоубийца	503	645
Голос мертвого	504	645
Побег пастуха	505	645
Стихи на изразцах	505	645
Жалоба героя	506	646
Триумфатор	507	646

ЖЕНЩИНЫ

Заклинание	508	646
Ожидание	509	646
Весенняя песня девушек	510	646
Уголек	511	646
Наша тень	511	646
В том же парке	512	646

В ГОРОДЕ

Голос города	513	647
Городу	514	647

Бал	515	647
Уличная	516	647
Вечерний прилив	516	647

Оды и послания

Хвала Человеку	518	647
--------------------------	-----	-----

ПРАВДА ВЕЧНАЯ КУМИРОВ

Оры	520	647
Гесперидовы сады	521	647
Дедал и Икар	522	648
Одиссей	524	648
Энсей	525	648

ПРИВЕТСТВИЯ

К Медному всаднику	527	648
Карл XII	528	649
К собору Кемпера	528	649
Опять в Венеции	529	649
На форуме	530	649
Над океаном		
Отлив	531	650
Прилив	531	650

СОВРЕМЕННОСТЬ

Служителю муз	533	650
Флореаль 3 года	534	650
Дух Земли	535	650
Наш демон	536	650
Кому-то	537	650

ПОСЛАНИЯ

М. А. Врубелю	538	651
З. Н. Гиппиус	539	651
Андрею Белому	540	652
М. А. Кузмину	541	653
Равному	541	653
Воссоздателю	542	653
Встречной	542	653
Е. Т.	543	653
Начинающему	544	653

Исполненное обещание	545	653
--------------------------------	-----	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оправдание земного	555	653
Сеятель	556	653
Звезда	556	654
Фазтон	557	654
Примечания	561	
Список иллюстраций	654	

Брюсов В.

- Б 89 Собрание сочинений в семи томах. Под общ. ред. П. Г. Антокольского и др. Т. I. Стихотворения. Поэмы. 1892—1909. Вст. статья П. Г. Антокольского. Подготовка текстов Н. С. Ашукина и др. Примеч. Н. С. Ашукина и др. Оформл. худ. Е. А. Ганнушкина. М., «Худож. лит.», 1973

672 с.

В том вошло семь поэтических сборников: «Juvenilia», «Chefs d'œuvre», «Me cum esse», «Tertia Vigilia», «Urbi et Orbi», «Stephanos», «Все напевы». Том открывается литературным портретом Брюсова, написанным поэтом П. Г. Антокольским.

7-4-2

Р 2

Подп. изд.

**Валерий Яковлевич
Брюсов**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т о м 1

Редактор

Е. Малинина

Художественный редактор

С. Данилов

Технический редактор

В. Кулагина

Корректоры

Р. Пунга и А. Юрьева

Сдано в набор 2/II 1973 г. Подписано к печати 26/IV 1973 г. Бумага тип. № 1. Формат $84 \times 108^{1/32}$. 21 печ. л. 35,28 усл. печ. л. 30,086 + 1 вкл. + 3 пак. = 30,414 уч.-изд. л. Тираж 100 000. Заказ № 131.

Цена 1 р. 35 к.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

